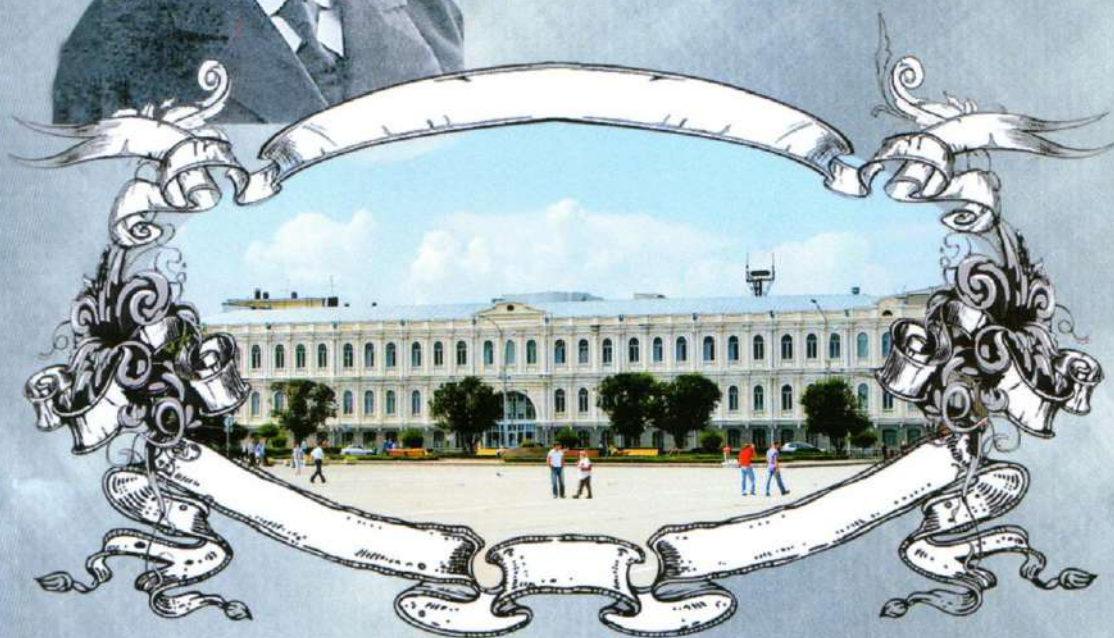

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ИМ. Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г. Н. ПРАВЕ

СЕДЬМЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
22-23 НОЯБРЯ 2012 г.

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный
историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве*

**СЕДЬМЫЕ
ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

материалы межрегиональной
научно-практической конференции
22–23 ноября 2012 г.

К 200-летию Иосифа Викентьевича
Бентковского,
150-летию Георгия Константиновича Праве

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

ББК

Научное издание

Печатается по решению ученого совета Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе

Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции.

Выпуск 7 (научное издание). Ставрополь: 2012.

Ответственный редактор – **Н. А. Охонько**

Научный редактор – **Е. В. Карагодин**

Литературный редактор – **Л. Н. Котовская**

Редактор-составитель – **В. Г. Исаичева**

Компьютерный набор – **Н. Д. Симонова**

В сборнике отражены материалы по изучению исторического и природного наследия региона, музейных коллекций, музееведения и музейной педагогики.

НАЙТИ ▲ СОХРАНИТЬ

© Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, 2012 г.

© Авторы, 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

- Астанина А.В. [К истории православных религиозных общественных организаций Северного Кавказа: Ставропольское Андреевско-Владимирское братство \(конец XIX в.\)](#)
- Бочарова Т.И. [Купеческий род Меланьиных в судьбе И. Д. Сургучева](#)
- Гордиенко А.Б. [Опыт изучения традиционной казачьей культуры в ходе реализации проекта «Ставрополье, век XX»](#)
- Гуренко Е.Н. [Неблагодарный труд. История опеки А.Ф. Реброва над именем Маслов Кут](#)
- Денисенко М.Ю. [Рекламное дело в Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв. \(по материалам Ставропольского государственного музея-заповедника\)](#)
- Карагодин Е.В. [Образовательная политика и просветительство как инструмент интеграции северокавказских элит в общероссийское культурное пространство во второй половине XIX века](#)
- Карташев А.В.,
Фирсов Р.А. [Флавиан Комиссаров: у истоков авиации на Ставрополье](#)
- Кожемяко Т.Н.,
Борисенко С.Н. [Отношения власти и рабочего класса на Северном Кавказе в 30-е годы XX века](#)
- Коркмазова З.А. [Этнокультурные ценности как фактор этносоциальной стабильности на Северном Кавказе](#)
- Кравцова Т.Ю. [История библиотек на страницах краеведческого сборника «Ставропольский хронограф» \(к 160-летию СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова\)](#)
- Крашенинникова Н.П. [Традиционная казачья свадьба](#)
- Лысенко Л.А. [История семьи в истории страны \(к 140-летию Святого источника\)](#)
- Моздор М.А. [Юго-восточный русский церковный собор в контексте исторических событий](#)
- Назарова И.М. [Флориан Жиль и его «Письма о Кавказе»](#)
- Носачёва Е.С. [Проблема русско-грузинских отношений в трудах современных кавказоведов](#)

- Обухов Ю.Д.,
Карибов Г.Г.
Охонько Н.А.** [К административно-территориальному устройству Прикумского района Терского округа в 20-е гг. XX века](#)
- Пантюхин А.М.** [Новые данные к истории образования Азово-Моздокской линии](#)
- Петренко В.Б.
Савенко С.Н.** [Крестный путь Андреевского собора г. Ставрополя после проведения Юго-восточного русского церковного собора](#)
- Петренко В.Б.
Савенко С.Н.** [Народонаселение Ставрополя в XIX веке](#)
- Савенко С.Н.** [Сведения о некоторых малоизвестных участниках Отечественной войны и зарубежных походов 1812–1814 гг. на Кавминводах](#)
- Сергеева Д.С.** [Работы Г. И. Раева в фондах Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова](#)
- Стрекалова Е.Н.** [Новая социальная реальность и повседневность интеллигенции г. Ставрополя в начале советской эпохи](#)
- Стрелова А.В.** [Г.А. Емануель. Имя героя на карте Труновского района](#)
- Судавцов Н.Д.
Шишкин Е.Н.** [Военные и гражданские деятели поляки на Кавказе](#)
- Шишкин Е.Н.** [Положение Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в 1920-е – 1940-е годы](#)
- Юрченко Т.И.** [Пятигорские воспоминания в творчестве немецкого писателя Зигфрида фон Фегезака](#)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

- Акопова Н.А.** [Предметы духовной и материальной культуры армянского этноса в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника](#)
- Алюшина Е.В.** [Сказочные персонажи на новогодней елке \(из коллекции елочных украшений\)](#)
- Бендюк О.Б.,
Белов А. И.,
Довгалев А. А.** [Каталогизация археологических предметов и коллекций. Опыт создания базы данных и ведения электронного каталога на примере фонда ГУП «Наследие»](#)
- Волошенко Л.В.** [Художники Германии в России и российские немцы из собрания Ставропольского краевого музея изобразительных искусств](#)
- Гальфингер Н.А.** [К вопросу об итогах научной инвентаризации коллекции кавказских кинжалов в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника](#)

- Еремеева Н.Н.,
Макодзеба А.П.** [«Недаром помнит вся Россия...» \(материалы об Отечественной войне 1812 года в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника\)](#)
- Костюков Ю.В.** [Предметы из парадных дворцовых сервизов Императорского фарфорового завода в собрании Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко](#)
- Лапшова Н.В.** [Первые субботники в г. Пятигорске \(по материалам фондов Ставропольского государственного музея-заповедника\)](#)
- Нафталиева О.М.** [Наследие Г. П. Кускова \(по материалам Ставропольского государственного музея-заповедника\)](#)
- Семерчѐва В.А.** [Коллекция рубелей в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника](#)
- Хирьянова Н.Г.** [Изучение музейных коллекций и истории музейного дела \(на материалах Музея истории Изобильненского района\)](#)
- Фашмухова Е.Т.** [Что скрывают тайны прошлых эпох](#)

ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

- Андрющенко Т.Н.,
Драчева О.Н.** [Древнее поселение на реке Карягиной в трудах Г. Н. Прозрителева, Т. М. Минаевой и его современное состояние](#)
- Барабанова Е.Г.** [Аналитический обзор музейной коллекции золотоордынских монет XIV в., найденных на территории городища Маджар](#)
- Белоус В.Н.,
Шевченко Н.Е.,
Улановский С.В.** [Биоморфологические и экологические особенности лесных папоротников ставропольских высот](#)
- Березин Я.Б.,
Колесниченко К.Б.** [Хозяйственные ямы поселения Энергетик](#)
- Бурков С.Б.** [Приемы и методы поиска, фиксации и музеефикации археологических объектов и предметов эпохи раннего железного века с территории Чечни в исторической перспективе](#)
- Гончарова Л.П.** [Исторические, культурные и природные памятники г. Михайловска](#)
- Данилевич В.Г.** [Некоторые сведения о естественнонаучной коллекции](#)

- Ильичёва Н.В.** [Г.К. Пправе \(к 150-летию со дня рождения Г.К. Пправе\)](#)
[К истории Кавказского ополчения](#)
- Проконова Т.В.** [Коллекция жуков-жужелиц \(*Coleoptera, Carabidae*\)](#)
[В.Н. Лучника в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника](#)
- Прокопенко Ю.А.** [Об особенностях керамического комплекса склеповых захоронений кон. IV – I в. до н. э. Центрального Предкавказья](#)
- Швырёва А.К.** [О мясном потреблении и прижизненной эксплуатации домашних животных Татарского городища во второй половине I тыс. до н.э.](#)
- МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА**
- Брыкалова Д.** [Задачи музейной педагогики в работе со студенческой аудиторией](#)
- Дверник С.В.** [Ресурсы Ставропольского государственного музея-заповедника в военно-патриотическом воспитании школьников \(на примере реализации программы «Страницы истории Ставрополья» в системе дополнительного образования\)](#)
- Дёшина А.** [Использование новых медиа в социально-культурной деятельности музея](#)
- Коновалова С.В.** [Историческое и литературное краеведение Северного Кавказа. Исследовательская деятельность учащихся как способ выявления и поддержки талантливых детей](#)
- Руднев В.В.** [Экологическое образование: локальный аспект глобальной проблемы](#)
- Теплякова Н.А.** [Интерактивные мероприятия в культурной и образовательной деятельности музея](#)
- Чесняк М.Г.** [Значение интерпретации для обновления работы музея с посетителями \(к вопросу использования культурного и природного наследия региона\)](#)

[Список сокращений](#)

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Астанина А. В.,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский федеральный университет,

аспирант,

научный руководитель

Колесникова М. Е.,

заведующая кафедрой истории России СКФУ

К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СТАВРОПОЛЬСКОЕ АНДРЕЕВСКО-ВЛАДИМИРСКОЕ БРАТСТВО (КОНЕЦ XIX в.)

Особую страницу в истории православных религиозных общественных организаций Северного Кавказа представляет история Ставропольского Андреевско-Владимирского братства, которое являлось одним из самых деятельных религиозных обществ Ставропольской епархии. Андреевско-Владимирское братство было образовано в 1892 г. в результате слияния двух ранее существовавших религиозных обществ: Братства Св. апостола Андрея Первозванного (учрежд. в 1873 г.) и Братства св. равноапостольного кн. Владимира (учрежд. 1888 г.). Первое из них занималось преимущественно миссионерской деятельностью, второе было религиозным благотворительным обществом.

В течение многих десятилетий Андреевско-Владимирское братство, следуя заветам своих первых учредителей – преосвященного Германа и Владимира по христианскому просвещению православной паствы Северного Кавказа, сохраняя лучшие традиции ранее учрежденных братств, занималось общественно-просветительской деятельностью. Председателем объединенного Братства стал преосвященный Евгений (Шерешилов), возглавлявший Ставропольскую епархию.

Состав объединенного общества был значительным и включал, согласно отчету за 1894 год, 650 человек. Из них почетных членов было 11, действительных – 258, членов сотрудников – 381 чел. В совет братства в 1894 году входили: председатель – преосвященный Епископ Агафодор (сменил владыку Евгения на Ставропольской кафедре); члены – Ф. М. Салмин, В. М. Кантерман, И. А. Манжос-Белый, Дм. Успенский, А. А. Вешницкий, Д. П. Саблин, И. П. Кувшинский. К. А. Росляков, П. К. Жданова,

Д. И. Извашиков, А. В. Алафузов; от Ставропольской городской думы – П. В. Розанов. К. В. Кутепов; миссионеры – архимандрит Исидор, Е. З. Капралов; казначей И. В. Александров; кандидат в казначеи В. П. Фиалкин; секретари – П.К. Ширинский, священник Г. М. Ключарев (1).

Деятельность Андреевско-Владимирского братства, согласно уставу, была направлена на оказание содействия епархиальной власти в «охранении, утверждении и распространении между обитателями Ставропольско-Екатеринодарской епархии основательного религиозно-нравственного направления, по духу св. Православной церкви». Согласно отчету Андреевско-Владимирского братства за 1894 год, за непродолжительный период деятельности нового общества видно, что оно работало по нескольким направлениям: религиозно-просветительная деятельность; миссионерская деятельность по отношению; благотворительная деятельность.

В рамках религиозно-просветительской деятельности Братство сосредоточило усилия на открытии и содержании школ при убежищах и дома беспомощных; организации и проведении религиозно-нравственных чтений и беседований в г. Ставрополе; организации читален при убежищах; издании листовок религиозно-нравственного и полемического содержания и их распространении; распространении через Братский книжный склад полезных книг, икон и картин правильного письма; безвозмездном доставлении для школ учебных руководств и пособий, пишущих принадлежностей; организации и пополнении библиотек церковных и церковно-приходских школ.

В 1892 г. по инициативе Владыки Ставропольской епархии Евгения, возглавлявшего Андреевско-Владимирское братство, были организованы и проведены первые воскресные народные чтения. На собственные средства владыка Евгений открыл центральный книжный склад, хотя и не приносившего прибыли, но по ценам издателя отпускавшего книги духовного характера и школьные принадлежности. Было открыто 50 новых священнических вакансий, для того, чтобы священники могли по очереди отправлять службу на хуторах в связи с отдаленностью населения от храма, где создавалась благоприятная почва для развития сектантства.

Немало было сделано Братством и в миссионерской деятельности, направлении, которое получило развитие во второй половине XIX в. и достигло значительных результатов. Главной здесь была «противораскольническая» и «протевосектантская» миссии. Были учреждены должности епархиальных миссионеров: противораскольническое направление возглавил священник Саратовской епархии о. Константин Попов, сам выходец из раскольников, хорошо знакомый с «заблуждениями старообрядчества»; а протевосектантской работой занимался миссионер М.А. Кальнев.

Осуществление миссионерской деятельности в столь обширной епархии было делом весьма затруднительным. Приходы были разбросаны по хуторам и поселкам, миссионеры не успевали за год объехать всю епархию, проводили всего 1–2 беседы в приходах. Для усиления миссионерской деятельности в епархии в 1893 г. на должность миссионера Св. Синодом был назначен кандидат академии Архимандрит Исидор.

Благотворительная деятельность Братства состояла в содержании дешевой и по возможности бесплатной столовой. Бесплатная столовая была основана 24 апреля 1888 г., первоначально помещалась в соборной колокольне, а с 9 мая 1890 г. в подвальном помещении дома, занимаемого Убежищем. В ней обеспечивали питанием нищи, бедных и всех вообще, по старости, болезненности и по стечению неблагоприятных обстоятельств, тем, кто оказался без средств к существованию. Братство содержало дом для нищих и беспомощных, где была предоставлена медицинская помощь, одежда, пища всем нуждающимся. В миссионерской деятельности Братства было очень много затруднений. Организация Православной миссии требовала правильной постановки ведения дела, хорошо обученных проповедников, чего на тот момент, к сожалению, не хватало. Отчеты Братства свидетельствуют о том, что за период своего существования Братство оказывало материальную и нравственную поддержку лицам, обращающимся в Братство за помощью. Братство просуществовало двадцать лет, осуществляя миссионерскую и православно-религиозную деятельность. Его целями было «содействовать успехам христианства в Кавказской епархии, доставлять обитающим в ее пределах иноверцам средства к познанию православной христианской веры и принятию ее, предохранять православных лиц от совращения в секты, противодействуя их распространению.

Использованная литература и источники

1. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1894 г. – Ставрополь, Т.М. Тимофеева, 1895. С. 3-5.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Бочарова Т. И.,
г. Благодарный,
Благодарненский районный
историко-краеведческий музей
им. П. Ф. Грибцова,
директор

КУПЕЧЕСКИЙ РОД МЕЛАНЬИНЫХ В СУДЬБЕ И. Д. СУРГУЧЕВА

Бросая взгляд назад, в бездонные, как колодец вечности, глубины памяти, мы пытаемся напоить душу студеной водой мудрости найти ответы на вопросы, не дающие покоя. Откуда пошел род Меланьиных, сыгравший в судьбе И. Д. Сургучева едва ли не главную роль? Есть ли предрасположенность в судьбе? Что ведет человека по жизни – перст божий, судьба, обстоятельства, собственная воля? Безмерно глубокая, таинственная жизнь человеческая – целая Вселенная. Мы, каждый из нас, носим в себе, по большей части бессознательно, древнюю о ней память, пытаемся ее понять.

Время, войны, репрессии: многие документальные свидетельства уничтожены, и приходится восстанавливать по крупицам историю семьи Меланьиных.

В конце XVIII века Россия значительно продвинулась вглубь Кавказа, что способствовало активной колонизации этого региона. Уже в середине XIX столетия ряды жителей освоенных земель пополняли переселенцы – выходцы из российской глубинки, получая возможность поправить экономическое положение, основать свое дело. И. Д. Сургучев писал по этому поводу: «Именно они, эти купцы, выходцы из Калужской губернии, свили в предгорьях еще не замиренного Северного Кавказа теплое колонизаторское российское гнездо...».

В их числе были братья Меланьины – Иван и Василий. Женившись, они дали начало большому купеческому роду. Обосновались они в селе Благодарном, которое к 1900 году стало торговым и культурным центром уезда Ставропольской губернии. Жили, любили, страдали... Крепкое, дружное семейство стало одним из самых богатых и уважаемых в Благодарном. К началу XX века род Меланьиных, судя по метрикам, насчитывал около сорока душ. И это были уже не две семьи, а десять, но родовые традиции и общее дело объединяло их, как и прежде, в одну большую семью.

Родовая усадьба Меланьиных располагалась в центре села, на Почтовой улице. По архивным данным, построена она была в 1897 году основателями рода. Поэтому ядром усадьбы были два больших одноэтажных дома.

Сохранившиеся по сию пору строения продолжают восхищать изяществом, отменной красотой, очарованием старины. По праздникам и семейным торжествам вся большая семья собиралась в угловом (большем по размеру) доме за одним столом.

Сегодня нет сомнения в том, что купцы Меланьины внесли значительный вклад в процветание и развитие села. Благодарненское общество знало их не только как талантливых предпринимателей, но и как благотворителей. Свидетельства об их щедрых дарах дожили до сегодняшнего дня. Так, например, братья Меланьины были меценатами и почетными смотрителями Благодарненского городского четырехклассного училища.

Наибольшим почетом и уважением среди односельчан пользовался Григорий Иванович Меланьин. Ему принадлежала ссыпка – большие амбары для хранения пшеницы и последующей ее продажи. Семья его была небольшой: супруга Мария Васильевна, дочери Ольга и Татьяна, от рождения глухонемая. В январе 1900 года Ольгу выдали замуж за старшего сына ставропольского купца Дмитрия Васильевича Сургучева – Илью. В селе об этой свадьбе слагались легенды, которые помнят до сих пор, о чем свидетельствует и благодарненский фольклор: «Наготовили, как на Маланину свадьбу». Во время свадьбы столы были накрыты по всей ул. Почтовой, специально останавливали прохожих и угощали. Пели на свадьбе братья Репины – Федор, Иван и Ефрем – из местных, у них были очень красивые голоса. Как свидетельствуют выписки из метрической книги Казанского кафедрального собора города Ставрополя за 1902 (№ 116) и 1904 (№ 46) годы, в семье студента Санкт-Петербургского Императорского университета Ильи Дмитриевича Сургучева и законной жены его Ольги Григорьевны родились дочери – соответственно Клавдия и Вера. Зять, безусловно, добавил сначала знатности семье Меланьиных, став в 1910 году гласным Ставропольской городской думы и председателем железнодорожной комиссии, которая занималась строительством Армавир-Туапсинской железной дороги с веткой на Ставрополь и Благодарное, а потом и известности, когда слух о том, что Илья Сургучев знаменитый писатель, дошел до села.

Оставил свой след в памяти жителей Благодарного и родной брат Григория Ивановича Меланьина – Филипп Иванович. Он был купцом первой гильдии, членом земской управы уезда, членом попечительского совета Благодарненского городского четырехклассного училища, имел свой торговый дом. Вместе с братом вел широкую торговлю промышленными товарами, мануфактурой, имел скобяные лавки. Филиппа Ивановича отличали деловая хватка, способность ориентироваться в экономической и политической обстановке и принимать наиболее верное решение, что было главным для

предприимчивого купца. Семья его была большая – жена Анна Федоровна и семеро детей. При трагических и загадочных обстоятельствах Ф. И. Меланьин умер в 1916 году.

Наиболее известным из двоюродных братьев был Василий Васильевич Меланьин, родившийся в 1890 году. Крупный торговец-экономист, имел 1500 га собственной земли, которую сдавал в аренду крестьянам, почетный смотритель Благодарненского городского четырехклассного училища. (Из архивной справки ГУ «Государственный архив Ярославской области».)

В 1908 году образовался Благодарненский союз ссудо-сберегательных и кредитных товариществ. Согласно его уставу, он был создан с целью содействия установлению и развитию постоянных деловых отношений между товариществами Новогригорьевского (Благодарненского), Ставропольского, Александровского и Медвеженского уездов Ставропольской губернии. Среди первых, кто вступил в союз, были братья Меланьины. Вступление в союз давало им возможность проводить выгодные коммерческие операции. Особенно славился магазин братьев Меланьиных. В его отделах можно было приобрести шелк, ситец, сукно, конфеты, керосин, стекло. В целях рекламы купцы заказывали печатание рекламных афиш в типографии И. Г. Могильченко. Это было дорого, но очень выгодно. Со временем можно было даже позвонить в торговый дом Меланьиных и заказать товар.

В 1914 году стараниями группы учреждений и частных лиц во главе с Уездной земской управой в Благодарном появилась своя телефонная сеть. Центральная станция была рассчитана на 40 абонентов. Первые телефоны появились в Торговом Доме братьев Меланьиных, типографии И. Г. Могильченко, на мельнице А. Ф. Немова, в аптеке провизора Ф. В. Витмана и т. д.

В селе Благодарном, напротив усадьбы Меланьиных, размещалась уездная почтовая станция. Старинное двухэтажное здание, украшенное затейливыми пилястрами, легким фризом, ажурными окнами, балкончиком и резным крыльцом. Рядом со станцией размещался большой заезжий двор с гостиницей, принадлежавший, по воспоминаниям старожилов, братьям Меланьиным.

В жизни уезда станция играла тогда исключительную роль, связывала не только с губернским центром, но и с городами Святой крест, Георгиевск, Кавказскими Минеральными Водами, селом Александровским, способствовала расцвету торговли. Отсюда брал свое начало государственный почтовый тракт. Гремел колокол: сигнал отъезда. И мчались по пыльной степной дороге тройки, катили фаэтоны, громоздкие и неуклюжие дилижансы, простые брички. Везли пассажиров, казенную почту, грузы и товары, важные бумаги и срочные

депеша. Поэтому всегда было шумно илюдно в гостинице и на заезжем дворе. Благодарненцы приходили сюда отдохнуть, развлечься, узнать новости, послушать, о чем толкуют приезжие. А главное, посмотреть на разодетых господ, чопорных дам, важных чиновников.

Меланьины любили и развлечься. Посещали клуб Владимира Михайловича Варфоломеева, который славился закусками, колбасами и самое главное – балами. Всей семьей Меланьины дружно участвовали в рождественских маскарадах, которые проходили в Благодарном. Не были равнодушны купцы и к кулачным боям. Река Мокрая Буйвола, на которой стоит село, до революции была полноводной, зимой, в крепкие морозы, промерзала она на большую глубину, на льду и проводились кулачные бои между «тягунами» (жители западной части села) и «ниженцами» (кто жил на противоположном берегу реки).

Благодаря розыскной работе уточнен круг общения Меланьиных, восстановлен список их соседей. На улице Почтовой (ныне ул. Ленина) размещался квартал, где жила земская знать: усадьба Меланьина, Кащенкоых, Турчаниновых, Немовых, Белоусовых. Здания построены в своеобразном архитектурном стиле конца XIX – начала XX веков. Дружили, ходили в гости к Кухаревым, Медведевым, Репиным, взяв на гостинец детворе конфет, фруктов.

В 1911 г. в селе открылся первый киноиллюзион «Наука и жизнь» Игната Гавриловича Могильченко, который посещали Меланьины круглый год, а летом – с внуками Клавой и Верой Сургучевыми. Любили прогуляться в парке вокруг киноиллюзиона: пройтись по аллее свиданий, посидеть на скамье влюбленных и отдохнуть в беседке Анны. Молодое поколение Меланьиных устраивало пикники в саду Капсурова.

Из письма Татьяны Николаевны Ильинской – внучки И. Д. Сургучева – в Благодарненский музей: «Каждое лето Оленька (Ольга Григорьевна Сургучева, в девичестве Меланьина. – Т. Б.) вместе с дочками уезжала к своим родителям в село Благодарное. К дому Сургучевых в г. Ставрополе подавалась кибитка, обитая внутри бархатом. Туда грузили перины, съестные припасы и ехали с остановками на постоянных дворах, где однажды, услышав плач Верочки (младшей дочери – Т. Б.), Ольга побежала к ней по земляному полу, сильно простудилась, слегла и больше не встала». Умерла Ольга Григорьевна в марте 1907 г., было ей 25 лет. Последний свой приют она нашла на Успенском кладбище г. Ставрополя, что подтверждает выписка из метрической книги Казанского кафедрального собора города Ставрополя за 1907 год № 13. Но и после смерти матери девочки каждое лето приезжали в село Благодарное, где их ждали, баловали и любили.

В благодарненском музее хранятся подлинные фотодокументы, связанные с историей семьи Меланьиных. Прежде всего, следует назвать фотографии Благодарненской земской управы, семьи Ф. И. Меланьина... И всегда рядом три брата Меланьиных. В ходе изучения и сравнения фотографий семьи Сургучевых выяснилось, что в благодарненском музее, в фонде Меланьиных, хранится подлинный снимок Ольги и Ильи Сургучева, присланный в село Благодарное из Санкт-Петербурга в 1903 году.

В 1920–1930 годах семья Меланьиных подвергалась репрессиям и конфискациям. Из протокола заседания Благодарненского уездревкома от 11 марта 1920 года: «Уездный военный комиссар тов. Щербак докладывает, что им были произведены обыски у граждан города Благодарного Алексея Шилова, Александра Зорина и Гавриила Меланьина, при чем найдено: у Шилова 2 лампы «молния» в 30 линий, два стекла ламповых в 25 линий, бумазеи аршин, сарпинки 5 аршин и две дюжины венских стульев; у Зорина сукна кавказского 21 аршин, сатина черного 22 аршина, бязи 10 аршин, трико в нескольких кусках 15 аршин, кожевеного товара (стелек) 4 пары, 2 козла, заготовки и доклад к ним, клочок бокса, бурка новая, 6 фунтов ваты ленник и подушка к седлу; ухналей 30 фунтов, листового табака и все это сдано названными гражданами на хранение под расписки.

Постановлено: 1) найденные у Шилова 2 лампы и 2 стекла ламповых взять на учет и принять в свое ведение Совету народного хозяйства, а все остальное оставить у Шилова в его пользование; 2) из числа найденного у Зорина взять на учет и принять в свое ведение: продотделу – 10 аршин бязи и 14 аршин кавказского сукна, Совету народного хозяйства – 30 фунтов и 1 пуд железа полушинкового тонкого, а остальное оставить у Зорина в его пользование; 3) найденный у Меланьина 1 пуд 10 фунтов табака продотделу взять на учет и принять в свое ведение».

Василий Васильевич Меланьин в 1927 году решением Благодарненского райисполкома Благодарненского района был лишен избирательных прав как крупный торговец-экономист.

Изучение подобных документов советской эпохи истории нашей страны, как правило, вызывает сегодня негативную реакцию. Но именно в них, как оказалось, суждено было найти ответ на самый, пожалуй, главный вопрос: «Почему избранницей Ильи Сургучева, проживавшего в Ставрополе, стала Ольга Меланьина, родившаяся и жившая до замужества в Благодарном?»

Ответ этот пришел неожиданно. По Декрету ВЦИК от 2 июня 1924 года, на основании которого был образован Благодарненский район, в его состав в 1925 г. входили сельсоветы и населенные пункты, в числе которых за Благодарненским сельсоветом значился хутор Маланино, принадлежавший до

революции Меланьиным. Хутор, как следует из документов и воспоминаний старожилов, был богатым: паслись стада крупного рогатого скота, отары овец.

Наш запрос в Государственный архив Калужской области позволил установить, что в Калужской губернии до революции был населенный пункт – деревня с названием Маланьино, Кривской волости Боровского уезда. Напомним, что, согласно уточняющей архивной справке ГУ «Государственный архив Калужской области», а также документам, хранящимся в Государственном архиве Ставропольского края, Дмитрий Васильевич Сургучев (отец писателя) родился в сельце Иштутино Калужской губернии Тарусского уезда Кареевской волости. Оказывается, и эта гипотеза вполне уместна, что Меланьины, как и Сургучевы, были выходцами из Калужской губернии. Именно это обстоятельство стало одним из фактов сближения семей через бракосочетание, соответственно, дочери и сына – Ольги Меланьиной и Ильи Сургучева.

И это хорошее основание для дальнейших поисков и исследований, открывающих все новые и новые страницы истории села Благодарного и, надеемся, новые страницы в биографии И. Д. Сургучева.

Гордиенко А. Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующий отделом этнографии,
кандидат исторических наук

**ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОЕКТА «СТАВРОПОЛЬЕ, ВЕК XX»**

Интерес к повседневности, фольклору и обычаям терских и кубанских казаков у местной музейной общественности всегда был весьма высок. Волею исторических судеб, наш регион оказался наследником двух казачьих традиций. Он включил в себя часть бывших земель Кубанской и Терской областей, с имеющимися на их территории станицами. А еще раньше степное Предкавказье было местом дислокации Кавказского Линейного казачьего войска.

Исследование традиционной казачьей культуры привлекало уже одного из основателей нашего музея – Григория Николаевича Прозрителева. Им было запланировано этнографическое изучение казачьих станиц на территории Ставрополья (в 1920-е гг.). Однако сложности политической и экономической обстановки того времени не позволили реализовать намеченные планы. Впоследствии дореволюционная история казачества находилась под негласным запретом и музейные исследователи этой темой не занимались.

В 1989–1990 гг., в силу изменившейся ситуации, музей вновь обратился к данной проблематике и провел первые историко-этнографические экспедиции в кубанской станице Расшеватской и в терской станице Галюгаевской.

Экономический и социальный кризис 1990-х гг., отсутствие финансирования, не позволили музею продолжить начатые работы. Они были возобновлены лишь в 2002 г., в рамках экспедиционного проекта «Ставрополье, век XX».

Первой из станиц, исследованных сотрудниками музея, стала Курская (август 2002 г.) (1). Она возникла в 1777 г. как казенное поселение Курское, основанное крестьянами-переселенцами из Курской губернии. В 1829 г., в соответствии с указом Николая I, селение стало станицей Горского казачьего полка.

Впоследствии менялось военное подчинение поселения. С 1830-х гг. до середины XIX века оно относилось к Кавказскому Линейному казачьему войску, с 1865 г. – к Терскому казачьему войску (1, с.5).

Следующая экспедиция состоялась в апреле–мае 2003 г. в станицу Темнолесскую Шпаковского района края (2). Станица также имеет славную историю, являясь одним из казачьих поселений Кубанской пограничной линии. Возникла Темнолесская в 1794 г., по инициативе командующего Кубанским корпусом графа Гудовича, наряду со станицами Усть-Лабинской, Кавказской, Григорополисской, Прочноокопской, Воровсколесской. В 1796 г. рассматриваемое поселение вошло в состав Кубанского конного линейного полка, в 1833 г. – нового Ставропольского казачьего полка, в 1870 г. – в Хоперский полк и впоследствии было включено в Баталпашинский отдел Кубанской области (2, с. 9–11).

В мае 2004 г. состоялась этнографическая экспедиция музея в станицу Беломечетскую Кочубеевского района (3). Основание данного поселения связано с новым этапом укрепления Кубанской Линии. Оно было образовано в 1825 г. по инициативе генерала А. П. Ермолова.

Присоединение новых территорий и перенос границы далее на Кавказ весьма остро поставили вопрос о ее защите и обустройстве. Данную задачу Ермолов попытался решить с помощью переселения хоперских казаков из более старых станиц Азово-Моздокской и Кубанской линий на новые рубежи. Так, на Беломечетский пост планировалось переселить 1015 казаков из станицы Донской и 895 казаков из станицы Московской.

Летом 1825 г. началось межевание земель для нового селения. В 1829 г. здесь стали обосновываться семьи хоперцев. В 1861 г. станица вошла в состав Кубанского казачьего войска и через десятилетие была отнесена к его Баталпашинскому отделу (3, с. 6–8).

В 2005 г. объектом исследовательской работы сотрудников музея стала станица Суворовская Предгорного района Ставропольского края (4). Данное поселение было основано, как и станица Беломечетская, в 1825 г., по инициативе главноначальствующего на Кавказе генерала Ермолова. Изначально селение называлось Карантинным, ибо не только было одним из укреплений южнороссийского пограничья, но и служило санитарным пропускным пунктом. Первыми его жителями стали хоперские казаки, ранее несшие службу в станице Ставропольской.

В 1830-х гг. рассматриваемое селение получило новое название. Вместо Карантинной станица стала называться Суворовской. По одной из версий, переименование было осуществлено в 1830 г. и приурочивалось к 30-летней годовщине смерти Суворова. По другой, – в 1835-м. Считается, что именно тогда, прислушиваясь к мнению старожилы станицы, Командующий Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Розен отправил военному министру графу Чернышеву рапорт с просьбой о переименовании.

Мотивировалась она тем, что недалеко от селения расположен холм, именуемый местными жителями Суворовским курганом, ибо здесь полководец останавливался лагерем.

Начиная с 1860-х гг. станица вошла в состав Кубанской области, а ее население стало полноправной частью кубанского казачества (4, с. 7–9).

В 2006 г., в ходе реализации проекта, музейная экспедиция отправилась в станицу Боргустанскую Предгорного района (5). Поселение было основано в 1825 г. по приказу генерала А. П. Ермолова, наряду со станицами Ессентукской, Кисловодской, Горячеводской. Первыми его жителями стали волжские и донские казаки, выбравшие для освоения территорию в 18 км от Кисловодской крепости, между реками Подкумок и Эшкакон.

В 1847 г. селение было перенесено на новое место. Теперь оно стало располагаться на левом берегу реки Большая Бугунта, в 30 км к западу от станицы Ессентукской. Эти территории, тянувшиеся вверх по долине Подкумка и за Боргустанский хребет, издавна принадлежали станичному обществу и использовались как сельскохозяйственные угодья. Причины переселения: отдаленность пахотных земель от прежнего места расположения станицы, бездорожье. Значительную роль сыграли здесь и стратегические соображения командования Кавказской армии. Впоследствии Боргустанская была отнесена к Пятигорскому отделу Терской области (5, с. 17–21).

Станица Курская, посещенная в числе первых, изучалась в ходе общей историко-этнографической экспедиции в Курский и Степновский районы края. Эта экспедиция во многом носила ознакомительный характер. Вопросы, задаваемые местным респондентам, в большей степени касались современного социально-экономического состояния поселения, нынешней этнической картины в районе.

Однако со временем, в ходе экспедиционной работы, постепенно выработалась методика исследования повседневной жизни станиц Терека и Кубани. Важной ее стороной стало интервьюирование местных старожилов, людей, интересующихся историей своей станицы, жителей, владеющих ремесленными навыками. При этом сложился определенный круг вопросов, задаваемых респондентам. Все они направлены на выявление черт традиционной казачьей культуры, сохранившихся в современном быту.

Исследователей интересовала материальная, социальная и духовная сторона повседневной жизни станичников. Респондентам задавались вопросы об их этнической самоидентификации, религиозных воззрениях, сохранившихся обрядовых традициях, казачьем фольклоре, семейных преданиях, народных праздниках, отношении к труду и досуговых практиках. Вместе с тем, исследовались и материальные условия существования казаков –

принципы застройки станиц и эволюция типа жилища, имеющиеся в селении ремесла и промыслы, размещение построек на усадебных участках, распространенные в прошлом и ныне сельскохозяйственные занятия, народная кухня.

В ходе исследований было выявлено, что некоторые элементы традиционной материальной культуры станичников оказались весьма устойчивыми и пережили масштабные социально-экономические трансформации XX столетия.

Наглядным подтверждением этой мысли служат результаты интервьюирования жителей станицы Темнолесской, осмотра ее усадеб и улиц. Этот осмотр доказывает, что общие принципы застройки и планировки станичных подворий не менялись с момента основания селения, вплоть до последних десятилетий. Например, сохранилось традиционное деление казачьей усадьбы на «чистый» и хозяйственный двор. На первом располагался дом, погреб, колодец, летняя кухня, частично – хозяйственные постройки, на втором – загоны для домашнего скота и птичники, сарай, туалет. Жилые помещения находились в центре двора и обращались к улице торцевой стороной. А в углу усадьбы, глухой стеной к улице, возводилась прямоугольная постройка, зачастую используемая как летняя кухня. Двор огораживался «каменкой» – невысоким забором из необработанного камня (2, с. 42–46).

Кроме того, прослеживаются определенные закономерности и в постройке жилищ. Станица возникла у истоков реки Егорлык, неподалеку от горы Стрижамент, склоны которой густо поросли лесом. Поэтому древесина всегда являлась важным строительным материалом для местных жителей. Это отличало Темнолесскую от многих других кубанских станиц, расположенных в степной местности. Наиболее старые дома в селении складывались из тесаных плах, связанных на углах в лапу с остатком. Стены с обеих сторон обрешечивались и обмазывались глиной (2, с. 47–48).

Другим типом традиционного жилища в станице являлся турлучный дом, с плетеным деревянным каркасом, покрытым раствором на глиняной основе. В качестве основного материала для каркаса зачастую использовался орешник (из-за своей гибкости) (2, с. 46–47).

Начиная с 1960-х гг. в станице становится все больше домов из камня и кирпича. Однако старые здания и старые строительные технологии по-прежнему здесь функциональны.

В станице Беломечетской так же сохранилось множество строений XIX – начала XX вв. Например, бывшее здание общественной ссыпки («гамазеи») по ул. Ударной, здание водяной мельницы 1910 г., постройки по ул. Садовой, дом на берегу Кубани, в котором жил до революции местный мельник А. И. Попов

(3, с. 18–21). До середины 1970-х гг., несмотря на газификацию станицы, на подворьях повсеместно имелись помещения для хранения топлива – навесы-дровники, сараи-углярки (3, с. 23).

При этом, даже в начале XXI века, прослеживается традиционная планировка поселения, его деление на территориальные зоны, особым образом обозначаемые местными жителями. Например, исторический центр Беломечетской они называют «станцией», часть поселения у гладкого места в русле реки называют «гладенькой», район к западу от ул. Садовой, где высокий обрывистый берег Кубани значительно понижается, «низками». На южной и северной окраинах селения издавна находятся выгоны для скота (3, с. 13).

Еще один из сохранившихся элементов традиционной хозяйственной структуры станицы – система водоснабжения. Хотя историческое ядро селения возникло неподалеку от правобережья Кубани, на первых этапах существования станицы поход за водой к реке, за пределы станичных укреплений, мог оказаться опасным из-за набегов. Поэтому по всему селению начали копать колодцы и использовать воду оттуда для бытовых нужд. Сейчас в Беломечетской сохранилось 11 колодцев. Воду оттуда используют для полива огородов и поения скота (3, с. 21–22).

Кроме того, в большинстве исследованных станиц вплоть до 1970–1980-х гг. сохранялись наиболее востребованные кустарные промыслы. В Темнолесской это кузнечное и бондарное дело (2, с. 53, с. 56), в Беломечетской – жестяное дело (3), в Суворовской – изготовление шерстяных тканей (4, с. 96), в Боргустанской – плетение корзин (5, с. 31–35).

Если же говорить об общественной жизни, традициях и обычаях, характерных для терской и кубанской казачьей культуры, можно констатировать забвение и утрату большинства их элементов. Тем не менее, ряд других элементов сохранились или возрождаются. Например, в Темнолесской, Беломечетской и Суворовской до последнего времени действовали фольклорные ансамбли, формирующие свой репертуар на основе местной песенной традиции (2, с. 91–92; 3, с. 149–151; 4, с. 129–134). В Беломечетской в 1960–1970-е гг. еще сохранялся обычай коллективной взаимопомощи при производстве строительных работ (3, с. 40–41). В Суворовской и Боргустанской не угасли традиции конных соревнований с элементами джигитовки (4, с. 122; 5, с. 68–76). В Темнолесской прослеживаются элементы традиционного свадебного обряда. Однако тенденции к сохранению и воспроизводству данных традиций имеют неустойчивый и фрагментарный характер.

Таким образом, в ходе исследований выявлено, что большинство особенностей казачьего общественного уклада и самосознания было утрачено в

ходе Гражданской войны, рассказывания и масштабных социальных трансформаций советской эпохи. Отчасти это же можно сказать о народной обрядовой культуре и песенном фольклоре. Гораздо более устойчивыми оказались хозяйственно-бытовые практики и стратегии, которыми люди руководствуются в ходе повседневной совместной деятельности и проживания.

Использованная литература и источники

1. Плохотнюк В.С., Сачук С.С., Елагина Е.Н. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в Курском и Степновском районах Ставропольского края. Ставрополь, 2002. СГМЗ, н.в.ф. 8987.
2. Сачук С.С. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в ст. Темнолесской Шпаковского района Ставропольского края. Ставрополь, 2003. СГМЗ, о.ф. 33645.
3. Сачук С.С. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в ст. Беломечетской Кочубеевского района Ставропольского края. Ставрополь, 2004. СГМЗ, о.ф. 34621.
4. Лабур В.Н., Мозгова Т.В. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в ст. Суворовской Предгорного района Ставропольского края. Ставрополь, 2005. СГМЗ, о.ф. 35178.
5. Лабур В.Н., Мозгова Т.В. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в ст. Боргустанской Предгорного района Ставропольского края. Ставрополь, 2007. СГМЗ, о.ф. 37342.

Гуренко Е. Н.,
с. Левокумское,
Историко-краеведческий музей им. В. Р. Ясинова,
ведущий научный сотрудник

НЕБЛАГОДАРНЫЙ ТРУД.

ИСТОРИЯ ОПЕКИ А.Ф. РЕБРОВА НАД ИМЕНИЕМ МАСЛОВ КУТ

В жизни Алексея Федоровича Реброва, человека демократического склада и мецената, есть эпизод, бросивший тень на его безупречную репутацию. Речь идет об истории его опекунства над поместьем Маслов Кут (ныне с. Стародубское Буденновского района).

Чтобы разобраться в сути более чем полувекового масловокутского конфликта, нужно обратиться к истории возникновения села, к истории заселения Северного Кавказа.

В конце XVIII века Россия приняла ряд мер по укреплению своей северокавказской границы. Предполагалось создание новых поселений на Кавказской линии и в ее тылу. Этому способствовал указ Екатерины II, гласивший:

«По плодоносию земель, составляющих обширную степь, простирающуюся по линии Моздокской и их удобности, не токмо для хлебородия и скотоводства, но и для произведения разных произрастаний, тамошнему климату свойственных, мы всемилистивейше дозволяем раздавать те земли желающим под поселение, препоручая исполнение сего в единственное распоряжение нашего генерал-губернатора Новороссийского, Азовского, Астраханского и Саратовского князя Потемкина, с таковым наблюдением, дабы при переводе в тамошний край помещичьих крестьян поступать во всей точности, по силе Указа нашего, данного Сенату 20 октября 1782 г».¹

Но насколько легко было помещикам получить землю на Кавказе, настолько трудно и убыточно показалось им заселять ее собственными крепостными людьми. Переводить их из России значило обессилить уже устроенные хозяйства, кроме того, страшили случаи, когда одним набегом горцев в какой-нибудь час истреблялось то, что стоило долгого труда и немалых денежных затрат.² Поэтому главная роль в заселении кавказских земель отводилась государственным (казенным) крестьянам. (Они занимали

¹ Наш край (Документы, материалы, 1777-1917 гг.). «Указ Екатерины II о раздаче земель по Азово-Моздокской линии переселенцам из центральной России». Ставроп. кн. изд-во, 1977, стр. 37.

² С-р-ъ И. Из жизни малороссийских колонистов на Северном Кавказе // Киевская старина. - 1884. Т. IX. № 7 (июль), стр. 468.

промежуточное положение между крепостным и свободным населением и в отличие от помещичьих крестьян, считались лично свободными.)

Последовали указы Сената от 22 декабря 1782 г. и 24 июня 1784 г., где был определен порядок раздачи земель государственным крестьянам, в которых предполагалось их «раздавать желающим под поселение без различия рода и звания». Указом 18 декабря 1784 года это положение узаконивалось окончательно.¹

Число казенных селений с каждым годом увеличивалось: если к 1784 году их насчитывалось четырнадцать, то к концу 1790 года их число выросло до 41-го.²

Власти бдительно следили за тем, чтобы крестьяне исправно платили налоги и выполняли всякого рода повинности, а вот на действительную принадлежность крестьян к казенному ведомству смотрели сквозь пальцы. Из-за катастрофически высокой смертности поселенцев вследствие инфекционных болезней, голода и постоянных нападений горцев нехватка людских ресурсов ощущалась повсеместно. Поэтому нередко на местах к казенному ведомству причисляли и беглых крепостных, списки их вносились в окладные книги для записи платежей податей по соответствующему уезду.

Таковыми вот вольнолюбцами и было основано в 1774 г. село Маслов Кут (Привольное)³. По злому стечению обстоятельств, несмотря на то, что «количество свободных земель оставалось все еще огромным»⁴, именно эти земли в 1785 г. были подарены Екатериной II Г. А. Потемкину.⁵

По причине государственной занятости светлейший не только не побывал на дарованных ему землях, но даже не проявил интереса, что сии земли собой представляют.⁶ О них позаботился дядя Григория Александровича (у А. В. Потто – двоюродный брат светлейшего князя Таврического) – генерал-поручик Кавказский генерал-губернатор граф Павел Сергеевич Потемкин. Он приказал провести обмежевание земель князя, о чем и записано в журнале: «Обмежеванных по обе стороны реки Кумы от всех смежных селений одною окружною межою, 33.192 десятины, собственно же удобной земли 30.102 десятины⁷; внутри окружной межи состояло село Привольное, во владении

¹ С. А. Чекменёв. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967, стр. 45.

² Там же, стр. 48.

³ В.А. Романовский. Материалы по изучению Ставропольского края. «У истоков крестьянской воли. Из истории ставропольского села Стародубского». Москва, Воскресенье, 2003, стр.67.

⁴ С. А. Чекменёв. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967, стр. 51.

⁵ У истоков крестьянской воли. Из истории ставропольского села Стародубского. В.А. Романовский. Материалы по изучению Ставропольского края. Москва, Воскресенье, 2003, стр.67.

⁶ А.В. Коротин. Маслов Кут. Ставропольское книжное издательство, 1991, стр.9.

⁷ 33,192 десятин=36,26 га, 30,102 десятин=32,88 га.

генерал-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина, в нем подданных мужского пола 394, женского 284 души». Но так как о них ничего не говорилось в официальных документах, то они на основании указа от 13 января 1789 г. были приписаны к казенному ведомству.¹

В 1791 г. Потемкин умер, и масловокутские земли достались его племяннику генералу Николаю Петровичу Высоцкому, который продал их в 1794 году² камердинеру Екатерины II Захару Константиновичу Зотову. Это был поистине черный день для масловокутских жителей.

Пользуясь своим положением, Зотов попросил государыню подарить ему и крестьян, сидящих на маслокутских землях и считающихся государственными. («Захарушка», как ласково называла его императрица Екатерина, умел извлекать из своей службы все сопряженные с нею выгоды, в том числе и материальные.)³

Результатом его просьбы стал императорский указ от 30 сентября 1795 года правительствующему Сенату и генерал-губернатору Рязанскому, Тамбовскому и Кавказскому Гудовичу, где было сказано: «Всемилоостивейше повелеваем: как означенную землю, так и поселившихся там жителей казенного ведомства и польских выходцев оставить во владении помянутого камер-фурьера, камердинера нашего Зотова».⁴

С этого времени и вплоть до отмены крепостного права несколько поколений жителей села Маслов Кут будут бороться за возвращение статуса государственных крестьян. (Как могли они примириться с новым положением, если все соседние села оставались казенными, а им судьба уготовала крепостное бремя?)

После смерти Екатерины, последовавшей через год, маслокутцы через Ставропольскую почтовую контору послали прошение новому царю, Павлу I. Ответ монарха был опубликован в официальном разделе газеты «Московские новости» 27 ноября 1798 года: «...села Маслов Кут крестьянам, утруждавшим государя просьбою о переводе их в другие казенные селения, по высочайшему повелению отказывается, поелику указом 1795 года утверждены они во владении Зотова».⁵

Однако крестьяне не успокаивались, конфликт их с зотовским управляющим принял затяжной характер, и потребовалось вмешательство

¹ С. А. Чекменёв. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967, стр. 332.

² Г.Н. Прозрителев. Дело крестьян селения Маслов-Кут Ставропольской губернии 1853 года. «У истоков крестьянской воли. Из истории ставропольского села Стародубского». Москва, Воскресенье, 2003, стр. 13.

³ А. Иванов. Дом фельдмаршала М.И. Кутузова. Журнал "Адреса Петербурга", №32/2008.

⁴ В.А. Романовский. Материалы по изучению Ставропольского края. «У истоков крестьянской воли. Из истории ставропольского села Стародубского». Москва, Воскресенье, 2003, стр. 67.

⁵ А.В. Коротин. Маслов Кут. Ставропольское книжное издательство, 1991, стр. 43.

армейского подразделения, чтобы усмирить «бунтующих мужиков». Репрессивные жесткие меры возымели действие, и до поры до времени маслокутцы притихли.

Новый виток напряжения начался после смерти Захара Зотова. В 1825 году его наследники продают имение господину Калантарову, названному кизлярским дворянином. «Надо заметить, – пишет Георгий Прозрителев, – что помещик Калантаров был простой армянин и на владение крестьянами, как не дворянин, права не имел. Это обстоятельство послужило главным мотивом в длинном ряде волнений в Масловом Куте».¹

Так был покупатель имения дворянином, или не был? Сохранился «Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г.», составленный Ставропольским дворянским депутатским собранием по постановлению очередного губернского собрания, состоявшегося 16 декабря 1909 года. В нем, под номером 323, записаны братья Степан и Иван Калантаровы с многочисленными отпрысками. В графе «Год, месяц и число и № определения, которым признан в дворянстве» у Калантаровых несколько дат, и первая относится к 16 мая 1806 года. Таким образом, номинально Калантаровы могли считаться дворянами. Другое дело, что число и номер указа Сената, которым было утверждено определение Собрания, относятся ни много ни мало к 3 июля 1850 года. Что же касается Варлаама Калантарова, сына Степана Калантарова, который фактически стал первым хозяином поместья, так его вообще нет в списках.

Маслокутцы поспешили воспользоваться спорной ситуацией, чтобы вернуть свой прежний статус. Тем более что новый хозяин и его управляющие своей жестокостью и самодурством давали все новые и новые поводы к возмущению. Крестьяне стали подавать жалобы, за что каждый раз жестоко наказывались. В декабре 1829 года такая жалоба привлекла внимание главнокомандующего в Грузии Ивана Федоровича Паскевича (Эриванского), который приказал прекратить преследования крестьян за подачу жалоб и в своем отношении на имя министра внутренних дел высказал мнение о необходимости взять имение Маслов Кут в опеку, отстранив от управления помещика Калантарова.²

18 января 1833 г. по приказу генерала Алексея Александровича Вельяминова опекуном был назначен Алексей Федорович Ребров. Так

¹ Г.Н. Прозрителев. Дело крестьян селения Маслов-Кут Ставропольской губернии 1853 года. У истоков крестьянской воли. Из истории ставропольского села Стародубского. Москва, Воскресенье, 2003, стр.10.

² В.А. Романовский. Материалы по изучению Ставропольского края. «У истоков крестьянской воли. Из истории ставропольского села Стародубского». Москва, Воскресенье, 2003.

распорядилась судьба, что год 1833 вошел в историю Северного Кавказа как год невиданной засухи, тяжелые последствия которой бросили тень и на 1834 год. Можно представить, каких трудов стоило Алексею Федоровичу обеспечить своих и опекаемых крестьян хлебом, обеспечить их посевным материалом. (По сообщению областного предводителя дворянства Роставанова, из помещичьих имений Ставропольского и Пятигорского округов хлеба в 1834 году в продажу вовсе не поступало, и для продовольствия, и для засева полей вовсе будет недостаточно.)¹ И в это время (уже с мая 1833 года) начались жалобы крестьян на «изнурительное для них опекуновское управление», в частности, генералу Вельяминову, наиболее сочувственно относившемуся к маслокутцам.

Что же двигало крестьянами? (Неужели Алексей Федорович в одночасье стал тираном?) Исследуя историю масловокутского противостояния, можно видеть, как все эти десятилетия только одно стремление владело крестьянами: «Волю хотим, волю!»² Не нужен был им ни злой хозяин, ни добрый опекун.

Можно предположить, что воодушевленные своей маленькой победой, крестьяне решили – вот узнает начальство, узнает царь-батюшка, что опекун Ребров ничуть не лучше хозяина Калантарова, и освободят их от крепостной зависимости. В октябре 1837 года маслокутцы исхитрились подать прошение проезжавшему через Ставрополь Николаю I, которому жаловались на отягощение работами крестьян опекуном Ребровым.³

В этом же году брат В. Калантарова Герасим просит освободить имение от опеки, т. к. Варлаам Калантаров, действия которого повлекли за собой передачу с. Маслов Кут в опеку, умер. В 1838 году Командир Кавказского корпуса генерал Евгений Александрович Головин распорядился снять опеку, при этом «жалобы маслокутцев на опекуна Реброва были признаны неосновательными».⁴

Чего же добились крестьяне, оболгав достойного человека? Герасим Калантаров, новый хозяин поместья, стал обращаться с крестьянами много хуже своего брата, но словам маслокутцев больше никто не верил. Так, в 1842 г. крестьяне обратились с жалобой к руководству области на жестокое обращение с ними помещиков, но Начальник войск Кавказской линии генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе приказал лишь подтвердить жалобщикам, чтобы они «не вовлекались в такое домогательство, которого

¹ С. А. Чекменёв. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967, стр. 165.

² Наш край (Документы, материалы, 1777-1917 гг.). «Из заключения ставропольского губернатора о вооружённом подавлении восстания крестьян с. Маслов Кут». Ставроп. кн. изд-во, 1977, стр. 131.

³ В. А. Романовский. Материалы по изучению Ставропольского края. «У истоков крестьянской воли. Из истории ставропольского села Стародубского». Москва, Воскресенье, 2003.

⁴ Там же.

неосновательность и вредные последствия им вполне известны».¹ (Лишь восстание маслокутцев в 1853 году, повлекшее за собой многочисленные жертвы, вновь привлекло внимание областного начальства, и начавшееся следствие вскрыло факты крайне жестокого обращения с крестьянами.²)

Что же касается Калантаровых, они, добившись отмены опеки, начали затяжной судебный процесс против Реброва, требуя возратить им «неправильно выведенные в расход 191 руб. 28 коп.».³ Алексей Федорович, в свою очередь, предлагал «коснуться подробной проверки отчета за 1833 год»⁴, где один взгляд на цифры все расставил бы по своим местам, однако по каким-то причинам дело затянулось на пятнадцать лет.

Можно, вслед за Алексеем Федоровичем, предположить личную заинтересованность чиновников в этом деле, можно предположить мстительное желание Калантаровых досадить тому, кого областное начальство посчитало лучшим хозяином... Как бы то ни было, сам Ребров в письме сообщал, что «готов забыть все нанесенные ему оскорбления неправедными обвинениями»⁵.

Время всем воздало по заслугам. Последующие наследники и владельцы Маслова-Кута «оскудели», и уже после отмены крепостного права имение Калантаровых было выставлено на продажу за долги ставропольскому банку.⁶

¹С-р-ъ И. Из жизни малороссийских колонистов на Северном Кавказе // Киевская старина. - 1884. Т. IX. № 7 (июль), стр. 474.

²Наш край (Документы, материалы, 1777-1917 гг.). «Из следственного дела о причинах восстания маслокутских крестьян помещиков Калантаровых». Ставр. кн. изд-во, 1977, стр. 122.

³ А.Ю. Клычников, Ю.Ю. Клычников. Алексей Фёдорович Ребров: страницы биографии. Пятигорск, 2011, стр.18.

⁴Там же, стр. 22.

⁵Там же.

⁶С-р-ъ И. Из жизни малороссийских колонистов на Северном Кавказе // Киевская старина. - 1884. Т. IX. № 7 (июль), стр. 484.

Денисенко М. Ю.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом истории,
кандидат философских наук

**РЕКЛАМНОЕ ДЕЛО В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

Историческое знание о рекламе – это сведения о том, какими средствами создавался данный тип текстов на заре человеческой истории, какую эволюцию он переживал в различных культурных регионах.

Реклама (франц. *reclame*, лат. *reclamare* – выкрикивать) – разнообразные мероприятия, направленные на оповещение о чем-либо, например, о товарах, зрелищах, услугах. Это популяризация товаров с целью их продажи, создания спроса на них, ознакомления потребителя с качеством, особенностями и местом продажи, разъяснения способов их потребления (5, с. 527).

Одним из первых видов рекламы является устная реклама, которая существовала в древних цивилизациях. Для повседневного информирования большого количества людей, проживавших в городах, использовались услуги глашатаев. **Институт глашатаев** – одно из древнейших установлений государственной власти. Чаще всего глашатаи сообщали населению общезначимую информацию: о чествовании прославленных полководцев, о прибывающих в город послах, об очередной раздаче хлеба или грандиозном цирковом представлении. В этих объявлениях общезначимая информация тесно переплеталась с рекламой.

Истоки изобразительной рекламы связаны с освоением человечеством орнамента, рисунка, скульптуры. В Древней Греции существовала традиция фирменным знаком метить предметы гончарного и художественного производства. Использовались и знаки собственности: тавро выжигалось не только на домашних животных, но и на «одушевленных предметах» – рабах. Так происходило освоение знаковых средств, приемов будущей рекламы (1, с. 12–14).

Была распространена также и письменная реклама. Прямым предшественником современных листовок стал **летучий листок** – краткое рукописное извещение, которое вывешивалось преимущественно на почтах и постоянных дворах. Эпоха печатного слова начинается с изобретения типографского станка Иоганном Гуттенбергом. С этого момента тираж летучих

листовок мог быть увеличен до тысячи экземпляров. В рекламных печатных листовках удачно соединялись графическое изображение и текст.

Говоря о визуальных методах восприятия рекламы в раннем периоде формирования средств рекламной деятельности, следует отметить существенный вклад лубочного ремесла (народных картинок). **Лубок** впервые упоминается в начале XVII в., когда царские палаты обильно украшались этими потешными дощечками (1, с. 21).

В России рекламное дело развивается с X–XI вв., когда русские купцы стали использовать различные способы продвижения предлагаемых ими товаров. Наиболее распространенным был наем зазывалы, расхваливающего вдоль лавок и во весь голос расхваливающего товары и их продавцов. Коробейники, мастерство которых нашло отражение в народном фольклоре, были поистине непревзойденными представителями устной рекламы. В легкой веселой форме (потешки, частушки, прибаутки и др.) им удавалось быстро распродавать мелкие товары – ленты, кружева, гребни, косынки, леденцы, пряники, бублики и др.

Развитие рекламы в Ставропольской губернии приходится на XIX – начало XX вв. Коммерсанты, занимающиеся торговым предпринимательством, владельцы лавок, магазинов, складов понимали важность и необходимость рекламы. Реклама уже тогда считалась главным двигателем торговли. *«Реклама вошла в кровь и плоть торговли, сделалась необходимой, составной ее частью: без рекламы нет торговли, она является одним из главнейших факторов торговли и промышленности, лучшим и действительнейшим посредником между производителем и потребителем, гораздо более важным, чем, например, вояжер, который не может, подобно рекламе, быть сразу на тысяче местах»*, – гласила научная и учебная литература того времени (2, с. 3).

«Подумайте, в чем кроется успех всякого предприятия? Несомненно в умелом и добросовестном ведении дела. Но этого мало для успеха: нужно еще, чтобы публика знала о предприятии. В Европе, и, особенно в Америке, способы осведомления публики доведены почти до идеальных пределов... Ясно, что расходы эти окупаются с лихвой, иначе зачем стали бы производить эти расходы. Реклама должна стоять на первом плане. Реклама всегда окупается...» (рекламный проспект, конец XIX в.).

С помощью рекламы ставропольские купцы оповещали об открытии своих магазинов, набирали служащих, торговали, добивались предпринимательского успеха.

Однако для того чтобы рекламировать, недостаточно было ассигновать на это известный капитал. Реклама, как и любой коммерческий документ,

обладала своей особой техникой, которой в совершенстве должен был владеть тот предприниматель, который брался за составление рекламных объявлений.

Николаевский проспект – это первая наиболее значительная улица города, по которой проходил почтовый тракт в город Черкасск. Первоначально называлась Черкасской, затем Первой, потом Большой улицей. В дальнейшем переименована в Николаевский проспект. Именно на этой улице возникали первые купеческие дома, в которых размещались лавки, магазины.

Если взглянуть на фотографии XIX в., то можно увидеть, что фасады домов вдоль этой улицы пестрели рекламными плакатами и вывесками, которые служили своеобразными визитными карточками торговцев. Правила того времени диктовали условия, при которых можно было создать хорошую вывеску: удобное, бросающееся в глаза место, благотворно действующий на глаза шрифт без всяких украшений, большие читаемые буквы, скромные, в умеренном количестве рисунки, согласованность красок и величины вывески с окружающей обстановкой.

Если вывески называли визитной карточкой купца, то плакат – его вояжером. Плакат рассылался повсюду, как частным лицам, так и в торговые учреждения. В любом городе, городке, деревне, станице Ставрополья нельзя было не найти ни одного магазина, ни одной лавки, где бы на стенах, на дверях, в окнах не было бы вывешено рекламных плакатов. Никаких определенных правил в деле составления плакатов не применялось. Оформление в данном случае зависело не столько от индивидуальности предпринимателя, фирмы, сколько от художника, выполняющего заказ, хотя главное в плакате было не рисунки, а та мысль, которую художник воплощал в нем (2, с. 24).

Очень оригинальной была так называемая «уличная реклама». Предприниматели выдумывали все новые и новые способы, чтобы заманить к себе в лавку покупателей. Выглядело это примерно так. По тротуару шел человек. Вдруг он останавливался и начинал рисовать что-то на камнях. Вокруг него собирался кружок любопытных: что же он там рисует? А человек продолжал выписывать название фирмы, названия товаров, продающихся в этой фирме, их цены, адрес и прочее. Толпа становилась все больше и начинала загораживать проход. Такое скопление народа привлекало находящегося поблизости блюстителя общественного порядка, но прежде чем он пробирался сквозь живую стену, зачинщик беспорядка – рекламный агент исчезал в толпе. Люди медленно расходились, посмеиваясь и обсуждая происшедшее. Однако цель фирмы была достигнута: о ней заговорили.

Объявления являлись самой распространенной формой рекламы. Печатали их, как правило, в газетах, адресных книгах, календарях, путеводителях, торговых журналах. Избирая газету, купец ориентировался на

то, среди каких кругов, каких слоев общества она распространена, на ее направленность.

Зарождение рекламы в прессе Ставрополя совпало с появлением первой газеты – «Ставропольских губернских ведомостей» (1850 г.). Первое рекламное объявление появилось на страницах этой газеты в 1850 году. Это было частное объявление о наборе девушек в женский пансион. Примечательно, что оно занимало третью полосу, отведенную для официальных сообщений. В конце XIX – начале XX вв. в газетной периодике наблюдался настоящий рекламный «бум». Рекламные материалы занимали не только первую и четвертую полосы (как в середине века), а и третью, и вторую, где обычно располагались официальные сообщения (4., с. 92).

Рекламные объявления размещались также на страницах «Памятных книжек Ставропольской губернии» в рубрике «Объявления».

Большое значение имела как внешность рекламного объявления, так и его внутреннее содержание. Правила составления рекламного объявления требовали краткости и выразительности, чтобы оно в немногих словах выражало многое. Не рекомендовалось делать в объявлениях перечень находящихся у фирмы товаров, так как это налагало обязательство иметь постоянно на складе перечисленные товары; в противном случае можно было вызвать недоверие к фирме со стороны покупателя. Содержатель гостиницы М. Пахалов оповещал читателей о продаже в своем заведении натуральных кахетинских вин, икры зернистой, семги двинской, белорыбицы, расстегаев и пельменей по-сибирски.

Владельцы пивоваренных заводов Василий Алафузов, Антон Груби рекламировали лучшие сорта пива: *«Богемское – светлое, легкое, сухое, не сладкое, с преобладающим хмельным вкусом. Мартовское – полутемное, богатое мальц-экстрактом, полусухое, не горькое...»*.

Братья Меснянкины предлагали широкий ассортимент товаров, которые можно было приобрести в торговом доме «Пассаж».

На Ставрополье была распространена реклама-корреспонденция, которая размещалась на деловых письмах, счетах, открытках и пр., причем как на лицевой стороне делового документа, так и на оборотной. Каждый купец, помня поговорку: *«по платью встречают...»*, обращал внимание на фирму, т. е. на печатный заголовок своих деловых писем. Правила требовали от предпринимателя, чтобы фирма было отпечатана скромно, без лишних фраз. Однако ставропольские купцы имели обыкновение перечислять на своих бланках чуть ли не весь товар, который у них имелся в магазине или на складе. Например, так выглядела реклама-корреспонденция ставропольского предпринимателя Людвиг Траубе на бланке счета от 1909 г. из его мебельно-

музыкального магазина: «Магазин имеет обойно-драпировочную и столярную мастерскую, выбор венской, японской мягкой мебели, зеркал, мраморных умывальников, детских повозочек, всевозможных кроватей, матрацев, мебельных материй, бахромы. Обои, багеты, рамы и картины. Продажа роялей и пианино, фисгармоний, граммофонов, скрипок, гитар и прочих музыкальных инструментов. Принимается перевозка и упаковка мебели и музыкальных инструментов, а также ремонт разной мебели и перебивка мягкой». Траубе постарался ничего не пропустить, хотя пособия по составлению рекламы не советовали предпринимателям «делать из своего бланка каталога» и учили отмечать только главный предмет торговли и разрешали поместить небольшой рисунок (3, с. 55).

В качестве рекламы выступали, безусловно, и промышленные выставки, на которые съезжались купцы и предприниматели не только из округи, но всего государства. Товар купца рассматривался специалистами, подвергался строгой критике, о нем говорили, отмечали его достоинства и недостатки, фирма была на устах у десятков тысяч людей. Это было важным, решающим моментом для фирмы, и владелец фирмы должен был быть в этот момент на высоте своего призвания, должен был показать свою фирму лицом, с более благоприятной, более выгодной для него стороны. В Ставрополе еще в 1837 году состоялась 1 областная выставка ремесленных и мануфактурных изделий.

Использованная литература и источники

1. Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. 2-е изд. – СПб., 2003.
2. Искусство рекламировать. – Одесса, 1911 г.
3. СГМЗ, д.ф. 424.
4. СГМЗ, д.ф. 96.
5. Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – СПб, Т. 26.
6. Деловая жизнь Ставрополя: Опыт системного исследования. – Ставрополь, 2002.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Карагодин Е.В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заместитель директора по научной работе

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ
ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЭЛИТ В ОБЩЕРОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Процесс вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи, растянувшийся на полтора столетия, был непрост. Потребовались твердость, гибкость и государственная мудрость российской военной и гражданской администрации, храбрость русских солдат и казаков, а также здравый смысл местной знати и духовенства, чтобы во второй половине XIX века «замирить» и дать заслуженное процветание этому суровому краю.

В рамках данной публикации будет рассмотрена образовательная политика имперской администрации как один из инструментов интеграции местных элит и, как следствие, народов Северного Кавказа в состав России, а также последствия этого процесса.

Необходимо отметить, что социальная структура и общественное устройство северокавказских народов отличались в описываемый период большой сложностью и пестротой. Они либо подчинялись наследственным феодальным правителям из числа местной мусульманской знати, либо образовывали самоуправляющиеся общины во главе с выборными старшинами. Между собой, а также с подвластным населением феодалы находились в сложных правовых отношениях, регулируемых адатами (обычным правом). Наиболее развитая система феодальных отношений сложилась в Кабарде, где сложная иерархия связывала большинство статусных групп горского общества.

В политических связях важную роль играл обычай искусственного родства (*аталычества*) высшей знати с вассалами, у которых воспитывались их дети. В домах князей Большой Кабарды росли будущие крымские ханы из рода Гиреев. Сами они отдавали детей на воспитание узденям Малой Кабарды, а те, в свою очередь, выбирали аталыков из низших узденей Центрального Кавказа. Кроме того, горскую знать связывали наследственные узы гостеприимства (*куначества*), которые они пытались перенести и на отношения с Россией. Так, кабардинские князья писали генералу И. В. Якоби в 1779 году о том, что «с самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были российскими подданными, а, находясь так, как кунаки в покровительстве, и ныне желают покориться на тех же условиях».

В горных районах организация власти была иной. Основой социального устройства здесь выступала сельская община, которая являлась основной военной, экономической и административно-фискальной ячейкой горского общества. У народов Дагестана ее базу составляли малые семьи, объединенные во фракции родственников по отцовской линии, образовывавшие, в свою очередь, патрилинейные эндогамные кланы (*тухумы*). У других народов Кавказа община состояла из больших семей, которые объединялись в патрилинейные фракции, а те в большие экзогамные кланы (*мейп* – у чеченцев и ингушей; *аврида* – у осетин; *тленк* – у кабардинцев).

В основе ее экономической организации лежали общинная взаимопомощь и землепользование. Община была верховным собственником пастбищ, являвшихся основой жизнеобеспечения крупного селения или нескольких соседних селений. Одновременно существовала подворная земельная собственность, которая у более исламизированных горцев Дагестана, Чечни и в ряде районов Черкесии принимала форму частносемейного *мулька*. В большинстве же горных и предгорных районов нормы частного и общинного землевладения регулировал местный адат.

Высшим органом власти были народные собрания разных уровней, состоявшие из взрослых полноправных мужчин и решавшие самый широкий круг вопросов. Сход и избранные им старейшины совмещали в себе функции правительства и суда. Дореволюционные историки видели в горской общине начала родовой демократии, в действительности же она представляла иерархию жестоко соперничающих за власть и ресурсы кланов.

Еще одна особенность, которую неизменно отмечали русские бытописатели Кавказа XVIII – XIX веков, – это ярко выраженный военный характер горских народов. Полноправным членом общества здесь был лишь воин-общинник.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что каждый горец в силу своего рождения и воспитания был носителем определенной «северокавказской» идентичности, со всем комплексом присущих ей условных достоинств, недостатков и комплексов, обусловленных социально-экономическими причинами. Столкновение данной идентичности с культурой иного, непривычного и непонятного рода (русской и европейской) не могло не породить в традиционном горском обществе отторжения, которое стало психологической основой и одной из причин вооруженного сопротивления российской государственности под знаменем радикального ислама. Видимо, имперская администрация вполне учитывала этот фактор, выстраивая свою культурную политику, нацеленную на приобщение горцев к русской культуре.

Стоит отметить, что к моменту присоединения Кавказа царизм имел

богатый опыт интеграции инокультурных элит в общероссийское политическое и культурное пространство. Стратегия союза с нерусской аристократией началась с кооптации татарской и литовской знати в XV веке и впоследствии включала в себя, к примеру, чрезвычайно успешную инкорпорацию балтийского немецкого дворянства и украинского казачьего мелкопоместного дворянства в имперский правящий класс. Такая инкорпорация означала для них возможность делать карьеру на имперской службе, которой и балтийские немцы, и украинцы воспользовались в таких масштабах, что это иногда вызывало зависть и неприятие у представителей чисто русской элиты. Царское правление давало местной аристократии гарантии безопасности ее собственности и статуса, а в некоторых случаях даже улучшало их.

На Кавказе российская администрация действовала привычными методами. От местных элит требовалось только одно – сохранять лояльность империи. Россия не вмешивалась во внутренние дела горцев, сохраняя власть в руках местной военной знати и сельских старшин. В федеративных договорах российской администрации с мусульманскими правителями Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века признавалась экстерриториальность права обеих сторон – как имперского, так и местного обычного и исламского, т. е. в русских крепостях горцы подчинялись российским законам, а русские офицеры обязывались уважать местные обычаи при посещении аулов. Россия выступала гарантом всех политических образований, сохранявшихся под ее протекторатом. Особо стоит оговорить вопрос веротерпимости. Российская империя в подавляющем большинстве случаев была толерантна в вопросах верований своих неправославных народов. Кавказ не был исключением.

И все же, можно обоснованно предположить, что именно образовательная политика и просветительство как инструмент интеграции элит в общероссийское культурное пространство и смягчения негативных черт традиционной идентичности выгодно отличают кавказский сценарий от всех остальных. Представляется необходимым рассмотреть данный тезис на конкретных примерах.

Организация образования для различных этнических групп в полиэтничном государстве является одной из сложных составных частей внутренней и национальной политики. Как отмечал в начале прошлого века кавказовед М. Краснов, русское правительство еще при императрице Елизавете Петровне впервые решило покорять кавказские племена не только оружием, но и распространением христианства среди них и обучением их русской грамоте и языку. Однако открытие русских школ в XVIII – начале XIX века носило еще во многом случайный характер, и объективно не могло существенно влиять на распространение грамотности среди горского населения. По-настоящему говорить о системе

образования на Северном Кавказе можно начиная со второй трети XIX века.

Несомненно, что особая роль в выстраивании этой системы принадлежит открытой в 1837 году Ставропольской мужской классической гимназии. Открытие гимназии в Ставрополе и учреждение при ней пансиона повлекло целый ряд положительных последствий для развития региона. Но прежде всего это создало возможность для более широкого и систематического привлечения детей горской знати к образованию и культуре.

В 1848 году по представлению наместника Кавказа князя М. С. Воронцова в виде опыта, на три года было утверждено положение о Кавказском учебном округе (до этого Северный Кавказ принадлежал к Харьковскому учебному округу). «Положением» 1848 года Кавказский учебный округ подчинялся непосредственно наместнику Кавказа и Министерству Народного просвещения, объединив обе части Кавказа – закавказскую с северокавказской. В этом же году было Высочайше разрешено содержать при пансионе Ставропольской мужской классической гимназии 15 детей из числа лучших фамилий горских народов, обитающих на северных плоскостях Кавказского хребта.

В 1849 году увидело свет Высочайше утвержденное Положение относительно развития системы образования на Кавказе. Основной упор делался, во-первых, на «приготовлении сыновей кавказских жителей привилегированного сословия к занятию разных, даже высших должностей по всем родам государственной службы» на Кавказе. Во-вторых, на «доставлении детям торговцев и других сословий средств к приобретению познаний, в будущем их назначении необходимых и с помощью которых они могли бы содействовать успешному развитию в крае торговли и промышленности».

Именно к этому периоду времени относится пребывание на посту директора гимназии выдающегося педагога-гуманиста Я. М. Неверова, личность и взгляды которого оставили неизгладимый след в жизни многих его воспитанников. При нем произошли большие изменения и в деле приема к обучению горских воспитанников. Желание горцев учиться непрерывно возрастало. Пятнадцать вакансий не могли удовлетворить их запросов в области просвещения. Сознвая необходимость открытия новых вакансий для горцев, правительство пошло на увеличение мест при пансионе Ставропольской гимназии. Согласно Положению о Кавказском учебном округе от 29 октября 1853 года число казеннокоштных воспитанников увеличивалось вдвое. Число мест в пансионе для дворян и чиновников оставалось прежнее, но для горцев оно увеличивалось вчетверо, а для казачьих детей втрое; для почетных горцев по параграфу 48 этого Положения предназначались 65 казенных вакансий, а для детей офицеров Кавказского линейного казачьего войска – 47. Увеличение мест в пансионе

гимназии позволило полностью отказаться от посылки детей кавказской знати для воспитания и обучения в города центральной России.

В 1853 году последовало Высочайшее повеление оставить в кадетских корпусах только одну треть воспитанников из горцев, а остальных воспитывать на месте – в Ставрополе и Екатеринодаре. Указом от 11 октября 1858 года прием горцев в кадетские корпуса был прекращен. Они могли получить образование только в гимназиях, а вся сумма, ассигнуемая из государственного казначейства на воспитание малолетних горцев в военно-учебных заведениях, была передана наместнику Кавказскому для содержания пансионеров-горцев в гимназиях.

Учитывая специфику региона, в гимназии на самом высоком уровне было поставлено изучение и преподавание кавказских языков. Еще Уставом 1828 года среди обязательных предметов были определены языки татарский и черкесский. При Неверове, в начале 1850-х годов, для преподавания черкесского языка в гимназию был приглашен поручик Умар Хапхалович Берсей. Он не только прекрасно владел языком, но и изучал его теоретически.

Из стен Ставропольской гимназии вышли выдающиеся деятели культуры и просветители: Коста Хетагуров, Адиль-Гирей Кешев, Чах Ахриев, Инал Кануков, Кази Атаджукин и многие другие. С 1850 по 1887 год в гимназии прошли обучение 7 191 человек, в том числе 1 739 горцев.

В 1860–80-е годы произошло расширение школьной сети, возросло количество обучающихся детей. В 1861 году в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) Дагестанской области произошло объединение ранее переведенной сюда из Дербента мусульманской школы с местной окружной горской школой. При этой новой школе был учрежден пансион на 65 мест для детей «почетных» горцев и русских чиновников. В 1874 году эта школа была преобразована в прогимназию. К концу 70-х годов она стала самым крупным учебным заведением области, а в 1880 году преобразована в реальное училище. В 1861 году во Владикавказе, на базе Новагинской школы военных воспитанников, состоялось открытие окружной горской школы. Также в Осетии во второй половине XIX века открылось 38 церковно-приходских школ, которые существенно содействовали распространению грамотности. В 1863 году в Грозном открылась трехклассная школа, а в 1870 году одноклассная школа открылась в Назрани. Количество учащихся в этих школах колебалось в пределах 150 человек. Что касается Баталпашинского отдела Кубанской области (территория Карачая), то до конца 1870-х гг. светских учебных заведений здесь не было. В 1878 году была открыта школа в Учкулане, долгое время являвшаяся основным учебным заведением в отделе. В 1879 году было дополнительно открыты две школы – в аулах Бибердовском и Тебердинском. В 1895 году были открыты школы в аулах Карт-Джурте и Хузруке. Правитель канцелярии Кубанской области Коваленский отмечал в

своим рапорте: «Никто не станет отрицать серьезного и плодотворного значения русской школы в среде туземного инородческого населения: русские школы – это самый короткий и самый верный путь в целях ассимиляции горских племен».

Представляется обоснованным утверждение о том, что под влиянием полученного воспитания, расширения кругозора, приобщения через российскую систему образования к европейской и общемировой культуре в умах и сердцах передовой части северокавказской элиты произошла своеобразная «культурная революция», нашедшая свое явное выражение в явлении, которое можно определить термином «Северокавказское просветительство».

Под северокавказским просветительством можно подразумевать сознательную, целенаправленную деятельность представителей северокавказской интеллигенции, независимо от национальной и конфессиональной принадлежности, направленную во второй половине XIX – начале XX вв. на распространение грамотности и передовых достижений европейской научной мысли среди населения Северного Кавказа и, как следствие, на улучшение качества его жизни, а также на максимально полное и объективное изучение и усвоение традиционной кавказско-горской культуры.

Начало просветительского движения связывается с развитием письменности на местных языках народов Северного Кавказа. До начала XIX века горцы пользовались арабским, староосманским и татарским языками. Книги религиозного содержания на этих языках в арабской графике, в основном по мусульманскому праву, филологии, литературе и поэзии, оставались основой обучения местной мусульманской элиты. Они же составляли круг чтения образованных мусульман региона.

Неоценимый вклад в дело развития культуры народов Северного Кавказа внес генерал-майор барон Петр Карлович Услар (1816–1875), который более четверти века посвятил изучению истории Кавказа и кавказских языков. Результатом его работы стали пять монографий о языках народов Дагестана, оказавших большое влияние на их изучение и развитие. Много времени и сил отдал он созданию письменности на основе русской графики для изучаемых языков, в частности, аварского и чеченского. Придавая большое значение сближению народов Кавказа с Россией, он писал: «Русский язык – сближение с русской жизнью, хотя бы только умственно, бесконечно важен для будущности Кавказа». Ученики и соратники Услара из числа образованных горцев продолжили его работу по системному изучению языков, истории и этнографии Кавказа. Среди них Абдулла Омаров. В 1867 году он издал два этнографических очерка – «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки», в которых дал

описание нравов, обычаев и быта лакцев. Также им были переведены и изданы на русском языке «Казикумухские сказания» и сочинения лакских авторов по вопросам этики и религии. Другой дагестанский просветитель, аварец Айдамир Чиркеевский, собрал и издал «Аварские песни и сказки», а в 1865 году им была опубликована статья «О происхождении аварцев». Изучением истории, этнографии и фольклора Ингушетии занимался этнограф-ингуш Чах Ахриев (1850–1914). Его перу принадлежат интересные работы о происхождении ингушей, об их материальной и духовной культуре. В своих сочинениях он призывал горцев усваивать достижения российской культуры, видя в этом источник благосостояния и прогресса.

Крупнейшей фигурой северокавказского просветительского движения второй половины XIX века был осетинский художник, поэт, журналист Коста Леванович Хетагуров (1859–1906). В своих стихах и статьях он утверждал лучшие черты горских народов – свободолюбие, честь, презрение к опасности, и большое значение придавал сотрудничеству горцев с русским народом в деле развития Северного Кавказа.

Среди передовых деятелей Карачая был поэт, художник и просветитель князь Ислам Крымшамхалов (1864–1910). В течение 15 лет он был доверенным лицом карачаевского народа, заботился о строительстве дорог, мостов и школ. Приложил много сил, пытаясь поднять культуру земледелия и улучшить породу карачаевского скота, ратовал за разведение в аулах больших фруктовых садов, сохранение девственной природы и природных богатств Карачая.

Вышеприведенные примеры просветителей из числа горской элиты показывают, какой колоссальный путь прошли народы Северного Кавказа в своем культурном развитии под влиянием российской системы образования и приобщения к лучшим образцам европейской культуры и насколько успешным оказался именно этот путь для введения северокавказской элиты в среду элиты российской. Только вторая половина XIX века дала целую плеяду таких деятелей. В Ингушетии это Вассан-Гирей Джабагиев (1882–1964), в Дагестане – Мирза Гассан-Эффенди и Муххамед Касим-оглы Казембек (1802–1870). В Осетии Инал Каноков (1850–1898), братья Шанаевы, Дрис Сохаев, Батырбек Туганов (1866–1921), Георгий Цаголов (1871–1939).

В последнее время, в связи со сложными процессами, происходящими на Северном Кавказе, в околонучной и публицистической литературе можно встретить следующие вопросы: Что имперская экспансия дала России и русскому народу? Какую пользу он получил от культурного и экономического развития Северного Кавказа?

Вопросы эти не новы! Вопрос, приносит ли экспансия и имперская политика выгоду государству и его народу, дебатруется часто. Когда речь идет о

русском народе, анализ плюсов и минусов империи становится вдвойне затруднительным. Однако уже сейчас должно быть совершенно ясно, что Россия, безусловно, стала гораздо богаче и сильнее в результате если не всех, то большинства своих геополитических приобретений. Без них она не стала бы великой державой.

Использованная литература и источники

1. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
2. Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников. М., 2007.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв.ред. А.Л. Нарочницкий. М.,1988.
4. Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами на Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доньне. СПб., 1996.
5. Краснов М. Просветители Кавказа. Ставрополь. 1913.
6. Очерки истории Карачаево-Черкесии/ Отв. ред. В.П. Невская. Ставрополь. 1967. Т.1.
7. Краснов М. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь. 1887.
8. Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный. 1965.
9. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. Тифлис.1880.
10. Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. М., 2008.
11. Барковская Е.Ю. Ислам и государственное строительство России (вторая половина XVI в.– февраль1917г.). М., 2006.
12. Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (втор. пол. XIX в. –1917 г.). Владикавказ., 2006.
13. Стрелов В.И. Становление Ставропольской мужской гимназии как центра просвещения на Северном Кавказе в дореформенный период/ Глагол будущего. Ставрополь, 2002. Т.2.

Карташев А. В.,
г. Ставрополь
Ставропольская государственная медицинская академия
кандидат военных наук, доцент;

Фирсов Р. А.,
г. Лондон,
эксперт Форума поисковых движений
России в Великобритании

ФЛАВИАН КОМИССАРОВ: У ИСТОКОВ АВИАЦИИ НА СТАВРОПОЛЬЕ

В августе 2012 года военная авиация России отметила свой вековой юбилей. В честь этой даты в Ставропольском музее-заповеднике была открыта выставка «Крылья Родины», которая вновь напомнила жителям Ставрополя имя одного из военных летчиков дореволюционной России, связанное с развитием авиации в городе и крае. Это имя Флавиана Николаевича Комиссарова.

Информация краеведов, дошедшая до наших дней, свидетельствует, что Комиссаров – выпускник английской летной школы, в начале 1920-х годов организовал в Ставрополе общество «Добролет». Он стоял также у истоков развития авиамodelьного спорта на Ставрополье.

Сегодня, спустя многие десятилетия, несмотря на то, что имя Флавиана Николаевича не слишком широко известно землякам, оно успело приобрести налет легендарности, а факты его биографии, передаваясь из уст в уста, стали искажаться и перестали зачастую соответствовать действительности. В этой связи представляется целесообразным заострить внимание на основных вехах жизненного пути этого человека.

Флавиан Комиссаров родился 21 января 1898 года в городе Петербурге. Родители проживали в районе Новая Деревня по улице Гусева, дом 9. Со слов внука – Дмитрия Злобинца, Николай Комиссаров был дворянского происхождения, одно время служил в Зимнем Дворце, впоследствии жил в бедности. В семье было принято называть детей библейскими именами. Дочерей звали Гаафа и Руфина, сыновей – Альвиан и Флавиан. Лишь одному из братьев «повезло» – его нарекли Николаем.

В 1916 году Флавиан окончил 7 классов гимназии и, по свидетельству потомков, как и все парни округа, вился возле Комендантского аэродрома. Сначала он «заносил хвосты» аэропланам, затем стал помогать в авиационных мастерских Игоря Сикорского, который к тому времени уже построил свой знаменитый самолет «Илья Муромец». Здесь же, на Комендантском аэродроме

началась и летная карьера юноши. В своих учениках Сикорский заложил мощные основы летной профессии. Учил всему. Без молитвы «Отче наш» не разрешал садиться в кабину самолета: кто знал, кто не знал – всех заставил выучить. С легкой руки Сикорского группа из нескольких молодых людей, в которую вошел Флавиан Комиссаров, в начале 1917 года была рекомендована для оправки на дальнейшую учебу в Англию.

Отбор кандидатов был долгим и скрупулезным. Из нескольких сотен желающих надо было отобрать не только самых способных, но и надежных курсантов, а точнее сказать – благонадежных. Критерии отбора включали в себя социальное происхождение, предыдущий авиационный опыт, образование, дисциплинированность, физическую форму и способность к обучению.

25 февраля 1917 года из города Романов-на-Мурмане (ныне – Мурманск) более ста учеников-летчиков, включая 12 офицеров, отплыли в Англию на борту легендарного крейсера «Варяг», который следовал на ремонт в Ливерпуль. В Англию будущие летчики прибыли 4 марта 1917 года. Здесь, на английской земле, русские кадеты, как их теперь именовали союзники, официально узнали об отречении от престола Николая II и переходе власти в руки Временного Правительства¹.

Группа, в которую был зачислен Ф. Комиссаров, как и все остальные, была интернациональная. Командир группы – лейтенант Вальтер Курроль был уроженцем города Пярну. Товарищами Флавиана по учебе были поляки Евгений Короновский, Людвиг Патзаевич, Иван Плишке и армянин Арменак Саркисов. Остальные прибыли в Англию из разных городов России: например, Николай Покрывалов – из Старой Руссы, Анатолий Григорович – из Торопца. По социальному происхождению группа также была достаточно пестрой. Есть основания полагать, что Михаил Тарачков был сыном генерал-майора М. Н. Тарачкова, командира отделения тяжелого артиллерийского дивизиона на Рижском фронте. Деревенским парнем был Николай Покрывалов, Вальтер Курроль – из семьи научных работников. Возраст кадетов группы, в которой учился Комиссаров, на момент отправки на учебу был в пределах от 19 до 24 лет, самым младшим был Флавиан – ему едва исполнилось 19, самому старшему – Покрывалову – во время обучения было 25².

За все время обучения в Великобритании, а оно для каждого из кадетов было разным, учащиеся меняли многочисленные аэродромы, осваивая новые типы самолетов. Документы Российского государственного военно-

¹ Хикса П. (P.Hiksa). Из неоконченных воспоминаний вольноопределяющегося 23 КАО. Журнал Sparnai (Крылья) №1, 3. 1970.

² Национальный архив Великобритании (National Archives). Visit of Russian Officers and men to England for training in Aeroplane duties. AIR 2/10. – Лл. 1-9.

исторического архива (РГВИА) свидетельствуют, что сначала курсанты учились летать на «Морис Фарман», затем переходили либо сразу на BE2E, либо в различных комбинациях осваивали «Кертисс», DH-6, BE2B, BE2C, «Авро», «Моран биплан», «Сопвич-Пап», «Сопвич», RE8, BE12, SE5A, SE5B, «Мартинсайд», DH-4, «Бристоль Скаут» (каждый кадет обычно осваивал от трех до шести машин). Наиболее способных в дальнейшем обучали пилотированию истребителя «Бристоль Файтер». Однако зачастую, ввиду неимения места в школах, истребители русскими кадетами не осваивались¹.

Тех, кто переходил на истребители, ожидали учебные воздушные бои, которые требовали выполнения фигур высшего пилотажа: мертвых петель, бочек, иммельманов, штопоров, спиралей, скольжений и др. Этими сложными фигурами они должны были владеть в совершенстве.

Возвращались выпускники Русского авиационного корпуса малыми группами, по мере сдачи выпускного экзамена по летной подготовке. Для подавляющего большинства обучение в Англии было завершено к августу 1917 года. Флавиан Комиссаров, согласно документам, окончил обучение в Англии 29 июля 1917 года.

Были ли реальные предложения русским летчикам остаться в Англии, документально подтвердить не удалось. Думается, что англичане могли предложить службу в Королевских ВВС далеко не каждому. Более чем из ста обучавшихся, только несколько выпускников были удостоены в аттестации записи: «летчик выдающийся»². В их числе были поручик Де Ладвез и лейтенант Курроль, служившие по возвращении на Родину в русских летных школах – в Евпатории и Гатчине соответственно.

Судьбы выпускников так называемого Русского авиационного корпуса в Англии сложились по-разному, подчас трагически, но в основном все они вернулись в Россию. Вскоре некоторые оставили военную службу и перешли к мирной жизни, став писателями, инженерами, исследователями. Некоторые продолжили свои скитания по фронтам. Одни воевали за белых, другие – за советскую власть. Многие летчики вернулись в свои, ставшие независимыми страны – Польшу, Литву и Эстонию. Кто-то погиб в боях, кто-то позднее как иностранный шпион – в застенках НКВД.

В годы Гражданской войны Комиссаров воевал в составе XI Кавказской армии. Свидетельством тому является почетная грамота, которой был награжден Флавиан Николаевич от имени командования армии. В Баку он познакомился со своей будущей женой Клавдией Андреевной Лукьяновой (1896–1955). В годы Гражданской войны она, как студентка медицинского

¹ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 214. Л. 35, 12.

² РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 214.

факультета, была мобилизована и направлена на фронт медицинской сестрой. После свадьбы Флавиан и Клавдия Комиссаровы решили остаться жить в Ставрополе, где было намного легче прокормить себя, чем в голодающем Петрограде. По семейному преданию, сохранившемуся у потомков, в 1918 году Флавиан Комиссаров стал коммунистом, но в 1921 году добровольно покинул ряды партии. Тогда еще это было допустимо без серьезных последствий. После этого он так и остался на всю жизнь беспартийным.

Летом 1923 года в Ставрополе при Губисполкоме было организовано отделение Общества Друзей Воздушного Флота. Тут-то авиационный опыт Ф. Н. Комиссарова был востребован слуховой. Он был назначен секретарем общества. Об этом факте в биографии ставропольского авиатора сообщалось в местной губернской газете «Власть Советов»¹.

В своих очерках Г. Беликов указывал, что в 1926 году на бывшем Бедросовском аэродроме Ф. Комиссаров был командиром авиаотряда самолетов У-1. Со слов родственников, в начале 20-х годов Ф. Н. Комиссаров был начальником аэропорта в г. Ставрополе, а до второй половины 30-х строил на территории СССР аэродромы: в Армавире, Кривом Роге, Казани и в других городах. В Кривом Роге в 1933 году в семье Комиссаровых родился второй ребенок – сын Анатолий. Дочь Флавиана Николаевича – Юлиана Флавиановна (род. в 1924 г.) вспоминает, как они переезжали с аэродрома на аэродром, о голоде на Украине, тогда ее отец распорядился засеять кукурузой часть летного поля на аэродроме Кривой Рог – надо было людей чем-то кормить, чтобы не умирали от голода. Его тогда едва не отстранили от работы.

Достоверно известно, что в 1931 году Комиссаров окончил 3-месячные курсы при Отделе гражданской авиации Военно-воздушной академии имени Жуковского. На одном сохранившемся снимке Ф. Н. Комиссаров сфотографирован в фуражке с эмблемой ГВФ на околыше. Судя по всему, это фото можно отнести к концу 20-х – началу 30-х годов.

В 1936 году, опасаясь репрессий, Флавиан Комиссаров с семьей вновь обосновался в тихом, провинциальном Ставрополе. Здесь он работал в Ворошиловском Доме пионеров и местном аэроклубе, возглавляя работу авиамodelьных кружков. Об этом периоде жизни нашего героя хранятся воспоминания во Дворце детского творчества Ставропольского края. Жив один из воспитанников Флавиана Николаевича тех лет – Гавриленко П. Я., сохранивший для потомков его уникальный фотоальбом и многочисленные воспоминания о своем учителе.

В частности, Павел Яковлевич помнит, что в годы Великой

¹ От бюро Ставропольского ОДВФ // Власть Советов. – 1923. – 27 июля. – С. 2.

Отечественной войны Флавиан Николаевич был мобилизован и проходил службу в скромном звании лейтенанта, что подтверждается фотографией из семейного архива Д. А. Злобинца, на аэродроме Хуторская, который сегодня известен в Ставрополе как аэродром ДОСААФ. Гавриленко П. Я. помнит рассказ Комиссарова о том, что он строил булыжную дорогу от города до аэродрома мимо нынешнего Ботанического сада. На аэродроме тогда базировался тренировочный бомбардировочный полк на СБ или Пе-2. В 1942 году эти самолеты отрабатывали учебное бомбометание в районе Сенгилеевского озера. Бомбили цементными бомбами, потому что металл стоил дорого. С началом оккупации часть ушла в район Дивного, и дальше куда-то в степи под Астрахань.

Из краткой служебной справки на Комиссарова, сохранившейся в одном из приказов по Ставропольскому аэроклубу ДОСАВ, известно, что он был участником войны с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года¹. На послевоенном снимке грудь фронтовика украшали орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Японией».

В послевоенные годы Флавиан Николаевич вновь пришел на работу в краевой Дом пионеров руководителем авиамodelьного кружка. В 1947 году, после воссоздания Ставропольского аэроклуба он одновременно работал и в нем. Однако, судя по документам архива Ставропольского аэроклуба, его руководство мало интересовало авиамodelьный спорт, которым занимались в основном школьники. Главной задачей аэроклуба была подготовка летчиков, планеристов и парашютистов из числа молодежи². К тому же в аэроклубе штатная должность специалиста по авиамodelьному делу была сокращена, поэтому Комиссаров числился то механиком по вооружению, то старшим летчиком-инструктором-методистом. От этой должности в последствии он был отстранен по несоответствию, так как уже давно не летал. Затем его временно назначили на место штурмана корабля Ли-2 и, наконец, техником по электрооборудованию. В 1952 году, после сокращения последней должности, он ушел из аэроклуба, сосредоточив свою деятельность на работе со школьниками в Доме пионеров.

Как свидетельствуют люди, работавшие вместе с Флавианом Николаевичем, он был специалистом своего дела и прекрасным педагогом. Его отличали воспитанность, спокойствие и терпение. За годы работы со школьной молодежью Флавиан Николаевич дал путевку в жизнь многим замечательным

¹ Архив Ставропольского аэроклуба ДОСААФ. Приказы по личному составу за 1949 год. Л. 151.

² Архив Ставропольского аэроклуба ДОСААФ. Планы работ, приказы и другие документы краевого комитета ДОСАВ за 1950 год. Лл. 175об.-176.

людям, которые стали летчиками, инженерами и просто прекрасными специалистами. Он привил им на всю жизнь не только умение работать руками и головой, но и любовь к авиации, уважение к своим товарищам. Некоторые из учеников Ф. Н. Комиссарова сами впоследствии стали руководителями авиамodelьных кружков в городе и крае. К одному из них – П. Я. Гавриленко попал сын Комиссарова – Анатолий, а затем и внук – Дмитрий Злобинец. Сегодня во Дворце детского творчества учится праправнук Флавиана Николаевича – Никита Злобинец.

В наши дни мало о ком, пережившем три войны, две революции, голод и угрозу репрессий, можно сказать, что этот человек прожил счастливую жизнь. В судьбе Ф. Н. Комиссарова было немало взлетов в прямом и переносном смысле, но были годы, когда его высокий потенциал не был до конца востребован. Советская Россия широко использовала выпускников Русского авиационного корпуса в Англии на службе в Рабоче-Крестьянском Воздушном Флоте в годы Гражданской войны, в межвоенный период, но практически никто из них не достиг значительных высот в карьере военного авиатора. В вину ставилось и происхождение, и офицерские чины, и, самое главное, контакт во время учебы с английскими специалистами. Далекое не многим, среди которых был Флавиан Комиссаров, была предоставлена возможность стать в строй Военно-воздушных сил в годы Великой Отечественной войны. Но уже сразу после войны имена последних «английских кадетов» были постепенно преданы забвению. И только усилиями местных краеведов – Германа Беликова, Тамары Коваленко фамилия «Комиссаров» оставалось на слуху земляков в последние десятилетия. Многие для увековечения памяти своего учителя сделал Павел Яковлевич Гавриленко. Достаточно сказать о том, что он стал инициатором проведения краевых соревнований по авиамodelьному спорту памяти Флавиана Комиссарова.

Жизненный путь Флавиана Николаевича Комиссарова оборвался в 1961 году. Он умер в возрасте 63 лет от инфаркта и был похоронен на Даниловском кладбище в Ставрополе – городе, ставшем для него поистине родным.

Кожемяко Т. Н.,
г. Ставрополь
Северо-Кавказский федеральный университет,
кандидат исторических наук;

Борисенко С. Н.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
аспирант

ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И РАБОЧЕГО КЛАССА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В соответствии с современными научными представлениями взаимоотношения власти и общества не могут быть произвольно заданы и осуществляются лишь в определенном социально-политическом и культурном контексте. Период с 1917 до середины 1930-х гг. в советском государстве стал временем небывалых социальных потрясений, затронувших большие массы людей и вызвавших у них разные эмоциональные реакции и психологические состояния. Рассмотрим, как послереволюционные политические процессы повлияли на восприятие власти в общественном сознании рабочих Ставрополя.

Особенность Ставрополя в сравнении с другими регионами Советского Союза состояла в том, что оно представляло собой аграрный регион, где основную массу населения составляло крестьянство. Рабочий класс был весьма немногочисленным и пополнялся преимущественно за счет крестьян. По воспоминаниям современника исследуемого периода Я. Я. Кабардинова, борца за установление советской власти в губернии, на 18 промышленных предприятиях Ставрополя трудилось около 5 тыс. рабочих¹. В первые десятилетия советской власти число рабочих на Ставрополье заметно возрастает, однако значительная часть пролетариата еще длительное время сохраняла связь с землей. В соответствии с этим взаимоотношения власти и рабочего класса в регионе в большей степени несли на себе отпечаток ментальных и социокультурных характеристик, присущих крестьянству.

Рабочие, по сути, являлись носителями политической культуры, свойственной крестьянскому населению, с присущими ей традиционализмом, патриархальностью, дуализмом в восприятии центральной и местной власти. Рабочий класс так же, как и крестьянское население Ставрополя, был склонен

¹ ГАНИСК. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 173. Л. 8.

к персонификации власти в образе советских политических лидеров. Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Каганович воспринимались как мудрые и справедливые правители.

Положительное отношение к новой власти определило приоритетное положение рабочего класса в советском государстве. С первых дней своего существования новая власть объявила рабочий класс лидером, гегемоном общества. Как писал Н. А. Бердяев: «Марксизм есть учение о мессианском призвании пролетариата, ...который освободит человека от рабства и создаст лучшую жизнь»¹. Возведение рабочего класса в ранг социального лидера, безусловно, отразилось и на самооценке представителей рабочего класса, и на их положительном отношении к центральной власти.

Образ же местной власти в картине мира рабочих Ставрополя характеризовался противоречивостью и неоднозначностью. Это было обусловлено рядом причин. С одной стороны, по мере увеличения статуса «пролетариата» представитель местной власти рассматривался рабочими как эксплуататор, который посягал на их интересы² или дармоед, сидящий на шее у рабочего и зря получающий немалые деньги³. «У нас стена крепка, да столбы гнилые, – говорили на собрании жители Старофорштадского района в 1931 году. – Правители наши слабы, кроме тов. Сталина. На заводе консервном погнило много крупы, мешки подошли водой, то же самое на других заводах, на Спиртоводном много металла, в котором страна остро нуждается»⁴.

С другой стороны, негативное отношение к местной власти было обусловлено многочисленными злоупотреблениями со стороны администрации. Так, например, артель инвалидов им. Трунова получила для премирования лучших ударников и стахановцев 1000 руб., но к премированию артели подошли так, что лучших сторожей премировали 15–20 рублями, а не членов артели и не инвалидов – бухгалтера – 250 руб., культурника, который скверно относился к своей работе – 175 руб. На остальные деньги председатель устроил гулянку, тогда как сторожей надо было снабдить теплой одеждой, из-за отсутствия которой многие не выходили на работу⁵.

Кроме того, не являлись «вожди» различных уровней и образцом поведения. Для многих их них частью досуговой культуры становится выпивка. Весьма типичным для этого времени является сообщение о том, как в Ставрополе председатель райсофпрофа и член бюро райкома ПКП(б) в

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М., 1990. С.81.

² Данихно С.Н. Рабочие Юго-востока страны в годы нэпа. Ростов н/Д. С. 196.

³ Там же.

⁴ ГАСК. Ф.Р-1686. Оп.1. Д.26. Л.6.

⁵ «Неправильное премирование» // Власть Советов. № 28 - 4 февраля 1937 г. С. 3.

пьяном виде пришел в театр, где буянил и грубил на глазах у публики. «Тов. В[...] был в пьяном виде, вел себя неприлично, требуя позвать к себе режиссера для объяснения, почему заело занавес и он плохо закрывается, обращая на себя тем самым внимание окружающих»¹.

Негативный образ местной власти в картине мира ставропольского рабочего также был связан с невнимательным, зачастую безразличным отношением к бытовым нуждам рабочих. Особенно усиливали этот негатив привилегии, которыми пользовался новый номенклатурный класс на различных ступенях аппаратной лестницы. Так, на Ставрополье уже в 1925 году «жены ответственных работников носят серьги, браслеты и кольца, наряды с разными финтифлюшками, шляпы с перьями и другими чертовинами»², в то время как уровень жизни рабочих продолжает оставаться низким. К середине 1930-х годов этот разрыв еще более возрастает. В условиях, когда многие семьи рабочих ютятся в тесных комнатах и квартирах, «люди, сидящие у власти, – как пишет жительница г. Ворошиловска М. С. Сизикова, – занимают по 20–30 метров излишка, это здесь явление очень нередкое»³.

Как свидетельствует анализ архивных документов, жилищные проблемы имели очень многие представители рабочего класса региона, вынужденные семьями ютиться в небольших комнатухах. По словам той же М. С. Сизиковой, ее многодетная семья из десяти человек ютится в маленькой квартире на 24 метрах. «Да и эта мизерная площадь вся издырявлена, зимой никаким количеством топлива не отопим, а летом стоит пройти хоть небольшому дождику, как нас заливают вода, ибо вся квартира худа, как решето»⁴.

В источниках часто приводятся сведения о тяжелом экономическом положении рабочих: «Положение рабочих и служащих совхоза № 25 крайне неудовлетворительное. Зарплата порой не выплачивалась от двух и до четырех месяцев»⁵.

Однако, несмотря на тяжелое материальное положение, а возможно, благодаря ему, в сознании рабочего советская власть ассоциировалась с огромным трудовым энтузиазмом и верой в лучшее будущее. Желание поскорее прийти к заветной цели – это та черта массового сознания, которая в

¹ ГАНИСК. Ф. 23. Оп.1. Д.15. Л.1.

² Цит. по.: Голоса из провинции: Жители Ставрополя в 1917 – 1929 году (сборник документов). – Ставрополь, 2009. Док. № 466.

³ ГАСК. Ф.Р – 1686. Оп.1. Д. 43. Л. 85-85 об.

⁴ ГАСК. Ф.Р – 1686. Оп.1. Д. 43. Л. 85-85 Об.

⁵ ГАНИСК. Ф.Р-1225. Оп.1. Д.506. Л.23.

1930-е годы оказывала доминирующее влияние на сознание жителя ставропольского социума.

Движимые верой в светлое будущее, рабочие поддерживали инициативы большевиков, выступали в защиту разрабатываемых планов. Ярким примером тому служит получившее широкое распространение на Ставрополье стахановское движение. В начале 1937 года Ворошиловская и Грозненская обувные фабрики вышли на соревнование. Ворошиловские стахановцы поставили перед собой задачу к 20-й годовщине октября выполнить годовой план и дать стране красивую прочную обувь. Все цехи заключили соцдоговоры, соревновались 40 стахановцев¹. На заводе «Красный металлист» заключены социалистические договоры между цехами. Металлисты дали обязательство выполнить годовой план продукции ко дню всенародного праздника 5 декабря, посвященного принятию сталинской конституции. Лучшие рабочие заявили, что они досрочно освоят выпуск 6 новых станков, которые ранее ввозились из-за границы².

Стахановцы получали значительно более высокую оплату труда, а также различные льготы и привилегии. Социальный статус ударника, передовика производства, с одной стороны, обеспечивал благоприятные условия существования и престижность человека в новом социуме. С другой стороны, эта новая роль конструировала определенный тип поведения, требовала от ударника выполнения своеобразных социальных обязательств. Как отмечают некоторые исследователи, Сталин таким образом добивался преданности очень многих представителей рабочего класса, поскольку вывел их из безвестности и поставил в привилегированное положение³.

Месте с тем, помимо действительно позитивного и негативного восприятия советской власти, некоторые исследователи указывают на такие промежуточные проявления, как «декларативно позитивное» и «формально позитивное» отношение к ней⁴, что позволяло советскому человеку уцелеть в условиях постоянной борьбы власти с многочисленными врагами и вредителями, в категорию которых в конце 1920-х – 1930-е годы так легко было угодить.

В результате в картине мира рабочих складывался весьма противоречивый образ новой власти, который характеризовался сложным комплексом мифов, стереотипов, ситуативных умонастроений и рациональных рефлексий. При

¹ «Возьмем первенство» // Власть Советов. № 43 - 22 февраля 1937 г. С. 4.

² «Ширится соревнование» // Власть Советов». № 51 - 4 марта 1937 г. С. 1.

³ См.: Такер Р. Сталин у власти: история и личность. 1928-1941. - М., 1997. С.341.

⁴ Юрченков В.А. Проблемы анализа источников при исследовании вопросов общественного сознания в первые десятилетия Советской власти // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. - Киев, 1990. С. 86.

положительном восприятии центральной власти в лице Сталина и других членов Политбюро, рабочие зачастую негативно относились к советской власти как таковой. Причиной этому стали жилищные проблемы, продовольственные трудности, тотальная нехватка предметов широкого потребления, бесконечные очереди за товарами, с которыми столкнулись рабочие. Образ же власти на местах очень часто был дискредитирован произволом местных начальников и был, как правило, окрашен негативом.

Коркмазова З. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник,
кандидат философских наук

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ
КАК ФАКТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

В начале XXI в. в общественном сознании человечества постепенно укрепляется идея о том, что благополучие современного мира, материальный и духовный прогресс во многом зависят от наличия полноценного, продуктивного диалога между представителями различных наций и конфессий, носителей противоположных мировоззрений, верующими в Бога и отвергающими его бытие.

Проблема межконфессионального диалога является составной частью более широкой проблемы – диалога мировоззрений. Диалог вовсе не означает отказ от своих убеждений, принципов и жизненных ориентаций или полное снятие противоречивых позиций, подходов и объяснений. Речь идет о мирном, невраждебном сосуществовании различных типов мировоззрений, об отказе от монополии какого-нибудь одного типа мировоззрения, одной религии от преследований за инакомыслие, формировании у каждого человека уважительного отношения к чужим взглядам, убеждениям и образу мыслей.

Сложность этой задачи обусловлена тем, что с 1980–1990-х гг. духовно-нравственные ценности народов претерпели значительные изменения, выражающиеся в падении нравственности, предании забвению подлинно национальных, народных традиций, в ухудшении отношений межличностного характера, в частности, между родителями и детьми, стариками и молодыми, мужчинами и женщинами, родственниками. Научно-технический прогресс своими достижениями, особенно в области телевидения, коснулся каждой семьи, каждого дома, неся с собой не только широкие возможности приобщения миллионов людей к событиям исторического прошлого и к современным мировым процессам, к культурным шедеврам цивилизаций, доказывая могущество гения человека и широту спектра его возможностей (как физических, так и духовных), но и навязывая разлагающую человеческие души, разрушающую традиции и нравственные устои народов, выворачивающую наизнанку интимные стороны жизни людей, «культуру наоборот» –

контркультуру, насаждающую насилие, порнографию, низменные страсти, неуважение к человеческому достоинству – культуру, неприемлемую многими народами.

На современном этапе развития российского общества наблюдается нарастание в молодежной среде потребительства, стремления быстрого обогащения, нигилистического созерцания мира. Это привело к распаду прежней духовно-ценностной картины мира, неустойчивости новой системы духовно-нравственных ценностей. Особенно неопределенными и неустойчивыми являются ценностные ориентации и духовные позиции современной молодежи. У них ослабевает ориентация на духовные ценности, усиливается бездуховность, меняется структура ценностей. Современное поколение молодежи в большинстве своем является маргинальным, не усвоившим ценностей «старого мира», но и не воспринявшим всерьез ценности «нового мира». Это привело к возникновению противоречивости ценностного мира и неустойчивости мировоззренческих ориентаций молодежи.

Значительная часть молодых людей-маргиналов оказывается, образно говоря, между «социальным небом и землей». Они – и там, и здесь. На родине родителей они чувствуют себя не в «своей тарелке», будучи незнакомыми с подробностями уклада жизни, бытовыми требованиями земляков. Маргиналы как следует не знакомы с тонкостями этикета земляков, из-за чего испытывают психологический дискомфорт. В них рождается чувство ненужности. В местах нынешнего проживания, особенно в среде взрослых, их также не воспринимают до конца как своих, а только как временных, пришлых, что маргиналы, естественно, чувствуют. В случае неудачи при решении каких-то вопросов маргинал начинает думать, что это потому, что живет не среди своих; если бы жил там, то проблем бы не возникало. Это формирует определенную отчужденность, хотя в местах, где родились и проживают, маргиналы чувствуют себя более уютно.

На фоне происходящих в обществе негативных, в том числе деградационных, процессов силой, образующей микро- и макросоциальную, духовно-нравственную опору общества на уровне Северного Кавказа, выступают институты традиционной этнокультуры, поддерживающие авторитет и целостность северокавказской семьи и благотворно влияющие на этносоциальную стабилизацию в регионе. Формируясь и утверждаясь на протяжении многих поколений, эти институты, подпитываемые достижениями культур соседних, родственных народов, действовали и ныне функционируют в форме традиций и неписаных законов – адатов.

У карачаевцев и балкарцев, к примеру, традиционно бытует такой прекрасный обычай, как «мамнат». При выполнении сложных трудовых

операций, требующих больших усилий, люди работают совместно, оказывая друг другу бескорыстную помощь. Это, как и куначество, – особый тип побратимства людей. Такие обычаи и традиции есть и у многих народов, но в зависимости от этнической специфики и исторических условий возникновения они отличаются по формам проявления. Так, у адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов), если семья живет бедно, ей помогают все сообща, вызволяя из нужды. В наиболее концентрированном виде традиции и адаты сосредоточены в этикете народов – этноэтикете. Здесь мы остановимся на некоторых из них, с нашей точки зрения, наиболее существенных.

Среди многих институтов традиционной этнокультуры особо выделяется институт почитания старших. Уважение к седине, к возрасту – основополагающий принцип этикета, морали кавказских народов. Почитание старших, родителей – в целом культ старших, – естественно, не сугубо только кавказское явление. Оно характерно всем народам. Горцы Северного Кавказа на протяжении своей долгой, нелегкой истории пришли к выводу, что главный «регулятор» этносоциальных, межпоколенных отношений – внутрисемейный порядок, дисциплина, а порядок всегда там, где бережно, с уважением, любовью, даже некоторым трепетом относятся к старшим, особенно старым людям, родителям, аккумулирующим в себе многовековую этническую культуру и генерирующим ее молодым.

Старшие в семье, в роду на Северном Кавказе пользовались и пользуются большим уважением и почетом. В связи с этим у каждого народа существовали этикетные символы. Например, у осетин на мужской половине дома у очага обычно стояла грубо сколоченная скамейка – кресло с резной спинкой. Оно служило сидением для старшего в доме мужчины. По старым обычаям никто, кроме старика, не смел садиться на это «священное сиделище» [1]. По правую сторону от очага, ниже этого своеобразного «трона», полукругом располагались небольшие треногие стулья-табуретки или простейшего устройства скамейки на 2–3 человека. В некоторых домах стулья и скамейки заменялись деревянной или каменной лавочкой вдоль стены. Когда семья бывала в сборе, мужская половина вся сидела на этих стульях или лавочках [2].

Присутствие старшего в доме в определенной степени напоминало присутствие полководца при войсках – в семейном коллективе поддерживался мир и обеспечивалось спокойствие. Старший, пока позволяли силы, руководил отправлением семейно-родового культа, обрядами, связанными с хозяйственной деятельностью семьи, занимался сложными межсемейными вопросами, регулированием отношений в роду, участвовал в проведении сельских сходов и принятии на них общественно значимых решений и т. д. Члены семьи безусловное уважение к старшему оказывали не только потому,

что он был старше всех в доме и издавна повелось так, но еще и потому, что он обладал большим жизненным опытом и житейской мудростью, чем они сами, ибо этот опыт приобретался годами... От авторитета главы семьи, от его тактичности, соблюдения строгой справедливости, умения держать себя, а также от способности поддерживать мир и порядок среди многочисленного состава семейного коллектива зависела в значительной степени устойчивость семьи, налаженность ее хозяйственной деятельности [3].

Присутствие старших дисциплинировало младших, последние учились у первых мудрости, такту, выдержке, хозяйственным навыкам, умению держаться в обществе. Обращению к старшему человеку вообще, к старшим и младшим родственникам, к женщине, детям, братьям и сестрам, больным и нуждающимся, к тем, кто в пути, и т. д. Имело исключительно позитивное значение в межличностных отношениях в рассматриваемом регионе. Почитание и уважение старших у северокавказцев проявляется и в такой традиции, как приветствие старшего младшим, когда последний, оказывая уважение первому, обязательно встает, уступая свое место, и не садится до тех пор, пока старший не сядет и не пригласит его сесть.

Многие нормы из этикета народов Северного Кавказа соблюдаются и в настоящее время. Старики в семьях традиционно пользуются уважением и вниманием со стороны близких и родственников, в том числе со стороны младших. Причем родственники свою заботу проявляют не только о ближайших старых родственниках, но и, насколько это возможно сегодня, о дальних.

Вместе с тем классовая дифференциация общества, ускорение темпов социального развития, урбанизация жизни, отсутствие условий для строгого соблюдения этикета, развращающее влияние ряда средств массовой информации, негативное влияние «массовой культуры» с противоположными традициями и многое другое обуславливают в северокавказской семье переоценку духовных ценностей, в том числе ценностей традиционной культуры. Происходит «корректировка» и института уважения к старшим, в результате чего ослабевают узы родства, ухудшается моральное самочувствие в семье и семейных отношениях в регионе.

Отношение к старшим неразрывными узами связано с отношением к женщине. Много работ (нередко так называемых научных) написано о «бедственном», «беззаконном положении женщин» в горской, в частности, северокавказской, семье. Чаще всего так утверждалось из-за идеологических соображений, с целью дискредитации религиозных ценностей в вопросах семьи, взаимоотношений мужей и жен, родителей и детей, а также ценностей, сформировавшихся в рассматриваемой сфере в прошлой истории народов.

Спору нет, в прошлой жизни народов Северного Кавказа, как и в жизни других народов, существовал целый узел неразрешенных вопросов во взаимоотношениях супругов, членов семейно-родственной общины, усугубляемых консервативными традициями и религиозными предписаниями. Однако для кавказского, северокавказского в частности, мужчины не было достоинства большего, чем защищать честь, достоинство, положение женщин ближайшего круга, а также женщин рода. В целях защиты семьи, рода, женщин в них мужчины могли пойти на крайнюю меру – на убийство обидчика, совершившего их оскорбление. Общественное мнение было на стороне первых, т. е. оправдывало такой поступок мужчины.

В этикете горцев общественное мнение занимало и занимает архиважное место: «Что скажут люди?», «Как поймут твой поступок?», «Что скажут соседи?», «Лучше умереть, чем видеть результаты твоего поступка» и пр. – выражения, отражающие реакцию общественности на недостойные действия, поступки близких людей [4].

Особым уважением и почетом пользовалась и пользуется женщина у осетин и адыгов. Это нашло отражение в нартском эпосе тех и других народов и подтверждение в их практической жизни – в общественном сознании и семейно-бытовой морали. Например, в кодексе моральных установок осетин уважение к женщине занимало первое место, что было само собой разумеющимся явлением, обуславливающимся, кроме всего прочего, и пережитками матриархальных отношений.

О значительном весе женщин-горянок в обществе говорят многие факты из их общественной и брачно-семейной жизни. Так, женщины свободно могли наравне с мужчинами участвовать в общественных играх, на призах. Крайне редки были (эта традиция сохраняется в настоящее время) случаи грубого обращения с женщиной. Бить женщину считалось и считается позором. В случае, когда семейная жизнь становилась невыносимой, женщина могла свободно расторгнуть брак и уйти в дом родителей. В дом родителей возвращалась молодая жена, чтобы родить первого ребенка, или, родив в доме мужа, уезжала с малышом (мальчиком) в родительский дом на несколько недель. В целом материнский род, особенно дяди по матери, играл большую роль в судьбе детей, начиная от детского возраста, кончая взрослой их жизнью.

Вне зависимости от того, в какой степени была загружена жена, у всех кавказских народов главой семьи, человеком, который несет ответственность за материальное, моральное, психологическое благополучие семьи, ее нравственную чистоту и физическое здоровье, является муж, отец – мужчина, чей авторитет создает и поддерживает мать, жену, все семейно-родственное окружение. И это важно, ибо, чем выше настоящий авторитет мужа, отца, тем

выше порядок в доме.

Таким образом, этнокультурная преемственность на Северном Кавказе – один из важнейших институтов духовного развития семьи и укрепления семейных отношений. Соблюдение в северокавказской семье этнокультурной преемственности поколений способствовало дальнейшей этносоциальной стабилизации в регионе. Такие этнокультурные ценности горцев, как чувство чести и достоинства, дружбы и взаимопомощи, куначество, уважение к старшим и женщине, презрение к трусости и предательству, милосердие и т. д., оказывают и ныне благотворное влияние на жизнедеятельность и менталитет людей в регионе.

Каждый народ в процессе своего исторического развития (вне зависимости, как это развитие происходило) – трагически или «безоблачно» – формировал собственную духовную культуру, свои этнокультурные ценности, одни из которых, выполнив свою миссию, сходили с исторической арены, другие, служа своеобразным «цементом», скрепляющим этносы, сохранились до сегодняшнего дня. Среди сохранившихся есть и такие, которые функционируют вопреки здравому рассудку, заставляя людей поступать неадекватно состоянию цивилизованности современного общества. Речь, в частности, идет о таком анахронизме, как традиция кровной мести, имеющая распространение в некоторых районах мира и сегодня, в том числе и на Северном Кавказе. Трудно сказать, сколько человеческих жизней унес и еще унесет этот варварский обычай, но факт – с высоты конца XX и начала XXI вв. – этот обычай, бесспорно, остается диким, вызывающим чувство отвращения атавизмом.

Приговор истории неумолим: одни этнокультурные ценности мы теряем, и они становятся достоянием истории, другие «сохраняем», хотя их функции давно исчерпали себя. Народы Северного Кавказа не могут, не должны жить без этнокультурных традиций, которые укрепляли бы этносоциальную стабильность в регионе на современном этапе.

Использованная литература и источники

1. Чурсин Г. Ф. Осетины (этнографический очерк). Труды Закавказской научной ассоциации. – Тифлис, 1925. С. 147.
2. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII – XIX вв.). – Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1974. С. 177.
3. Там же. С. 181.
4. Керашев Т. Состязание с мечтой. – М., 1960. С. 4.
5. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. – Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1978.
6. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Очерки Кавказа и народов его населяющих. –СПб., 1981. Т. 1. Кн. 1.

Кравцова Т. Ю.,
г. Ставрополь,
СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова,
заведующая отделом краеведческой
литературы и библиографии

**ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК НА СТРАНИЦАХ КРАЕВЕДЧЕСКОГО СБОРНИКА
«СТАВРОПОЛЬСКИЙ ХРОНОГРАФ»
(к 160-летию СКУНБ им. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА)**

В декабре 2011 года краеведческая общественность отметила важное событие в истории библиотеки – 50 лет со времени выхода в свет краеведческого сборника «Ставропольский хронограф». Пробный номер вышел под названием «Календарь памятных дат по Ставропольскому краю на 1961 год». Это был совместный проект краевой библиотеки, архива и краеведческого музея. Первыми составителями были библиографы краевой библиотеки Л. Г. Орудина, А. И. Секретова, Т. И. Фунтикова, сотрудники краевого архива С. П. Бойко и Т. Н. Сурова, консультанты: начальник архивного отдела УВД Ставропольского крайисполкома В. М. Суров и литературовед Е. Г. Кабаченко. Ответственной за выпуск являлась директор краевой библиотеки М. Г. Касимова. По воспоминаниям заслуженного работника культуры В. В. Госданкера, общественность края с большим удовлетворением восприняла появление нового издания, которое стало выходить ежегодно, совершенствуясь с учетом потребностей жизни, пожеланий читателей, библиотечных работников, учителей, краеведов и всех, кто был в нем заинтересован. С каждым годом издания популярность его возрастала. Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что благодаря «Хронографу», многие читатели открывают для себя новые страницы в истории родного края, узнают о фактах и событиях, которые происходили в разные времена на его территории. «Ставропольский хронограф» занял достойное место среди изданий, посвященных историческому и литературному краеведению.

Под названием «Ставропольский хронограф» краеведческий сборник выходит с 1994 года. В «Ставропольском хронографе» публикуется значительное количество материалов о наиболее памятных событиях Ставрополя, Кавказа, России, об истории населенных пунктов; о замечательных людях, их месте и роли в жизни страны, региона, что неизменно привлекает внимание любителей истории и литературы.

Научный редактор сборника профессор СКФУ Н. Д. Судавцов отмечает, что «Ставропольский хронограф» с успехом выполняет свою главную миссию:

нести людям краеведческие знания, пробуждать у них интерес к истории своей «малой Родины» во всем ее многообразии, воспитывать истинных патриотов своей страны и края. Соединение в одном издании фактографической и библиографической информации, разносторонность содержания, регулярность выхода в свет делают сборник ценным источником краеведческих сведений.

Плодотворное развитие краеведческой деятельности невозможно без привлечения к нему внимания в обществе, без объединения усилий научных учреждений, учебных заведений, общественных организаций, самых широких слоев краеведов – от ученых до школьников. Возросший интерес к краеведению объединил вокруг СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова людей разных политических взглядов, возрастов, профессий.

Библиотека активно привлекает к работе над изданием не только библиографов-краеведов отдела краеведческой литературы и библиографии, но и научных сотрудников музеев, архивов, преподавателей вузов. В подготовке «Ставропольского хронографа» принимают участие преподаватели Северо-Кавказского федерального университета, Ставропольского государственного аграрного университета, сотрудники Государственного архива Ставропольского края, Государственного архива новейшей истории Ставропольского края, Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, Пятигорского государственного краеведческого музея, Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова, Ессентукского государственного краеведческого музея им. В. П. Шпаковского, Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость».

«Ставропольский хронограф» открывает широким читательским кругам новые имена в литературе, искусстве, напоминает о событиях, происходивших в крае, но ранее мало освещенных в печати. Весьма насыщенный краеведческий материал представляет несомненный интерес как для краеведов-любителей, так и для читателей, профессионально занимающихся изучением истории и культуры края. Так, с 1996 года, с опубликования «Китежа», последнего рассказа писателя и драматурга, уроженца Ставрополя эмигранта И. Д. Сургучева, навеянного воспоминаниями о родном городе, началось постоянное знакомство читателей с новыми материалами о его жизни и творчестве. В издании за 2010 год была помещена статья доктора физико-математических наук, профессора Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения В. В. Мелентьева о художнике, преподавателе Ставропольского учительского института Дмитрие Антоновиче Лищенко. В. В. Мелентьев – дальний родственник художника, он увлекательно поведал много ранее неизвестного из его биографии. А познакомилась с

автором статьи через Интернет Т. А. Мишукова, ведущий библиограф отдела краеведческой литературы и библиографии. В крайгосархиве Е. А. Громовой были обнаружены документы, связанные со ставропольским периодом жизни Д. А. Лищенко, которые дополнили картину. Украсил сборник и вкладыш с репродукциями произведений художника из коллекции В. В. Мелентьева.

В 2012 году произошло значительное увеличение информационного объема краеведческого сборника, в который вошли, помимо библиографических справок, статьи, очерки, воспоминания, связанные с такими событиями, как 200-летие Отечественной войны 1812 года, 200-летие И. В. Бентковского, основоположника ставропольского краеведения, 90-летие художника П. М. Гречишкина, 100-летие «Домика Лермонтова», 50-летие Кисловодского художественного музея Н. А. Ярошенко. В целом «Ставропольский хронограф» посвящен 160-летию юбилею старейшей на Северном Кавказе Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова.

Тема истории библиотек края постоянно присутствует на страницах сборника. В двадцати публикациях были представлены юбилейные материалы о краевых, городских, сельских, курортных библиотеках. В сборнике на 2010 год появился раздел «Библиотечное краеведение». Пропаганда и реклама деятельности библиотек является для составителей и издателей сборника основополагающей. Одна из последних публикаций – статья Ж. В. Гречкиной, посвященная 50-летию со дня открытия Ставропольской краевой специальной библиотеки для слепых и слабовидящих им. В. Маяковского, была опубликована в сборнике на 2012 год.

Несомненно, история СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова также нашла свое достойное отражение. Библиотека была открыта как губернская публичная 29 декабря 1852 года, для того, «чтобы доставить бедным чиновникам и другим недостаточным людям средства к образованию, а всем вообще ставропольским жителям – приятное развлечение в свободное от занятий время». Она начала свою деятельность при содействии бывшего тогда ставропольского гражданского губернатора А. А. Волоцкого, с разрешения наместника Кавказского М. С. Воронцова. Первые годы отличались довольно быстрым ростом фондов библиотеки и числа ее читателей. Через несколько лет после ее открытия в дорожных заметках публициста Н. И. Воронова встречается описание библиотеки: «Публичная библиотека существует здесь с 1852 года и помещается в небольшом казенном доме, почти в середине города. Она занимает три комнаты: в одной из них стоит стол, на котором лежат последние номера периодических изданий; тут же на стенах висят географические карты... Составилась она из пожертвований со стороны некоторых лиц, в числе которых

главным основателем был губернатор г. Волоцкой; потом она приращалась собственными средствами, выручаемыми от читающей публики, а также добровольными вкладами, так что уже в 1857 г. в ней считалось до 1000 названий книг и выписывалось 17 русских, 6 французских и одно немецкое периодическое издание».

Дальнейшая история библиотеки, как и многих губернских, созданных по приказу свыше, это постоянная нехватка средств на необходимую подписку и покупку книг. К концу 1860-х годов дела библиотеки пошатнулись. Она переживала не лучшие времена. Большую поддержку в упрочении существования библиотеки оказал ставропольский губернатор Г. К. Властов, почетный гражданин города Ставрополя. При нем было открыто Михайловское ремесленное училище, Ставропольское казачье юнкерское училище, начато строительство Гостиного ряда, больницы, завершено возведение здания мужской классической гимназии. Была сделана попытка спасти библиотеку путем подписки среди горожан в ее пользу, собрания пожертвований, а также была образована особая дирекция, в состав которой вошло немало славных граждан города: Д. М. Сердаковский, С. Ф. Деревщиков, Л. Л. Марков, П. П. Соколов, Н. А. Цареградский, Н. Н. Черноярский. Первым директором-распорядителем библиотеки стал надворный советник, член ставропольского окружного суда В. Г. Терещенко, который управлял ею более пяти лет. Он знал нужды библиотеки, был предан ей всей душой. Самыми дорогими приобретениями библиотека обязана его энергичной деятельности. С именем В. Г. Терещенко связано открытие отдела детской литературы, пополнение фонда дорогими учебно-образовательными пособиями, подготовка и издание в 1871–1872 гг. библиотечных правил и печатного каталога. Следующим директором-распорядителем был избран один из членов дирекции Н. Т. Жила. «На обязанность дирекции было возложено главное управление делами библиотеки: приведение в известность имеющихся уже в библиотеке книг, пополнение книжного фонда новыми сочинениями, подписка периодических изданий, наем помещения, изыскание средств к поддержанию библиотеки в удовлетворительном состоянии, наем и увольнение служащих, составление правил для пользования книгами». Обновление состоялось, библиотека работала ежедневно два раза в сутки, с 8 до 12 часов утра и от 14 до 17 пополудни, кроме воскресных и праздничных дней. С сентября 1868 года здесь работал библиотекарем Г. А. Лопатин, народоволец, находящийся в Ставрополе в ссылке. Конечно, работа в библиотеке мало соответствовала его представлениям о широкой и полезной деятельности, но в силу своего ума и характера, он и здесь сумел в управление библиотекой внести новые идеи. Отказавшись закрыть гимназистам и семинаристам широкий доступ в

библиотеку и выдавать только известные книги (строки из письма: «...пускаю всех и даю им все»), Лопатин способствовал росту популярности библиотеки в среде учащейся молодежи, хотя и осознавал небольшую отдачу от этих нововведений. «Герман Лопатин и Ставропольская губернская библиотека», «Мыслитель, революционер, романтик», «Письмо Г. А. Лопатина М. Ф. Негрескулу, Ставрополь, 15 сент.1869 г.» – в этих публикациях М. С. Коршунова прослеживается яркая страница в истории библиотеки.

В конце XIX века публичная библиотека занимала уже заметное положение в культурной жизни города. Вместе с тем ее ожидала очередная реорганизация. В январе 1880 года, по предложению начальника губернии городская дума приняла библиотеку в собственность города. «Принимая во внимание, что общественная библиотека имеет весьма ограниченные средства, городская управа вполне сознает пользу этого учреждения, назначает в пособие ей 800 рублей, которые и вносит в расписание расходов губернского г. Ставрополя на 1880 год». В «Адрес-календаре и торгово-справочной книге Ставропольской губернии» отмечалось: «Заведует библиотекой К. А. Росляков. В 1895 году из библиотеки было выдано 16 653 книги». Городская управа прием библиотеки по описи и каталогу возложила на городского секретаря К. А. Рослякова, который в последующие тридцать два года был бессменным заведующим библиотекой. Эта страница истории библиотеки нашла отражение в статьях Л. П. Дуренко «Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М. Ю. Лермонтова: к 150-летию со дня открытия» и М. С. Коршунова «Активный общественный деятель: к 100-летию со дня смерти Константина Алексеевича Рослякова». Авторы публикаций указывают также на тот факт, что отношение читателей к библиотеке изменилось: что читает наша публика и как книжный фонд отвечает ее запросам, нельзя ли уменьшить подписную плату, вот в чем были заинтересованы читатели начала XX века. Поэтому члены библиотечной комиссии решили дать возможность пользоваться книжными богатствами лицам, не имеющим средств для внесения платы за чтение книг на дому, а значит широкому кругу городского населения. В деятельности по распространению народного образования, достигшую в начале XX века значительных масштабов, библиотека внесла свой посильный вклад.

Периоды социальных потрясений для библиотек в первую очередь связаны с их плачевным физическим состоянием. В годы Гражданской войны, в первые десятилетия установления советской власти на Ставрополье положение в библиотечном деле было просто катастрофическим. Прошли десятилетия, прежде чем сотрудники библиотеки смогли организовать нормальный процесс деятельности, сохранив главное достояние – книжный фонд. В новой

общественной атмосфере, обусловленной столкновениями традиций и новаторства, основными направлениями были агитационно-массовая, политико-просветительская работа. Об этом и также о дальнейшем развитии библиотеки – статья З. Ф. Долиной «Библиотека – институт исторической и культурной памяти региона».

В настоящее время библиотека остается востребованным учреждением культуры и является информационным, культурным и образовательным центром Ставропольского края. Она имеет развернутую структуру, располагает универсальным по содержанию фондом: около 2-х миллионов экземпляров документов. Книжный дом ежегодно посещают 38 тысяч читателей. Им выдается 1 млн. 200 тыс. документов в год. В стенах библиотеки проходят читательские конференции, тематические и литературные вечера, встречи с поэтами и писателями, библиографические обзоры, научно-практические конференции.

В библиотеке автоматизированы основные библиотечные процессы, функционирует локальная сеть, объединяющая на данный момент 84 компьютера. Электронный каталог насчитывает около 500 тысяч библиографических записей. Сайт библиотеки пользуется большой популярностью и среди читателей, и среди библиотекарей, за год его посещают до 100 тыс. человек.

Изучение истории библиотек Ставрополья, у каждой из которых есть свой значимый вклад в развитие культуры края, требует значительного творческого осмысления, расширения научно-исследовательской работы. Отражение в «Ставропольском хронографе» юбилейных дат учреждений культуры и образования – это возможность приобщения к поисково-исследовательской деятельности, к опыту старших поколений, к обеспечению преемственности и диалога.

Крашенинникова Н. П.,
г. Новопавловск,
филиал Ставропольского государственного музея-заповедника
«Новопавловский историко-краеведческий музей»,
младший научный сотрудник,
заслуженный работник культуры РФ

ТРАДИЦИОННАЯ КАЗАЧЬЯ СВАДЬБА

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова гласит: «Традиция – то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от прежних поколений». А это значит, что традиция – это некая форма сохранения народных, национальных, религиозных, государственных, семейных ценностей, которая прошла испытание временем. И не просто временем, а историей. Пока живы традиции – жива культура, жив народ.

Терские казаки испокон веков жили строго по своему укладу, соблюдая внутренний порядок. Веками складывали свою культуру, обычаи, традиции. Обычаев, традиций много: одни появлялись, другие исчезали. Но оставались те, что наиболее полно отражают бытовые и культурные особенности и сохраняются в памяти народа из далекой старины. Казак не может считать себя казаком, если не знает и не соблюдает традиции и обычаи своих предков. Если коротко сформулировать их, то получаются своеобразные неписанные казачьи домашние законы: уважительное к старшим, безмерное почитание гостя, уважение к женщине (матери, сестре, жене). Чрезвычайно строго в казачьей среде соблюдались традиции, обычаи, поверья, которые являлись жизненно-бытовой необходимостью каждой казачьей семьи. Несоблюдение их осуждалось всеми жителями станицы. Многие дошли и до наших дней и сегодня проходят стадии возрождения. Казаки за все время своего бытия выработали много традиционных обрядов, как и всякое общественное явление – неисчерпаемых по глубине и богатству, среди них самый яркий – казачья свадьба.

Свадебный обряд терского казачества отражал пестроту этнического многовекового наслонения, много общего имел с великорусской и украинской традициями, выделяясь своими особенными чертами, но и развивался под влиянием местного населения. Мало было браков между казаками и иногородними. Казаки не одобряли такие браки, – «хоть за курицу, но на свою улицу». Казачка же, выходя замуж за иногороднего, теряла свое привилегированное положение, а этому противились ее родители. Как правило, казаки брали себе жен из своей станицы. Характерно: в прошлом у казаков в

свадебных торжествах могли участвовать только женатые и замужние. Для неженатой молодежи отдельно проводились вечеринки и в доме жениха, и в доме невесты до основной свадьбы и после – это было заботой о нравственности устоев молодежи – поскольку на свадьбе в торжествах и пожеланиях допускались определенные вольности.

В станицах Новопавловской, Старопавловской, Марьинской заметны незначительные различия в свадебном обряде. И в то же время в каждой станице свадьбы справлялись или, как говорили, «игрались» по-своему. Первоначально акт заключения брака состоял с объявления на кругу молодой пары о желании стать мужем и женой, в знак защиты и покровительства казак прикрывал женщину полой своей черкески. Постепенно свадебная обрядность усложнялась. Женились юноши в 17–19 лет, церковь официально не венчала юношей, не достигших 18-ти лет. О качестве невесты судили по ее родителям. До середины XIX века выбором невесты занимались родители жениха, решая этот вопрос без их согласия. Обычно девушки «на выданье» надевали самые лучшие наряды и шли на базар, а будущие свекрови высматривали, чьи же они. К приглянувшейся и засылали сватов. Позже главная роль выбора невесты отводилась самому жениху. Казак старался отыскать себе невесту – ровню по материальному положению.

Казачья свадьба состояла из нескольких этапов: предсвадебный, свадьба, послесвадебный. Каждый этап зависел от воли родителей, которых очень интересовала родословная родственников, интересовало и экономическое положение семьи. Если мнение жениха иногда учитывалось, то невесты – очень редко. Часто она смирялась со своим положением, утешаясь: «Суженого и на коне не объедешь», «Стерпится – слюбится», «Придет судьба – руки свяжет». В последней пословице упоминается обычай: при венчании связывать руки жениха и невесты вместе.

Сам свадебный обряд назывался «чином» и состоял из нескольких деталей: «договора» (разговора), «рукобития», «сватовства», «выкупа постели», «выкупа невесты», «гуляния». Сопровождались обрядовыми песнями, в которых описывались (разыгрывались) события (действия), происходящие во время свадебных «чинов». Традиционно свадьбы устраивались осенью, в «мясоед», после окончания полевых работ, в основном в октябре–ноябре, на Покров, реже после Рождества. У станичников был принят обычай: перед засылкой сватов жених кидал свою палку во двор невесты. Свадьбе предшествовала длительная и сложная процедура сватовства. В сваты приглашали кого-нибудь из наиболее уважаемых родственников или родственниц. Процедура сватовства одинаковая во всех станицах. Порядок сватовства (разговора) имел часто обрядовое значение. Сваты под видом

купцов или странников входили в дом невесты и заводили иносказательную беседу. Если жених был совсем не по душе хозяевам дома, то они не предлагали даже сесть, и это означало отказ. Но если родители невесты и были рады сватам, то они все равно не давали сразу согласия – обычай требует, чтобы сваты приходили три раза. Когда родители невесты давали согласие на брак, вечером в их доме собирались родственники. Невесту и жениха отводили в отдельную комнату на «первое свидание». Родня жениха угощала будущих родственников, даже в доме невесты, своим вином и «хлебом-солью», при этом спросив разрешения. Когда родственники невесты под прибаутки сватов выпивали по три стакана вина, они усаживали за стол родственников жениха. Разговор вели о предстоящем «запое». Договорившись, сваты со стороны жениха приглашали всех идти «печи глядеть», т. е. осматривать хозяйство жениха. В доме жениха совершался обряд рукобития. Родители вступающих в брак договаривались, сколько должна будет заплатить виновная сторона в случае расстройства свадьбы (40–200 рублей). Договор закреплялся рукобитием: родители жениха и невесты клали руки на стол, сверху руки все присутствующие. Через неделю после рукобития устраивали «своды» или «пропой». Обряд «сводов» во многом повторяет сватовство. В эти дни стороны окончательно договариваются об условиях и дне свадьбы, определяют ее церемониал, расходы, приданое. Изменение этих условий после сводов не допускалось. Обряд «пропоия» проходил во второй половине дня, обычно в субботу. К дому невесты приходят сваты, родители жениха, его крестные отец и мать, сам жених и гости. Сваха приветствует родителей невесты, все обмениваются поклонами и проходят в дом, кроме родителей жениха. Разыгрывается обряд поиска невесты, которую заранее прячут в одной из комнат. Найдя ее, подводят к жениху и спрашивают у обоих о согласии вступить в брак. Получив утвердительный ответ, сваха велит невесте разрезать каравай крест накрест. После этого жених с невестой приглашают в дом родителей жениха. Невеста одну половину хлеба отдает своим родителям, другую – жениха, при этом сваха спрашивает «Кому хлеб даете?», молодые каждый раз отвечают – «маме и папе». Затем всех приглашают к столу «пропить невесту». Во время застолья еще раз обговаривают вопросы подготовки и проведения свадьбы. Как только проходили «пропойки», засватанная девушка официально объявлялась невестой. С этого периода начинается подготовка к свадьбе. В каждой станице были свои мастерицы по изготовлению атрибутов свадьбы: «гильцев», нагрудных цветов, свадебного головного убора невесты («венца»). Гильца представляла собой цветочное украшение в виде веера, состоявшего из семи искусственных цветочных веток, по высоте 80–100 см и использовалась во время выкупа – за ней прятали

невесту во время торга. В ст. Старопавловской такой атрибут назывался «сосна» и представлял собой ветвистое деревце, покрытое тонким слоем запеченного теста (деревце обмазывалось тестом и запекалось в печи), украшенное конфетами, цветами, лентами. Этот атрибут пришел в станицу Старопавловскую в период, когда яицкие казаки (участники Пугачевского восстания) бежали на юг России, обосновавшись недалеко от будущей крепости Павловской. Назначение сосны такое же, как и гильцев. Цветы для украшения гостей свадьбы изготавливали из цветной гофрированной поделочной бумаги. Цветок представлял собой веточку 15–20 см с двумя центральными большими яркими цветами и вокруг них – пять цветков меньшего размера. В итоге семь цветков на веточке – символ семьи. Веточка оформлялась зелеными листьями, дрожалками и бумажной лентой-бантом. Цветы дарились всем гостям на свадьбе.

В станице Марьинской за два-три дня до свадьбы разнаряженные девушки шли к жениху, «несли перчатки»: кисет, перчатки и носки, связанные из овечьей шерсти, подбрасывая и размахивая ими, пели веселые песни. Жених встречал и приглашал всех в дом, угощал девушек, забирал подарки и отдавал свои – отрез на подвенечное платье, ботинки и чулки. Невеста в этом мероприятии не участвовала. В станице Новопавловской кисет дарила невеста жениху и будущему свекру после выкупа постели.

За день до свадьбы в доме молодых пекли из пшеничной муки каравай и «шиши» или «шишки» (маленькие хлебцы-булочки из сдобного сладкого теста с изюмом, имели круглую форму с семью надрезами сверху, как у шишки, означавшие символ семьи, «семь Я»), разливали вино, наливку в четверти и графины. Все эти приготовления называли «лепить шишки». Особое значение имел процесс изготовления свадебного каравая. Для этого в доме невесты собирались замужние женщины. Старались позвать таких, у которых была благополучная семья. Каравай считался символом счастья и плодородия в новой семье. Накануне свадьбы у жениха и невесты устраивались молодежные вечеринки.

В пятницу под вечер перед свадьбой разыгрывался обряд выкупа постели («приданого»). В нем участвовали сваты со стороны жениха и невесты, подружки. У ворот собираются родственники, гости. Проходил шумный торг с шутками и прибаутками. Выкупив постель, сваты жениха и гости забирали приданое, грузили на подводу или бричку, а подушки несли у всех на виду с шумом, веселым хороводом в дом жениха, с ними шла и невеста с подарками (кисетом) для жениха и свекра. У ворот невесту и гостей встречали жених, его родители, родственники. Сват расхваливает невесту и ее приданое, девушки показывают подушки и уносят их в дом жениха, где застилают постель.

Остальные у двора поют песни, невеста дарит жениху кiset. Жених, приняв подарок, заводит невесту в дом. В доме сваты показывают родителям жениха застланную постель и предлагают ее опробовать. Оценив приданое, родители приглашают всех к столу. В станице Старопавловской выкуп постели проходит после выкупа невесты перед венчанием. Проводив молодых, мать и отец невесты оставались дома и переносили приданое невесты в дом жениха. В день свадьбы рано утром мать будила невесту, а та своих подруг. Главная роль принадлежала самой близкой подруге, так называемой «светилке», она помогала гладить платье, наряжать невесту. Во всех станицах в наряд невесты входили длинное белое платье, сшитое из женихова отреза и украшенное с левой стороны восковым цветком, и длинная фата, прикрепленная к венку (венцу). Венец состоял из нежных восковых цветов с позолоченными или серебряными «дрожалками» (пружинками), веточками из зеленых навощенных листьев. После того, как невеста была «убрана», отец и мать благословляли дочь: она становилась на колени на разосланную на полу белую бурку (белый войлок) или шубу, делала земные поклоны. Подходила к родителям: целовала хлеб и отца, затем – икону и мать. После чего мать выводила невесту на «посад». Жених в это время наряжался в полную парадную казачью форму: брюки-галифе темно-синего цвета с кантами, легкие сапоги, белую рубашку, парадный бешмет с длинными узкими рукавами. Поверх бешмета одевалась черная черкеска с «газырями», в которые были вложены пустые гильзы. На черкеску с левой стороны прикалывался восковой цветок. Одевшись, жених просил у своих родителей благословения. Сват и «крестный» выводили жениха из дома и ехали с дружкой к невесте. У двора начинался обряд «Выкуп невесты». Со стороны жениха: жених со своим старшим дружкой – шафером, повязанным полотенцем, сваха, у которой в расшитом переднике шишки, ее помощницы с бутылкой спиртного (наливкой), пирогами. Со стороны невесты подружки и сваха не пропускали гостей во двор до тех пор, пока дружок и сваха жениха не угостят всех. Договорившись, жених с дружкой и свахой проходили в дом невесты. За столом на «посаде» сидела невеста со «светилкой» – главной подружкой и младшими братьями. На столе перед невестой ставили «гильца», закрывавшие ее, а также две новые тарелки (символ семьи, уюта, достатка), две ложки, связанные красной лентой, две бутылки-чекушки с вином и веточками калины, каравай. Начинался торг. Младшие братья, не соглашаясь с ценой, стучали по столу скалками, подружки сопровождали торг песнями и шутками. Торговались до определенной суммы, обговоренной заранее. Сговорившись, шафер разрезал каравай, свахи угощали присутствующих шишками, братья уступали место жениху рядом с невестой. Невеста с помощью подружки и свахи разбирала веточки «гильцев» и дарила их крестным матери и

отцу, близким родственникам. Сваты перевязывали друг друга полотенцами. Жених с невестой обменивались нагрудными белыми цветами. Старший дружок перевязывал руки жениха и невесты платочком и вместе со сватом выводил их из-за стола. Все гости провожали молодых к украшенной тройке, свахи осыпали молодых хмелем, конфетами, деньгами, орехами. Жених и невеста с близкими родственниками и дружками ехали к венцу. В церковь первыми входили жених и невеста. После венчания все отправлялись в дом жениха. По приезду на пороге молодых встречали родители жениха с иконой и хлебом-солью. Как только пара входила во двор, их обсыпали хмелем, конфетами и деньгами. Молодых провожали к центральному столу, затем родители жениха приглашали к столу гостей и, в первую очередь, родителей невесты. Гостям разносили на подносе крепкие напитки и вино, первые две рюмки – за здоровье молодых, третью накрывали шишкой и начинались дары. После обряда дарения мать невесты повязывала каждому гостю на руку платочек, а дружку и сваху крест-накрест через плечо перепоясывала рушниками. По договору гости невесты уходили в ее дом и продолжали гуляния там.

На другой день рано утром дружок и сваха будили молодых и сопровождали их в дом родителей невесты. Во дворе их встречали с вареной курицей на подносе и чашечкой меда. Зять должен был первым отломить хвостик курицы, обмакнуть в мед и съесть и, поклонившись, поблагодарить тещу за молодую жену. Остальное мясо курицы раздавали гостям. В это время сваха повязывала всем красные ленточки – символ чистоты и невинности невесты. Тесть и теща приглашали гостей к столу. Гуляние было непродолжительное, зять с дружком и свахой приглашали всех гостей в свой дом к назначенному времени. Опоздавших встречали ряженые: мазали сажей, заставляли прыгать через бревно или лавку, награждали «ложками» (били ниже спины), при этом звучали шутки-прибаутки и угощения рюмкой настойки с горчицей или рассолом. Гости наряжались в цыган, «невесту и жениха», «откраивали» новые дары, веселили гостей, катали на колясках родителей и крестных молодых. Били горшки на животах тещи и свекрови. К вечеру ряженые ходили по дворам, ловили кур (с предварительного согласия хозяев) для приготовления домашней лапши. Вечером собиралась молодежь с «поздравлением» и подарками, застолье продолжалось вечеринкой. Во вторник вечером собирались приглашенные гости, родственники, их встречали молодые и приглашали за стол на лапшу. Гуляли до поздней ночи, на этом свадьба заканчивалась. Почти все ключевые моменты традиционной казачьей свадьбы сопровождались скачками и ружейной пальбой.

И в наше время современные свадьбы, которые играют в станицах, сохранили многие обрядовые действия прошлого. Это и сватовство, выкупы постели и невесты, «лапша». Этому во многом способствуют фольклорные коллективы станиц, которые по крупицам восстанавливают семейные традиции казаков. Народный ансамбль «Казачка» совместно с Новопавловским историко-краеведческим музеем (использованы музейные фотографии и предметы быта казаков) показали сценический вариант «Выкупа невесты» на районном форуме «Созвездие музеев», что способствовало заинтересованности современных молодых пар использовать обряд в своих торжествах.

Использованная литература и источники

1. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск № 40. – Издание управления Кавказского учебного округа, Тифлис, 1909 г. - 40 с. (электронный вариант).
2. Потто В.И. Два века Терского казачества (1577-1801) – Ставрополь: «Кавказская библиотека», 1991 г. – 383 с.
3. Заседателева Л.Б. Терские казаки. Историко-этнографические очерки – Издательство Московского университета, 1974 г. – 424 с.
4. Воспоминания старожилов г. Новопавловска: Пудовой В.Д, Блажко Н.Д. (1995г), ст. Марьинской: Турченко Н.С. (1997г.), ст. Старопавловской: Губиной Л.Ф. (2000 г.).
5. Народный ансамбль «Казачка» под руководством А.А. Анищенко. Восстановленный обряд «Выкуп невесты». Фотографии 2010-2012 гг.
6. Свадебные фотографии XX века старожилов г. Новопавловска: Прокопенко А.П., Амельченко Р.П., Бурым Н.Н., Сивковой Т.Г., Щербина Н.М., предметы и фотографии из фондов музеев г. Новопавловска и ст. Старопавловской.

Лысенко Л. А.,
с. Татарка
Шпаковского района
Ставропольского края,
краевед

ИСТОРИЯ СЕМЬИ В ИСТОРИИ СТРАНЫ (к 140-летию Святого источника)

Изучая историю родного края, собирая материалы к родословной своей семьи, открыла для себя их теснейшую взаимосвязь. Ставропольская земля заселялась по Указу царицы Екатерины II трудоспособными людьми из центральных российских губерний. Мои предки по линии отца Шумаковы – переселенцы из Курской губернии Солнцевского уезда села Шумакова. Трижды прадед Шумаков Семен Платонович, казак 57 лет, вдовец с тремя детьми, по «Ревизской сказке» за 1816 год по хутору Татарскому, ныне село Татарка Шпаковского района, где ему был закреплен земельный надел, на котором и проживаем мы, его потомки. Сейчас мы в ожидании на свет очередного Шумакова, в 10-м поколении.

Прадед по линии мамы Зиновьев Михаил Давыдович – уроженец Воронежской губернии Землянского уезда села Николаевка, 1870 года рождения. Выходец из довольно зажиточной мещанской семьи, окончил Воронежское реальное училище по специальности дорожный мастер. В Воронеже встретил девушку Лукерью, полюбил ее и решил жениться. Привез Лушеньку – душеньку знакомить с родителями, а те, узнав, что Лушка старше Михея на восемь лет, наотрез отказались принять ее в качестве снохи, т. е. не разрешили сыну жениться. Молодые без благословения родителей решили создать семью самостоятельно. Вскоре узнали о наборе добровольцев на службу в Ставропольскую крепость и уехали подальше от родителей, строить свою совместную жизнь самостоятельно. Пока длился набор, отъезд готовился в тайне. В 1887 году молодые, обвенчавшись, выехали с обозом в Ставропольский казачий полк (в это же время они узнают, что Лукерья забеременела, но решения – уехать – не изменили).

Ехали обозом. Обоз в основном состоял из телег, запряженных волами, и только охрана, будущие казаки, ехали верхом на лошадях. Путь неблизкий, занял больше месяца, да еще месяц расквартировывали и распределяли переселенцев. Прадед не был казаком, на службу не взяли (да еще и женатого, с беременной женой). Михей был, по тем меркам, образованным человеком. Окончил церковно-приходскую школу, т. е. общеобразовательную, а затем

реальное училище – т. е. профессиональное, равное теперешнему колледжу. При распределении Михея Давыдовича определили смотрителем участка дороги от Ставропольского кирпичного завода до Недреманного поста (хутор Извещательный), протяженностью в 25 км. Определили им место жительства – двухкомнатный домик в лесу, вблизи Святого колодца. Местечко называлось – «Будка». Это ведомственный жилой пункт, ныне микрорайон «Фермерский» гор. Ставрополя, в 500 – 800 метрах от Святого колодца к северу и в километре к югу от Южной автостанции и памятника Героям Доваторцам. Жилье состояло из деревянного двухкомнатного домика и большого двора, расположенного вблизи основного тракта, где всегда должны были стоять наполненная питьевой водой бочка и корм лошадям для припозднившихся путешественников. В обязанности Михея Давыдовича входил еженедельный обход – осмотр дороги и доклад о ее состоянии в дорожное ведомство Ставропольского гарнизона. Дорога была грунтовая, наезженная, лежала по пересеченной местности. В весенние паводки и летние ливни местами сползала, оседала, местами размывалась. А ее, как стратегически важную, необходимо было содержать в хорошем для эксплуатации состоянии.

По обочинам дороги казаками и солдатами гарнизона насыпались кучи щебня в аварийных местах. Прадед должен был лично засыпать мелкие ухабы и ямки, а при больших повреждениях дороги получал в помощь необходимое количество солдат и гужевого транспорта, для ликвидации аварийных мест. Служил он исправно, пользовался авторитетом и уважением в своем дорожном ведомстве и казачьем гарнизоне. С Лукерьей обустроились на новом месте быстро. Прадед был, как говорится, мужик с руками (мастерской), из подручного материала, место находилось на лесной опушке, он смастерил клетки, построил сарай и другие хозяйственные помещения, расчистил и распахал две поляны под огород, развели скот, свиней, птицу – кур, гусей, индюков. Сами кормились, и излишки возили в Ставрополь на базар.

Прадедуска без дела не умел сидеть, если выдавалась свободная минутка, он столярничал. Вся мебель, на сегодняшний наш взгляд она примитивна, конечно, изготовлена руками прадедушки Михея. Старшие сестры и братья помнят и лавки с узорными спинками, и деревянный диван, та же лавка, только с более широким основанием, куда можно было положить перину для случившегося гостя. Очень гордился дедушка изготовленным собственноручно посудным шкафом, который можно было навесить или поставить на стол. Стол-подставка со временем пришел в полную негодность, а шкаф я берегу и пользуюсь как хранилищем редко используемой посуды. Табуретки и сундуки, лари под муку и зерно – все это делал сам. У меня есть и небольшой сундучок с его двора, но им он изготовлен, или это вещь его второй

жены, я не знаю. Умел прадедущка плести короба и корзины из ивовых прутьев, но ива быстро высыхала и ломалась, рассыпалась, поэтому эти изделия не сохранились. Мама вспоминала много игрушек, дедушкой вырезанных специальным ножичком из дерева, макет настоящей русской деревянной избы, срубленной из дубовых чурочек. Эту избушку выменяли в 1933 году на ведро кукурузных зерен.

Там, на Будке, и родился в 1888 году 26 февраля их первенец, а мой дед Гавриил. Нарекли сына именем по Святцам, люди они были глубоко верующие, набожные. А 1 мая 1899 года родилась дочка, назвали Александрой, в честь чтимого убитого царя Александра. Третий ребенок родился спустя 14 лет после первенца, назвали Федором, прабабке шел в ту пору 42-й год. Весь свой запас женской материнской любви она подарила младшенькому сыночку – души в нем не чаяла, лелеяла и холила его до самой своей смерти, для нее Федюша и 20-летний был ребенком.

Мама была первой и любимой дедовой внучкой. У деда много времени уходило на ежедневные обходы дороги, ремонт шанцевого инструмента и инвентаря (как солдаты поработают на ремонте дороги, так переломают все держакки, в мажаре – обрешетки); всякие домашние неотложные хлопоты по хозяйству; ремонт яслей, закутов, сараев, крыш надворных построек. Жили в лесу, лисы постоянно таскали птицу, разворошив соломенную кровлю, нередко и волки наведывались, бедокурили. Но каждую свободную минуту дед уделял внучке. Аришок (так называл Иринку, наверное, хотел внука) всегда была рада деду, с удовольствием слушала сказки, прибаутки, очень любила загадки отгадывать, с замиранием следила, как дед вырезал из дерева куколок и зверушек, даже настоящую (игрушечную) избу срубил для кукол. А кукол надо было одевать, наряжать – вот это и были мамины первые портновские пробы. В 6 лет бабушка стала учить, вернее, заставлять внучку вязать. Мама оказалась способной усидчивой ученицей, и уже в 8 лет самостоятельно вязала чулки-носки. Когда жили уже в Татарке, в 1919 году, зимой, сидя на печке, мама связала (конечно, втайне от бабки) коту носочки-сапожки, чтоб не мерзли на снегу его лапки. Котик сходит погулять и придет без одного – двух, а то и всех «сапожков», она опять ему навяжет новые. Не хватило пряжи на ступню чулка, бабка в недоумении (пряжу она четко отмеривала весом), как это она могла ошибиться? Взяла безмен – это домашние весы, наподобие кантера, от фунта до 400 граммов можно было все взвешивать. «Как же это я недоглядела риски?» Все вскоре раскрылось: дед управлялся со скотиной и нашел носочек-сапожок, поймал кота – на том еще два обнаружил. Он с такой радостью вбежал в комнату, показывая бабке находку: «Вот, стара, где твоя пряжа!» А бабка не разделила его ликования, схватила скалку и, ругаясь, как ямщик, начала маму

бить. Дед, оторопев, еле-еле ее оттащил, приговаривая: «Дура старая, радоваться надо, что Аришок рукодельница такая! А ты, стара, за скалку сразу! И-Э-ЭХ! Дура, волос твою душу переешь!» (у дедушки других ругательных выражений не было). Больше коту сапожек не вязалось. (А тот безмен цел, храню как реликвию семьи.)

На «БУДКЕ» прожили вплоть до Гражданской войны. Развалилось дорожное ведомство, небезопасно стало жить на отшибе – то белые эскадроны, то красные отряды, то зеленые банды, наезжая, отбирали все: и продукты, и птицу, и скот, увели лошадей. А уж когда белые в подлетном сарае (сарай с крышей и тремя стенами из плетня, куда можно было в непогоду «влетать» на повозках) пытали пленных красных, Михей Давыдович решил перебраться в село Татарку.

Двух красных бойцов белые за руки подвесили в подлетном сарае, добивались каких-то показаний от них. Мама – 8 лет и Юля – 4 года прилипли к плетеной стенке сарая и наблюдали тайком за происходящим. Дедушка услышал рев-стон казнимых и вопли детей, примчался и увидел страшную картину: озверевшие беляки расплосовали животы подвешенным и с хохотом растягивали их кишки как веревки по сараю. Дедушка схватил внучек в охапку и бегом в дом. Детям потом выливали испуг не один раз.

Побывав на празднике 140-летия «Святого колодца», вспомнила многочисленные рассказы старших родственников о чудодейственных целебных свойствах воды этого источника. На праздник Преполование (середина между Пасхой и Троицей) съезжались к источнику тысячи людей, служили службы заздравные, молебны о здравии.

Ранним утром и вечером (на восходе и закате солнца) детей омывали из Святого источника. Мама вспоминала, что после каждого купания из Святого «колодезя» чувствовала себя невесомой птичкой, и сразу засыпала на руках деда. И свое долголетие (прожила 98 с половиной лет при ясном разуме без склеротических симптомов) объясняла тем, что с рождения пила «Святую воду» и ела пищу на воде из «Святого колодезя».

В памяти мамы хранились лица людей, приезжавших лечиться на Святой источник, останавливавшихся в их доме, купавшихся в родниковой воде, читая молитвы. Многие паломники уезжали выздоровевшими. Помнила «золотушного» ребенка, у которого глазки, ушки, губки, подбородок были покрыты засохшими, сочившимися болячками. Малыш их постоянно расчесывал и плакал. Долго «ввечеру» купали его в роднике, и он первую же ночь проспал, не плача и не просыпаясь. Через какое-то время очистилось личико малыша, мать смеялась и плакала от радости, вознося молитвы Богородице.

Одна молодлица пять лет замужем не беременела. Люди посоветовали утром и вечером омываться у Святого источника: через год она благополучно разрешилась сыночком.

Люди увозили водичку в разные уголки России. Добрая слава об источнике разнеслась по белому свету далеко. Стали привозить к этому дню безнадежно больных. Однажды селяне были свидетелями исцеления «Бесноватого» юноши. Водичка хранилась в каждом доме в поставце, на случай избавления от хвори, сглаза. Окропляли водой новое жилье, от дурного глаза хозпостройки и усадьбу, благословляли на брак, младенцев купали и поили сырой водой из источника, лечили заболевания желудочно-кишечного тракта и прочее. Кстати, эти традиции даже годы воинственного атеизма не искоренили. И сегодня в этот день съезжаются тысячи паломников. Сегодня это место у Святого источника облагорожено: построена и действует церковь со звонницей, ведется строительство монашеского скита, благоухают цветы, звонко журчит вода и неспешно паломники совершают омовение в купели, и духовно очищаясь, возвращаются в городскую суету.

Михей Давыдович и Лукерья Максимовна весной 1918 года в центре села купили старенький каменный дом, крытый соломой, состоящий из двух больших комнат с двумя выходами. Домик этот перестроен и цел; его можно увидеть сейчас на улице Осипенко № 8, в него упирается улица Казачья.

Глубокой осенью 1922 года умерла Лукерья Максимовна. Похоронили ее на сельском кладбище. Михей Давыдович большую часть своего времени стал проводить в церкви. Ночью был сторожем, а днем по необходимости помогал священнику. К крестинам протопить сторожку и подогреть воды, к свадьбе подготовить зал для венчания, к отпеванию усопшего сделать необходимую перестановку и т. д. Похоронен рядом с Лукерьей.

**Документы Ставропольского государственного архива,
использованные в составлении родословной:**

1. Ревизская сказка Кавказской Губернии Ставропольского уезда села Надежды и хуторов 1811 года сентября пятнадцатого дня.
Запись № 531; Фонд 454; Опись 2; Единица хранения 137;
2. Ревизская сказка Кавказской Губернии Ставропольского уезда Михайловской волости хутора Татарского 1816 года июня девятого дня.
Фонд 454; Опись 2; Единица хранения 555;
3. Ревизская сказка Кавказской Губернии Ставропольского уезда Михайловской волости хутора Татарского 1822 года сентября 23 дня.
Фонд 454; Опись 2; Единица хранения 841;
4. О народонаселении Ставропольского уезда по волостям за 1836 год. Фонд 1300. Опись.

Моздор М. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольская духовная семинария,
заведующий сектором заочного обучения,
протоирей

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ РУССКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

К моменту начала Первой мировой войны Русская Православная церковь уже на протяжении двухсот лет оставалась лишенной канонически нормального руководства. Упразднение Петром I патриаршества обосновывалось необходимостью сохранить в церкви принцип соборного управления. В действительности за двухсотлетний период не было созвано ни одного собора. Изъятие церковных земель, упразднение на две трети монастырей, ограничение количества приходов в XVIII в. нарушило баланс духовного попечительства в России. Применение ограничительных мер синодальными чиновниками продолжалось и в следующем веке. Изменение церковной политики стало заметным только в последней четверти XIX в. и в начале XX в. Однако устоявшаяся система приходских штатов сохранила ненормальное соотношение: 1 священник на 1,5–2 тыс. православных граждан империи.

Бюрократическая система синодального управления последовательно подавляла инициативы духовенства. Многочисленные примеры реформаторских инициатив обер-прокуроров отвлекали энергию иерархии на сдерживание неприемлемых для Православной церкви преобразований.

Одним из благотворных деятелей следует назвать долгожителя на обер-прокурорском посту – К. П. Победоносцева. Сторонник навязчивой опеки над Церковью со стороны государства, он всячески пресекал стремления к соборному управлению. Он спешно стремился исправить погрешности синодального управления, активизировал открытие церковно-приходских школ для детей простого народа и приходских храмов, освящение которых на рубеже XIX – XX вв. увеличилось до 250 в год. Это были важные, но слишком запоздалые меры.

Расширение прав в области вероисповедания и укрепление гражданской свободы, объявленные царской волей в 1905 г., открыли перед церковью возможность решения накопившихся вопросов в русле соборного принципа. Анкетный опрос епархиальных иерархов выявил единодушие епископов в желании немедленно начать подготовку к созыву Поместного Собора. Сам факт

самоорганизации епископов, особенность их волеизъявления, а также проводимые государственные преобразования побудили К. П. Победоносцева подать в отставку – в знак протеста.

К сожалению, проделанная Предсоборным присутствием работа осталась не востребованной. Подготовительная комиссия за десять месяцев заседаний полностью завершила подготовку к Собору. Однако император нашел несвоевременным созыв Собора, в связи с неспокойной ситуацией в стране.

Очередная попытка подготовки Поместного Собора, предпринятая в 1912 г., не получила логического завершения из-за начала Первой мировой войны. В то же время атмосфера внутрицерковной жизни стремительно менялась. Дух разделения, усилившийся в связи с активизацией деятельности политических партий после 17 октября 1905 г., пронизывает все сферы общественной жизни. Этот дух разделения практически беспрепятственно проникает и в церковную ограду. Более контрастный водораздел сознания порождается сепаратистскими настроениями не только в Грузии и на Украине, но также и на Дону и на Кубани.

После отречения императора от престола Временное правительство демонстрирует полное безразличие к вопросам веры и Православной церкви. В то же время новый обер-прокурор В. Львов проявляет жесткую волю церковного управленца: распускает прежний состав Синода, самостоятельно решает вопрос об отделении Грузинской церкви. Вместе с тем перемены в верховной власти, отсутствие административной последовательности в проводимой политике дают возможность сконцентрировать церковную волю на активной подготовке собора. Открытие Поместного Собора было приурочено к престольному празднику Успенского собора Московского кремля в августе 1917 г.. Первые рабочие заседания стали трудным этапом преодоления идейных разногласий, прежде всего по вопросу восстановления патриаршества.

Из многочисленных кандидатов на патриарший престол наибольшее количество голосов получили: архиеп. Антоний (Храповицкий), архиеп. Арсений (Стадницкий) и митр. Тихон (Белавин). В результате предстоятелем церкви по жребию был избран митрополит Московский Тихон. Интронизация патриарха Тихона состоялась уже после захвата власти в Петрограде большевиками. Оставшееся до Рождественских каникул время было посвящено решению вопросов: о высшей церковной власти, о правах и обязанностях патриарха, о взаимодействии Церкви и Государства.

На вторую сессию Собора, в конце января 1918 г., собралось только 20% от прежнего состава участников. Вскорости поступило известие об убийстве бывшего почетного председателя Собора митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). Собор продолжил свою работу, рассматривая вопросы

церковной жизни на епархиальном и приходском уровне. Однако решения Собора приходили в епархии с большим опозданием, волеизъявление регионов не достигало центра. Страна оказалась разделенной линиями фронта, началась гражданская война. Помимо накопившихся в предшествующий период вопросов, гражданская война внесла в церковную жизнь множество проблем, которые необходимо было решать сообща, в срочном порядке.

Инициатором оформления Высшего временного церковного управления на юго-востоке России выступил протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский. Характеризуя положение Православной Церкви на юге России в конце 1918 – начале 1919 г., он отмечал, что «высшей церковной власти в крае не было. Связь с патриархом порвалась. Каждая епархия жила своей жизнью. Вопросы, превышающие компетенцию епархиальной власти, или решались на свой страх епископами, или оставлялись без разрешения... Получилось странное явление: огромная территория, почти весь юго-восток России, с несколькими епархиями, оказалась без высшей церковной власти, которая одна могла бы и направлять, и исправлять церковную жизнь». Эти аргументы были положены в основу доклада протопресвитера Георгия Шавельского А. И. Деникину в начале февраля 1919 г. – «О необходимости организовать высшую церковную власть».

В начале марта генерал Деникин обратился к архиепископу Донскому Митрофану с предложением созвать совещание из епископов и членов Всероссийского Церковного Собора, находящихся на территории, занятой Добровольческой Армией. Однако предполагавшееся в Новочеркасске совещание не состоялось – в городе разразилась эпидемия тифа и не было свободных помещений для его участников. Совещание удалось провести лишь в конце апреля 1919 г. в Екатеринодаре. Участники Совещания постановили «признать неотложно необходимым учреждение органа Высшего церковного управления на территории действий Доброй Армии» и обратились к старейшему архиепископу Ставропольскому Агафодору (Преображенскому) с просьбой «созвать областной церковный Собор в самый ближайший срок».

В первых числах мая в помещении Кубанского епархиального совета проходили заседания Предсоборной комиссии. Главной темой обсуждения стал вопрос о правах и обязанностях регионального высшего церковного управления. Протопресвитер Г. Шавельский указывал на уже имеющийся опыт создания временного церковного управления в Сибири, на территории, занятой войсками Колчака. Предметом внимания комиссии также являлись вопросы процедуры избрания председателя и членов церковного управления, организации приходской жизни на основе решений Всероссийского

Поместного Собора, а также проблема беженцев. Всего до 17 мая было проведено 6 заседаний комиссии.

Перед открытием Собора, в мае 1919 г., из Екатеринодара начал свое шествие по Кубани многолюдный и красочный крестный ход. Основное постоянное ядро его составляли 200–500 человек, к которым в станицах и городах примыкали и сопровождали до следующего населенного пункта тысячи людей. Этот крестный ход обошел 17 крупнейших станиц, 2 монастыря, десятки церквей. По описанию печати, «процессию открывали дети, несшие кресты из живых цветов. Народ также держал букеты цветов и зажженные свечи. Затем двигался, колыхаясь, лес хоругвей... У каждого храма шествие останавливалось для служения краткой литии, осенения народа крестом и окропления святой водой. На каждой остановке произносилась проповедь».

Примечательно, что крестный ход не сопровождался никакими политическими лозунгами и призывами. Епархиальные власти рассматривали его предназначение в том, чтобы «нести народу мир, духовный покой и моральное объединение враждующих между собой партий».

19 мая в Ставрополе открылся церковный Собор, перед началом которого, в 9 часов утра, в Андреевском храме были отслужены литургия и торжественный молебен. В Соборе участвовали епархиальные и викарные епископы, клирики, миряне по выборам от Ставропольской, Донской, Кубанской, Владикавказской и Сухумо-Черноморской епархий, члены Всероссийского Поместного Собора, оказавшиеся на территории, занятой войсками генерала А. И. Деникина, а также представители от военного духовенства и командования Вооруженными Силами юга России. Всего в заседаниях Собора принимало участие около 250 человек, из них 56 делегатов Всероссийского Поместного Собора, с решающим голосом, в том числе 11 епископов. Первое заседание Собора открыл архиепископ Кавказский и Ставропольский Агафодор, отметивший в своем слове, что работа предстоит большая и сложная – «борьба с безверием, унынием и беспримерным нравственным падением, какого, кажется, еще не было в истории русского народа».

Своим председателем Собор избрал архиепископа Донского Митрофана. Товарищами председателя были избраны архиепископ Димитрий, протопресвитер Г. Шавельский и князь Е. Н. Трубецкой.

Приветствуя «Поместный собор юга России, поднимающий меч духовный против врагов Родины и Церкви», генерал А. И. Деникин выразил надежду, что Церковь будет освобождена от большевистского плена. Следует, однако, отметить, что некоторые обращения к Собору, носившие откровенно шовинистический, погромный характер, были отвергнуты большинством его

членов. Так, не получило поддержки воззвание, составленное членами Екатеринодарского братства Святого Креста во главе с протоиереем В. Востоковым.

Идея создания регионального церковного управления была неоднозначно воспринята участниками Собора. В частности, граф Граббе отметил, что подобная инициатива неканонична и «окрашена духом протестантства». Однако решающее большинство усмотрело насущную необходимость в создании такого церковно-административного органа.

Считаясь с невозможностью непосредственных сношений освобожденных местностей с патриархом Тихоном, Собор решил «впредь, до восстановления правильных деловых сношений с патриархом Тихоном, Священным Синодом и Высшим Церковным Советом, установить Временное церковное управление для епархий, уже освобожденных и постепенно освобождаемых Вооруженными Силами на юге России». В этом решении Собора также подчеркивалось, что «Временное высшее церковное управление сим получает всю полноту церковной власти в указанной местности и пользуется ею, пока не состоится... освобождение нашего святейшего патриарха Тихона, коему и будет дан отчет во всем совершенном от его имени на благо святой нашей матери – Православной Российской Церкви».

В ВВЦУ Собором были избраны: председателем – архиепископ Донской Митрофан, товарищем председателя – архиепископ Таврический Димитрий, членами: протопресвитер Г. Шавельский, профессор-протоиерей А. П. Рождественский, граф В. В. Мусин-Пушкин и профессор П. В. Верховский.

На 4-ом заседании Собора, 22 мая, состоявшемуся событию было присвоено название Юго-Восточного Русского церковного Собора.

Участники Собора приняли постановление о переносе кафедры епископа Сухумского в Новороссийск, с наименованием епархии Черноморской и Новороссийской. И об учреждении в городе Сухуме викариатства с наименованием епископа Абхазским и Сухумским. На том же заседании было утверждено постановление о выделении Кубанского викариатства из Ставропольской епархии. С 1917 г. автономное Кубанское викариатство со своим епархиальным советом номинально находилось в ведении Ставропольского архиерея. Таким образом, 22 мая 1919 г. может считаться днем рождения самостоятельной Екатеринодарской епархии.

23 мая прихожане городских храмов двинулись крестным ходом на Александровскую площадь, где был отслужен благодарственный молебен. Затем на братской могиле у Андреевского храма, где были захоронены казненные участники офицерского восстания 1918 г., отслужили панихиду.

Созданное на Соборе ВВЦУ первоначально заседало в Екатеринодаре, затем в Таганроге и Новочеркасске. В конце августа 1919 г. в Таганрог прибыл освобожденный под давлением союзников из польского плена Киевский митрополит Антоний (Храповицкий). Он был включен в состав юго-восточного ВВЦУ в качестве его почетного председателя. По свидетельству протопресвитера Георгия Шавельского, «вступление митрополита Антония в состав ВВЦУ не изменило ни курса, ни характера деятельности последнего». Вскоре митрополит уехал в Киев, на свою архиерейскую кафедру, и фактически до декабря 1919 г. не принимал никакого участия в работе почетно возглавляемого им учреждения.

Помимо посильной заботы о беженцах, церковное управление приняло решение активизировать деятельность способных проповедников, с целью остановить разложение тыла в связи с неудачами на фронте. Сам протопресвитер Георгий Шавельский предпринял в конце января – начале февраля проповедническую поездку по некоторым станицам Кубани. «Была ли какая-либо польза от этой моей поездки?» – спрашивал себя протопресвитер много лет спустя и отвечал, «что не было никакой... моя поездка была, быть может, самоотверженным... но бесполезным исполнением долга».

Протопресвитер Георгий Шавельский сделал из этой поездки и другой, весьма примечательный вывод, что местное кубанское духовенство в массе своей было равнодушно к политике вообще и, в частности, к патриотическим призывам белых.

Как и в царской армии, в «Вооруженных Силах юга России» имелись военные священники. По данным Б. П. Кандидова, уже к началу 1919 г. в армии генерала А. И. Деникина было более 500 священнослужителей. Они не только несли службу как армейские священники, часть их участвовала в походах и боевых операциях в качестве военных командиров. Анализ мемуаров Георгия Шавельского, вступившего 27 ноября 1918 г. в должность «протопресвитера Добровольческой армии и флота», позволяет существенно скорректировать эти сведения.

«Прямого дела по моей должности, – вспоминал протопресвитер, – было очень мало. Число священников в Армии не превышало 50. Ездить по фронту не представлялось никакой возможности, так как части были очень разбросаны и раздроблены». Подведомственные Георгию Шавельскому 50 армейских священников не могли оказать заметного влияния на разлагавшийся в результате «грабежей, спекуляции, нахальства и бесстыдства дух армии». Подробно описывая эти «печальные явления» в главах с характерными названиями «Недуги Добровольческой армии» и «Закат Добровольческой армии», протопресвитер отмечал широко распространенное в офицерской среде

индифферентное отношение к вере и Церкви. Так, на собрании Союза офицеров тыла и фронта 5 марта 1920 г. в Новороссийске слово было предоставлено митрополиту Антонию. «Офицеры слушали его небрежно; некоторые, повернувшись к нему спиною, закурили папиросы».

Сознавая такое положение, руководители Белого движения, формулируя его цели, не включили в них задачу защиты веры. «По старому обычаю говорилось: «За веру, царя и Отечество». Хотели включить первую формулу и теперь, но, как рассказывает очевидец Кутепов, генерал Деникин как «честный солдат» запротестовал, заявив, что это было бы ложью, фальшивой пропагандой, на самом деле этого нет в движении. С ним согласились, и пункт о вере был выброшен из проекта. Как замечал впоследствии епископ Вениамин: «Такая откровенность делает честь прямоте генерала, но она показывает, что в Белом движении этого религиозного пункта не было, а если пользовались им, только в качестве антибольшевистской пропаганды».

После эвакуации белых в Крым в состав ВВЦУ, вместо оставшихся на Дону архиеп. Митрофана и еп. Арсения, вошли: архиеп. Феофан (Быстров), еп. Вениамин (Федченков), а также профессор прот. Сергей Булгаков. С оставлением Крыма частями армии Врангеля заканчивается деятельность ВВЦУ на территории России.

19 ноября 1920 г. состоялось заседание ВЦУ на пароходе «Великий князь Александр Михайлович», в порту Стамбула, где принимаются решения о продолжении церковно-административной деятельности.

Юго-Восточный Церковный Собор не мог остановить крушение империи по ряду объективных причин. Вместе с тем деятельность Собора и созданного им ВЦУ стали важной подготовкой, сплотившей церковные силы перед эмиграцией за пределы канонической территории РПЦ. Перед длительным периодом летописания православной жизни на чужбине майские события 1919 г. в Ставрополе стали некой «пробой пера». А Андреевский храм стал колыбелью административно-иерархической структуры Зарубежной церкви.

Использованная литература и источники

1. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). Изд., Москва, 2005.
2. Цыпин В. (прот). История Русской Православной Церкви: Синодальный и Новейший периоды (1700 – 2005). Изд. Москва, 2006.
3. Южно-Русский Церковный Поместный Собор 1919 г. в г. Ставрополе-Кавказском. /Без авт. [Машинопись]

Назарова И. М.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
кандидат исторических наук,
доцент

ФЛОРИАН ЖИЛЬ И ЕГО «ПИСЬМА О КАВКАЗЕ»

Кавказ всегда привлекал и продолжает привлекать к себе внимание ученых и путешественников. К их числу принадлежит и Флориан Антуан Жиль. Франкошвейцарец на русской службе, он преподавал французский язык цесаревичу Александру Николаевичу и был репетитором по истории у великих княжон Александры, Марии и Ольги. Позже был назначен одним из руководителей Эрмитажа. Жиль занимался систематизацией эрмитажных нумизматических коллекций; заложил основу эрмитажного собрания орденов и орденских знаков, много внимания уделял развитию эрмитажной библиотеки. Жиль много внимания уделял организации работы Эрмитажа, систематизации его коллекций, а также процедуре управления музеем. Именно он разработал основу «Инструкции управления Императорским Эрмитажем». Жиль прожил в России более 20 лет, затем, в 1864 году, уехал во Францию.

Работая в Эрмитаже с археологическими коллекциями, Жиль очень увлекся археологией и в 1858–1859 гг. совершил поездку в Крым и на Кавказ. Во время поездки Жиль собрал значительную коллекцию монет и пополнил ими собрание Императорского Эрмитажа.

По итогам экспедиции 1858–1859 гг. Жилем было написано сочинение типа мемуаров или дорожных записей – «Lettres sur le Caucase et la Crimée. Ouvrage enrichi de trente vignettes dessinees d'apres nature et une carte dresse au depot topographique de la guerre a St. Petersburg» (Paris, 1859). Этот труд – своеобразный отчет Жилия о его путешествии на юг России. Книга, по мнению директора Эрмитажа М. Б. Пиотровского, является замечательным трудом с очень интересными описаниями древностей Кавказа и Крыма. Наряду с собственно древностями, книга создает живой образ той археологической и собирательной работы, которая велась русскими властями на юге Империи. В ней предстают живые образы чиновников, внесших большой вклад в развитие русской археологии [1]. В частности, упоминаются имена И. П. Бларамберга, Дюбрюкса и других любителей археологии из числа чиновников, служащих на юге Российской империи. Будучи людьми высокообразованными и любознательными, они невольно вовлекались в изучение края, где жили и работали по долгу службы. Их стараниями были собраны многие экспонаты Керченского музея древностей и Одесского историко-археологического музея.

Это было беспокойное время. Еще продолжали идти бои затяжной Кавказской войны. Тем не менее, отчаянный исследователь-экспедиционер бесстрашно отправляется навстречу приключениям. В пути ему встречаются разные интересные люди и обстоятельства, и он подробно все это описывает.

Например, автор писал: «Я посетил Куль-Обу. Не осталось и следа от знаменитого склепа, столь неожиданно в 1831 г. открытого Дюбуа де Монпере, который содержал сокровища, находящиеся в Эрмитаже. Доброе имя этого достойного человека еще живет в Керчи, где он занимал дом, в котором сегодня... находится Временный музей. Я рад, что смог опубликовать рукописное описание открытия Дюбрюкса, сделанного им в Куль-Обе».

«По поводу Куль-Обы (Кургана останков) я узнал одно предание. Татары называли этот курган Батал-Обой (Курганом Храбреца), именем, вполне соответствующим скифскому царю, который был помещен с превеликой тщательностью, торжественностью и богатством в склеп, со своим золотым оружием, драгоценностями, царскими одеяниями и съестными припасами, а также со своей любимой женой (насильственно умерщвленной), щитоносцем и со своим боевым конем. Все они сопровождали царя, согласно вере в то, что жизнь не заканчивается по ту сторону могилы» [2].

Рассказ Жилия подтверждает сведения о скифских курганах и их содержимом. Его известия – это еще одно свидетельство того, что скифы верили в загробную жизнь. Кроме того, сообщения Жилия подтверждают известия других авторов о скифских захоронениях, и это очень важно для исторического источниковедения, так как считается, что лишь сведения, о которых есть неоднократные упоминания в исторических источниках – достоверны.

Далее Жиль, как истинный музейщик, выражает беспокойство по поводу сохранности этого кургана – как музея под открытым небом: «Курган Золотой горы начинает разрушаться: камни свода обрушиваются. Там желательно было бы произвести какие-нибудь работы по укреплению, дабы приостановить разрушения этого погребения. Руины исчезают быстро в тех местах, где обычно не хватает обработанного камня и где жители с понятной жадностью ищут древние камни».

Следуя по намеченному маршруту, Жиль посетил, что нам особенно интересно, и Ставрополь. «Ставрополь (45° широты), – писал он, – главный город Кавказской области, расположен в 340 верстах от Новочеркаска, приблизительно в 200 верстах от Пятигорска. Это город с 18 000 душ населения, расположен на плато, которое является серединой трех склонов... Это плато имеет что-то вроде гребня, что простирается на юг до подножья Эльбруса...

Геологи пытались доказать (сейчас это уже доказано – автор), что два моря – Черное и Каспийское – были взаимосвязаны перед тем, как вулканические превращения подняли землю, которая стала их разделять в связи с образованием Кавказского хребта.

Этот хребет обнаруживается близ Ставрополя и еще лучше замечается у Николаевска, что на Кубани...

В Ставрополе начинается Линия укрепленных постов, что составляют наилучшим образом организованную военную систему в крае, за которым следует надзирать и днем, и ночью.

В пяти верстах от города я обнаружил первый из этих постов. Они в определенной последовательности расположены в степи в 10 верстах друг от друга, иногда на меньшем, иногда на большем расстоянии, во всех благоприятных местностях. Есть посты из 10 человек, из 15, из 20, обязательно под командованием урядника (унтер-офицера).

Некоторые из этих постов представляют собой довольно красочное зрелище. Обычно речь идет о квадратном огороженном пространстве, прикрытом стеной из земли или камня, побеленной известью, с отверстиями амбразур, расположенных по бокам двумя выступами, напоминающими маленькие бастионы, чей огонь прикрывает все огороженное пространство поста. Над воротами возвышается башенка, маленькая платформа, установленная на столбах, своего рода надземная вышка, где постоянно дежурит караульный, чей зоркий взгляд, охватывая на горизонте 10 верст, обнаруживает и отмечает в степи малейшее подозрительное движение.

С одной из сторон внутреннего пространства поста располагается отряд охраны в маленьких казармах со складом. На противоположной стороне расположены конюшни, где, в случае необходимости, в один миг можно оседлать коней.

Эти посты заняты казаками Кавказской линии. Каждый из них вооружен ружьем, шашкой и кинжалом, висящими на тонкой кожаной закрепе, которая, в свою очередь, находится на поясе, где висят также маленький коробок для смазки при обслуживании нарезного ружья и отвертка – хитроумный инструмент для разборки и чистки всех частей оружия. Каждое из ружей снабжено 42 патронами. Казак никогда не ходит без оружия.

Пост организован таким образом, чтобы он мог обороняться несколько часов, каковым бы ни было число противников, покуда соседние посты, оповещенные стрельбой, успеют прибыть, взывая к помощи, если потребуется подкрепление, к ближайшей станице» [3].

Далее Жиль подробнее описывает города Кавказских Минеральных Вод: Кисловодск, Железноводск, Пятигорск и Ессентуки. Он

отмечает природно-климатические качества городов-курортов, рассказывает об освоении данной территории, описывает архитектурные красоты края и сетует на существование массы проблем, которые еще предстоит решить русскому правительству на Кавказе. Автор пишет: «Строения, где расположены ванны, находятся в плачевном состоянии, за исключением Елизаветинской и Михайловской галерей и Николаевских и Елизаветинских ванн, недавних построек, не оставляющих желать чего-либо лучшего... Пятигорск обладает всем необходимым, дабы превратиться в город большого значения. Воздух здесь восхитителен» [4].

Книга Жиль полна интересных описаний и подробностей, свидетельствующих об особом взгляде автора на события и факты исторического прошлого. Долгое время этот интересный труд оставался не известным широкому кругу исследователей, так как был опубликован в 1859 г. на французском языке. В 2009 г. в Нальчике это сочинение было издано в переводе на русский язык К. А. Мальбахова, что сделало его доступным всем интересующимся проблемами истории, музееведения и археологии (хотя качество перевода оставляет желать лучшего, см. подлинный текст – *Lettres sur le Caucase et la Crimée. Ouvrage enrichi de trente vignettes dessinees d'apres nature et une carte dresee au depot topographique de la guerre a St. Petersburg. Paris, 1859*).

Использованная литература и источники

1. Пиотровский М.Б. Эрмитажный путешественник // Жиль Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме / Сост. и перевод К.А. Мальбахова. Нальчик, 2009. С. 5-6.
2. Жиль Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме / Сост. и перевод К.А. Мальбахова. Нальчик, 2009. С. 267-268.
3. Там же. С. 41-42.
4. Там же. С. 52, 57.

Носачёва Е.С.,
г. Ставрополь,
Гуманитарный институт СКФУ,
студентка

Научный руководитель:
Колесникова М. Е.
заведующая кафедрой истории России СКФУ

ПРОБЛЕМА РУССКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ КАВКАЗОВЕДОВ

Начало русско-грузинских отношений относится к XV–XVI вв. Наивысшей точкой их развития является XIX в. – вхождение в состав России Грузинского царства и княжеств по просьбе правящей элиты и при единодушном желании грузинского народа, что свидетельствовало о «покровительственной и в целом очень ответственной, дружественной политике России в отношении этих государств, потребовавшей от нее огромного напряжения сил, огромных человеческих потерь» [1, с. 36].

Проблема русско-грузинских отношений представлена аспектами тесных, весьма противоречивых взаимоотношений, что и обуславливает ее дискуссионный характер. Некоторые вопросы данной проблематики раскрывают в своих трудах современные кавказоведы.

Российский историк, публицист, литератор Яков Аркадьевич Гордин, помимо общепринятых причин движения России на Кавказ, выделяет еще и культурно-психологическую причину. Он пишет: «Движение России на Кавказ имеет значительно более глубокие причины, чем военно-стратегические, геополитические и экономические. В данном случае речь пойдет о культурно-психологическом аспекте, игравшем огромную роль в российско-кавказской драме» [2, с. 112]. Российско-кавказские отношения Я. А. Гордин называет драмой, относя это прежде всего к кавказской стороне. Так, говоря о русско-грузинских отношениях, он стоит на позиции того, что Россия отплатила Грузии за ее добровольное присоединение «унижением». Под «унижением» Я. А. Гордин понимает ситуацию, сложившуюся после подписания Георгиевского трактата. Грузия пошла на его подписание для получения от России помощи в борьбе с Персией и нападками лезгин. Россия же, несмотря на условия трактата, не оказала существенной военной помощи Грузии. В итоге помощи у Грузии не было, а сам факт подписания ею данного трактата «был воспринят Персией как вызов» [3, с.9]. В результате, «в 1795 году шах Ага-

Магомет-хан, сломив отчаянное сопротивление немногочисленных войск Ираклия, взял Тбилиси, разрушил его, уничтожил и увел в плен почти половину населения города» [3, С.9]. Эти факты дали основание А. Я. Гордину считать Россию нарушителем Георгиевского трактата. Развенчивает этот миф директор института политических и социальных проблем Черноморско-Каспийского региона Владимир Захаров. Он, исследуя данный вопрос, отмечает, что Россия «после измены договору со стороны Ираклия II, не имела перед Грузией никаких обязательств»[4]. Согласно 4 артикулу Георгиевского трактата, или как он назывался официально «Договора о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России», грузинский царь отказывался от проведения самостоятельной внешнеполитической деятельности – «не иметь сношения с окрестными владетелями»[5, С. 241]. Чтобы все внешнеполитические вопросы Ираклий II мог решать быстро, при нем состоял специальный представитель Российской империи. Он имел право на любые контакты, но с участием и помощью представителя России, однако, Ираклий II стал вести переговоры сепаратно, заключив в 1786 году с пашой договор, который был ратифицирован турецким султаном летом 1787 года, «...таким образом, именно царь Грузии нарушил Георгиевский трактат и оставил Грузию без защиты от орд Ага-Магомед хана. Соответственно все ссылки на Георгиевский трактат после 1787 года бессмысленны», отмечает В. Захаров[4]. К тому же Россия все же войну с Персией начала. По приказу Екатерины II в 1796 г. русские войска вторглись в азербайджанские провинции Персии. В середине ноября русский корпус достиг слияния Куры и Аракса и направлялся в Иран. Коррективы внес Павел I, вступивший на престол и изменивший направления и приоритеты внешней политики [4]. Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что если рассматривать российскую политику в Грузии в целом, то Россия, со вступлением на престол Павла I, не закончила того, чего она не обязана была и начинать.

Причины «не завершения политики в Грузии» в первые два года правления Павла I, рассматриваются в монографии Б. В. Виноградова «Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801)». Он подробно останавливается на вопросах политики российского правительства на Кавказе, но не оставляет без внимания и русско-грузинские отношения, поскольку важным компонентом кавказской политики Павла I являлась деятельность его в Восточной Грузии (Картли-Кахетинском царстве) с 1799 г. Автор отмечает тенденцию к фактическому отказу императора от протектората над Восточной Грузией. Это он объясняет расчетами Павла по умиротворению Ирана и связывает с его планом включения Грузии в «федерацию» горских владетелей Восточного

Кавказа: «в конце 1798 года Павел изменил свой взгляд на значение Картли-Кахетинского царства в деятельности России на Кавказе»[6, с.62]. Ситуация на Северном Кавказе была прямопропорциональна безопасности в Закавказье и наоборот. Подписание Георгиевского трактата, как результата активизации внешней политики России в Закавказье, стало возможным только после относительного урегулирования отношений на Северном Кавказе. Б. В. Виноградов отмечает, что «присоединение Крыма и Георгиевский трактат необходимо рассматривать неразрывно друг от друга»[7, с. 147].

В трудах Б. В. Виноградова выделяется несколько причин усиления российской активности в Грузии, именно в 1799 г. Во-первых, этот период ознаменовывает первые свидетельства, не исключавшие инициативу с грузинской стороны по полному присоединению Картли-Кахетии к России, «в Петербург было отправлено грузинским царем посольство (Г. Чавчавадзе, Г. Авалов, Е. Палавандов) с широкими полномочиями на случай перехода Грузии в Российское подданство»[2, с. 64]. Г. А. Чавчавадзе, по поручению Ираклия II, «в условиях персидской агрессии и лезгинской опасности, просил Павла I принять Грузию под покровительство России, ввести российское законодательство, утвердить царевича Георгия наследником престола, держать в Грузии постоянное русское войско, установить единую денежную систему с изображением на монетах на одной стороне императора, а на другой – царя грузинского»[2, с. 12].

Во-вторых, осложненная отзывом русских частей, находившихся по условиям Георгиевского трактата 1783 г., внешняя и внутренняя политическая ситуация к 1799 г. в Грузии заставила Павла I отказаться от идеи преобразования ее в «федерацию» пророссийских владетелей Кавказа. Как результат этого в начале 1799 г. в Грузии началось запланированное возобновление российского военного присутствия в стране. И, как отмечает Б. В. Виноградов, «в ответ на предшествующие просьбы грузинской стороны о присылке российских войск Павлом I было приказано ген.-м. Уракову (недолгое время командовавшему Кавказской линией) приготовить егерский Лазарева полк к выступлению в Грузию»[6, с. 63].

В-третьих, в 1799 г. впервые было выполнено условие, оговоренное еще в 1783г. по георгиевскому трактату – о присутствии при грузинском дворе российского уполномоченного министра. Российским министром при царе Георгии XII в апреле 1799 г. был назначен статский советник П. И. Коваленский. Став уполномоченным по персидским делам, он получил инструкцию по «образу действий» в Грузии. Полномочия данного министра, степень зависимости от Грузии, содержание отправленных в нее российских войск, их действия – всему этому уделяет значительное внимание

Б. В. Виноградов. Не обходит он и вопрос о присоединении Грузии к России. В его оценках – это добровольное присоединение к России, хотя и не всех группировок грузинской элиты. Против были противники Георгия XII и царевич Давид, вдовствующая царица Дарья и ее сыновья-царевичи, боровшиеся за грузинский престол и за продолжение действий статей Георгиевского трактата 1783 г.

Само присоединение не имело со стороны России навязчивой идеи. Данному факту способствовала сложившаяся ситуация и жизненно важные интересы грузинского народа. К 1801 году Георгиевский трактат уже изжил себя, так как «его условия объективно не могли обеспечить стабильного внешнего положения Восточной Грузии и гарантировать внутреннее спокойствие страны, отягощенное династическими междоусобицами и набегами горцев. После неудачной попытки найти место Картли-Кахетии в составе замышляемой федерации владетелей Кавказа павловское правительство берет курс на присоединение Грузии (после «промежуточного» этапа возобновления реального действия статей Георгиевского трактата 1783 года)» [6, с. 96]. Б. В. Виноградов отмечает, что в «создавшейся обстановке присоединение Картли-Кахетии к России явилось единственным путем спасения грузинского народа от господства отсталых и агрессивных Ирана и Турции, от физического вырождения» [6, с. 96] и приводит в доказательство слова Л.Н. Гумилева о демографических последствиях присоединения Грузии: «...в 1800 году насчитывалось 800 тысяч грузин, в 1900 их было 4 миллиона» [6, с. 97]. В заключение своей работы Б. В. Виноградов делает вывод о том, что «подавляющее большинство мероприятий которого было осуществлено в царствование императора Павла I, не носило со стороны России характера завоевания или дипломатического принуждения и отвечало жизненно важным интересам грузинского народа» [6, с. 97].

Труды указанных авторов и других отечественных кавказоведов раскрывают идеи положительного потенциала российско-кавказских контактов, прогрессивность присоединения этих территорий к России, вхождения в ее состав народов региона.

Использованная литература и источники

1. Найденко А.В. Присоединение Грузии и Осетии к России в конце XVIII– начале XIX вв. (К 225-летию Георгиевского трактата и к анализу современной ситуации). - Ставрополь, 2008.
2. Гордин Я.А. Русский человек и Кавказ // Культура и общество. Альманах Фонда им. Д.С. Лихачева. - Вып. 2-3. - СПб., 2006. – С. 112-131.
3. Гордин А.Я. Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность. - СПб, 2008.
4. Захаров В. Георгиевский трактат: взгляд из России. Вечерний Тбилиси./ <http://www.vechernitbilisi.net/item.asp?id=601>

5. Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России // Под стягом России: Сборник архивных документов. – М., 1992. с. 241
6. Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796-1801). – Армавир, 1999.
7. Виноградов Б.В. Особенности российско-северокавказского взаимодействия при Екатерине II и Павле I. // Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2010. – Очерк VI.

Обухов Ю.Д.,
с. Прасковья,
Краеведческий музей села Прасковья,
директор;

Карибов Г.Г.,
с. Прасковья,
Краеведческий музей села Прасковья,
старший научный сотрудник

К АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ УСТРОЙСТВУ ПРИКУМСКОГО РАЙОНА ТЕРСКОГО ОКРУГА В 20-Е ГГ. XX ВЕКА

После установления советской власти на Северном Кавказе не осталось ни одной области и губернии, которым власти сохранили их прежние границы. Больше всего подверглась территориальным изменениям Терская область, преобразованная в губернию. В результате перераспределения территории главным образом в пользу горских народов ранее одна из крупнейших областей Северного Кавказа сократилась в два раза. Территория области узкой полосой протянулась с запада на восток: от Кавминвод, вдоль р. Терек до побережья Каспия. В начале 20-х гг. от области в очередной раз были «отторгнуты» 30% ее восточных территорий, в их числе кизлярско-ногайские степи и каспийское побережье, переданные Дагестанской АССР. В качестве своеобразной «компенсации» Терская губерния, после осуществления районирования ставшая округом¹, получила город Святой Крест и Святокрестовский уезд (район).

Административное устройство последнего в 20-е годы XX в. является объектом настоящего исследования, основанного прежде всего на документах архивов города Буденновска и Буденновского района, содержащихся там в виде архивных справок, подготовленных на основе данных Государственного архива Ставропольского края.

Начнем с небольшого экскурса в прошлое.

¹ Терский округ был образован постановлением ВЦИК от 2 июля 1924 г. Административный центр располагался в г. Пятигорске. Основное население: русские – 375,5 тыс., украинцы – 195 тыс., армяне – 21,4 тыс., немцы – 18 тыс., осетины – 7,3 тыс., ногайцы – 2,6 тыс. и др. Недолгая история округа сопровождалась непрекращающимися претензиями на ее территорию. Так, например, председатель Кабардино-Балкарского исполкома Б.Э. Калмыков еще в 1924 г. заявил о бесперспективности Терского округа и необходимости окончательного расчленения этой территории между национальными автономиями и Ставропольским округом. Увы, этому пророчеству в 1930 г. суждено было реализоваться. См.: Акопян В.З. Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20-30-е гг. XX века. Пятигорск: ПГЛУ, 2009.

Говоря о Святокрестовском уезде Ставропольской губернии, нужно принимать во внимание две основные даты. Во-первых, это 10 июня 1900 г. (по григорианскому календарю – 23 июня 1910 года) – день создания Прасковейского уезда из частей Александровского и Новогригорьевского уездов, и, во-вторых, это 29 декабря 1910 года (по григорианскому календарю – 11 января 1911 года.), когда уездным центром стал город Святой Крест, тем самым получивший статус уездного города, а сам уезд был переименован из Прасковейского в Святокрестовский¹. Итак, если говорить строго о юридической, то есть административной стороне вопроса, то на карте Ставропольской губернии Святокрестовский уезд появляется 29 декабря 1910 г. по юлианскому календарю, или 11 января 1911 года по григорианскому календарю. Но, если иметь в виду географическое расположение, площадь, административные границы уезда, а также населенные пункты, его составляющие, мы смело можем выводить эти данные из реалий, имевших место по состоянию на 10 июня (23 июня по новому стилю) 1900 г. включительно, то есть руководствоваться законодательной и документальной базой, относящейся к созданию Прасковейского уезда. Таким образом, Святокрестовский уезд является прямым продолжением его предтечи, Прасковейского уезда, и фактом своего появления обязан исключительно активной позиции горожан Святого Креста, прежде всего – его торговой и управленческой элиты, которые сумели за первое десятилетие XX века достичь количественного и качественного прогресса в развитии города и одержать победу над Прасковеей в борьбе за уездное первенство.

Что же представлял собой Святокрестовский уезд в начале 20-х гг.?

Следует отметить, что в постимперских документах все чаще и чаще, а в последующем это закрепилось как языковая норма, форма названия административного центра уезда приобрела такой вид: город Святой Крест. В период же Российской Империи наоборот, чаще использовалась такая форма: город Святого Креста. В тот же, имперский период считалось допустимым сокращать первую часть слова составного имени города в случае графического написания (приводится в современной орфографии): «город Св. Креста», «г. Св. Креста» и, реже, «город Св. Крест», «г. Св. Крест». В графическом написании названия города в 1920–1921 гг., в духе эпохи, первое слово составного названия города, то есть слово «Святой» уже, как правило, было принято сокращать до формы «Св.». Отчасти этим, на фоне общего снижения уровня грамотности, можно объяснить потерю родительного падежа в функции

¹ ГАСК ф.80, оп.1, д.432, л.16

именительного и переход доминанты от формы «город Святого Креста» к форме «город Святой Крест», или, графически: «город Св. Крест».

Нам представляется, что формулировка в «гражданском штиле» «город Святой Крест» является выхолощенной и лишенной сакрального, то есть возвышенно-скрытого, тайного и божественного смысла, которую раскрывает изначальная форма названия города, зафиксированная в пункте 3 Указа Императора Павла I от 15 апреля 1799 г.: «город Св. Креста» и в пункте 3 Указа Императора Павла I (Жалованной Грамоты) от 28 октября 1799 г.: «город Святого Креста»¹. При этом следует отметить что форма «Святокрестовский», например, «Святокрестовский уезд», не менялась. Она сохранила форму прошлых эпох. Форма «Свято-Крестовский» является новой. А то, как она используется некоторыми общественными организациями, привносит в эту форму значение новодельности. Другими словами, это скорее не новая форма, а именно новодельная, то есть задача этой формы – позиционировать нечто как форму старую, возможно даже – изначальную. Впервые появляется она и вводится в оборот в последнем десятилетии XX века, а в XXI уже попадает в официальные документы государственных и муниципальных органов и на страницы прессы. Жаль, что невдомек этим новодельцам, эдаким любителям «старины», плохо знающим свой родной язык, что с точки зрения русской грамматики конструкция «Свято-Крестовский» сравни таким же ляпам, как «Бело-Церковский», «Криво-Рожский», «Нижне-Новгородский» (форма «Нижегородский» выведена от «Ниженевгородский» и является ее редуцированным вариантом) или даже «Ново-Годний». Написание подобного рода возможно лишь в случаях, когда основная форма имеет конструкцию с дефисом, например «Орехово-Зуево» – «Орехово-Зуевский», «Каменск-Шахтинский» – «Каменско-Шахтинский», «Ленинск-Кузнецкий» – «Ленинско-Кузнецкий» и т. д. Форма «Святой Крест» к таковым, естественно, не относится. Поэтому считаем, что весьма нелишним будет здесь упомянуть и об этой проблеме. Отметим также, что вышеописанное явление является отчасти показателем общего падения уровня грамотности. Причем, если первый удар по Святому Кресту был нанесен в послереволюционный депрессивный период, то второй – в депрессию так называемого «постперестроечного» времени. Еще отметим, что волна безграмотности затронула и некоторые местные топонимы и исторические названия, так, например, форму «Карабагла» и производные от нее, сейчас «модно» писать как «Кара-Багла» или даже «Кара-Баглы»². Причем,

¹ ГАСК Ф. 235 Оп. 1 д. 109. Пергамент.

² См., например, Извещение Котировочной комиссии Администрации города Буденновска Ставропольского края № 37 от 09 июня 2009 года «О размещении заказа способом запроса котировок на оказание услуг населению города в границах территории совета территориального общественного самоуправления «Кара-Баглы» населения города Буденновска для муниципальных нужд города Буденновска Ставропольского края».

как мы отмечали выше, все это закрепляется на страницах официальных документов г. Буденновска и его печатного органа газеты «Буденновск сегодня».

Однако продолжим. В 1920–1921 гг., помимо города Святого Креста, в состав Святокрестовского уезда входили следующие волости и населенные пункты: 1. Архангельская волость: село Архангельское (официальное наименование, в документах тех лет иногда встречается и народное название этого села – Цыгановка, в дальнейшем, ниже по тексту, народные названия населенных пунктов, попадавшие в официальные документы будут приводиться в скобках, сразу за официальным наименованием) – волостной центр (далее – в. ц.); хутора Кацубин, Моздокский, Серков, Яман и разъезд Плаксейка. 2. Величаевская волость: село Величаевское (Солдатское) – в. ц. и хутор Шино-Худук (в некоторых документах – Шено-Худок). 3. Владимирская волость: село Владимирское и поселок Дьячковский. 4. Воронцово-Александровская волость: село Воронцово-Александровское – в. ц. и хутор Рог. 5. Легокумская волость – село Легокумское (Громки) – в. ц., село Бургун-Маджары, хутора Новый Буг, Новый Мост и поселок Скаржинский. 6. Николаево-Александровская волость – село Николаево-Александровское – в. ц. и хутор Зурмута. 7. Нинская волость – село Нины (Фроловка) – в. ц. 8. Новоалександровская волость – село Новоалександровское – в. ц., село Мамаевское и село Толстово-Васюковское. 9. Ново-Григорьевская волость – село Ново-Григорьевское (Федоровка) – в. ц. 10. Ново-Заведенская волость – село Ново-Заведенское (Касаево) – в. ц. 11. Ново-Романовская волость – село Ново-Романовское – в. ц. 12. Обильненская волость – село Обильное (Карамык) – в. ц. 13. Орловская волость – село Орловское – в. ц. 14. Отказненская волость – село Отказное – в. ц., хутора Горькая Балка, Золка, Корняев, Сухая Падина и поселок Отрезок. 15. Петропавловская волость – село Петропавловское – в. ц. 16. Покойненская волость – село Покойное – в. ц., хутора Берлов (в некоторых источниках – Берлев) и Лягушеский. 17. Правокумская волость – село Правокумское (Солонцы) – в. ц. 18. Прасковейская волость – село Прасковья – в. ц. 19. Преображенская волость – село Преображенское – в. ц., хутор Туханов и поселок Херсонский. 20. Солдато-Александровская волость – село Солдато-Александровское – в. ц., хутора Горькая Балка, Калмыков, Колесников, Колтуновский и Морозовский. 21. Соломенская волость – село Соломенское – в. ц., село Никольское, хутора Семнадцатый, Андреевский, Бугаевский, Максимовский и Марьяновка, поселки Ново-Гражданский, Ново-Киевский и Ново-Таврический, колонии Мирополь,

Ольгино и Романовка. 22. Стародубская волость – село Стародубское (Маслов Кут) – в. ц., поселки Архиповский (Башкирка), Добровольный (Симановка), Селивановский (Петерсталь), Колонтаровский (в некоторых документах – Калантаровский) (Гофнунгсталь), колонии Брусиловка (Либенталь), Радковская (Руэнталь), Рузковская (Эбенфельд) и станция Маслов-Кут. 23. Степновская волость – село Степновское (Гашун) – в. ц., хутора Подольский и Степновский. 24. Урожайинская волость – село Урожайное (Терновка) – в. ц.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 11 августа 1921 г. Святокрестовский уезд из Ставропольской губернии передан в состав Терской губернии, а Декретом ВЦИК РСФСР от 11 августа 1921 года Томузловская и Чернолесская волости Александровского уезда Ставропольской губернии переданы в состав Святокрестовского уезда Терской губернии.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 11 августа 1921 г. Святокрестовский уезд из Ставропольской губернии передан в состав Терской губернии, а Декретом ВЦИК РСФСР от 11 августа 1921 г. Томузловская и Чернолесская волости Александровского уезда Ставропольской губернии переданы в состав Святокрестовского уезда Терской губернии. Этим же Декретом в состав Святокрестовского уезда Терской губернии из состава Туркменского района Ставропольской губернии передана Мусса-Анджинская волость. Центр уезда – город Святой Крест.

В состав уезда 11 августа 1921 г. вошли следующие волости и населенные пункты: 1. Архангельская волость: село Архангельское – в. ц., хутора Кацубин, Моздокский, Серков и Яман. 2. Величаевская волость: село Величаевское – в. ц. и Хутор Шино-Худок. 3. Владимирская волость: село Владимирское – в. ц. и поселок Дьячковский. 4. Воронцово-Александровская волость: село Воронцово-Александровское – в. ц. и хутор Рог. 5. Легокумская волость: село Легокумское – в. ц., село Бургун-Маджары, хутора Новый Буг и Новый Мост, поселок Скаржинский. 6. Николаево-Александровская волость: село Николаево-Александровское – в. ц. и хутор Зурмута. 7. Нинская волость: село Нины – в. ц. 8. Ново-Александровская волость: село Ново-Александровское – в. ц., села Мамаевское и Толстово-Васюковское. 9. Ново-Григорьевская волость: село Ново-Григорьевское – в. ц. 10. Ново-Заведенская волость: село Ново-Заведенное – в. ц. 11. Ново-Романовская волость: село Ново-Романовское – в. ц. 12. Обиленская волость: село Обильное – в. ц. 13. Орловская волость: село Орловское – в. ц. 14. Отказненская волость: село Отказное – в. ц., хутора Горькая Балка, Золка, Корняев и Сухая Падина, поселок Отрезок. 15. Петропавловская волость: село Петропавловское – в. ц. 16. Покойненская волость: село Покойное – в. ц., хутора Берлов и Лягушевский. 17. Правокумская волость: село Правокумское – в. ц. 18. Прасковейская волость:

село Прасковья – в. ц. 19. Преображенская волость: село Преображенское – в. ц., хутор Туханов и поселок Херсонский. 20. Солдато-Александровская волость: село Солдато-Александровское – в. ц., хутора Горькая Балка, Калмыков, Колесников, Колтуновский и Морозовский. 21. Соломенская волость: село Соломенское – в. ц., село Никольское, хутора Андреевский, Бугаевский, Максимовский, Островский, Хутор Номер Семнадцать (в написании: х. № 17), колонии Марьяновка, Мирополь, Ольгино, Романовка, поселки Ново-Гражданский, Ново-Киевский и Ново-Таврический. 22. Стародубская волость: село Стародубское – в. ц., поселки Архиповский, Добровольный, Колонтаровский, Селивановский, колонии Брусиловка, Радковская, Рудковская и станция Маслов Кут. 23. Степновская волость: село Степное – в. ц., хутора Подольский и Степновский. 24. Томузловская волость: село Томузловское – в. ц. 25. Урожайненская волость: – село Урожайненское – в. ц. 26. Чернолесская волость: село Чернолесское – в. ц. 27. Мусса-Анджинская волость: аул Мусса-Анджи – в. ц.

Таким образом, можно выделить основные трансформации, которые претерпел уезд в этот период. До передачи в состав Терской губернии Святокрестовский уезд состоял из 1 города и 24 волостей, а всего из 76 населенных пунктов, из которых было городов – 1, сел – 28, хуторов – 28, поселков – 11, колоний – 6, станций – 1 и разъездов – 1¹.

11 августа 1921 года Святокрестовский уезд, уже в составе Терской губернии, состоял из 1 города и 27 волостей, а всего из 80 населенных пунктов, из которых было городов – 1, сел 30, хуторов – 28, поселков – 11, колоний – 7, аулов – 1, станций – 1 и разъездов – 1².

Отметим и качественные изменения: на административной карте Святокрестовского уезда появляется хутор Островский, в составе Соломенской волости, уточнен статус Марьяновки: из хуторов она переведена в разряд колоний. Впервые в составе уезда появляется аул. Кроме того, этот период характеризуется полной победой официальных названий населенных пунктов над их народными вариантами. Ушли в прошлое, в предания и фольклор Громки, Солонцы, Гашун, Цыгановка, Фроловка, Федоровка, Касаево, Карамык (этот топоним сохранился до наших дней в качестве гидронима: Карамык – название левого притока реки Кумы), Солдатское, Маслов Кут (сохранилось только как название железнодорожной станции), Башкирка, Симановка, Петерсталь, Гофнунгсталь, Либенталь, Руэнталь, Эбенфельд и Терновка. Правда, названия немецких колоний в период Великой Отечественной войны еще попадут на мрачные страницы официальных

¹ ГАСК ФР-1161, оп. 1, д. 36, л. 168

² ГАСК ФР-929, оп. 2, д. 292, л.л. 25-26

документов, тогда, когда этнические немцы будут подвергнуты массовому переселению¹. Именно в тот период Прикумье навсегда потеряет свое старожильческое немецкое население – после реабилитации вернулся лишь незначительный процент семей.

И только Святой Крест, несмотря на то, что Постановлением (фактически – приговором) Коллегии НКВД от 28 декабря 1921 г. был переименован в город Прикумск, а Святокрестовский уезд, соответственно, в Прикумский уезд², все еще будет появляться в официальных документах того периода под своим изначальным именем. Точнее, в его постимперской форме: г. Святой Крест, и с пояснением в скобках: г. Прикумск. А потом, уже на завершающей стадии этого явления, в такой форме: г. Прикумск (бывш. г. Святой Крест). И, наконец, Декретом ВЦИК от 19 ноября 1923 г. железнодорожная станция Святой Крест была переименована в станцию Прикумск Владикавказской железной дороги.

Остановимся несколько подробнее на вопросе возникновения топонимов «Прикумск» и «Прикумский уезд». Итак, «Прикумский уезд» – это производное от «Прикумск». По нашему мнению, есть веские основания предполагать, что инициатива переименования Святого Креста в Прикумск и Святокрестовского уезда в Прикумский уезд принадлежала центральным властям государства, а не властям Терской губернии. То есть вопрос был инициирован на самом верху, в высших эшелонах власти. Уничтожение топонима Святой Крест, конечно, вписывалось в схему «нового революционного порядка». Но кто был инициатором этого решения? Кто стоял за ним и претворил в жизнь через Коллегию НКВД?

Здесь позволим выдвинуть гипотезу. Предполагаем, что идея переименования города и уезда, да и само имя «Прикумск» принадлежат Льву Давидовичу Бронштейну (Троцкому), человеку, стоявшему в тот период времени на вершине пирамиды власти и, что немаловажно, неоднократно бывавшему в городе Святого Креста³. Удивительно, что вопрос возникновения имени Прикумск до последнего времени не интересовал историков: все сводилось к тому, что надо было, де, убрать «церковное», «старорежимное» имя Святой Крест, и выбрали имя Прикумск, потому что город «при реке Куме». Точный ответ, подтверждающий или опровергающий нашу версию, возможно, могут дать архивы. В последующих наших статьях мы более подробно остановимся на обстоятельствах переименования г. Прикумска в Буденновск...

¹ ЦДНИ СК. Ф.1., оп. 85., д. 13, л.л. 16-29.

² ГА РФ Ф-5677, оп. 2, д.192, л.47.

³ Вестник архивов Армении № 2 (108) 2006 г., стр. 204.

Согласно постановлению Президиума Терского губисполкома от 4 октября 1921 г., в состав Святокрестовского уезда Терской губернии из состава Благодарненского уезда Ставропольской губернии была принята Арзгирская волость. Таким образом, можно отметить, что в 1921 г., особенно летом и осенью того года, исполнительные функционеры Терской губернии значительно превосходили своей активной деятельностью своих коллег из Ставропольской губернии, результатом чего стала потеря последней значительных административных территорий.

На основании Постановления Терской губернской административной комиссии, с 1 января 1922 г. волости Воронцово-Александровская, Нинская, Ново-Григорьевская, Ново-Заведенская, Обиленская, Отказненская и Солдато-Александровская переданы из Святокрестовского уезда в состав Георгиевского уезда, а Соломенская и Степновская волости – в состав Моздокского уезда.

На основании этого же постановления в составе Святокрестовского уезда образована Никольская волость, упразднены Владимирская, Ново-Александровская и Преображенская волости, их территории переданы, соответственно, в состав Правокумской, Покоинской и Томузловской волостей. Как мы видим, документ оперирует формой «Святокрестовский уезд» в период с 1 января 1922 г., в то время как уезд, так же, как и город, официально были переименованы 28 декабря 1921 г. Это дает нам основание предполагать, что вопрос переименования города из Святого Креста в Прикумск и Святокрестовского уезда в Прикумский уезд решался в Москве инициативными столичными «товарищами», возможно, без особой оглядки на губернские власти.

Постановлением ВЦИК от 27 апреля 1923 г. произведено слияние и перегруппировка волостей Прикумского уезда Терской губернии: Арзгирская волость объединена с Мусса-Аджинской, Архангельская с Никольской и Стародубской, Левокумская с Величаевской, Владимирской, Правокумской и Урожайинской, Ново-Романовская – с Ново-Александровской и Петропавловской, Прасковейская – с Орловской и Покоинской, а Чернолесская – с Преображенской и Томузловской волостями.

По состоянию на 1 ноября 1923 г. Прикумский уезд состоял из 1 города и 6 укрупненных волостей: Арзгирской, Архангельской, Левокумской, Ново-Романовской, Прасковейской и Чернолесской. Всего уезд состоял из 72 населенных пунктов, из которых было городов – 1, сел – 22, хуторов – 26, поселков – 12, колоний – 3, аулов – 2, станций – 1, дач – 4, разъездов – 1¹.

¹ ГАСК ФР-3457, оп. 1, д. 157, л. 31.

Отметим, что некоторые названия существующих ныне населенных пунктов имели в то время иную форму: Орловское – ныне Орловка, Владимирское – ныне Владимировка, другую форму имели и производные прилагательные: Покоинская, а не Покойненская. А село Величаевское уже и до того времени имело устойчивую форму – Величаевское. Отметим также то, что наименование некоторых населенных пунктов проявляло определенную неустойчивость формы: Лягушеский – Лягушевский, Новоалександровское – Ново-Александровское, Степновское – Степное, Семнадцатый – Номер Семнадцать (в написании: № 17), Урожайное – Урожайненское и даже Прасковья – Прасковейское. То есть даже у бывшего уездного центра бывшего Прасковейского уезда в тот период были проблемы с фиксацией формы его наименования в официальных документах.

2 июня 1924 г. Терская губерния преобразована в Терский округ в составе 16 районов, один из которых – Прикумский¹. Окружным центром определен город Пятигорск. Постановлением ВЦИК от 22 августа 1924 г. утверждено расформирование Кубанской и Донской областей, Терской и Ставропольской губерний. В составе Юго-Восточного края, кроме автономных республик и областей, образовано 11 округов, в том числе Терский округ. Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г. Юго-Восточная область переименована в Северо-Кавказский край. Административным центром Северо-Кавказского края определен город Ростов-на-Дону.

Утвердилось деление округа на районы и сельские советы, которое пришло на смену уездам и волостям. В 1925 году в состав Прикумского района входили следующие сельсоветы и населенные пункты: 1. Районный центр – город Прикумск. 2. Новоалександровский сельсовет: село Новоалександровское; 3. Орловский сельсовет: село Орловское, хутора Горько-Балковский, Попов, Пролетарская артель и поселок Садовый. 4. Покоинский сельсовет: село Покойное, хутора Берлевский, Лягушевский, Фронт Труда, поселки Горный, Григорьевский, Куцый Яр, совхоз Красный Октябрь. 5. Прасковейский сельсовет: село Прасковья. 6. Толстово-Васюковский сельсовет: поселки Толстово-Васюковский и Мамаевский.

Итак, мы наблюдаем значительное сокращение Прикумского района, связанное с преобразованиями в административно-территориальном устройстве. Появляются новые топонимы: Фронт Труда, Красный Октябрь, Куцый Яр, которые возникли на основе мелких хуторов, в период империи принадлежавших семейству Мазаевых (иногда в документы попадало народное название хутора Фронт Труда – Мазаевка, название это, впрочем, никогда не

¹ ГА РФ Ф-5677, оп. 3, д. 259, л.л. 5-10

имело официального статуса). Кроме того, выявляется неустойчивость формы некоторых прежних названий населенных пунктов: Берлов – Берлевский. Наконец, появляется новый тип населенного пункта: советское хозяйство (совхоз), который фактически являлся поселком или хутором, либо представлял собой объединение нескольких хуторов, как в случае с Красным Октябрем.

На 1 января 1927 г. в состав Прикумского района входили следующие сельсоветы и населенные пункты: 1. Город Прикумск – районный центр и отнесенные к городу поселок Доброжеланный и совхоз Прикумское опытное поле. 2. Красно-Октябрьский сельсовет: совхоз Красный Октябрь, поселки Ново-Григорьевский и Фронт Труда. 3. Новоалександровский сельсовет: село Новоалександровское и хутор Горько-Балковский. 4. Орловский сельсовет: село Орловка, хутора Попов, Садовый, совхоз № 2 (иногда в документах обозначавшийся как «мельница Шибанковка»). 5. Покоинский сельсовет: село Покойное, хутор Роза, поселок Куцый Яр. 6. Прасковейский сельсовет: село Прасковья. 7. Толстово-Васюковский сельсовет: село Толстово-Васюковское, поселок Мамаевский (иногда в документах этот поселок именуется «Максимово»).

Постановлением ВЦИК от 23 апреля 1928 г. произведены изменения в районном делении Терского округа Северо-Кавказского края, которые коснулись и Прикумского района. Так, сельсоветы упраздненного Лвокумского района были присоединены к Прикумскому району, из бывшего Архангельского района в Прикумский район переданы Архангельский, Архиповский, Преображенский, Томузловский и Чернолесский сельсоветы. Этим же Постановлением поселок Горько-Балковский и хутор Попова из Орловского сельсовета Прикумского района переданы в состав Марьяновского сельсовета Степновского района.

В 1928 г. в состав Прикумского района входило 19 сельсоветов: Архангельский, Архиповский, Бургун-Маджарский, Величаевский, Владимирский, Красно-Октябрьский, Лвокумский, Ново-Александровский, Николаево-Александровский, Новоромановский, Орловский, Покоинский, Правокумский, Прасковейский, Преображенский, Толстово-Васюковский, Томузловский, Урожайненский и Чернолесский и город Прикумск¹.

По состоянию на 1 января 1929 г. административное деление Терского округа характеризуется наличием 11 районов, в том числе Прикумского района.

Первым отражением коллективизации и индустриализации в административно-территориальном строительстве стали ликвидация округов в русских регионах. Ликвидация округов с одновременным укрупнением районов

¹ ГАСК ФР-3457, оп. 1, д. 114, л. 15

начинает осуществляться в 1930 г. На основе решения XVI съезда ВКП(б), 17 августа 1930 г. Президиум исполкома Северо-Кавказского края принял постановление о ликвидации округов. Вместо них создаются 87 сельских районов. При этом количество районов сокращается в два раза. Они стали напрямую подчиняться краевым ведомствам.

На основании постановлений Северо-Кавказского крайисполкома от 28 декабря 1930 г. и Президиума ВЦИК от 30 января 1931 г. в состав Прикумского района переданы все сельсоветы и населенные пункты упраздненного Арзгирского района. В связи с этим в состав Прикумского района входили следующие сельсоветы: Арзгирский, Архангельский, Архиповский, Байчаринский, Бургун-Маджарский, Величаевский, Владимирский, Каменно-Балковский, Красно-Октябрьский, Левокумский, Максимо-Кумский, Мусса-Аджинский, Новоалександровский, Орловский, Покоинский, Правокумский, Прасковейский, Преображенский, Толстово-Васюковский, Томузловский, Турксадский, Урожайненский, Чернолесский, Шангринский и город Прикумск. Позднее, постановлением ВЦИК от 10 февраля 1933 г. село Широкое из Архангельского сельсовета Прикумского района передано в Стародубский сельсовет Воронцово-Александровского района.

Последующие изменения, произошедшие в административном устройстве Прикумского (Буденновского) района происходили в рамках Северо-Кавказского края, от которого был отделен Азово-Черноморский край. Однако данная тема выходит за хронологические рамки, обозначенные в названии статьи.

Итак, в рассматриваемое десятилетие мы наблюдаем непрерывный, динамичный поиск наиболее оптимального административного устройства региона. Все эти эксперименты непосредственно затрагивали и город Прикумск и Прикумской уезд: если город на одном из этапов получил в свое подчинение поселок Доброжеланный и совхоз «Прикумское опытное поле», то район претерпевал трансформации, при которых его площадь менялась более чем в 4 раза, причем, как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения.

Использованная литература и источники

1. Полное собрание законов Российской Империи, стр. 690-691. Законодательный акт № 18786 «Об образовании в Ставропольской губернии нового уезда – Прасковейского»;
2. Аджимамедов Р.Е. (М.), «Страницы истории Прикумья с древнейших времен», Буденновск, 1992 г.;
3. Леденев А.Ю., «Историческая справка о городе Святого креста», г. Ставрополь, 1988 г., рукопись (архивная справка);
4. Петровский Н.В., «Город Прикумск», г. Прикумск, 1967 г.;
5. Игнатов В.А., «Об ушедшем и уходящем», М., 1995 г.;

6. Акопян В.З., Леденев А.Ю. и Ованесов Б.Т., «Святой Крест. Исторический очерк (1799-1999)», Ставрополь, 1999 г.
7. Энциклопедический словарь Ставропольского края, Ставрополь, 2006 г.;
8. Архивная справка «О территориальном устройстве» Буденновского муниципального района Ставропольского края;
9. Архивная справка «О территориальном устройстве» отдела администрации города Буденновска Ставропольского края.
10. Правила русского языка. Российский общеобразовательный портал <http://www.school.edu.ru/default.asp> Орфография. Написания слитные и через дефис. Разделы «Написания существительных через дефис» и «Написание прилагательных через дефис».

Охонько Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
директор,
заслуженный работник культуры РФ

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ АЗОВО-МОЗДОКСКОЙ ЛИНИИ

Азово-Моздокская пограничная линия сыграла большую роль в становлении России на Кавказе. Эта линия имела не только военное, но экономическое, политическое и культурное значение, она также длительное время выполняла роль главной коммуникации между Россией и Кавказом (1, с. 246–247). Первые исследования по истории Азово-Моздокской линии принадлежат И. В. Бентковскому, который встречал еще живыми тех, кто основывал крепости на линии (2, 3, 4, 5). Опираясь на источники, он сделал вывод, что работы по организации пограничной линии между Терекем и Доном начались еще в 1776 г., когда по поручению Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора князя Потемкина-Таврического Астраханский губернатор И. В. Якоби самолично осмотрел и наметил линию, строительство которой началось летом следующего 1777 года (2, с. 472–473).

Данный вывод является вполне обоснованным, и на него ссылались все последующие историки, вплоть до настоящего времени. Однако в истории основания Азово-Моздокской линии остается одна забытая страница. Исследователи почему-то упустили такой важный эпизод, как участие в проектировании новой пограничной линии академика И. А. Гюльденштедта, который еще в 1773 г. составил первый проект линии, а в 1779 г. опубликовал ее первое описание по состоянию на тот момент.

Еще одним пробелом в истории изучения Азово-Моздокской линии является стереотипное мнение исследователей о том, что ее основание напрямую увязывается с заключением в 1774 г. между Россией и Турцией Кучук-Кайнарджийского договора (1, с. 246; 6, с. 42; 7, с. 35-36; 8, с. 61; 9, с. 68; 10, с. 65), по которому Кабарда переходила в подчинение Российской Империи.

Как известно, в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., кроме этих двух сторон участвовало Крымское ханство. Несмотря на то, что ханство являлось вассалом Турции, в орбите его влияния находились адыги Северо-Западного Кавказа и Кабарда. Последняя являлась наиболее влиятельной силой в Предкавказье в XVIII в. и контролировала территорию между Терекем и Кубанью, которая оставалась открытой в сторону южных рубежей России.

В 1772 г. российской дипломатии удалось вывести Крымское ханство из войны и подписать с ним «мирный и союзный трактат», который был заключен 1 ноября в местечке Карасу, а 29 января 1773 г. ратифицирован российским правительством (11). Пункт 3 данного трактата определял, что «большая же и малая Кабарды состоят в подданстве Российской Империи». Артикул 21 Кучук-Кайнарджийского «трактата вечного мира», заключенного 10 июля 1774 г., гласил: «Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами, большую связь имеют с Ханами Крымскими; для чего принадлежность их Императорскому Российскому Двору должна предоставлена быть на волю Хана Крымского, с советом его и с старшинами Татарскими» (12).

Таким образом явствует, что переход Кабарды под власть России де юре состоялся на основе трактата 1772 г. Кучук-Кайнарджийский трактат даже не подтверждает данный факт, как иногда пишут историки, а полностью оставляет его на усмотрение России и Крыма, которые почти за два года до этого уже решили данный вопрос.

Этот вывод имеет важное значение в связи со вторым вопросом данного доклада, а именно – начало проектирования Азово-Моздокской линии, которое началось не в 1776 г., а в 1773, сразу же после подписания договора с Крымом.

Первый проект Азово-Моздокской линии был составлен русским академиком Иоганном Антоном Гюльденштедтом (1745–1781). Выходец из Прибалтики, получивший образование в Берлине, он в 1768 г. был приглашен для участия в экспедициях по изучению вновь присоединенных окраин России. С 1770 по 1773 год он в течение трех с половиной лет работает на Кавказе, где изучает местную природу, географию, население. Вернувшись в Санкт-Петербург, он умер во время эпидемии чумы в 1781 г.

В 1779 г. он успел опубликовать труд под названием «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между Терекком и Азовским морем». А его основной труд «Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг.» был опубликован академиком П.-С. Палласом в 1787 г. В наши дни эти труды опубликованы заново, благодаря чему мы располагаем новыми данными о возникновении Азово-Моздокской линии (13; 14).

Летом 1773 г. И. А. Гюльденштедт заканчивал свою экспедицию на Кавказе и возвращался в столицу для подведения ее итогов. Свой обратный путь он мог совершить по освоенному тракту через Кизляр, Астрахань и Царицын. Однако он по своей инициативе предпочел другой путь – «опаснейший и труднейший и никем еще из наблюдателей не описанный... от Моздока к лежащим по Дону близ Азовского моря местам – Черкасску и Азову» (13, с. 5).

Главной целью этой поездки автор считал составление проекта новой пограничной линии в продолжение старой линии по Тереку. Для начала он со знанием дела излагает историю создания линии от устья Терека до Моздока. Значение новой «Моздокской» линии он определяет следующим образом: «Благодаря этой линии граница между Терекком и Доном будет так укреплена, что при полагающемся патрулировании никто не сможет пройти незамеченным. Этим самым будет укреплена не только астраханская дорога из Кизляра, но и дорога, идущая из Моздока в Царицын и Черкасск и оттуда в Крым, к большой выгоде купцов, которые на этой дороге потеряли большие суммы. Благодаря этой же линии будет, во-вторых, защищен доступ к расположенным у Кумы и Маныча соленым озерам...» (14, с. 306).

С 12 июня по 22 июля 1773 г. А. И. Гюльденштедт в сопровождении отряда казаков и кабардинцев проделал конный путь по следующему маршруту, который мы нанесли на современную карту: Моздок – Баксан – Пятигорье. Отсюда с 3 по 8 июля ученый совершил поездку в Маджары (на месте современного Буденновска) по маршруту гора Бештау – гора Лысая – Георгиевск – Александровское – отсюда по долине р. Томузловки до Маджар и обратно вдоль Кумы и Подкумка к Бештау. 9 июля экспедиция направилась из Пятигорья к вершинам Калауса и далее по маршруту: Северное – Ставрополь – Московское – Безопасное – Красногвардейское – Сальск – Старочеркасск. Находясь на Калаусе в районе будущей крепости Северной, он замечает, что от этой крепости в сторону Моздока «могут быть заложены 5 сел, отстоящие друг от друга на 20–25 верст, а именно у Бибала, Донгусле, у Карамикле, у Кумы при бросе Каниши, у Куры и потом на В. (восток – авт.) еще два села, ниже по Куре; последнее из них от Моздока...будет отдалено приблизительно на 25 верст» (14, с. 294). По сути дела это и был левый фланг будущей Азово-Моздокской линии, укрепления которой возводились на речках Куре, Куме, Томузловке и Буйволе. Летом же 1773 г. А. И. Гюльденштедтом прокладывался правый фланг линии.

Исследователем было предложено два варианта линии. Один шел от Моздока к Пятигорью, отсюда к верховьям Егорлыка и далее вдоль Егорлыка до Маныча. Однако этот вариант, по мнению И. А. Гюльденштедта, имел такой недостаток, как большое расстояние и близость закубанских народов. Предпочтительным вариантом он считал направление прямо от Моздока к Куре, отсюда к Куме, затем по вершинам Карамыка и Буйволы к Калаусу и далее к Егорлыку, а затем вдоль него к Манычу (14, с. 304). При этом ключевым местом пограничной линии И. А. Гюльденштедт считал местность напротив Бештау, где, по его мнению, следует разместить военный корпус численностью в пять тысяч человек. Отметим, что при возведении линии в

1777 г. именно здесь была расположена главная крепость линии – Георгиевская. А в 1780 г. в районе г. Пятигорска закладывается крепость Константиногорская, которая входила в систему Азово-Моздокской линии.

По пути исследователь описывал рельеф местности, прокладывал маршрут по компасу с указанием расстояния в часах конской езды, отмечал наличие водных ресурсов, качество воды, наличие леса или камыша для топлива, наличие строительных материалов, качество почв, места для пастбищ и сенокосов, животный и растительный мир (14, с. 304–305). При этом, исходя из имеющихся природных ресурсов, он выбирал места, пригодные для поселений, которые он именовал «колониями».

В этом и состояла главная миссия А. И. Гюldenштедта. Он как естествоиспытатель, до прихода военных топографов и фортификаторов, должен был оценить ресурсы той или иной местности, для обеспечения жизнедеятельности войск и казаков, которых предстояло разместить на линии. Для этого в первую очередь требовались качественная вода, пастбища, сенокосы, пахотные земли, наличие строительных материалов и топлива, на что в первую очередь и обращал внимание ученый.

На участке от р. Калаус до Маныча он определил 10 мест, где могли бы располагаться такие «колонии». На территории Ставрополя к таким местам он отнес современное с. Северное, г. Ставрополь, верховья р. Ташлы (Калаусской) в районе с. Московского, с. Безопасное, с. Птичьё, с. Дмитриевское, с. Привольное (возможно там, где впоследствии будет основано село Вестославское и возведен хорошо сохранившийся до наших дней редут Вестославский). Окончательный выбор мест для укреплений он оставлял на дальнейшее усмотрение военных топографов и фортификаторов.

По приезду в столицу ученый составил о намеченной линии подробный отчет и карту, которые он «переслал в Императорскую академию наук в одном отправленном рапорте» (13, с. 5). Из Академии отчет был «Ее Императорскому Величеству предложен, и вскоре потом воспоследовало повеление сторону сию вернее инженерам с инструментами снять и места для крепостей точно назначить» (13, с. 5). Эти работы были выполнены в 1776 – 1777 гг. опытным топографом и фортификатором подполковником И. И. Германом под общим руководством Астраханского губернатора, генерал-майора И. В. Якоби, которого князь Г. А. Потемкин рекомендовал Екатерине II как «испытанного уже в пограничных делах начальника» (1, с. 247).

Как известно, 24 апреля 1777 г. Екатерина II утвердила представленный князем Г. А. Потемкиным доклад «Об учреждении линии от Азова до Моздока» (15). Анализ этого документа позволяет сделать вывод о том, что при его составлении были учтены многие предложения, высказанные академиком

И. А. Гюльденштедтом при обследовании им новой пограничной линии в 1773 г. Основные авторы доклада Г. А. Потемкин, И. В. Якоби и И. И. Герман использовали материалы академика при проектировании Азово-Моздокской линии, которая сыграла важную роль в становлении российского государства на Северном Кавказе.

В 1779 г. И. А. Гюльденштедт опубликовал описание Азово-Моздокской линии с приложением карты, которую он «сочинил отчасти из собственных... в сих странах учиненных наблюдений и там собранных известий, а отчасти из новейших в 1776 и 1777 годах г-ном подполковником Германом снятых геодезических планов» (13, с. 5). В этом описании он дает характеристику построенным к тому времени семи крепостям – Екатериноградской, Павловской, Марьинской, Георгиевской, Андреевской, Александровской и Ставропольской. В описании дается местоположение крепости, расстояние от нее до соседней крепости, форма в плане и размеры, характеристика укреплений с учетом рельефа местности, количество батарей.

В дополнение к этому указывается наличие редутов, расположенных между крепостями. Один редут располагался между Екатериноградской и Павловской крепостями, два редута между Георгиевской и Андреевской крепостями, один редут между Андреевской и Александровской крепостями и три редута между Александровской и Ставропольской крепостями, а всего семь редутов.

По описанию И. А. Гюльденштедта в 1779 г. от Ставропольской крепости в сторону Кубани линии как таковой не было. Здесь он отмечает только цепь редутов. Два из них располагались на южной оконечности Черного леса в 50 верстах от Ставропольской крепости и предназначались для связи с кубанскими укреплениями. Вдоль Кубани, которую автор называет «природной пограничной линией», насчитывалось четыре редута.

Для усиления правого фланга границы И. А. Гюльденштедт предлагал построить укрепленную линию вдоль р. Еи и вывести ее на соединение с Азово-Моздокской линией.

Составляя проект укрепленной линии между Терекон и Доном, он заодно описал народы, с которыми линия соприкасалась.

Таким образом, следует считать, что у истоков создания Азово-Моздокской линии стоял русский академик, естествоиспытатель Иоганн Антон Гюльденштедт, работы которого несомненно помогли будущим строителям выбрать наиболее оптимальный вариант ее прокладки и разместить здесь 9 крепостей с казачьими станицами и цепью редутов.

1. Охонько Н.А. Азово-Моздокская линия и ее роль в становлении России на южных рубежах (к 225-летию основания) // Ставропольский хронограф на 2002 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2002.
2. Бентковский И.В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношении // Кавказский календарь на 1855 год. – Тифлис, 1854.
3. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1869. –Выпуск 2.
4. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о городе Ставрополе // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1870.
5. Бентковский И.В. Ставропольская старина // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. – Ставрополь, 1910. – Том VI.
6. Рудницкий Р.Р. Исторические предпосылки создания Азово-Моздокской оборонительной линии. – Пятигорск, 2003.
7. Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.
8. Стеценко Н.К. О причинах строительства и функциях Азово-Моздокской линии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007, № 6.
9. Ряснянская Н.А. Влияние крепостей Азово-Моздокской укрепленной линии на процесс формирования городов юга России в XVIII веке // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009, № 1.
10. Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. Военно-политическая история Северного Кавказа XVI-XIX вв.: факты, события, люди. – Ставрополь: Из-во СГУ, 2009.
11. Полное собрание законов Российской Империи. – Собр. 1, т. XIX, № 13.943.
12. Полное собрание законов Российской Империи.– Собр. 1, т. XX, № 14.164.
13. Гюльденштедт И.А. Географические и исторические известия о новой пограничной Линии Российской Империи, проведенной между Терекком и Азовским морем. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
14. Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002(*).
15. Полное собрание законов Российской Империи. – Собр.1, т. XX, № 14.607.

* *Примечание.* Составители и издатели данной книги пишут фамилию Гильденштедт через **и**. Однако в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, а также в «Большой советской энциклопедии» принято написание этой фамилии через **ю** – Гюльденштедт. Мы предпочли последний вариант.

Пантюхин А. М.,
г. Ставрополь,
Ставропольская духовная семинария,
преподаватель,
дьякон

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ АНДРЕЕВСКОГО СОБОРА Г. СТАВРОПОЛЯ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО РУССКОГО ЦЕРКОВНОГО СОБОРА

В ноябре 1917 г. в результате Октябрьской революции к власти в России пришли большевики. Оппозиционные силы, желавшие сохранения власти и прекращения террора в стране, организованно выступили против революции. Началась Гражданская война. В ночь на 1 января 1918 г. в Ставропольской губернии была установлена советская власть [1]. Практически сразу начался красный террор в отношении священнослужителей и мирян. Менее чем за полгода советской власти в Ставропольской епархии было убито 37 священно- и церковнослужителей [2].

21 июня 1918 г. Ставрополь был занят белогвардейскими войсками. С установлением белогвардейского режима в Ставрополе, архиепископ Агафодор (Преображенский) издал послание, в котором призывал верующих выступить в поддержку Добровольческой армии [3]. II половина 1918 – начало 1920 гг. стали временем подчинения Русской Православной Церкви на Ставрополье белогвардейской власти. С одной стороны, этого подчинения требовали сами белые и казачьи органы власти, с другой – большое число священнослужителей было готово подчиняться любой власти, избавившей их от тех ужасов большевистского террора, которые обрушились на местное духовенство в первой половине 1918 г.

В апреле 1919 г. было принято решение провести Церковный Собор Юга России, целью которого стала координация епархий РПЦ на территориях, занятых белыми, а также расширение миссионерской работы. Одной из центральных тем Собора стало отношение Церкви и духовенства к большевистскому режиму. Открытие Собора состоялось 19 мая 1919 г. в Андреевской церкви г. Ставрополя [4]. Юго-восточный русский церковный Собор стал отправной точкой новой эпохи в истории Андреевской церкви г. Ставрополя. За проведение этого «антисоветского» мероприятия Андреевской церкви, как и всей Ставропольской епархии, пришлось сполна ответить перед большевистским режимом.

В конце февраля 1920 г. Красная Армия захватила Ставрополь, была установлена советская власть и запущен механизм ускоренного введения

антирелигиозного законодательства 1917–1920 гг. Были в срочном порядке закрыты все духовные учебные заведения, от школ до Семинарии, закрыты все домовые храмы в учреждениях, введен гражданский брак.

Изменения коснулись и Андреевской церкви г. Ставрополя, настоятелем которой к тому времени был игумен Серафим (Надворный). В соответствии с советским религиозным законодательством, 31 мая 1920 г. были избраны церковно-приходской совет, для административно-хозяйственного управления приходом, и Ревизионная комиссия, для контроля за финансовой деятельностью храма [5]. На первом заседании церковно-приходского совета было избрано правление прихода и был решен вопрос об организации церковного хора в Андреевском храме [6].

Весной 1922 г. началось изъятие ценностей из всех храмов. Ставропольский епископ Димитрий заявил о лояльной позиции епархии к политике изъятия [7]. Уже к 4 апреля были образованы специальные комиссии по изъятию. Представителями от Андреевской церкви были настоятель игумен Серафим (Надворный), староста – Жилиев, член церковного совета – Парадиев. В храмах г. Ставрополя, в том числе и Андреевском, изъятия прошли с 5 по 14 апреля 1922 г. [8].

Осенью 1922 г. проблемы Андреевской церкви еще более обостряются в связи с начавшейся в губернии кампанией по насаждению обновленчества. Обновленческое Ставропольское Епархиальное Управление, стремившееся к захвату максимального количества приходов, сразу же облагало захваченные храмы непосильными поборами. Уже 16 ноября 1922 г. Андреевскому собору было указано отчислять 1/3 храмовых доходов на содержание обновленческого епископа, а также отвечать за отопление помещений Епархиального Управления [9].

Два года – с осени 1922 г. по осень 1924 г. – Андреевский храм принадлежал обновленцам. При этом настоятелем так и остался игумен Серафим (Надворный), вынужденный перейти в обновленчество для сохранения возможности священнодействовать. При этом он, в отличие от некоторых других обновленческих священнослужителей, не стал отказываться от монашества и вступать в брак, а также ввязываться в различные авантюры. Отец Серафим, ограниченный советским законодательством в приходской деятельности, стал стремиться сделать для храма хотя бы то, что можно по закону. Воспользовавшись некоторым улучшением положения обновленческого духовенства, настоятель добился создания в храме специальной ячейки, ответственной за благотворительность. Также на должность регента был приглашен известный музыкант В. Д. Беневский [10].

Игумен Серафим старался сохранять верность Патриаршей Церкви, лишь номинально признавая обновленческие органы церковной власти. Патриарх Тихон во время богослужений в Андреевской церкви поминался до 11 сентября 1923 г., т. е. до официального запрещения [11].

Летом 1923 г., с приездом на ставропольскую обновленческую кафедру епископа Георгия, началось усиление давления на Андреевский собор. 15 июля Епархиальной Комиссией по определению прихода для Андреевской церкви г. Ставрополя была выделена территория, которая должна была стать источником дохода для храма [12], а значит и поборов в пользу обновленческого Епархиального Управления. То есть обновленцы попытались коммерциализировать церковь для увеличения доходов своих иерархов. Были установлены новые поборы: на содержание Высшего Церковного Совета – 5 руб./мес., на покрытие расходов по приезду епископа – 15 руб., на содержание Епархиального Совета и епископа – 50 руб./мес., на содержание благочинного – 30 руб./мес. [13].

Интересно отметить, что обновленцы пытались установить тотальный контроль над своими приходами: на кандидата в священники, диаконы или псаломщики должны были составляться отзывы благочинного, настоятеля и церковно-приходского совета. Тщательно проверялась вся документация и лояльность обновленческим органам церковной власти клира и мирян.

Эти меры не могли не вызвать сопротивление настоятеля Андреевского собора и верующих. Противостояние продолжалось более года. Клир и миряне в борьбе против обновленцев широко использовали советское законодательство, право прихожан выбирать священника. Летом 1924 г. игумен Серафим (Надворный) был запрещен в служении, но церковно-приходской совет отказался не только признавать это запрещение, но и принимать других священников [14].

Противостояние Андреевского прихода с обновленческим епархиальным руководством завершилось выходом храма из юрисдикции обновленцев в ноябре 1924 г. [15]. 22 ноября 1924 г. приход вошел в молитвенно-каноническое общение с архиереем Патриаршей церкви Александровским епископом Рафаилом [16]. В январе 1925 г. храм был зарегистрирован как приход Патриаршей церкви, настоятелем был избран священник Симеон Колбасенко [17].

В 1925 г. начались трудные годы бедственного положения Андреевской церкви. При этом осознание верующими своей принадлежности к канонической Церкви придавало сил и воодушевления. Ощущалось единство иерархии, клира и мирян. В 1926 г. верующие прихода выразили желание пригласить правящего архиерея – архиепископа Иннокентия (Ястребова) на престольный праздник

[18]. При этом возникла стойкая неприязнь к обновленцам – всех избираемых священников заставляли доказывать свою принадлежность к Патриаршей церкви и непричастность к раскольникам [19].

В 1933 г. постоянной комиссией по вопросам культов при президиуме Северо-Кавказского Крайисполкома стал подниматься вопрос о закрытии Андреевского храма. 17 мая был решен вопрос о снятии и переплавке колоколов на нужды государственной промышленности [20]. 21 декабря Комиссия постановила закрыть храм и передать его помещения под клуб и политехнические мастерские ставропольских детских домов [21]. Позднее здание Андреевской церкви передали в архивное ведомство, и оно было превращено в архивное хранилище документов дореволюционной эпохи.

С августа 1942 г. по январь 1943 г. в Ставрополе продолжалась немецко-фашистская оккупация, и именно в это время Андреевский собор обрел свою вторую жизнь. В октябре 1942 г. по настоянию румынских солдат немецкими властями было разрешено открыть Андреевский собор. Для совершения богослужений было привлечено обновленческое духовенство Успенского храма г. Ставрополя. Настоятелем Андреевского собора стал обновленческий священник Николай Польский [22]. Архивные документы были перевезены в Краеведческий музей. Первую Литургию в храме отслужили 1 ноября 1942 г. [23].

С изгнанием немцев и установлением в Ставрополе советской власти Андреевский храм остался в руках обновленцев. В декабре 1943 г. при Крайисполкоме была учреждена должность уполномоченного по делам Русской Православной Церкви. Община верующих Андреевского собора была зарегистрирована у уполномоченного только 18 сентября 1944 г. [24].

Весной 1945 г. в Андреевском соборе обновленческим духовенством г. Ставрополя во главе с «митрополитом» Василием Кожиным было принесено покаяние в расколе, после чего архиепископ Антоний (Романовский) совершил чин принятия их в молитвенно-каноническое общение с Русской Православной Церковью.

После этого началось упорядочение приходской жизни храма под мудрым архипастырским руководством архиепископа (с февраля 1962 г. – митрополита) Антония (Романовского). После кончины митрополита Антония Ставропольский уполномоченный по делам Русской Православной Церкви добился закрытия архиерейской Крестовоздвиженской церкви. Епархиальное управление в 1963 г. при епископе Михаиле (Чубе) было переведено в Андреевский собор. Этим событием открылась новая эпоха в жизни Андреевской церкви: сюда была перенесена кафедра Ставропольских и Бакинских архипастырей.

Андреевский собор со времени проведения Юго-восточного русского церковного Собора и до получения им статуса Кафедрального можно считать символом эпохи церковных гонений на Ставрополье. Все основные события епархиальной жизни этого периода наиболее полно отражены в истории Андреевского собора, благодаря чему его можно считать живой памятью, носителем истории.

Использованная литература и источники

1. Зверева Л.А. Властные структуры на Ставрополье в первые годы советской власти // Сборник научных трудов. Серия «Право». Северо-Кавказский регион: проблемы истории и права. Вып. 2. – Ставрополь, 2000. С. 54
2. Обращение Церкви Екатеринодарской к христианским Церквам всего мира // Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Фельштинского Ю.Г. и Чернявского Г.И.; <http://ricolor.org/history/kt/ktr/sp/>
3. ГАСК, Ф. 237, Д. 78, Л. 15–18
4. Кандидов Б. Церковно-белогвардейский собор в Ставрополе в мае 1919 г. М. Госиздат, 1930. С. 49
5. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 1, Л. 1
6. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 1, Л. 2
7. ГАСК, Ф. Р-388, Оп. 1, Д. 26, Л. 7
8. ГАСК, Ф. Р-388, Оп. 1, Д. 26, Л. 77
9. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 3, Л. 55
10. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 1, Л. 61
11. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 3, Л. 62–62об.
12. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 3, Л. 58
13. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 3, Л. 57–57об.
14. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 5, Л. 2об.; Д. 6, ЛЛ. 16, 18–18об., 19–19об., 23, 25; Д. 7, Л. 9
15. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 5, ЛЛ. 9, 12-12об.; Д. 6, Л. 35
16. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 6, Л. 40–40об.
17. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 10, ЛЛ. 9–12
18. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 14, Л. 14
19. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 14, Л. 25
20. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 38, Л. 6–6об.
21. ГАСК, Ф. Р-631, Оп. 1, Д. 38, Л. 13–13об.
22. Шишкин Е.Н. Жизнеописание Высокопреосвященного Антония (Романовского), митрополита Ставропольского и Бакинского. Ставрополь, 2005. С. 58
23. Беликов Г. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. С. 109.
24. ГАСК, Ф. Р-5171, Оп. 1, Д. 24, Л. 2–2об.

Петренко В. Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ СТАВРОПОЛЯ В XIX ВЕКЕ

В 1777 году для строительства крепости, разросшейся в дальнейшем в город, прибыло всего несколько сотен солдат. Но по мере того, как крепость утрачивала свои функции, а возле нее появлялись поселения, например, казачья станица, Солдатские слободки, Мещанский Форштадт, население, естественно, увеличивалось. Так, например, в 1779 году в Ставрополь прибыло 332 отставных солдата, в 1782 году их насчитывалось уже 494 человека. В мае 1785 года Ставрополь получает статус города. Осенью этого же года из внутренних губерний России сюда прибыло сразу 843 переселенца. В 1804 году в этом населенном пункте уже проживало около 3 тыс. человек. Увеличились миграции в Ставрополь и после того, как 24 июля 1822 года Ставрополь становится центром Кавказской области и в него переводятся к 1824 году все присутственные места из г. Георгиевска. 2 мая 1847 года подписан именной указ «О переименовании Кавказской области в Ставропольскую губернию» с центром в городе Ставрополе. В 1866 году в городе проживало уже 20 545 жителей, из них 12 372 мужчины и 8 173 женщины. Рост населения во второй половине XIX века представлен в докторской диссертации К. Бахутова (1881).

	Муж.	Женщ.	Об. п.
1872 г.	16652	12965	29617
1873 г.	16892	13239	30131
1874 г.	17133	13559	30692
1875 г.	17342	13933	31275
1876 г.	17493	14197	31690
1877 г.	17686	14528	32214
1878 г.	17681	14592	32273
1879 г.	18292	14980	33278

Из цифр, приведенных выше, можно сделать вывод, что с 1872 по 1879 год (за 8 лет) население города Ставрополя не очень сильно изменилось. Оно увеличилось всего на 4 661 человека. Просматривается интересная тенденция, что мужчин в городе в то время было больше, чем женщин, правда, эта разница за 8 лет лишь незначительно уменьшилась, с 3 657 до 3 312 человек. По материалам первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в Ставрополе насчитывалось уже 41 590 человек.

Динамика изменения социальной структуры г. Ставрополя в XIX веке:

	Дворянство	Духовенство	Купечество	Мещанство	Крестьянство	Нижние воинские чины и отставные	Остальные категории	Всего
1811 г.	125 (6%)	22 (1%)	332 (15,9%)	896 (42,7%)	316 (15,1%)	341 (16,2%)	65 (3,1%)	2097
1838 г.	1021 (13%)	83 (1,1%)	285 (3,9%)	2426 (33,3%)	125 (2,7%) ?	2824 (38,7%)	532 (7,3%)	7296
1846 г.	1091 (8,6%)	180 (1,4%)	1086 (8,6%)	3464 (27,4%)	1842 (14,7%)	3795 (30,2%)	1142 (9,1%)	12637
1853 г.	796 (4,5%)	189 (1%)	1318 (7,5%)	5080 (28,9%)	1776 (10%)	5898 (33,5%)	2566 (14,6%)	17623
1872 г.	3790 (12,8%)	1058 (3,6%)	1411 (4,8%)	10124 (34,2%)	3451 (11,7%)	6793 (22,9%)	2990 (10%)	29617
1897 г.	4044 (9,7%)	1350 (3,2%)	672 (1,6%)	22577 (54,3%)	10218 (24,6%)	-	2472 (6,4%)	41590

Города Ставропольской губернии, возникнув как опорные укрепленные пункты оборонительной линии, долгое время выполняли в основном функции военно-административных центров. Выросшие из крепостей, они имели одну общую особенность: все они сначала состояли из укрепленного места и казачьей станицы. Отсюда проистекала и основная специфика складывания социальной структуры в северокавказских городах на раннем этапе их истории: в их социальной иерархии были представлены такие категории, как городские обыватели (купцы, мещане, ремесленники) и военные¹. Города Ставрополя представляли собой в конце XIX – начале XX вв. молодые, тесно связанные с сельской округой, небольшие по размерам провинциальные населенные пункты. По внешнему облику, уровню и темпам развития, формам городской жизни они уступали городам Центральной России. В то же время ставропольские города имели специфические особенности, обусловленные особым положением губернии как пограничной территории, относительно недавно вошедшей в состав Российской империи. Города были специфичны и в этническом отношении: все они были многонациональными и являлись зонами экономических, культурных, религиозных, социальных контактов представителей различных народностей и вероисповеданий. В пореформенные годы темпы роста городского населения обгоняли общие темпы роста населения: с 1863 по 1897 г. все население Северо-Кавказского края увеличилось на 53,3%, городское же – на 97%². Эти темпы были выше среднероссийских, однако по-прежнему в городах Ставропольской губернии проживала только незначительная часть населения – 9,5% (для сравнения: по всей Российской империи, согласно переписи 1897 г., в городах проживало 12,8% всех жителей)³. В процессе пореформенной колонизации Предкавказья

¹ Маловичко, С.И. Полидисциплинарный статус истории пограничных областей и изучение локальной истории Северного Кавказа / С.И. Маловичко // Запад - Россия – Кавказ. – Вып. 2. – Ставрополь-Москва, 2003. – 41 с.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – Т. 5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – Т. 6.

³ Очерки истории Ставропольского края. Т.1. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – 285 с.

росло население городов, изменялась социальная структура городских обществ. Об этом дают достаточное представление материалы первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Самым населенным городом оставался Ставрополь, однако, по темпам роста населения он уступал Георгиевску и Пятигорску. Согласно имеющимся данным, за пятьдесят лет, а именно с 1847 по 1897 г., число жителей Георгиевска возросло в 5,9 раза, Пятигорска – в 4,8, Ставрополя – в 3,3 раза. Отставание темпов роста населения Ставрополя объясняется тем, что только к концу XIX в. город был соединен железной дорогой с главной магистралью Владикавказской дороги¹. К концу XIX в. произошли изменения в социальной структуре городского населения. Если в 1847 г. городские сословия (купцы и мещане) составляли в Ставрополе 36%, в Пятигорске – 25%, в Георгиевске – 51,5%, то в 1897 г. их доля выросла в Ставрополе и Пятигорске соответственно до 55,9% и 55,2%, а в Георгиевске снизилась до 44,2%. Крестьянский характер пореформенной колонизации территории Ставрополя сказался и на социальной структуре городского населения. Характерно, что доля крестьян в составе населения городов увеличилась. Если в 1846 г. доля крестьян составляла в Ставрополе 14,7%, в Пятигорске – 16,4%, в Георгиевске – 2,6%, то в 1897 г. она выросла соответственно до 24,6%; 31,4%; 48,5%. Среди жителей Ставрополя в 1897 г. были представлены уроженцы пятидесяти губерний Европейской России. Большинство прибыло из Воронежской, Курской, Полтавской, Харьковской, Пензенской, Орловской, Калужской, Тульской губерний и Донской области. Русские составляли подавляющее большинство горожан – 87,2%, украинцы – 2,7%, армяне – 1%. В сфере материального производства в 1897 г. числилось: в Ставрополе – 40,7% населения, в Пятигорске – 35,4%, в Георгиевске – 49,9%, в Св. Кресте – 72,7%. Что касается Ставрополя, то здесь ремеслом и промышленностью занималось 25,3% жителей. В большинстве своем это были строители, рабочие предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства, портные и сапожники. Преобладали мелкие кустарные заведения. 15,4% горожан сеяли хлеб, разводили сады и огороды, ухаживали за скотом. Большая доля городского населения была занята в торговле, на коммунальных предприятиях и различных работах по найму. Так же и в городах Ставропольской губернии отмечалась большая абсолютная и относительная численность жителей, занятых в сельскохозяйственном производстве: они составляли около половины всего населения городов. Количество же горожан, занятых в промышленности, было незначительным – 9,77%. Очень малым – 3–4% – был и

¹ ГАСК. – Ф. 79. – Оп. 2. – Д. 398. – Л. 5-7, – С. 13-14.

процент занятых в торговле. Что касается пролетариата губернии, то он формировался за счет как пришлого (из старых промышленных центров страны), так и местного населения. Следует отметить, что местное безземельное население в значительной своей части либо не шло совсем, либо шло в малом количестве в фабричные рабочие, из-за нежелания отходить от привычных им производственных отношений, уклада жизни, традиций и т. д. Объективно многие из них заведомо не были подготовлены к труду на крупном промышленном предприятии ни профессионально, ни психологически. Фабрика же нуждалась в рабочих, способных управлять машинами и выполнять другие, довольно сложные производственные операции. Поэтому привлечение в губернию квалифицированной и даже малоквалифицированной рабочей силы извне было явлением неизбежным. Рабочие индустриальных центров Европейской России и Украины, за счет которых в первую очередь формировались промышленные кадры в Ставропольской губернии, принесли с собой профессиональные знания и навыки, необходимые в фабрично-заводском производстве. Источником средств существования рабочих была заработная плата, которая колебалась от 20 до 65 руб. в месяц, в зависимости от квалификации, разряда и стажа работы. Обратной стороной торгово-промышленного развития городов стал рост непроизводительного населения. Это были, в основном, пауперы и люмпенизированные слои. Таким образом, социально-классовая структура населения городов Ставрополья в конце XIX – начале XX вв. приобрела черты, характерные для индустриальной эпохи. Пореформенные годы изменили этот регион, хотя он оставался по-прежнему преимущественно аграрным по территориальной организации, социальному составу и образу жизни основной массы жителей.

Савенко С. Н.,
г. Пятигорск,
Пятигорский краеведческий музей,
директор музея,
кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ

**СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ МАЛОИЗВЕСТНЫХ УЧАСТНИКАХ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПОХОДОВ
1812–1814 ГГ. НА КАВМИНВОДАХ**

Важной темой уходящего **Года истории** в России является участие и победа россиян в Отечественной войне 1812 года. Сотрудники ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» занимались ею в рамках комплексной выставочной научно-просветительной и воспитательной программы, посвященной 200-летию победы в данной войне – исторический марафон «Двухсотлетняя память о героях Отечества». Ключевым элементом этой программы была организация и проведение выставки «Кавказцы – герои Отечественной войны 1812 года». Выставка, открытая 7.09. 2012 г., продолжает работать и сейчас. Готовится ее передвижной вариант, и в 2013 году она будет демонстрироваться в различных районах края.

Термин «кавказцы» в концепции выставки и всего проекта трактуется широко, а не только в этно-национальном аспекте. «Кавказцами» считаются люди, связанные с этим краем по рождению, происхождению, продолжительному проживанию, службе, пребыванию, отразившемуся на личной судьбе и творчестве. Всего в ходе подготовки выставки было выявлено более 100 имен и фамилий соотечественников, причастных к Отечественной войне 1812 года и зарубежным походам, подпадающих под наше понимание термина «кавказцы». Среди них выделяется 15 имен и фамилий, особенно тесно связанных с регионом Кавминвод. Часть из этих лиц являются достаточно известными персоналиями кавказской и общероссийской истории: генералы Н. Н. Раевский, П. Г. Лихачев, И. И. Морков, П. С. Верзилин. О других персонажах мы были осведомлены до последнего времени значительно меньше или очень мало. В ходе исследовательской работы удалось несколько расширить эти знания. О двух личностях мне уже доводилось писать. Это окружные начальники Пятигорского округа и Кавминвод конца 1830-х – 1850-х годов, сменившие на этом посту друг друга: В. И. Ильяшенков (1772 – ?) и П. А. Принц (1794–1873).

Приведем данные еще о двух из этих героев.

Родионов Михаил Степанович (ок.1782 – 1828 гг.) с регионом Кавминвод и с курортным поселением Горячие Воды (так до 14/26 мая 1830 г. назывался Пятигорск) был связан непродолжительное время. Но эта связь была важной и яркой. Подполковник донского казачьего войска, командовавший полком своего имени, героически погиб на подступах к Горячим Водам, обороняя их 9/21 июня 1828 года от превосходящих сил немирных горцев отряда, возглавляемого их предводителем Джембулатом в условиях очередной войны России с Турцией. Эта дата со связанным с нею событием не упоминается в летописях и хронографах КМВ и Пятигорска, должна занять достойное место в истории города-курорта, т. к. в этот день решалась его судьба. Если бы не героизм Родионова, войскового старшины Страшнова, командовавшего двумя сотнями волгских казаков, командира батальона егерей майора Казачковского и подоспевшей подмоги хоперцев во главе с командиром полка майором М. Д. Канивальским, курортный поселок был бы сильно разорен, так же, а может быть и сильнее, чем накануне ночью пострадало казенное село Незлобное. В нем было сожжено много домов, сгорела церковь, разграблено имущество, угнан скот, из 326 жителей убито – 22, ранено – 7, взято в плен – 51, пропало без вести около 100 человек (1,2).

Родионов был изрублен в бою. По словам известного военного историка генерала В. А. Потто, «его смерть оплакивалась всеми, и посетители Горячих Вод, обязанные ему главным образом избавлением от опасности, приняли на себя все расходы по его погребению. Похороны его отличались особой торжественностью, и весь город проводил его гроб до самой могилы» (3). Далее исследователь сокрушается по поводу того, что предания не сохранили указания о месте его погребения, и могила была забыта. Вопрос о месте захоронения подполковника Родионова обсуждался краеведами, и была выдвинута версия о существовании его могилы на тогда новом кладбище на склоне Машука, нынешнем историческом Пятигорском некрополе (4). Это логично предположить исходя из известия, что его хоронили жители и посетители Горячих Вод. Но данное предположение не доказано, и сейчас можно полагать, что герой защиты Пятигорска мог быть погребен также на кладбище у возникшей в 1825 г. станицы Горячеводской, или на старом воинском кладбище у Константиногорской крепости.

Отсутствие точных данных о месте захоронения Родионова является не единственным фактом необоснованного забвения этого героя. До последнего времени историкам и краеведам Кавминвод почти ничего не было известно о личности самого М. С. Родионова. И только сейчас – в год 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года, мы, с помощью знатока истории донского казачества из Ростова-на-Дону, кандидата исторических наук, доцента

А. В. Захаревича, узнали некоторые подробности его судьбы. Нам стал доступен Формулярный список Войска Донского войскового старшины Родионова 2-го за 1822-й год, хранящийся в Государственном архиве Ростовской области (5).

Из этого документа следует, что Михаил Степанович Родионов 2-ой родился, вероятно, в 1882 г., т. к. в 1822 г. ему было 39 лет. Происходил из обер-офицерских детей Донского войска Хоперского округа, где потом владел 14-ю душами крестьян. Начал службу 10 ноября 1800 года. Служил в Атаманском полку, полку Кирсанова. С 1803 года участвовал в боевых походах. С июля 1805 г., имея чин хорунжего, – за границей – в войнах с Наполеоном на территории Пруссии и Австрии, в том числе в Аустерлицком сражении. Одновременно проявился при «обложении и покорении» турецкой крепости Хотин в ноябре 1806 г. В 1807–1808 гг. – в операциях в Пруссии и на Дунае. В 1809 г. награжден орденом Св. Анны 4-ой степени. В 1810–1811 гг. – вновь на турецком фронте в Придунавье.

С мая 1811г. с полком находился в походе по Дону, к городу Вильно, и там встретил начало Отечественной войны 1812 года. В апреле 1812 г. награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Уже с 12/24 июня, с начала вторжения французских и других войск в пределы России, находился в арьергарде. Награжден орденом Св. Владимира 4-ой степени. Кроме многих многочисленных стычек и перестрелок, участвовал в сражениях при Романове, при вытеснении неприятеля из Велижа (июль), при отступлении к Звенигороду (август), в ретире к Москве (сентябрь), при разгроме неприятельской кавалерии при Москве (октябрь), где ранен пулей в ногу навывлет.

После излечения находился в зарубежных походах. В 1813 г. участвовал в операциях при Лейпциге (апрель), Кенигсварде, Бауцене, Аурехе (май), в генеральных сражениях при Деневице (август), при Лейпциге (ноябрь), в блокаде крепости Дейфиля в Голландии (декабрь). В ноябре 1813 г. Родионов был уже произведен в чин войскового старшины.

В январе – феврале 1814 г. был при блокаде крепости Юлиха, где при вылазке на неприятеля получил ранение пулей в голову и сильную контузию, но продолжил боевой путь. В конце февраля – начале марта в сражении при местечке Сен-Дизье, где российские части были атакованы большой французской армией под личным командованием Наполеона. Войну закончил в Париже, откуда вернулся с полком в пределы Войска Донского.

За участие в войне в сентябре 1814 г. был представлен к ордену Св. Анны 2-го класса и награжден также Орденом Св. Георгия 4-ой степени.

Летом 1819 года переведен на Кавказскую линию, а в феврале 1821 г. – в Грузию, где так же участвовал в различных военных операциях вплоть до

1822 г. Состоял при командовании полков, а в июне 1822 г. принял на себя командование полком Сергеева 2-го, а затем в ноябре того же года – Фомина 1-го.

В 1827 г., когда Кавказскую линию возглавил генерал-лейтенант Г. А. Емануель, М. С. Родионов командовал одним из донских полков на Кавказской линии, и накануне начала смелого и дерзкого рейда Джембулата находился во главе отряда и Усть-Тахтамышского поста на Кубани, а вскоре переместился к Баталпашинской станице и затем перешел в район Горячих Вод (6). Здесь и оборвалась 9/21 июня жизнь героического офицера, заслуживающего сохранения памяти потомков.

Кстати, в боевой операции в районе Горячих Вод были и другие участники Отечественной войны 1812 года, в частности, майор Михаил Дмитриевич Канивальский (1793–?) (7), допустивший сначала серьезные ошибки, но потом оправдавший себя в бою (8).

Чайковский Петр Петрович (1789–1871) так же являлся участником Отечественной войны и зарубежных походов 1812–1814 гг. и имел за это награды. О боевом пути Чайковского в этой войне пока мало известно, но биография его в целом очень заслуженная.

Родился Петр в семье городничего г. Вятки Петра Федоровича Чайковского и был братом отца (дядей) знаменитого русского композитора Петра Ильича Чайковского (9). Закончил Вятское народное училище. В 1802 г. поступил на военную службу и участвовал в войнах с Наполеоном с 1806 по 1815 год. В 1819 г. переведен в лейб-гвардию. В 1827 г. стал командиром пехотного полка, с которым участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Был тяжело ранен. Награжден орденом Святого Георгия 4-ой степени. С 1830 г. был комендантом Севастопольской и Геленджикской крепостей, занимался их строительством. А в 1834 г. назначен старшим членом строительной комиссии Кавказских Минеральных Вод, которой руководил затем в течение 12 лет (10).

С именем П. П. Чайковского в это время связано многое в развитии курортного региона. Вначале ему пришлось разбираться в тех нарушениях, которые допустили его предшественник майор Павлов и капитан Умбачев (11). В 1836 г. он составил новый генеральный «План предполагаемого окружного города Пятигорска с предположением на укрепление оною на случай набега хищников». До этого город развивался по плану, составленному архитектором И. Бернардацци в 1827–1828 гг. (12). С братьями Бернардацци и приходилось активно сотрудничать П. П. Чайковскому вплоть до их смерти в 1840 и 1842 гг. (13).

16 октября 1837 г. Пятигорск посетил Николай I. Действующие лечебные сооружения курорта император оценил положительно и одобрил новые

проекты Бернардацци, который предлагал все деревянные купальни на Горячих Водах заменить каменными. Николай I приказал ежегодно выделять по 200 тысяч рублей на дальнейшее благоустройство курорта. Однако вскоре глава Строительной комиссии поставил под сомнение возможность построения каменных зданий близ источников, опасаясь за прочность грунта и постоянство уровня источников в связи с таким строительством. Но все же, в дальнейшем возобладала позиция о том, что капитальные каменные сооружения на курорте следует строить. Чайковский участвовал в решении вопросов строительства и благоустройства курортных поселений Кавминвод вплоть до начала преобразования их управления в середине 1840-х годов.

Уйдя с поста руководителя Строительной комиссии в 1846 году, Петр Петрович прослужил еще 2 года при командующем войсками на Кавказской линии, а в конце 1848 г. вышел в отставку в чине генерал-майора и переехал в Москву. Умер в Петербурге 5.02.1871 года.

Приведенные биографические обзоры позволяют считать, что участие в событиях Отечественной войны 1812 года оставляло в судьбе этих людей неоднозначный, но всегда неизгладимый отпечаток. Полученный опыт этой войны должен был помогать выносить испытания и преодолевать невзгоды последующей жизни наших героев.

Использованная литература и источники

1. ГАСК. – Ф.79. Оп.1. Д.640. Лл. 1–2об.
2. Летопись о Михаило-Архангельской церкви станицы Незлобной Владикавказской епархии Пятигорского отдела Георгиевского благочиния. 1893 г. Глава третья. Разорение станицы. – ПКМ. Оф.31851.
3. Потто В.А. Кавказская война. Т.5. Репринтное издание. – Ставрополь: «Кавказский край», 1994. – С.303.
4. Семендяев М.В. Военно-исторические памятники города Пятигорска. – Пятигорск: ПКМ, ПГО СКО ВООПИиК, 2012. – С.14,21,41,90.
5. ГАРО – Ф. 344. Оп. 1. Д. 304. Лл. 253–263.
6. Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. М. Рекламно-издательский центр «Собрание». 2004. – С. 236–241.
7. РГВИА. - Ф. 14719. Оп. 6. Д. 261. Л. 1–4.
8. Потто В.А. Кавказская война... – С.301.
9. Познанский А.М. Чайковский. – М.: Молодая гвардия. Серия ЖЗЛ, 2010.
10. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. Изд. 2-е . – Пятигорск: Изд-во «СНЕГ», 2012. – С.50.
11. ГАСК. – Ф.288. ДД.376–377.
12. Боглачев С.В. Архитектура старого Пятигорска. – Пятигорск: Изд-во Снег, 2005. – С.23.
13. Боглачев С.В., Кузнецов В.А., Маркелов Н.В. Пятигорск в исторических очерках. История Пятигорска с древнейших времен до 1917 года. – Пятигорск: СНЕГ, 2010. – С.126–127.

Сергеева Д. С.,
г. Пятигорск,
Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова,
старший научный сотрудник

РАБОТЫ Г. И. РАЕВА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Творения великих людей – это голос времени, самые яркие и лучшие черты которого они уловили и запечатлели. Кавказ неизменно привлекал фотографов своей удивительной природой, культурным богатством и этническим многообразием. Начиная с 1860-х годов, многие фотографы открывают здесь свои фотоателье для гостей и жителей курортных городов. Работа их имела исключительно сезонный характер. Позднее на КМВ стали появляться местные фотоателье, которые функционировали почти круглый год. Одним из самых известных фотографов и фотоиздателей КМВ является Григорий Иванович Раев, который родился в Пятигорске в 1863 году и здесь же начал свой путь к вершинам профессионального мастерства.

В собрании пятигорского музея-заповедника М. Ю. Лермонтова находится большая коллекция фотографий, открыток и альбомов с видами Кавказа и стран, в которых бывал Григорий Иванович Раев. Все эти бесценные реликвии бережно хранятся сотрудниками фондов музея. А стеклянные негативы раевских кадров, которые также есть в музее, – сегодня самая настоящая экзотика.

Родился Григорий Иванович в семье мелкого чиновника Ивана Дмитриевича Раева. В пятилетнем возрасте лишился отца. И через десять лет отчим отдает его в ученики на пять лет к знакомому фотографу Александру Карловичу Энгелю. На тот момент это был один из самых известных фотографов на Кавказе, имел сеть ателье, раскинувшихся от Тифлиса до Минеральных Вод. По тем временам новое и еще редкое мастерство «светописи» подростку Раеву пришлось по душе. Австриец Энгель привил мальчику страстную любовь к видовой фотографии, а также умение ценить фотолетопись исторических событий. Позже ученик превзойдет своего учителя, но через всю жизнь пронесет чувство благодарности к нему – «мой учитель из Вены», так он его называл.

Родившись в Пятигорске, Григорий Иванович не мог не связать свою жизнь и работу с памятными лермонтовскими местами КМВ. Ведь в Пятигорске все хранит память о Лермонтове: и тихие улицы старого города, и

горячие источники, и Машук, и даже воздух, который, по словам поэта, «чист и свеж как поцелуй ребенка».

Место гибели М. Ю. Лермонтова в нашем городе сразу отмечено не было. Участники дуэли вскоре разъехались из Пятигорска. Григорий Иванович вместе со своим учителем Энгелем в 1878 году находят приблизительное место дуэли поэта и оставляют там памятный камень. Через три года, в 1881 году, на этом месте будет воздвигнут скромный обелиск.

В том же 1881 году, в 40-летие гибели Лермонтова, Раев и Энгель фотографируют чествование памяти поэта. Множество людей на усадьбе были запечатлены ими. Эта уникальная фотография хранится в нашем музее.

Овладев искусством фотографирования, ретуширования и копирования, молодой Раев переходит на службу к другому известному фотографу – Иоганну Ланге. Около трех лет, в 1884–86 гг., Раев работает его ближайшим помощником. Затем совершенствует свое мастерство у фотографов Москвы, Петербурга, Ростова-на-Дону, Тифлиса. Ученичество у таких мастеров предопределяет его дальнейшую судьбу.

Получив признание специалистов, Григорий Иванович возвращается в 1887 году в Пятигорск и открывает свое собственное дело. Сначала он арендует, а затем покупает ателье Энгеля в Пятигорске. Сейчас на этом месте находится здание Театра музыкальной комедии. Ему подвластны все жанры: портреты, пейзажи, памятники архитектуры.

Много оригинальных и запоминающихся снимков фотохудожник сделал и в Пятигорске. В полдень 16 августа 1889 года Раев и Энгель фотографируют с колокольни пятигорского Спасского собора торжественное открытие памятника М. Ю. Лермонтову. А спустя четыре часа эти уникальные фотографии уже продавались в Лермонтовском сквере. В фондах нашего музея хранится оригинал этой фотографии, которая была подарена экскурсоводом Лушниковым 20 октября 1964 года.

По-разному поступали в собрание нашего музея работы Раева. Одни из них были подарены, другие приобретены. И сегодня в коллекции музея более 100 фотографий мастера. На них мы можем видеть отдаленные уголки Кавказа, памятники истории и культуры, некоторые из которых уже утеряны.

Много фотограф путешествовал и по миру, и ему не мешала громоздкая аппаратура. Он побывал в Париже, Лондоне, Каире, Стокгольме, Кельне, Вене, Константинополе и других зарубежных городах, а также многих городах России. «Глазами русского смотрел я на заграницу, – вспоминал он. – Не блеск богатства интересовал меня там, а то, что характеризовало жизнь народа, его историю». Путешествуя за границей, Раев устанавливал контакты с зарубежными издательствами, которые печатали почтовые открытки. И уже в

начале 1900-х годов появились первые открытки с лучшими фотоснимками мастера. Так, например, в Пятигорске это Ново-Сабанеевские ванны (ныне Пушкинские), где раньше находилась усадьба Хастатовых и Лермонтов останавливался в детстве, грот Лермонтова, место дуэли, Провал, Лермонтовская галерея, грот Дианы, скульптура «Орел» – символ наших городов-курортов. И многие другие любимые и известные места нашего города.

Раевские фотоальбомы, фотопанорамы и открытки печатались в Париже, Лондоне, Стокгольме и Берлине. Кроме этого, открытки Раева печатались в московской фототипии «Шерер, Набгольц и К^о» и на фирме А. Рериха. И неизменно его работы сопровождалась наградами на всероссийских и всемирных выставках. Сейчас трудно представить, каким нелегким был труд фотографа. Ему самому приходилось готовить фотопластинки и возить за собой палатку, где он разворачивал лабораторию. Ибо цена каждого кадра – не просто нажатие кнопки на аппарате, а сложный процесс приготовления подручных средств, процесс, требовавший и специальных знаний, и обыкновенной физической выносливости. И не случайно в 1895 году он был награжден медалью «За трудолюбие и искусство» от министерства финансов. Среди его отличий и серебряная медаль Географического общества, за великолепную панораму Большого Кавказа. Он удостоен четырех золотых и девяти серебряных медалей, многих дипломов и знаков признания его мастерства. В 1896 году русского фотографа пригласили в Лувр, где ему был вручен орден Почетного легиона и особый приз – «Золотой фотоаппарат». А в Пятигорске его наградили похвальным листом за экспозицию комнатных растений.

Яркие, содержательно емкие, совершенные по композиции и прекрасно выполненные снимки, наклеенные на листы картона с золотым тиснением и фирменным Раевским клеймом, пользовались огромным успехом у местных жителей и гостей курорта.

На фотографиях Григория Ивановича запечатлены и особенности костюма, быта, и орудия труда, домашняя утварь и посуда, ткани и ковры, а иногда и запряженные повозки. Так, например, фотографию купил наш музей у самого Раева в октябре 1938 года, и теперь она хранится в фондах музея.

В 1898 году газета «Новое время» помещает информацию о прекрасных раевских снимках Военно-Грузинской дороги. Именно он первым из фотографов России запечатлел процесс становления железнодорожной сети на Кавказе. Его фотографии городов Кавказа, Крыма, Военно-Осетинской, Военно-Грузинской и Военно-Сухумской дорог неоднократно печатались на открытках и в альбомах большими тиражами.

Беспокойный характер художника требовал от фотографа большего, и он налаживает выпуск альбомов с видами Кавказа, которые пользуются большой

популярностью. Видовые альбомы Раева выходят большими тиражами на Западе. В фондах нашего музея хранится около 10 альбомов с видами Кавказа. Один из них является раритетным, поскольку содержит не репродукции его работ, а подлинные фотографии Григория Ивановича. Набор из 31 фотографии. Паспарту их украшает гирлянда, составленная из полученных им наград. В центре композиции самая ценная награда – знак французского ордена Почетного легиона с надписью «Почетный диплом. Париж 1896 года». С правой стороны от этого знака размещались четыре золотые медали с аверсами и реверсами, а с левой стороны четыре серебряные медали. Когда-то этот альбом был куплен за 100 рублей, сегодня он является для нас бесценным.

В 1910 году Григорий Иванович становится заместителем председателя Кавказского Горного Общества и участвует в организации Лермонтовского музея в Пятигорске. Рождение музея – процесс сложный и длительный, связанный с неутомимой деятельностью энтузиастов, подвижников. Таким был Григорий Раев. И нам, сотрудникам лермонтовского музея, очень приятно, что такой замечательный человек стоял у его истоков. С 1912 года он заведует художественным отделом. Долго фотограф шел к этому, вместе с товарищами собирая по крупицам предметы, связанные с именем поэта. И уже за первые три года жизни музея он пополнился пятьюдесятью двумя экспонатами и одной тысячей книг. Конечно, как любитель лермонтовского творчества, он фотографирует музей, домик поэта, его внутренний вид. И одну из таких фотографий в 1958 году принесла в музей сестра Раева – Гарденина. На ней изображены подлинные вещи Лермонтова – его рабочий стол и кожаное кресло. А на этих фотографиях перед вами часть Лермонтовской улицы и дома Чилаева. Благодаря этим снимкам мы можем представить музей в начальный период его истории. Позднее Григорий Иванович был членом-учредителем лермонтовского общества в Пятигорске. В музее хранится автобиография фотографа и его записки о своем творчестве. В них он признается нам: «Любовь к Лермонтову у меня появилась еще в юности; мой отец то и дело таскал меня по лермонтовским местам г. Пятигорска и окрестностям Кисловодска...».

Некоторое время работает он и в Кисловодске, а затем вновь возвращается в родной Пятигорск, где арендует помещение для своего фотоателье у отеля «Бристоль». В период с 1909 по 1918 год Раев содержал во всех городах Кавминвод фотоателье, где работали его ученики. В то время отдельная черно-белая открытка мастера стоила 5 копеек, а в красках 8 или 10. Здесь он пережил обе революции 1917 года и Гражданскую войну 1918–1920 годов.

В 1920 году павильон Раева у «Бристоля» был национализирован. И он приобретает небольшой дом на улице Теплосерной под №20, пристраивает к нему стеклянный павильон частного фотоателье. Среди посетителей его павильона были Сергей Васильевич Рахманинов, Леонид Витальевич Собинов, Федор Иванович Шаляпин, Николай Александрович Ярошенко. Передкий гость и осетинский поэт Коста Хетагуров, друживший с мастером.

По соседству на этой же улице жили и его родственники – сводные сестры и их дети. В 1922 году местные власти производили конфискацию домов и имущества у состоятельных горожан. Это коснулось и Раевых. Власти потребовали освободить дом. Отобрали все награды – золотые и серебряные медали, полученные им на выставках за свой труд. Но работать разрешили. И он по-прежнему снимал кавказские виды, и по-прежнему Госиздат писал ему огромные письма с просьбой о разрешении на печать его фотографий. Он делал портреты Буденного и Калинина, и у него они получались совсем иными, чем на «протокольных» фотографиях в газетах, чуть грустнее, будто подернутые легкой зыбью утраченного мира.

Весной 1923 года Раеву вернули часть жилого дома и заслуженные награды.

Множество Раевских фотографий было посвящено Эльбрусу, он снимал эту знаменитую снежную гору с разных точек и в разное время. Мастерство светописи мастер счастливо сочетал в себе с неутолимым азартом путешественника и альпиниста. Фотографирует Григорий Иванович и первого русского альпиниста и военного топографа Андрея Васильевича Пастухова. И его могилу на склоне горы Машук.

Говорят, что «гениальный человек – гениален во всем». Таким был и Григорий Иванович. Природа щедро наделила его. Он был не только фотограф, но и великолепный художник. И подтверждением этого является его картина «Эльбрус», которая была приобретена у светописца 17 октября 1938 года и теперь хранится в фондах нашего музея.

С 1927 года Григорий Иванович становится также штатным фотографом Государственного бальнеологического института. В эти годы при институте был организован историком Д. М. Павловым Курортный музей, сотрудником и фотографом которого Раев был долгие годы. По его предложению осенью 1939 года стали создаваться филиалы Курортного музея в Ессентуках и Железноводске, положившие начало краеведческим музеям этих городов. Светописец помогал произвести отбор экспонатов и сделал для них тематические подборки из своих больших фотографий.

Наследие Григория Раева составляет около семи тысяч снимков. Снимки эти хранятся в Москве, Лувре, городах Бельгии и музеях Северного Кавказа.

Григорий Иванович щедро делился своими фотографиями с музеями и научными организациями. Часть его работ воспроизведена в Большой Советской Энциклопедии. В фондах нашего музея хранится фотокопия композиционного автопортрета Раева. Эту работу нам подарил краеведческий музей г. Ставрополя. А краеведческий музей города Пятигорска подарил нам фотокопию работы художника Фомина, на которой изображен светописец.

Вплоть до 1940 года Григорий Иванович работает фотографом при «Домике Лермонтова», делая фотокопии с уникальных графических материалов.

С 1943 по 47 год он преподает на курсах фотографов и воспитывает группу учеников. Одному из них, Владимиру Александровичу Дерябину, он продает дом, оставаясь жить в своей спальне. Так проходят его последние годы жизни.

Григорий Иванович прожил долгую жизнь, 94 года, захватившие два века счастья, горя, войн, революции. Он вырос от сына отставного солдата в непревзойденного мастера фотографии, одного из лучших кавказоведов России, в ботаника и исследователя. Он умер 6 апреля 1957 года в Пятигорске. Был похоронен на старом пятигорском кладбище, рядом с супругой Любовью Ивановной, с которой прожили вместе 46 лет. Вся свою сознательную жизнь Григорий Иванович посвятил фотографии, став известным «фотолетописцем Кавказа» и крупнейшим издателем видовых открыток этого края. С таких мастеров, как Раев, фотодело начало вырастать от простого технического воспроизведения к художественному творчеству.

Стрекалова Е. Н.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ Г. СТАВРОПОЛЯ В НАЧАЛЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Значительная социокультурная роль интеллигенции в обществе определяет интерес к изучению ее роли в переходные, поворотные эпохи. Для истории России одним из важнейших пограничных моментов, несомненно, стало начало советской эпохи, совершенно изменившее политические, духовные, экономические, социокультурные условия жизни общества. Интеллигенция неизменно проявляет себя в подобные переломные моменты истории своим созидательным началом, чему и посвящена представленная работа.

Одновременно с этим важно заметить, что повседневность как специфичная область истории обозначилась достаточно недавно и практически сразу заняла часть первого плана в современной мировой историографии.¹ Приобретению стойкой популярности направления, как представляется, способствует его расположение на пересеченности макро- и микроуровней истории, которую любопытно наблюдать в пограничное время. Смена эпох, перемены, ломка старого и рождение нового в социуме, государственности, культуре, в частности, политической, всегда интересны и актуальны для исследователей своей неожиданностью, сложностью и противоречивостью. Не случайно ученые говорят даже о рождении «социологии социальной экзистенции», в центре которой «человеческое действие в коллективных контактах», ограниченное потенциалом участников и средой жизни.²

Ставропольский край был освобожден XI армией в феврале–марте 1920 г., начали создаваться ревкомы. Это символизировало окончание гражданской войны и переход к советской эпохе.³ Архивные данные позволяют увидеть противоречивость между устанавливающейся «светскостью» в социальных практиках и повседневности горожан и устоявшимися, привычными старыми нормами. Любопытно это наблюдать на пограничье гражданской войны и советской эпохи в 1920-ом г. Поскольку для человека вне власти перемены становятся ощутимыми явственно, когда они затрагивают его повседневную жизнь. Работа, необходимость кормить семью так или иначе заставляют считаться с изменившимися правилами в обществе.

Интеллигенция, связанная с образовательной системой, с преподаванием, со сферами досуга, почувствовала это одна из первых. Это было обусловлено строгой подчиненностью общественной жизни идеологии практически с первых дней существования советской государственности.

Ставропольская интеллигенция в 1920 г. постепенно втягивалась в новую советскую действительность. Реальность на стыке эпох причудливо переплеталась, погружая человека то в отголоски прежней дореволюционной эпохи, то в постепенно, но достаточно четко и даже жестко формируемую советскую действительность.

Так, уже на втором заседании губернского отдела народного образования (Губотнаробр) от 14 марта 1920 г. обсуждали вопрос о преподавании «Закона Божьего» в учебных заведениях. Протокол оповещал о сохранении его преподавания для желающих его изучать до особого распоряжения, но за их счет. Этот протокол разрешал также, по желанию учащихся, совершать молитвы перед началом и окончанием учения. Очевидно, заведующая губернским отделом народного образования (Губотнаробра) М. К. Вальяно, судя по занимаемой должности и докладам на предмет политграмоты, прекрасно знала о Декрете отделения церкви от школы. Тем не менее, не признавала за собой и отделом народного образования права окончательно и второпях разрушать основы религиозности, традиционные для школьного курса в царское время. В школах «временно, до особого распоряжения» сохранялись предметы религиозного почитания всех вероисповеданий. Более того, разрешались Богослужения в домовых церквях 1-й и 2-ой советских школ г. Ставрополя до конца Пасхи.⁴

Представляется, что временное сохранение элементов старого в преподавании созвучно и топонимике города в 1920-ом г. На праздновании Первомайская детская колонна под присмотром школьных работников должна была пройти по Ленинской улице, Пролетарской, Красной на Соборную Гору (переименованную впоследствии в Комсомольскую).⁵ Среди совершенно типичных советских названий Соборная Гора звучит как отголосок прошлого и как связующая нить времен.

В это время уже наблюдается более осязаемое советское регламентирование повседневности. Об этом свидетельствуют два похожих заявления от 24 мая 1920 г. сотрудников школьного подотдела Губотнаробра З. Фламана и С. Жежелина о том, что они участвовали в гражданских похоронах жертв белого террора и это могут подтвердить другие сотрудники отдела. Само действие было настолько важным для ревкома, что существовали списки участников шествия, в которых они должны были расписаться.⁶ Обязанность участвовать в праздниках в пространстве формируемой советской

культуры, как известно, была и ритуалом, и подтверждением благонадежности. Политическая подоплека очевидна. Не случайно исследователи ритуала в советской культуре подметили семантическую связь митингов и демонстраций с партийными собраниями.⁷ Участие в митинге было доказательством единства с новой властью, а отсутствие на нем могло расцениваться как скрытая форма сопротивления.

Цели заявлений становятся более наглядными, когда читаешь о подозрении на «умышленный саботаж учителей» от 29 июля 1920 г., призывам ревкома к чисткам учительского состава и к усиленному марксистскому политпросвещению новых учителей на педагогических курсах.⁸ Подозрения, очевидно, были небеспочвенны. Действительно, учителя в Ставропольской губернии после 1917 г., как и во многих регионах страны, разделились по отношению к советской власти, и лишь часть интеллигенции поддержала ее.⁹ В связи с этим, не случайно открытие Медвеженского уездного учительского съезда от 30 апреля 1920 г. сопровождалось выступлением заведующего уездным отделом народного образования Н. И. Нарожного со словами надежды, что «интеллигенция не будет на стороне врагов народа, а станет авангардом в борьбе с невежеством и народной темнотой».¹⁰

Время Гражданской войны заставило многих представителей интеллигенции, как представляется и всему народу, из двух зол выбрать меньшее, и многие шли на сотрудничество с советской властью. Так, в губернский отдел народного образования входили видные представители интеллигенции города, многие из которых десятки лет работали в школах и иных культурно-просветительных учреждениях Ставрополя. И. К. Савельев, А. Н. Смирнов, П.И. Ястребов много лет с 1912 г. преподавали в Ставропольском учительском институте и теперь работали учителями в советской школе 2-ой и 3-ей ступени. Последний много лет был и председателем учительского института. Б. К. Крамаренко заведовал школьным подотделом высшего губернского органа в области образования и был председателем школьного совета Александровской и Ольгинской гимназий, ставших школами 2-ой ступени по советской образовательной реформе. В. А. Васильев совмещал руководство секцией изобразительного искусства в Губотнаробре и работу в оркестре 1-го советского театра. Известный специалист музейного дела в регионе Г. К. Праве возглавлял музейную секцию губернского отдела народного образования и созданный им музей.¹¹ Все четырнадцать сотрудников были совместителями, и председатель М. К. Вальяно обращалась с просьбой в отдел труда и соцобеспечения об утверждении их в должностях. В противном случае работа Губотнаробра, школ и органов культуры, где работали указанные лица, была бы парализована.

Созидательная работа по реформированию системы образования, расширению сети школ и других учебных заведений, учреждений культуры заставляла власть ставить прошлое представителей интеллигенции, их социальное происхождение на второй план. Отметим, что так большевистская политика в отношении интеллигенции с начала революционных преобразований к 20-ым гг. эволюционировала от неприятия и враждебности к заинтересованной благожелательной терпимости. Такая политика была обусловлена прагматической потребностью государства в интеллектуальном труде в разных областях экономики и культуры.¹² В. И. Ленин в середине 1918 г. говорил о необходимости «экспроприировать» интеллигенцию, «подчинить советской власти», «победить, переделать, переварить, перевоспитать... и учиться» под надзором.¹³

Именно «учиться» стало особенно актуальным после завершения гражданской войны. Восстановление экономики, преодоление разрухи, повышение общекультурного уровня, формирование «нового человека» – все требовало интеллектуального труда. В провинции катастрофически не хватало специалистов, и на их социальное происхождение в первой половине 20-х гг. закрывали глаза.

В июне 1920 г. в г. Ставрополе военным комиссаром был отпущен из-под ареста учитель Н. А. Костин, бывший дореволюционный чиновник. Ходатайствующие партработники писали в прошении о его освобождении: арест учителя по русскому языку «приостановил на неопределенное время» работу педагогических курсов и наносит вред всему «нарастающему крестьянскому учительству».¹⁴

Интеллектуалы включились в реформирование системы образования города Ставрополя. Среди других из духовных учреждений в советские школы были преобразованы мужская семинария, епархиальное женское училище, Иоанно-Мариинская церковно-приходская школа. Богословские дисциплины исключались из учебных планов, из библиотек изымались книги религиозного содержания, противоречащие идеологии советской власти. Во всем остальном, по программе общеобразовательных дисциплин, школы сравнились с единой трудовой школой. Преподаватели общеобразовательных дисциплин бывших духовных учебных заведений принимались на службу в новые советские школы. На них ложилась тяжесть преобразовательного процесса.

Между тем, учителей не хватало для полноценной организации работы школ, пунктов ликбеза, и эту проблему решали всевозможными краткосрочными и более длительными учебными курсами. На недостаток учителей жаловались и уезды. В с. Медвежье, например, первая попытка решить проблему созданием краткосрочных политико-просветительских и

общеобразовательных учительских курсов относится к августу 1920 г. Постоянно сталкиваясь с проблемой поиска кадров для школьного, дошкольного и внешкольного образовательных процессов, уездный отдел народного образования организовал и трехгодичные постоянные педагогические курсы в с. Песчанокопском. Летом 1920 г. в Ставрополе были организованы курсы по педагогическому образованию, на которых проходили подготовку 150 человек со всей губернии. Бывшая Иоанно-Мариинская церковно-приходская школа была преобразована в учительскую семинарию 2-й ступени, для подготовки учителей для первой ступени советской школы. Кроме того, для решения «учительской проблемы» ставропольский учительский институт 6 мая 1920 г. был причислен к учебным заведениям третьей ступени, то есть к высшим учебным заведениям.¹⁵

Следовательно, архивные данные свидетельствуют о мобилизационном, чрезвычайном, форсированном способе решения проблемы образования и пополнения учительских кадров. Это отразилось и на коротких сроках обучения, и на сокращенных программах педагогических курсов, которые предусматривали в первую очередь политическое просвещение в той или иной мере уже образованных лиц. Власти не строили иллюзий по поводу качества подготовки таких «ускоренных специалистов». Ставя задачу решить ускоренными темпами проблему культурных преобразований, повышения образовательного уровня населения, строители нового общества понимали неизбежность определенных потерь. В частности, в одном из своих выступлений нарком просвещения А. В. Луначарский образно выразил это следующим образом: «Если мы (большевики) будем ждать, пока нормальным образом будут проходить через низовые школы новые студенты и превратятся в новую интеллигенцию, «солнце взойдет тогда, когда роса выест нам глаза».¹⁶ Иначе говоря, заря нового дня, нового времени с высоким уровнем культуры населения никогда не наступит.

Интеллигенция в таких условиях, тем не менее, стремилась к качественной работе, качественному обучению путем сохранения книг и пополнения библиотечных коллекций. Поразительно, что в это переходное время, зыбкое и тяжелое, предпринимаются действия к охране архивного наследия. Наблюдается активная позиция интеллигенции по сохранению и преобразованию культуры провинциального города в послевоенное время. В тяжелых условиях послевоенного времени интеллигенция мечтала о возможности продолжать свою работу на пользу своего народа в более-менее «сносных условиях». В частности, глава школьного подотдела Б. К. Крамаренко, у которого в квартире нет электричества, просил выдать ему керосин для возможности работать по вечерам. Учитель В. Н. Росиков просил

защитить от реквизиции «рабочее имущество»: письменный стол и шкаф с книгами по специальности.¹⁷

Итак, интеллигенция Ставрополя в 1920 г., как и провинциальная интеллигенция по всей России после окончания Гражданской войны, включилась в созидательную работу. Сотрудничество интеллигенции и власти строилось на взаимной заинтересованности. Со стороны власти оно определялось прагматической потребностью в специалистах, в интеллектуальном труде для реформирования системы образования, культуры, восстановления промышленности. Интеллигенция, в свою очередь, между белым и красным режимом выбрав меньшее зло, надеялась на глубокие преобразования на пользу народа и постепенное смягчение политического режима.

Использованная литература и источники

1. Сенявский А.С. Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы. // Повседневный мир советского человека в 1920–1940-х гг. Ростов-на-Дону. 2009. С.10
2. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии. // Социологические исследования. 2009. №8. С. 5-13
3. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999. С. 246–247.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р. –164. Оп.1. Д.2.Л.10
5. Там же. Д.14. Л.3.
6. Там же. Д.48. Л.4–5.
7. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.С.91–93.
8. ГАСК.Ф.Р. –164. Оп.1. Д.15. Л.14.
9. Власть труда. (Орган исполкома комитета совета крестьянских, рабочих, солдатских депутатов Ставропольской губернии). 1918. №4. Л.1.
10. ГАСК.Ф.Р. –164. Оп.1. Д.16. Л.2.
11. Там же. Д.11. Л.45–46.
12. Колоницкий Б.И. Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX-начало XX вв.)// Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001.С.150.
13. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. // Полн. собр. соч. (ПСС). М., 1962. Т.36. С.137.
14. ГАСК.Ф.Р. –164. Оп.1. Д.6. С.4.
15. Там же. Д. 5, 11, 15, 17.
16. Российский государственный архив социально-политической информации (РГАСПИ). Ф. 142. Оп. 1. Д. 188.Л.37
17. ГАСК. Ф. Р.-89, Оп. 1, Д. 2; Ф.Р. –164. Оп.1. Д.6, 10, 21, 27, 31.

Стрелова А. В.,
с. Донское,
Историко-краеведческий музей Труновского района,
директор

Г. А. ЕМАНУЭЛЬ. ИМЯ ГЕРОЯ НА КАРТЕ ТРУНОВСКОГО РАЙОНА

Небольшой хутор «Эммануэлевский», лежащий между селами Донским и Безопасным, назван в честь его первого владельца, героя Отечественной войны 1812 г. Емануэля Георгия Арсеньевича. Всего 1,5 километра вдоль трассы «Ставрополь – Ростов» тянется этот хуторок, но как необычна, достойна восхищения и уважения судьба человека, чье имя носит этот населенный пункт.

Георгий Арсеньевич Емануэль родом из Сербии, стал волонтером сербской армии в 14 лет. Свою первую медаль «За храбрость» Георгий получил в 17 лет. Не найдя должного к себе отношения от венгерского императора, Г. А. Емануэль приехал в Россию, где уже в 25 лет стал полковником русской армии.

В Отечественную войну 1812 г. полковник Емануэль Г. А. вступил командиром 2-й бригады в составе Киевского и Новороссийского драгунских полков 4-го резервного кавалерийского корпуса, входившего в состав 2-й Западной армии князя П. И. Багратиона. В Шевардинском бою полковник Емануэль несколько раз водил своих драгун в атаку, получил ранение в грудь, две лошади под ним так же были ранены. За проявленное мужество был пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени. Однако на этот раз рана заставила его покинуть армию, но уже в сентябре Георгий Арсеньевич был в Тарутинском лагере русских. За отличия в войне против наполеоновской армии в конце декабря 1812 г. Г. А. Емануэль был произведен в генерал-майоры.

По возвращении русской армии из Заграничного похода, Емануэль был назначен командиром *4-й драгунской дивизии*. На единственном сохранившемся портрете генерал изображен в мундире Киевского драгунского полка образца 1814 г. На правой стороне груди звезда ордена Св. Анны 1-й ст., а на левой – серебряная медаль участника Отечественной войны 1812 г., австрийская медаль За храбрость, крест шведского Военного ордена Меча 4-й ст., звезды ордена Св. Владимира 2-й ст. и прусского ордена Красного Орла 1-й ст. На шее крест ордена Св. Георгия 3-го кл., из-под борта выступают кресты ордена Св. Владимира 2-й ст. и прусского ордена Красного Орла 1-й ст.

В июне 1826 г. Николай I назначил Георгия Арсеньевича командующим войсками на Кавказской линии и начальником Кавказской области. Благодаря

его стараниям, подданство России признали многие горские племена и народы. Кроме этого, Георгий Арсеньевич немало сделал и для водворения спокойствия между горцами. Направил экспедицию за Кубань для усмирения некоторых закубанских народов. За плодотворные труды по покорению и умиротворению Кавказа Емануель Г. А. в июне 1828 г. был произведен в генералы от кавалерии.

Деятельность Емануеля Г. А. на посту начальника Кавказской области в 1826 – 1831 гг. необозримо разнообразна: он инспектировал деятельность присутственных мест и службу гражданских чиновников, состояние городов и селений; он заботился о безопасности, вникал в дела опекунских и лечебных учреждений; он способствовал развитию образования и торговли, сельского хозяйства, промышленности и добычи нефти. В поле его зрения постоянно находились проблемы переселения и строительства новых станиц для казаков, межевания земель, охраны и разведения лесов, состояния дорог, мостов и перевозов. Ему приходилось, наконец, принимать чрезвычайные меры в борьбе с эпидемией холеры. Деятельность Емануеля Г. А. оживила весь край, но особое внимание генерал уделял Кавказским Минеральным Водам, он преобразовал «кислые колодцы» в замечательные курорты, ставшие излюбленным местом отдыха и лечения столичной аристократии.

В 1829 году, желая собрать точные сведения о горе Эльбрус и ее окрестностях, и в то же время имея в виду произвести сильное впечатление в умах горцев появлением в самом сердце их крепостей-аулов, он решил предпринять экспедицию к Эльбрусу. В этой экспедиции, по предложению его, приняла участие и Академия Наук. Путешественников сопровождали 650 солдат, 350 линейных казаков, два орудия и десяток погонщиков скота. Создав базовый лагерь, Емануель предложил подниматься на вершину добровольцам, а Джузеппе Бернадацци выбил на скале символ экспедиции – пятиугольную звезду с буквами участников по концам лучей. Разряженный воздух и неподготовленность к темпам и особенностям подъема составили серьезную трудность при восхождении, о чем писали и Ленц и Купфер. Еще тяжелей был спуск. До вершины Эльбруса добрался лишь один – житель Нальчика Киллар Хаширов, который принес в знак доказательства кусок базальта, который разломали на две части – в музеи Петербурга и Будапешта.

Поляна Емануеля, с которой Емануель наблюдал покорение Эльбруса, носит его имя. Результаты экспедиции впечатляли: был собран большой научный материал, обнаружено много мусульманских и раннехристианских памятников. Сам Емануель был избран Почетным членом Академии наук. Когда, «в воздаяние за отличные заслуги генерала от кавалерии Емануеля, оказанные в 1830 году», император Николай I «всемилоостивейше пожаловал

ему в вечное и потомственное владение 6 000 десятин земли в Кавказской области», Георгий Арсеньевич выбрал себе два участка. Один из них, в 2 000 десятин, располагался по большой дороге от Ставрополя к Новочеркаску, за Донским укреплением; второй, в 4 000 десятин, – близ Пятигорска. Но, как оказалось, разделение жалуемых земель на участки в разных местах запрещалось законом, и Кавказская казенная палата обращалась к министру финансов за разъяснением. Разрешение на отступление от правил было дано самим императором. Так появился хутор Эммануэлевский (в 19 веке – Емануелевка). В начале хутора был постоялый двор, где могли сменить лошадей и отдохнуть проезжающие по тракту «С-Петербург – Тифлис» путешественники. После выхода в отставку, генерал Емануэль покидает Кавказскую область и поселяется в небольшом имении под Елисаветградом (ныне Кировоград, Украина). Кто стал владельцем земельного участка после отъезда генерала – пока установить не удалось. Но в списках административно-территориального устройства Кавказской области за 1836 г. и за 1846 г. деревня Емануелевка числится как «деревня полковника Кусакова». В аналогичных списках за 1873 г. – уже как владельческое имение зажиточного крестьянина Р. Г. Сариева (хутор Емануелевка). Скорее всего, в период расслоения в деревне земли разорившихся соседей скупали более успешные крестьяне, имевшие сельхозорудия и машины. Из фондов общественного музея села Безопасного стало известно, что к концу 19 века в числе хозяев хутора значились купец Волков (1 136 десятин), генерал-майор Иваницкий (2 033 десятины), мещанин Кузьма Барабаш, крестьяне Мирон Жиданов, Максим Плотников и Федор Гаврилов, имевшие по 50 десятин земли. Хутор значился по документам «Эммануэлевский».

В советское время хутор носил другое имя – первого председателя колхоза им. Блинова Епифана Гордеевича Чередниченко. Очень любили хуторяне своего председателя: умел убеждать, был хорошим руководителем, по-доброму относился к людям, работал в поле наравне со всеми. Осенью 1934 года Епифан Гордеевич сильно промок во время сева озимой пшеницы, но не ушел с поля, простуда перешла в воспаление легких, и через несколько дней Чередниченко скончался. Похоронен он был в центре хутора, на могиле жители установили небольшой обелиск из камня с красной звездой наверху, а хутор на общем собрании колхозников решили называть «Чередниченко».

В середине 1990-х годов хутору было возвращено его историческое название – Эммануэлевский, в память о доблестном герое войны 1812 г., начальнике Кавказской области, покорителе Эльбруса – Георгии Арсеньевиче Емануэле, достойном вечной благодарности потомков.

Казачья община села Донского планирует в ближайшем будущем установить памятный знак на въезде в хутор, чтобы местные жители и проезжающие мимо путешественники знали, чье имя носит небольшое степное поселение.

Использованная литература и источники

1. Ставропольский хронограф на 2009 год. Краеведческий сборник,- Ставрополь: СГКУНБ, 2009. – 250 с.
2. Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. М. Рекламно-издательский центр «Собрание». 2004
3. РГИА. Ф. 395. Оп. 140. Д. 170. 1834. Л. 3 - 12 об.
4. Юрченко А. Усыпальня Емануелев.//Освятянське слово. 1997 г. №2.
5. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой четверти XIX века. Владикавказ, 1992.
6. Филонов С. Кавказская линия под управлением генерала Емануеля //КС.Т. XV. С. 343.
7. Бентковский И. В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношении // «Кавказский календарь» на 1855 г. Тифлис, 1854. С. 480.
8. Край наш, Ставрополье. Ставрополь, 1999.
9. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII по 1920 год. Справочник. Ставрополь, 2008.
11. История городов и сел Ставрополя. Краткие очерки. Ставрополь, СГУ, 2008.
12. Материалы из фондов общественного музея с. Безопасного Труновского района Ставропольского края.

Судаев Н. Д.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
доктор исторических наук,
профессор

ВОЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ПОЛЯКИ НА КАВКАЗЕ

С последней четверти XVIII века Россия начала активное продвижение на Кавказ, который занимал важное геополитическое положение. Поэтому в овладении им заинтересованы были не только прилегающие государства, но и ведущие европейские державы. России было не безразлично, кто будет играть ведущую роль на ее южных границах. Поэтому и шел все более активный процесс освоения земель на Кавказе. Но для того чтобы их закрепить, необходимо было иметь здесь не только войска, но и мирных поселенцев, которые бы осваивали территорию. Поэтому сюда привлекались все желающие, а также направлялись рекруты, офицеры служить в расположенные здесь воинские части, чиновники, переселялись казаки, крестьяне, создавались новые поселения. Немало было в этих местах беглых из числа крепостных крестьян, рекрутов, осужденных, не поладивших с властями, стремившихся укрыться в здешних бескрайних степных просторах.

На Кавказ ехали служить и работать представители дворянства из разных мест России. Сюда направлялись новобранцы для пополнения воинских частей, переселялись казаки, государственные крестьяне. Одни добровольно, другие по указанию властей, третьи были ссыльными за различного рода провинности. В основном это были русские, но среди них было немало представителей других народов.

Среди тех, кто приезжал на Кавказ, были и поляки, представители дворянства, а также других сословий. Что касается ссыльных, то среди них были представители всех сословий. На Кавказ поляки стали попадать уже в последней четверти XVIII века. Вначале это были ссыльные конфедераты, боровшиеся против России, участницы разделов Речи Посполитой. Сюда также стали направлять военных и государственных чиновников. И военные, и государственные деятели поляки внесли весомый вклад в освоение и развитие Кавказского региона. Среди крупных деятелей на Кавказе можно назвать десятки человек. Среди них выделяются генерал – фельдмаршал И. В. Гудович, генералы Ф. А. Круковский, М. Я. Ольшевский, И.И. Ходзько, атаман Баталпашинского военного округа Кубанской области Я. И. Медушевский, губернаторы Кавказской области М. М. Ольшевский, Ставропольской губернии

Б. М. Янушевич, известный кавказовед И. В. Бентковский, Анапский городской голова В. А. Будзинский и другие.

Одним из выдающихся военных деятелей на Кавказе того времени был Иван Васильевич Гудович (1741–1820 гг.), выходец из древнего польского дворянского рода. В 1790 году участник русско-турецкой войны генерал-аншеф И. В. Гудович, отличившийся на Балканском театре военных действий, получил назначение на должность начальника Кавказской пограничной укрепленной линии и командира отдельного Кубанского корпуса. Теперь ему подчинялись все русские войска на Северном Кавказе. Обстановка здесь в то время была сложной.

Прибыв на Северный Кавказ в свою штаб-квартиру в крепости Георгиевской и ознакомившись с обстановкой, генерал Гудович решил вести в этом регионе активные боевые действия против турок и их союзников. Прежде всего он поставил задачу овладеть мощной крепостью Анапой, опорой турецких войск на Северном Кавказе, расположенной на восточном берегу Черного моря и считавшейся неприступной. Русские войска уже дважды под командованием генералов Тикелли и Бибикова подступали к этой крепости, пытаясь взять ее. Но каждый раз по различным причинам военные экспедиции заканчивались неудачей. Причем, не будучи подготовленным, штурм крепости, предпринятый генерал-поручиком Бибиковым в 1790 году, закончился крахом, корпус понес большие потери, а генерал был отдан под суд.

Новый командующий, имевший большой опыт осады и взятия крепостей на западном театре военных действий против Турции, понимал, что задача предстоит нелегкая. Поэтому он очень тщательно готовился к походу, проведя глубокую разведку и изучив обстановку в данном регионе. К моменту подхода русского корпуса к Анапской крепости, которой командовал опытный военачальник Мустафа-паша, турецкий гарнизон насчитывал 10 тыс. турецких солдат и до 15 тысяч союзников-горцев из числа крымских татар и закубанских народов, что было значительно больше того, чем располагал И. В. Гудович.

Русский корпус с суши осадил Анапу. Бомбардировка крепости вызвала в ней многочисленные пожары. Поскольку турецкие батареи молчали весь день, то Гудович, решив, что анапский гарнизон пал духом, послал ему письмо с предложением сдать крепость, чтобы избежать излишнего кровопролития, обещая гарнизону и жителям свободный выход. Турецкий военачальник согласился было на почетную капитуляцию, но вмешался шейх Мансур, сторонник священной войны против неверных. Он настоял на упорном сопротивлении русским.

Получив отказ, генерал Гудович назначил генеральный штурм Анапской крепости ночью. По его расчетам, это будет полной неожиданностью для турок.

На приступ одновременно пошли несколько штурмовых колонн, но не всем из них под покровом темноты удалось незамеченными приблизиться к крепости. Штурмующие на правом фланге с лодок рано открыли ружейную стрельбу и были обнаружены. Преодолев глубокий ров, русские все же взойшли на вал и вступили в рукопашную схватку. Атакующие захватили неприятельские батареи на валу, открыли центральные городские ворота, через которые в крепость ворвались эскадроны драгун, загнавшие сопротивлявшихся турок и черкесов в штормившее море, большинство из которых утонуло.

22 июня 1791 года Анапа была взята. Потери турок составили 8 тысяч убитыми, не считая нескольких тысяч, утонувших в море. В плен попали 13 с половиной тысяч человек. Победители потеряли более трех тысяч человек убитыми и ранеными. Среди пленных оказался анапский паша и шейх Мансур, несколько лет пытавшийся поднять горцев Северного Кавказа на священную войну – «газават» – против России в поддержку Турции. Императрица Екатерина II высоко оценила взятие крепости, наградив генерала Гудовича орденом Святого Георгия 2-й степени и шашкой, усыпанной алмазами.

После одержанной победы и изгнания турецких войск из пределов Черкесии, Гудович занялся укреплением Кавказской пограничной линии. На правом берегу р. Кубани и левом р. Терека были возведены новые крепости – Усть-Лабинская, Кавказская, Шелководская и другие. По предложению командующего Кубанским корпусом на Северном Кавказе были созданы новые казачьи станицы за счет переселения донских казаков.

И. В. Гудович неоднократно попадал в опалу. Так, при организации Екатериной II персидского похода, ему была поручена его подготовка. Он провел ее тщательно, рассчитывая на то, что будет командовать войсками во время похода. Однако командующим был назначен 25-летний Валериан Зубов, брат фаворита императрицы. После этого обиженный И. В. Гудович покинул Кавказ. Император Павел I, прервав поход, начатый по инициативе матери, и отстранив от командования войсками В. Зубова, возвратил генерала Гудовича на Кавказ. В день своей коронации в апреле 1797 года Павел I, учитывая военные заслуги генерал-аншефа Гудовича перед Российской империей, возвел его в графское достоинство.

В 1799 году генерал Гудович был назначен главнокомандующим русской армией, направлявшейся на Рейн для поддержки австрийцев, терпевших поражения в боях с войсками революционной Франции. Но вскоре он попал в немилость за открытую критику прусских военных порядков. Разгневанный император Павел I, преклонявшийся перед военной организацией прусского королевства, в июне 1800 года уволил его со службы и больше не приближал ко двору.

Только в 1806 году во время войны с Персией генерал Гудович был призван Александром I на императорскую службу и в третий раз отправлен на Кавказ – командующим войсками против правителей Дербентского, Шекинского и Бакинского ханств. В Закавказье он прославился тем, что, приняв необходимые меры, сумел предотвратить там распространение эпидемии чумы, чем значительно укрепил авторитет русской армии среди местного населения.

Во время Русско-турецкой 1806–1812 гг. главнокомандующий генерал Гудович перенес боевые действия на неприятельскую территорию. В 1807 году при Арпачае на территории Турции произошло сражение, в котором русские одержали победу. Хотя турецкие войска занимали выгодные для боя горные высоты, но удержать их не смогли. За победу при Арпачае император Александр I произвел Гудовича в генерал-фельдмаршалы.

Из-за тяжелой болезни И. В. Гудович вынужден был покинуть Кавказ, оставив после себя заметный след и память. В 1809 году он был назначен главнокомандующим в Москву, членом Государственного совета и сенатором. В феврале 1812 года по старости И. В. Гудович вышел в отставку и последние годы жизни провел в своем имении в Подольской губернии, где и скончался в 1820 году.

На Кавказ ехали добровольно, чтобы использовать возможность выслужиться. В 1817 году поляк М. М. Ольшевский, после производства в прапорщики, приехал в Отдельный Кавказский корпус. Здесь он прослужил три десятка лет, участвуя в боевых действиях. Продвигаясь по служебной лестнице, получая награды, он был произведен в генерал-майоры. Как человека, прослужившего на Кавказе более четверти века и хорошо знавшего здешний край, его проблемы, он в 1843 году был назначен на должность Кавказского гражданского губернатора. Это было сложное время, период крупных успехов имамата Шамиля, который достиг значительных успехов в борьбе с российскими войсками и постоянно угрожал Кавказской области. Здесь М. М. Ольшевскому приходилось в течение трех лет решать многие очень сложные вопросы по освоению данного региона, обустройству территории Кавказской области, заниматься переселяемыми из центральных губерний и Малороссии государственными крестьянами, добиваясь прочного закрепления данной территории за Российской империей. Как начальник полиции области он много внимания уделял поддержанию порядка на ее территории, поскольку здесь было немало «лихих людей», совершавших преступления. Затем он служил комендантом крепости Бендеры, где был произведен в генерал-лейтенанты.

Четверть века на Кавказе служил другой поляк М. Я. Ольшевский (1816–1895 гг.), который сделал более успешную карьеру. После окончания в 1833 году первого кадетского корпуса он был выпущен прапорщиком в артиллерию. Через пять лет службы способный офицер получил возможность поступить в императорскую военную академию, готовившую офицеров генерального штаба. После окончания академии в 1841 году в чине штабс-капитана генерального штаба М. Я. Ольшевский прибыл на Кавказ. Здесь он был зачислен офицером для поручений в штабе войск на Кавказской линии и в Черномории, который располагался в г. Ставрополе. Отсюда он часто выезжал в войска по всей линии, которую хорошо изучил. Затем в течение 9 лет он находился на левом фланге Кавказской линии и исполнял должность квартирмейстера 20-й пехотной дивизии, действовавшей против имамата Шамиля. В 40-ые годы Шамиль добился значительных успехов в войне против русских. Поэтому от М. Я. Ольшевского требовалось немало усилий и умения в разработке планов операций против войск Шамиля. Здесь в 1851 году был произведен в подполковники.

Когда началась Восточная (Крымская) война, М. Я. Ольшевский был направлен на Кавказский театр военных действий. Он принимал активное участие в боевых действиях против турецких войск, будучи командиром пехотного полка. Полк отличился в сражении при Башкадыкларе 19 ноября 1853 года, когда действующий корпус под командованием генерала В. И. Бебутова одержал блестящую победу над значительно превосходящими силами турок. На следующий год, 24 июля 1854 года, полк снова отличился в сражении при деревне Кюрюк Дара, в котором русские войска одержали еще более убедительную победу над турками. На Кавказе он был награжден орденами от Святой Анны 3-й степени до ордена Владимира 2-й степени и золотым оружием. За время службы на Кавказе М. Я. Ольшевский дослужился до чина генерал-лейтенанта, командующего войсками в Кубанской области. В 1866 г. он был переведен с Кавказа, командуя, последовательно, 9 и 15 дивизиями. Во время русско-турецкой войны изъявил желание возвратиться в действующую армию, но просьба его была отклонена. В 1881 году он был произведен в чин генерала от инфантерии и назначен членом Александровского комитета о раненых. В 1883 г. в день 50-летнего юбилея служения в офицерских чинах был награжден орденом Александра Невского.

Известно, что на Кавказе важную роль в его освоении и защите сыграло казачество, в составе которого было немало поляков, которые вступили в его ряды, будучи военнопленными во время Отечественной войны 1812 года, сосланные за участие в восстаниях против России 1830–1831 гг., 1863–1864 гг., как (к примеру) известный краевед И. В. Бентковский и многие другие.

Иосиф Викентьевич Бентковский (1812–1890 гг.), будучи сосланным на Кавказ за причастность к польскому восстанию 1830–1831 годов, сделал хорошую карьеру, дослужившись в казачьих войсках, куда он вступил добровольно, до чина сотника и начальника станицы Михайловской. Уйдя в отставку и поступив на гражданскую службу, он стал секретарем губернского статистического комитета. Но в историю края он вошел прежде всего как выдающийся краевед. Занимаясь военными и гражданскими делами, он много внимания уделял изучению истории края, народов, его населявшим, проблемам социально-экономической сферы. Результатом его многогранной работы на этом поприще стали более четырехсот книг, статей, опубликованных в газетах, журналах, сборниках, вышедших отдельными изданиями. И. В. Бентковский поставил краеведение в регионе на прочную основу и стал признанным авторитетом в этой сфере. Его произведения, содержащие богатый фактический материал, не потеряли своего значения, ценности и в наше время. Они широко используются исследователями, учеными, краеведами, которые постоянно обращаются к ним при изучении истории края. За труды на гражданском и научном поприще И. В. Бентковский был награжден орденом Св. Анны третьей степени.

Известным казачьим генералом стал поляк Ф. А. Круковский, который с 1848 года был наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска до своей гибели в 1852 году, под командованием которого довелось служить И.В. Бентковскому.

Круковский Феликс Антонович (1804–1852 гг.) родился в 1804 году в Литве в дворянской семье и принадлежал к фамилии, имевшей герб «Корвин». Родители, заботясь о будущем сына, отдали его на воспитание в иезуитский коллегиум. Свою службу Ф. А. Круковский начал в Рижском драгунском полку, где проявил себя как грамотный офицер. В 1840 году он был переведен на Кавказскую линию командиром Горского казачьего полка. Через два года Круковскому было поручено командовать одним из известнейших на Кавказе Хоперским казачьим полком. Командуя полком, Ф. А. Круковский в 1843 году совместно с отрядом Волгского полка, разбил при станице Бекешевской отряд горцев до 5000 человек, за что был произведен в полковники и награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1846 году Феликс Антонович был назначен командиром знаменитого по своим боевым делам на Кавказе Нижегородского драгунского полка, который под его командой был приведен в блестящее состояние. Вскоре он был произведен в генерал-майоры. В марте 1848 года Круковский был назначен наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска. Четыре года управления этим войском были для Круковского временем боевых подвигов и внутреннего упорядочения войска.

Круковский пользовался громкой известностью как боевой генерал. Когда в 1850 году Кавказ посетил наследник российского престола цесаревич Александр Николаевич, то Круковский все время состоял при нем. Покидая Кавказ, цесаревич при прощании с атаманом Кавказского линейного казачьего войска генералом Круковским, в знак своего особого внимания к войску и его атаману, пожаловал линейную шашку, бывшую на нем во время его путешествия по Кавказу.

По описанию генерала Кравцова, Ф. А. Круковский был «росту большого, стройного сложения, носил на голове короткие черные волосы, имел лицо серьезное, выразительное, большие черные бакенбарды и очень длинные усы, — словом, фигура его представляла тип настоящего кавалериста. Он был воздержан в пище, питье и вообще высоконравственный и строго честный человек, чуждый всяких личных выгод. Нередко помогал, чем мог, бедным, но делал это тайно и запрещал говорить об этом. Вообще имел вид внушительный, сосредоточенный, как бы замкнутый. Это происходило, конечно, от влияния иезуитского воспитания. На самом деле Круковский был весьма добрый и сострадательной души человек».

Когда Феликс Антонович не был в походах, то всю свою деятельность посвящал инспектированию войска во всех его отношениях: осматривал устраиваемые станицы на передовых линиях, входя во все тонкости административного управления и т. д. По словам генерала Попко, такие смотры «он делал без всяких приготовлений, врасплох, не терпел встреч и проводов, совершал объезды запросто и по большей части верхом, не пропускал осмотреть засеянное поле и скошенный луг, сворачивал в сторону, чтобы взглянуть поближе на станичное стадо, и, если в станице встречал неприглядную хату, заходил в нее и расспрашивал хозяина о житье-бытье. Чаше, разумеется, представлялась ему хозяйка с ребятишками мал-мала меньше. На вопрос: где же хозяин? следовал ответ: да в сотне, мой кормилец, вот уж беспеременно четвертый годочек. Атаман находил, что кормилец слишком уж там замешкался, и предлагал станичным старикам послать ему смену, что исполнялось беспрепятственно при тогдашнем общинном отбывании военной повинности в станицах, способных отвечать на все случайности бытовой жизни, неуловимые для самой предусмотрительной регламентации».

Но особенно ревностным и неустрашимым деятелем был генерал Круковский на поле брани и в военных делах. И. Д. Попко так характеризовал его с этой стороны: «Посты кордонной линии, Круковский объезжал всегда верхом и в сопровождении одного, а много — двух казаков. В самых опасных местах, в закрытых и пересеченных захолустьях линии, как например, в

верховьях Кубани, где отчаянно держались и каждый день грызлись посты Ямановский, Хумаринский и т. п., – он не брал конвоя и собственной особой давал пример, как казаку молодцу пробираться в одиночку по таким местам, где за каждым кустом сидит опасность».

Личная храбрость и вообще выдающиеся военные способности создали Ф. А. Круковскому в среде казаков и солдат репутацию отличного военного начальника. О нем складывались легенды. По станицам распевали казачьи песни про подвиги Круковского и в особенности о геройской его смерти. По словам одной из песен, Круковский, «...отъезжая от Ставрополя» в «отряд чеченский», имение свое раздарил, предчувствуя близкую смерть. Предчувствие это сбылось так, как «будто Бог с ним говорил». 8 января 1852 года генерал Круковский с небольшим конвоем попал в засаду и погиб, будучи весь изрубленным горцами. Позже А. И. Барятинскому удалось выкупить у Шамиля орден Св. Георгия, а также Св. Станислава 1-й степени. Но его шашку и кинжал Шамиль не согласился возвратить ни за какие деньги.

В историю Кубани прочно вошел Будзинский Владимир Адольфович. Родился он 13 июля 1865 года в станице Зассовской Кубанской области в семье отставного полицейского пристава. Окончив Кубанскую войсковую гимназию, поступил на медицинский факультет Киевского университета. За участие в революционном движении был уволен из университета и в мае 1887 г. выслан на Кавказ под гласный надзор полиции на 3 года. В 1890 году поступил в Харьковский университет, который окончил со званием лекаря в 1894 г.

В студенческие годы был награжден золотой медалью за работу «Зависимость состава крови от механизма условий кровообращения и мускульной деятельности». В 1895–1896 гг. служил в клинике Харьковского университета, врачом в Харьковском земстве, в детских приютах, одновременно – председателем Харьковского общества распространения грамотности. В 1899 году он приехал в Анапу и решил создать здесь русский курорт. Не имея средств и поддержки со стороны городской управы, он взял ссуду в банке, купил 3 десятины земли и начал строительство первого в Анапе курортного учреждения и уже в 1900 г. открыл водогрязелечебницу.

В 1903 г. В. А. Будзинский принял участие в работе II Всероссийском съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии в Пятигорске, на котором выступил с докладом «Анапа – курорт морских купаний и климатическая станция на кавказском берегу Черного моря».

В 1908 году на очередном заседании Русского общества охранения народного здоровья В. А. Будзинский выступил с предложением открыть в Анапе филиал этого общества, которое поддержали участники заседания. В это же время он хлопочет о создании городского электрического трамвая на

концессионных условиях, но безуспешно. В. А. Будзинский работал заместителем председателя городского попечительства о бедных. 15 июня 1909 года по его инициативе был открыт противотуберкулезный детский санаторий на Песках «Бимлюк». В. А. Будзинский создал акционерное общество «Курорты Анапы и Семигорья», став председателем его правления, с помощью которого приобрел серные источники вблизи станицы Ильской для устройства серных ванн. В эти годы, получив правительственные субсидии, В. А. Будзинский построил еще один корпус в санатории «Бимлюк» на 300 мест и спальный корпус «Светлана» в Семигорье на 100 мест. Он завоевал высокий авторитет в Анапе и округе. Горожане неоднократно избирали его гласным городской думы.

В сентябре 1914 года Анапская городская дума единогласно постановила возбудить ходатайство о присвоении звания почетного гражданина города Анапы В. А. Будзинскому «во внимание к его благотворной, высокополезной деятельности в деле создания в названном городе благоустроенного курорта». 27 мая 1915 года в Царском Селе Николай II утвердил это решение.

Учитывая полезную деятельность для города, его порядочность и организаторские способности гласные городской думы в 1915 году избрали В. А. Будзинского городским головой и председателем городской управы. И они не ошиблись. Новый городской голова многое сделал для жителей города по обеспечению горожан товарами первой необходимости, ведя борьбу с дороговизной.

После национализации советской властью санаториев акционерного общества «Курорты Анапы и Семигорья» В.А. Будзинский остался в них работать врачом. Отдавая дань памяти В. А. Будзинскому, 7 октября 1992 года был торжественно открыт памятник на центральной аллее санатория «Анапа».

Известной личностью на Кавказе был поляк Б. М. Янушевич, ставропольский губернатор в 1906–1915 гг. Потомственный дворянин, он получил высшее образование в Варшаве и в военной академии в Петербурге. Служил в армии, затем перешел в гражданское ведомство, работал в земских учреждениях, был тамбовским губернатором. На Ставрополье губернатором он был направлен в сентябре 1906 года в сложное для губернии время. Это был период значительно возросшей общественно-политической активности в губернии, особенно ставропольского крестьянства. Выступления крестьян против властей были подавлены вооруженной силой с применением артиллерии и репрессий посланцем императора генералом Литвиновым.

Возглавляя почти десять лет Ставропольскую губернию, Б. М. Янушевич многое сделал для ее развития. При его активном участии на Ставрополье были введены земские учреждения законом 9 июня 1912 г. Опыт, приобретенный им

во время работы в земских учреждениях, позволил ему оказать большое влияние на становление земства в губернии. При непосредственном участии губернатора были построены железные дороги Георгиевск – Святой Крест, Армовир – Ставрополь – Винодельное. Под руководством Б. М. Янушевича в губернии начала осуществляться аграрная столыпинская реформа. Много внимания он уделял социальной сфере, особенно развитию здравоохранения, образования. В губернии открывались лечебные учреждения, учебные заведения. Для подготовки учительских кадров в 1912 году в г. Ставрополе был учрежден учительский институт.

В сложное время Первой мировой войны Б. М. Янушевич много внимания уделял оказанию помощи действующей армии, созданию в губернии госпиталей, заботе о семьях военнослужащих, инвалидах, борьбе с дороговизной, обеспечению населения товарами первой необходимости, развитию потребительской кооперации. Его дочь Елена, закончив во время войны курсы сестер милосердия, работала вначале в ставропольском госпитале, а потом находилась на фронте в Туркменском санитарном отряде, созданном ставропольскими туркменами на собственные средства. За мужество и героизм, проявленные в боевых условиях, она была награждена Георгиевской медалью 4-й степени. 29 сентября 1915 г. император Николай II подписал указ: «Ставропольского губернатора, Почетного мирового судью Оргеевского уезда и округа, Ставропольского Окружного Суда, Действительного Статского советника Янушевича Всемилостивейше увольняем от занимаемой им должности губернатора согласно прошения по болезни». После этого Б. М. Янушевич уехал на Кавминводы. Умер Бронислав Мечиславович Янушевич в октябре 1916 г. и был похоронен на католическом кладбище при местном костеле в городе Ставрополе.

Можно было бы назвать еще немало имен поляков, каждый из которых на своем месте внес вклад в освоение Кавказа, развитие его экономики, образования, культуры, здравоохранения. В целом поляки: высланные на Кавказ, направленные по делам службы, приехавшие по собственной инициативе, занимавшие различные посты в армии и на гражданской службе, – внесли значительный вклад в социально-экономическое развитие региона, особенно образования и культуры. Для многих из них Кавказ стал второй родиной. Сегодня на Кавказе о поляках напоминают названия населенных мест, улиц, здания костелов.

Использованная литература и источники

1. Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. –Краснодар: Кубанский гос. ун-тет, 2008.

2. Госданкер В.В. Историк-краевед И.В. Бентковский (1812-1890). //Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 7. Ставрополь: Книжное изд-во, 1976. С. 222-251.
3. Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII - XX в. – М.: Книжная палата, 1997.
4. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII-начало XX века. Ставрополь: СГУ, 2011. С. 377-386.
5. Край наш Ставрополье. Очерки истории. – Ставрополь, 1999.
6. Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». –СПб.: изд. журнала «Звезда», 2003.
7. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина, М. 1996.
8. Поляки в России: вехи истории. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2008.
9. Потто. Кавказская война. Т.1. Ставрополь, 1994.
10. Селицкий А. Поляки на Кубани. Исторические очерки.- Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2008.
11. Шишов А.В. Казачьи атаманы. - М.: Вече, 2008.
12. Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д. Кубанское казачество и его атаманы. – М.: Вече, 2007.
13. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997.
14. Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь: СГУ, 2006.

Шишкин Е. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольская православная духовная семинария,
преподаватель

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-Е – 1940-Е ГОДЫ

Юго-восточный русский церковный Собор (самоназвание – Южно-Русский Поместный Собор) прошел на грани новой эпохи в истории нашего региона. Смена власти привела к коренным изменениям в положении Церкви. Радикально меняется и состав источников, меняются и те явления, с которыми историк имеет дело (хотя лица, храмы, приходы остаются теми же самыми).

Начать хотя бы с того, что документы партийных и советских органов власти являются внешними по отношению к церковным реалиям, а традиция церковного архивного дела во всей стране была практически полностью прервана. При попытке реконструкции церковной истории довоенного периода на местах исследователь сталкивается с такой скудостью источниковой базы, что не стоит удивляться малому числу научных работ, посвященных этому периоду (особенно по нашей, региональной тематике).

Как можно охарактеризовать положение Церкви в регионе? Когда заходит речь о советском периоде, самым наглядным показателем будет количество действующих храмов. Этот вопрос тоже малоизучен, однако попробуем на нем остановиться.

Такое событие, как закрытие (а зачастую – и разрушение) храма, было настолько значительным ударом для верующего человека, что почти всегда надолго оставалось в памяти. В то же время, воспоминания очевидцев реконструируют лишь отдельные фрагменты картины, и остается огромное количество белых пятен. Часто по воспоминаниям невозможно установить даже точную дату закрытия храма: исследователю приходится разрабатывать значительный массив документов Крайисполкома или городских органов советской власти для того, чтобы найти решение по каждому конкретному храму.

Статистические сведения, как правило, тоже фрагментарны. Конечно, различные формы статистической отчетности собирались органами советской власти на протяжении всей истории СССР, количественные показатели играли важнейшую роль при оценке эффективности работ в той или иной сфере. Однако до создания в 1943 году Совета по делам Русской Православной Церкви статистический учет религиозных объединений осуществлялся несистематично.

Количественные данные по православным приходам Северного Кавказа представлены в разнообразных источниках. Например, в недавно опубликованном сборнике «Политбюро и Церковь» мы встречаем сведения о том, что в Ставропольской епархии на 1 декабря 1923 года было 225 приходов (из них 96% – обновленческих), в Пятигорской епархии – 110.¹ Эти сведения приводятся в информационной сводке VI отделения Секретного отдела ОГПУ и не являются обязательным элементом формуляра. Поэтому, например, количество храмов, действовавших на тот момент во Владикавказской и Кубанской епархиях, не указано.

В целом сведения опубликованных источников по данному вопросу недостаточны. Кроме того, в их основе нередко лежит разный подход к отбору данных. Например, в статье Н. Ю. Беликовой количество приходов по Северо-Кавказскому краю и Кубани (приблизительно на территории современного Южного Федерального Округа) приводится уже без административно-территориальной детализации, но с учетом их юрисдикционного положения. Краснодарская исследовательница сообщает интересные цифры: на начало 1926 года только обновленческих приходов здесь насчитывалось 876.² Однако аналогичные сведения о приходских общинах региона, стоявших в тот же период на канонических позициях, у нас отсутствуют.

Из неопубликованных источников особый интерес представляют документы Комиссии по вопросам культов, действовавшей в 1930-е годы при Президиуме ВЦИК (с 1934 года – при Президиуме ЦИК СССР). В ее функции, среди прочего, входили и общий учет религиозных объединений на местах, и рассмотрение жалоб на закрытие храмов. В фонде Комиссии сохранились статистические сведения по регионам, начиная с 1931 года. Однако и здесь проследить общую картину путем обычного сопоставления данных невозможно: сказывались и административно-территориальные преобразования, и изменения форм отчетности.

Тем не менее, цифры говорят сами за себя: на 1 июля 1931 года в Северо-Кавказском крае было зарегистрировано всего 184 православных храма (в том числе 37,5% – обновленческих). Масштабы трагедии, произошедшей за 5 лет, очевидны: на тот момент в Северо-Кавказский край входили Донская и Кубанская области, Ставропольская и Терская губернии, Адыгейская, Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская и Чечено-Ингушская автономные области, а также Дагестанская АССР (которая не учитывалась при составлении цитируемого документа).³ Это примерно та же территория, на которой в 1926 году число действующих храмов приближалось к 900 или даже превышало эту цифру.

Еще через пять лет на территории Северо-Кавказского края числилось 153 православных храма (процентная доля обновленческих осталась неизменной).⁴ Однако к тому времени уменьшилась и сама территория Северо-Кавказского края – в 1934 году из его состава был выделен Азово-Черноморский край (статистические сведения по этому региону в фонде Комиссии отсутствуют, и оценить динамику закрытия храмов вновь не представляется возможным).

Тем не менее, по документам, поступавшим в Комиссию, прослеживается некоторая активизация в вопросе закрытия храмов в первой половине 1936 года: через год из упомянутых 153 официально действовал уже лишь 121 приход (храмы канонической юрисдикции – так называемые «тихоновские» – закрывались значительно быстрее обновленческих, доля которых постепенно начинала расти).⁵

Безусловно, эти сведения требуют уточнения, с привлечением материала местных органов советской власти, но фонд Ставропольского Крайисполкома (ГАСК), например, практически не изучен на предмет решения вопросов, связанных с церковной жизнью в нашем регионе.

Как известно, 1937 год стал годом самых жестоких репрессий. На Северном Кавказе они приняли такие масштабы, что уцелевшие приходы можно было пересчитать по пальцам. На территории Орджоникидзевского края оставалось 10 действующих церквей (в том числе одна в Карачаево-Черкесской автономной области – Никольский собор, и одна в самом Ворошиловске – Успенская) и еще 4 молитвенных дома.⁶ Поскольку Северо-Кавказский край был уже расформирован, к этому нужно добавить, что в каждой автономной республике сохранялось по одному храму: один в Грозном – Михаило-Архангельский, один в Осетии – Ильинская церковь во Владикавказе, один в Кабардино-Балкарии – Симеоновский в Нальчике, который в 1940 году все-таки закрыли. Ни одного в Дагестане. Причем из названных 17-ти храмов обновленцам принадлежало 14.

Сохранился уникальный документ: в мае 1940 года местные власти сделали шаги к тому, чтобы уменьшить и это число. Уже было упомянуто о закрытии Симеоновской церкви в Нальчике. В Российском государственном архиве социально-политической истории, в фонде ЦК, сохранился доклад уполномоченного Комиссии партийного контроля Астраханцева, написанный за три дня до начала Великой Отечественной войны по результатам инспектирования состояния антирелигиозной пропаганды в Орджоникидзевском крае. В этом документе приводятся еще две предпринятые в мае 1940 года попытки закрытия церквей: в Ессентуках и в Черкесске. Обе не удалось, верующие отстояли храм!⁷ То есть на момент начала войны пружина

была сжата до предела, причем наш регион стал для партийной элиты одним из наиболее характерных примеров.

С другой стороны, приведенные факты показывают, что исследователю церковной жизни в СССР нельзя без оглядки ориентироваться на документы партийной власти об «успехах антирелигиозной работы» и т. п. Здесь волонтаризм чиновничества соприкасался с реальной жизнью, и если мы не будем учитывать этого, факт стихийного религиозного возрождения в условиях оккупации для нас окажется непонятен. Нам останется вслед за советскими чиновниками послевоенного периода объяснять это наследием фашистских оккупантов, которые «насаждали Церковь», – и все. Однако в этом случае останутся совершенно непонятными сводки СД, где шеф полиции безопасности телеграфировал в Берлин о «самопроизвольном открытии церквей во всех населенных пунктах» юга России.⁸

Современные церковные и светские историки рассматривают это явление как процесс массовой легализации церковной жизни, вытесненной за границу дозволенного в условиях советской действительности. То есть это были реальные православные священнослужители, реальная паства, которые лишились традиционных форм церковной деятельности и, естественно, стремились при любом удобном случае их восстановить.

Чтобы понять, в каких формах продолжалась нелегальная церковная жизнь, я напомним о значении епископа в Церкви и о репрессиях православного епископата. В 1920-е годы Ставропольские иерархи сменялись ежегодно! В 1932 году Ставропольская и Кубанская епархия Патриаршей Церкви была почти полностью уничтожена. Возглавлявший ее митрополит Серафим (Мещеряков) был арестован, обвинен в том, что через «сеть благочинных» руководил антисоветским террористическим подпольем, и в 1933 году расстрелян в Ростове. Из заграницы «контрреволюционной организацией» якобы руководил сам глава Русской Православной Церкви за рубежом митр. Антоний (Храповицкий).⁹ Кстати, «Южно-Русский Синод», как называли чекисты виртуальную «террористическую организацию», возводился к Южно-Русскому Поместному Собору, 90-летие которого мы сегодня отмечаем.

И со следующего, 1934 года, когда в Ставрополе был арестован епископ Лев (Черепанов) (расстрелян он был позднее в Соловках),¹⁰ Ставропольская кафедра уже не замещалась. Вот эта церковная жизнь, загнанная в подполье (не как некая организованная оппозиция власти, а в нейтральном смысле: на нелегальном положении оказывались как лояльные, так и монархически настроенные священнослужители и прихожане), оказалась без архипастырского возглавления. Более того, с октября 1937 года, когда был арестован (а в феврале 1938 года – расстрелян) архиепископ Пятигорский Мефодий (Сидоров-

Абрамкин),¹¹ на территории Северного Кавказа и Кубани не осталось ни одного православного архиерея канонической юрисдикции, и такое положение продолжалось до 1943 года, до прибытия сюда архиепископа Ставропольского и Пятигорского Антония (Романовского).

Что же произошло в оккупационный период? Здесь мы тоже, как правило, встречаемся с недостаточным числом источников. Однако объясняется это уже совсем другими причинами, и, я думаю, специально об этом не надо говорить. Документы оккупационных властей малодоступны – они в Германии. Те сводки, которые я сегодня упоминал, переведены с немецкого и опубликованы Михаилом Витальевичем Шкаровским.

Сведения партизанских отрядов настолько фрагментарны, что из них сложно почерпнуть даже какой-то фактический материал о положении Церкви. Достаточно привести один факт: единственная партизанская сводка по Ставропольскому краю с подобными сведениями, которая известна на сегодня, была составлена Сусловым, как он сам говорит, «на основе личных бесед с разведчиками», побывавшими в северо-восточных районах края. В ней содержится буквально 2 строчки. В разделе «насаждение мракобесия» он писал: «Во всех крупных населенных пунктах при покровительстве немцев были открыты церкви»,¹² – и все! То есть не больше, чем писали сами гитлеровцы в Германию.

Торжественно-отчетные сведения оккупационных газет тоже не дают целостной картины – тем более, что оккупационная периодика малодоступна: многие газеты отсутствуют в крупнейших библиотеках нашего края.

Воспоминания очевидцев тоже неполны, хотя дают часто очень интересные сведения. Например, что в колокольне Казанского собора был открыт храм.¹³ Это очень интересно, потому что сам М. А. Сулов, вернувшись из эвакуации, распорядился колокольню уничтожить. Этот приказ он мотивировал тем, что она якобы является ориентиром для вражеских бомбардировщиков.¹⁴ Хороший повод сократить число храмов города Ставрополя, выросшее с одного до пяти! Не стоит недооценивать личную заинтересованность будущего шефа-идеолога, так как именно по его инициативе начиналось наступление на Церковь, уже в масштабах всей страны, и в 1948, и в 1958 годах.

Очевидно, что с завершением оккупации положение Церкви оставалось неоднозначным. С одной стороны, мы знаем, что взрывается колокольня. Приходит советская власть. Например, верующие Солдато-Александровского района писали позднее, как им, «боясь заточения в концлагерь», пришлось «освободить» свой молитвенный дом.¹⁵ В качестве типичной жалобы ставропольский уполномоченный Совета по делам Русской Православной

Церкви впоследствии приводил такой текст: «Фашистские бандиты при оккупации нашего края разрешили нам занять помещение школы под молитвенный дом, и мы молились до февраля 1943 года. С приходом нашей любимой доблестной Красной Армии из школы нас выбросили».¹⁶

С другой стороны, известны факты иного порядка: например, в Кабардино-Балкарии с изгнанием гитлеровцев начали действовать молитвенные дома в селах Ново-Ивановском, Крем-Константиновском и Баксане, возродилась церковь в станице Александровской.¹⁷ Хотя эта ситуация немного проясняется, если вспомнить, что в республиках было всего по одному православному храму. Это был просто духовный вакуум, пустыня для верующего человека.

А в Ставропольском крае представители советской власти называли православные храмы «вражбим следом».¹⁸ Такая оценка создавала идеологическую основу для дальнейших репрессивных мер по отношению к приходским общинам, независимо от их реальной позиции в военные годы. Если закончилась война, значит надо ликвидировать ее последствия: сокращать сеть религиозных объединений, которая на порядок увеличилась за оккупационный период (к концу 1944 года на территории Ставропольского края было зарегистрировано 145 православных общин)¹⁹. Когда в Ставрополе была учреждена должность уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви, на нее был назначен бывший директор антирелигиозного музея – Никита Антонович Чудин. Он ставил себе в заслугу, что с момента его назначения на Ставрополье не было открыто ни одного храма!²⁰

Использованная литература и источники

1. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг. – М. – Новосибирск, 1998. Кн. 2, С. 380–381.
2. Беликова Н.Ю. Развитие обновленческого движения в Русской Православной Церкви в 20-е гг. XX в. на Юге России // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 3, 2004. С. 34.
3. ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.1535. Л.8.
4. ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.1535. Л.6.
5. ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.1535.
6. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.44. Л.75.
7. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 407–408.
8. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2000. С.400.
9. Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 36–37.
10. Малякко И., Глебова М. Власть дьявола. // Ставропольские губернские ведомости. 1995. № 24 (468). С. 3.
11. Чинякова Г.П. Кавказское созвездие. Жизнеописания подвижников Северного Кавказа XX века. СПб., 2008. С. 20–21.

12. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 8–9.
13. Беликов Г.А. Оккупация: Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь, 1998. С. 108–110.
14. Беликов Г.А., Савенко С.Н. Облик старого Ставрополя. Ставрополь, 2007. С.31.
15. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.14. Л.83.
16. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.10. Л.27.
17. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.14. Л.144.
18. Макарова Е.А. Церковь и общество на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье. Правда военных лет. Ставрополь, 2005. С. 556.
19. Сомова И.Ю. Религиозный вопрос на Ставрополье в 1943–1945 гг.: новшества, особенности и состояние к концу войны. // Актуальные проблемы российской и всемирной истории. Пятигорск, 2002. С.150.
20. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.473. Л.54.

Юрченко Т. И.,
г. Пятигорск,
Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова,
старший научный сотрудник

**ПЯТИГОРСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
НЕМЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ ЗИГФРИДА ФОН ФЕГЕЗАКА**

Имя немецкого писателя Зигфрида фон Фегезака знакомо кавказоведам по книге Е. И. Яковкиной «Последний приют поэта». Рассказывая об истории пятигорского музея «Домик Лермонтова» в период немецко-фашистской оккупации курорта (август 1942 – январь 1943 года), она сообщает: *«Из оккупантов, побывавших в лермонтовской усадьбе, поэзию Лермонтова знал только немецкий литератор фон Фегезак»* (1). Далее Яковкина ссылается на мемуары генерала армии И. В. Тюленева «Через три войны», где также упоминается, что 4 сентября пятигорский музей М. Ю. Лермонтова посетил немецкий писатель Зигфрид фон Фегезак. Этими двумя документально-историческими произведениями сведения о писателе Фегезаке в отечественной литературе исчерпываются. Его имя невозможно найти ни в одном из специальных справочников, словарей или учебных пособий. При этом книги Фегезака рассказывают о России и о Пятигорске в частности, что вызывает несомненный интерес к личности и творчеству этого писателя среди отечественных исследователей.

Зигфрид фон Фегезак родился в 1888 году в Лифляндской губернии, в аристократической семье балтийских немцев. С 1901 по 1907 год учился в городской гимназии Риги, в 1907–1912 годах изучал историю в Дерптском университете, затем продолжил учебу в Германии, где начал работать журналистом. В 1917 году поселился в Баварии, в старинном полуразрушенном замке Вайсенштайн. В немецкую литературу Фегезак вошел в 1920-х годах, осуществив перевод некоторых произведений русской классической прозы – Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, В. В. Набокова. Первую известность ему принес написанный в начале 1930-х годов роман-трилогия о родной Лифляндии «Балтийская трагедия». Весной 1933 года Фегезак был арестован. К проблемам с властями привели его выступления в антифашистских изданиях против «коричневой чумы» и антисемитских тенденций в Германии, а также отказ вывесить флаг со свастикой на башне его дома. Фегезак вынужден был эмигрировать, но к концу 1930-х годов вернулся в Германию.

В период второй мировой войны, с 1942 по 1944 год, Зигфрид фон Фегезак служил русскоязычным переводчиком при экономическом штабе Верховного главнокомандования вермахта. Что заставило 54-летнего писателя, имевшего серьезные проблемы со здоровьем, оставить жену с годовалым сыном, забыть о своих прежних неприятностях с нацистским режимом и добровольно вступить в ряды гитлеровской армии? Может быть, отцовское чувство солидарности: его старший сын Готтхард с началом войны был призван в армию (он погибнет в 1943 году в Польше). А может быть, и политические взгляды самого Фегезака, который был ярким антикоммунистом, и войну на востоке рассматривал как освобождение России от большевизма, от коммунистической идеологии. При этом нацистом Фегезак не был. Во многом он не принимал политику правящей гитлеровской партии, в частности, расовую политику, классифицировавшую славян и евреев как низшую расу. Показательно, что среди его друзей было немало евреев. В июле 1944 года Фегезак представил возглавлявшему экономический штаб на восточном фронте генералу Штапфу рапорт «Обращение с населением на занятых восточных территориях», содержание которого свидетельствовало о полном разочаровании в проводимой гитлеровским правительством государственной и военной политике. Генерал Отто Штапф входил в число заговорщиков, готовивших покушение на Гитлера 20 июля 1944 года в ставке «Волчье логово» под Растенбургом. Рапорт Фегезака он назвал настоящим обвинением существующему режиму и вовремя скрыл его, чем, возможно, спас писателя. Косвенно Фегезак все же проходил по делу о покушении на фюрера. В октябре 1944 года он вышел в отставку, вернулся в Баварию, где активно занялся литературной деятельностью. Умер Зигфрид фон Фегезак в 1974 году в своем поместье Вайсенштайн. В 1999 году в близлежащем городе Регене его именем были названы школа и улица. Кроме того, Фегезак значится в списке самых знаменитых балтийских немцев – наряду с генералом М. Б. Барклаем-де-Толли, адмиралами Ф. Ф. Беллинггаузенем и И. Ф. Крузенштерном, графом А. Х. Бенкендорфом, физиком Э. Х. Ленцем, патриархом Алексием II, ракетостроителем Ф. А. Цандером.

Литературное наследие Зигфрида фон Фегезака включает более семидесяти книг: романы, пьесы, сборники стихов и рассказов, книги для детей, путевые заметки, эссе, переводы. Как правило, они носят автобиографический характер. Для кавказоведов и лермонтоведов особый интерес представляют документально-автобиографическая книга под названием «Переводчиком на восточном фронте» и художественный цикл «Таня: Три рассказа из России». В них отразилось пребывание автора в Пятигорске во время немецко-фашистской оккупации курорта, знакомство с памятными лермонтовскими местами города,

погружение в лермонтовское творчество, а также некоторые пятигорские реалии и события этого периода. Поскольку произведения Зигфрида фон Фегезака на русский язык ранее не переводились, их названия и цитаты из них мы приводим в своем переводе.

Автобиографическая книга Зигфрида фон Фегезака под названием «Переводчиком на восточном фронте: Воспоминания из 1942–43 годов» («Als Dolmetscher im Osten: Ein Erlebnisbericht aus den Jahren 1942–43») впервые была опубликована в Ганновере в 1965 году. Написанная на основе собственного фронтового дневника Фегезака и оказавшихся в его распоряжении военных документов, она не представляет собой строго документально-историческое произведение. Это цикл эссе, содержащих личные впечатления и размышления о России, порой даже с краткими экскурсами в историю этой страны, ее культуры и населяющих ее народов. В книге содержится 16 глав, ряд авторских фотографий и в качестве документального приложения рапорт Фегезака «Обращение с населением на занятых восточных территориях». В тексте нет описаний батальных сцен, погромов, расправ. Будучи переводчиком при экономическом штабе, Фегезак не принимал непосредственного участия в боевых операциях и появлялся в составе своего штаба на уже занятой территории. Несколько глав рассказывают о пребывании автора на Северном Кавказе: «На Кавказе у кабардинцев», «У подножья Эльбруса» и «Случай в Пятигорске».

Небольшая по объему глава «Случай в Пятигорске» посвящена стихотворению М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». По форме глава представляет собой дневниковую запись, сделанную под сильным впечатлением от пережитого в этом городе: *«С тех пор, как я оказался на восточном фронте, во мне стали оживать давно забытые русские стихи, которые я учил наизусть, будучи гимназистом, почти сорок лет назад... Особенно меня изводит одно стихотворение Лермонтова, начало которого память сохранила хорошо, но средние строки при всем желании я не могу припомнить... В Пятигорске ... оно преследует меня особенно упорно, ведь я знаю: здесь, не имея и 27 лет от роду, Лермонтов погиб на дуэли»* (2). Далее Фегезак кратко излагает историю дуэли и вспоминает увиденный на ее месте памятник: *«На том месте, где погиб Лермонтов, – на западном склоне Машука с видом на Бештау, что означает «пятиглавая гора», которая и дала название Пятигорску, – сооружен памятник: красивый простой обелиск, у его подножья стоят на страже четыре каменных орла»* (3).

Красота и величие кавказской природы настраивают Фегезака на лирический лад, вызвавший в памяти забытые лермонтовские строки: *«Я жил тогда на Машуке, выше города, и поэтому часто бродил вокруг или даже*

прогуливался верхом по лесистым дорожкам, с прекрасным видом на бескрайнюю степь, над которой в одиноком величии возвышаются две белые вершины Эльбруса. И здесь, во время вечерней прогулки, у подножья Машука, под необычайно чистым звездным небом, совершенно неожиданно мне вспомнились те строчки стихотворения, которые я так долго и тщетно искал! Они вспомнились в одно мгновение – как посланные небом! ... Я знал, что Лермонтов погиб на дуэли в Пятигорске, но я и не подозревал, когда и где он написал эти стихи. Об этом я узнал позже, когда отыскал домик, в котором Лермонтов жил последнее время, перед дуэлью, и где сейчас устроен музей» (4). Так интерес к М. Ю. Лермонтову и его творчеству привел немецкого писателя в музей «Домик Лермонтова». Одна из сотрудниц (вероятно, директор музея Е. И. Яковкина) провела Фегезака по музейной усадьбе, показала сад и домик, о чем он написал: «Здесь еще стоят простой рабочий стол и кресло поэта в крошечной, очень скромной комнате с видом на маленький сад, в котором и сейчас растут старый клен и орех, сохранившиеся с лермонтовской поры. Но вид на Эльбрус, ради которого Лермонтов снял эту квартиру, уже заслонен безобразными соседними постройками» (5).

В ходе беседы Фегезак поделился тем, что на одной из машукских тропинок ему неожиданно вспомнилось стихотворение «Выхожу один я на дорогу», и был потрясен, узнав историю его создания. «Случайность? Конечно, случайность. Но почему стихи, которые я так долго и безуспешно искал, вспомнились мне именно здесь, а не где-то еще? И именно на той дороге, на которой они были написаны сто лет назад? При этом я вообще и представления не имел о том, что это стихотворение создано здесь, в Пятигорске! В любом случае это странная случайность. Я попытался перевести стихотворение» (6).

О знакомстве с Фегезаком Е. И. Яковкина весьма осторожно упомянула в своей книге «Последний приют поэта», добавив: «По его словам, он перевел на немецкий язык стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу»» (7). Не могла в свое время Елизавета Ивановна открыто поведать о том, что у них с Фегезаком состоялось несколько интересных встреч, что она подарила ему томик стихов Лермонтова, а он передал музею свой перевод лермонтовского шедевра.

Хронику этих событий можно проследить по сообщениям в газете «Пятигорское эхо», выходившей в оккупационный период. Так, 5 сентября среди заметок о жизни города, встречается следующая: «В начале августа с. г. «Домик Лермонтова» посетил немецкий писатель г. Зигфрид фон Фегезак. Им переведены на немецкий язык произведения многих русских писателей... В книге записи впечатлений г. Зигфрид фон Фегезак сделал следующую запись:

«Надеюсь, что этот маленький домик, в котором незадолго до смерти жил и работал Лермонтов, скоро будет открыт и будет содействовать ознакомлению немцев с русской литературой и даст понятие о России, какой она была и какой она опять будет! С глубоким уважением к Лермонтову, творцу бессмертных стихов. Зигфрид фон Фегезак. Пятигорск, 4 сентября 1942 г.» (8). Спустя полтора месяца, 17 октября, в «Пятигорском эхе» была опубликована еще одна заметка: *«Немецкий писатель г. Зигфрид фон Фегезак подарил музею «Домик Лермонтова» свой автограф: перевод на немецкий язык стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Перевод прекрасно передает думы и чувства поэта, выраженные им в этом замечательном стихотворении. Автограф перевода будет выставлен в музее «Домик Лермонтова» в ближайшее время»* (9). В фондах музея не сохранились ни книга записи впечатлений оккупационного периода, ни автограф Фегезака. Видимо, с окончанием оккупации курорта эти неоднозначные документы были уничтожены или изъяты из музея.

Пребывание в Пятигорске оставило глубокий след в творческом сознании Зигфрида фон Фегезака. К лермонтовской теме он обратился и в художественном цикле «Таня: Три рассказа из России» («Tanja: Drei Erzählungen aus Rußland», 1959). Центральное место в этой трилогии, и по расположению и по смыслу, занимает довольно объемная (90 страниц) новелла под названием «Таня: Рассказ с Кавказа». Действие новеллы разворачивается ранней осенью 1942 года в оккупированном Пятигорске. Это трагическая история любви молодого немецкого офицера-переводчика и русской девушки Татьяны, изложенная от лица самого офицера в форме записок. Причем запискам предшествует предисловие повествователя, из которого становится известно, что автора записок уже нет в живых, и повествователя с ним связывало лишь кратковременное знакомство. Очевидно, что композиционное решение новеллы Фегезака «Таня: Рассказ с Кавказа» подсказано романом М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени».

Не раз Фегезак обращается и к лермонтовским текстам, которые несут в его новелле особую смысловую нагрузку. Причем это могут быть как реминисценции, так и прямое цитирование русского поэта. *«Зачем люди должны убивать друг друга? Ведь места достаточно для всех. И все могли бы жить счастливо и довольно. Если бы не эта безумная война, мы могли бы жить вдвоем в домике где-нибудь среди кабардинцев или карачаевцев в верховьях Кубани»* (10). В этих словах Тани отголоском звучат знаменитые лермонтовские строки о бессмысленности и жестокости войны из стихотворения «Валерик»:

И с грустью тайной и сердечной

*Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем? (11)*

Именно война, исковерканные ею человеческие судьбы, трагедия отдельной личности являются главной темой новеллы Фегезака. Накануне своей смерти Таня читает стихотворение «Выхожу один я на дорогу» (оно представлено в переводе Фегезака), после чего, разрыдавшись, произносит: «Неожиданно меня охватило чувство, что и я скоро умру – как будто эти строки обо мне» (12). История, завершившаяся гибелью переводчицы Тани, не случайно изображена Фегезаком именно в Пятигорске. Это город, где все напоминает о ранней смерти гениального поэта, и герои рассказа не раз об этом рассуждают. Образ Лермонтова проходит через все повествование, словно готовя читателя к трагической развязке и словно подтверждая мысль, высказанную одним из персонажей: «Все прекрасное умирает рано» (13).

Следует отметить, что описания места действия в новелле Фегезака «Таня» отличаются необыкновенной точностью. Жизнь его героев протекает в определенных зданиях, на определенных улицах Пятигорска. И хотя в новелле они не имеют конкретных номеров и названий, по описанию установить их можно. Так, штаб, в котором Таня служит переводчицей, находится на южном склоне горы Машук, в одном из старинных особняков, из окон которого открывается вид на Эльбрус. Это так называемый Провальский район Пятигорска. Несколько раз упоминается в рассказе Курортный бульвар (ныне проспект Кирова), который автор именуется Курортным променадом. Таня живет на одной из примыкающих к нему улочек, в районе Горячеводской долины. Герои совершают конную прогулку по машукской кольцевой дороге и попадают к месту дуэли М.Ю.Лермонтова, где осматривают памятный обелиск. Беседка «Эолова арфа» напомнила немецкому переводчику подобную классицистическую беседку в мюнхенском Английском парке. Автор часто обращается к описанию гор Машук, Бештау, Эльбрус, трактует их названия и восхищается их видом. Возможно, роль своеобразных черновиков, помогавших воспроизводить увиденное в памяти и делать точные описания мест, у Фегезака выполняли сделанные им фотографии. Интересно, что в свое время Лермонтов с той же целью делал многочисленные карандашные зарисовки в дорожном альбоме.

Сегодня личный архив Зигфрида фон Фегезака большею частью хранится в культурном центре Вайсенштайн, в баварском доме, где писатель прожил более полувека. Можно предположить, что архив этот содержит немало

интересных документов (дневники, записки, фотографии, письма, печатные издания), касающихся пребывания писателя на Кавказе и представляющих интерес как для кавказоведов, так и для лермонтоведов. Пока еще только предстоит наладить контакт с немецкими исследователями творчества Фегезака, так же, как предстоит осуществить полный перевод названных книг на русский язык. Это позволит отечественным литературоведам подробнее рассмотреть творчество Зигфрида фон Фегезака в русле лермонтовской традиции, а историки получат дополнительные источники для изучения жизни нашего региона в трагический оккупационный период.

Использованная литература и источники

1. Яковкина Е.И. Последний приют поэта. – Пятигорск: Издательство «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2004. С.114.
2. Siegfried v. Vegesack. Als Dolmetscher im Osten: Ein Erlebnisbericht aus den Jahren 1942-43. – Hannover-Döhren: Verlag Harro v. Hirschdeydt, 1965. С.170.
3. Там же. С.171.
4. Там же. С.171-172.
5. Там же. С.172.
6. Там же. С.172-173.
7. Яковкина Е.И. Последний приют поэта. – Пятигорск: Издательство «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2004. С.114.
8. Пятигорское эхо. – 1942. - 5 сентября.
9. Пятигорское эхо. – 1942. - 17 октября.
10. Siegfried v. Vegesack. Tanja: Drei Erzählungen aus Rußland. Heilbronn: Eugen-Salzer, 1959. С.107.
11. Лермонтов. М.Ю. Сочинения в двух томах. Том первый. – М.: Правда, 1988. С.205.
12. Siegfried v. Vegesack. Tanja: Drei Erzählungen aus Rußland. Heilbronn: Eugen-Salzer, 1959. С.113.
13. Там же. С.80.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Акопова Н. А.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник,

младший научный сотрудник

ПРЕДМЕТЫ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АРМЯНСКОГО ЭТНОСА В ФОНДАХ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Общеизвестно, что у армян очень древняя история. Современниками их далеких предков были хетты, финикийцы, лидийцы и медяне. Все эти народы давным-давно исчезли, а армяне по-прежнему существуют! Уже за тысячу лет до новой эры проблема выживания занимала основное место в самосознании армян. Самобытность армянского народа пережила расцветы и падения всех империй, от Вавилона до СССР.

Всякий культурный человек понимает, что предметы духовной и материальной культуры любого народа не существуют самостоятельно; их создают люди и переносят вместе с собой в процессе жизни в места своего проживания.

В период присоединения Северного Кавказа царское правительство нуждалось в экономической и военной поддержке христианского, в том числе и армянского населения. Армяне вели широкую торговлю с народами Северного Кавказа, были хорошо известны горцам и оказали положительное влияние на оживление торговли и экономическое развитие края.

Как писал великий армянский поэт Ованес Туманян: «История прошлого – это зажженный фонарь, который каждый народ должен держать в руке, чтобы пройти свой путь, не заблудившись». Армяне, со времен Христа, несут крест своей судьбы.

Заселение армянами пустующих земель и образование новых городов было очень выгодно царскому правительству и совпадало с интересами армян.

Непосредственно в г. Ставрополь первые 50 армянских семей прибыли в 1808 г. Миграционный поток армянского населения на Северный Кавказ проходил волнообразно и особенно усиливался в период погромов и резни 1890-х годов XIX века в Османской империи и геноцида армян в 1915 году.

Первыми на Северный Кавказ и на ставропольские земли еще до печальных событий 1915 г. переселились семьи Анпетковых, Ерганжиевых,

Гаспаровых, Пахаловых, Тикиджиевых, Мержановых, Шматовых, Тамамашевых, Бежановых, Аладжаловых и еще многие другие.

А весной и летом 1915 г. на Кавказ и ставропольские земли хлынул поток беженцев из Армении. Армянская община г. Ставрополя того времени приняла активное участие в оказании помощи беженцам не только деньгами, но и вещами и продуктами питания. А царское правительство самоустранилось от армянского вопроса.

В 1920-е – 1930-е годы в г. Ставрополь перебрались семьи Тер-Акоповых, Дальвадьянцев, Хасратьянцев, Хуршудянцев, Аванесовых, Исавердиевых, Габриелян, Симонян, Мартиросовых. Судьбы этих семей складывались нелегко, но они, так же, как и их предшественники, старались внести посильный вклад в развитие благосостояния вновь обретенной Родины.

Северный Кавказ и Ставрополье в частности стали общим домом для народов многих национальностей. И армяне – не исключение. В разные годы приток армян то ослабевал, то усиливался. В ставропольское общество вливались новая рабочая сила и интеллигенция. Армяне нашли на ставропольской земле мир и покой.

Но в связи с событиями 1988 года в Азербайджане, не менее скорбными, чем в 1915 году, а затем страшным землетрясением в Армении, в Россию и снова на Ставрополье прибыли семьи армянских беженцев, где их снова приняли и дали работу, кров и защиту.

По данным последней статистики, армяне – вторая по численности после русских национальность, населяющая Ставропольский край и г. Ставрополь.

Еще 28 апреля 1989 г. в г. Ставрополе было утверждено объединение армянской культуры «Эрибуни», которое было преобразовано 13 июня того же года в армянское культурно-просветительское общество, затем, уже в апреле 2000 года, юридически утверждена армянская национально-культурная автономия (АНКА) – «Наири», а ранее – 1 января 2000 г., была открыта армянская часовня им. Святой Магдалины.

Позднее армянские автономии и храмы были открыты во многих городах и селах Ставропольского края, достаточно густо заселенных армянскими семьями-переселенцами.

В разное время армянскую национально-культурную автономию «Наири» возглавляли лучшие представители армянской интеллигенции. До 2012 г. ею руководил Айрапетян А. И. Ему активно помогала Арзуманян З. С., которая работает там еще с 1988 г. и по сей день; она – учитель армянского языка в воскресной школе и переводчик одновременно. Ныне АНКА «Наири» руководит Бейрюмов М. Г. А помогает ему исполнительный директор –

Вартанян А. Г. Молодежным танцевальным коллективом руководит Маркарян Г. В., а школу игры на дудуке организовал и возглавил Агамалян Р. С.

Как отмечал в своих исследованиях Ованесов Борис Теватросович: «За всю историю совместного проживания, на протяжении более 200 лет с момента заселения Северного Кавказа, у армянских семей с коренным населением не наблюдалось особых проблем». Хотя, справедливости ради, надо отметить, что ситуация напряглась с распадом СССР, когда хлынул новый массовый поток беженцев из Закавказья. Поднялась волна негативизма, но быстро ситуация нормализовалась, благодаря активной деятельности армянской общины и дальновидной политике правительства, администраций города и края. Далее Ованесов Б.Т. указывал: «Люди поняли, что только хорошие отношения могут быть эффективны».

В Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, в зале этнографии, имеются постоянные экспозиции по всем народам, населяющим Северный Кавказ и Ставрополье. Но как выяснилось недавно – имеется серьезный пробел. В зале этнографии не представлены народы армян и греков. В конце 2010 г. директор музея Николай Анатольевич Охонько поставил задачу перед сотрудниками музея и отделом этнографии в частности – ликвидировать это обидное упущение. Он дал конкретное задание по сбору предметов быта для скорейшего оформления экспозиции по армянам и грекам. Как выяснилось, еще в 1950-х годах XX века были собраны всего 2 предмета армянского быта, они экспонируются в зале в витрине «Торговля». Сегодня нет возможности выявить до конца источник поступления упомянутых предметов. Это – кокошник, вышитый золотыми нитками армянским орнаментом (о.ф. 1938), и шкатулка, обшитая бархатом зеленого цвета, вышитым золотыми нитками армянским орнаментом (о.ф. 1371).

В 1989 г. сотрудница музея Вартанова С. А. передала в отдел этнографии домотканую дорожку (о.ф. 26482) и коллекцию предметов – деталей национального армянского женского костюма (о.ф. 26483 – 26488); это – пряжки, пуговицы в виде полых шариков, трубочек, монета-подвеска из серебра низкой пробы. По ее словам, предметы принадлежали ее прабабушке, а передал их ей ее дедушка по материнской линии Балаян И. Н., уроженец г. Баку, а на тот момент житель г. Ставрополя.

Гораздо позднее, в середине 1990-х годов гг., в рамках мероприятия в связи с завершением работ по восстановлению Казанского Кафедрального Собора и приездом по этому случаю Патриарха Всея Руси Алексия II в г. Ставрополь, через администрацию музея в фонды поступили календари по армянской тематике, а учащимися детского фольклорного коллектива из

Армении сотруднику музея Кравцову И. Н. была подарена икона «Святой Месроп Маштоц» (о.ф. 36710), которую Кравцов И. Н. в 2008 г. передал в фонды музея.

В 2005 году Коробейникова Валентина Михайловна – мать Коробейникова Александра – полномочного представителя президента РФ в ЮФО, передала в фонды музея макет армянского храма (нвф 9215), изготовленный в Армении в национальных традициях, характерных для культовых построек Армении, который был подарен ее семье армянскими строителями, делавшими ремонт в их квартире. Макет очень схож со зданием армянской церкви «Сурб Григор Лусаворич» (Святого Григория Просветителя), построенной еще в 1808 г. (начато строительство) в г. Ставрополе, находившейся в районе нижнего рынка до 1967 года.

Проникшись духом патриотизма и профессиональной заинтересованности в создании стационарной экспозиции по армянам, с февраля 2011 г. я – младший научный сотрудник отдела фондов по учету, являясь единственной представительницей армянского народа в музее, начала активный сбор предметов национального армянского быта и духовной культуры. До последнего времени, благодаря отзывчивости членов АНКА «Наири», настоятеля Армянской Апостольской церкви г. Ставрополя, моих друзей – соотечественников и родственников, мною собрано около 80 предметов. По своей этнической и исторической ценности предметы, конечно, различны, но все представляют определенный интерес. Наиболее ценными, на мой взгляд, являются следующие предметы:

1. Хурджин – домотканая дорожная сумка, изготовленная в начале XX века (о.ф. 37893).

2. Карас – большой кувшин для долговременного хранения жареного мяса (гаурмы), изготовленный примерно 200 лет назад (о.ф. 38457).

3. Чеоры – маленький кувшинчик для доставания вина из большого караса, изготовленный так же около 200 лет назад (о.ф. 38456).

4. Цакат – серп, используемый для сельско-хозяйственных работ в поле, саду, в лесу, но еще использовался и как оружие для самозащиты, изготовленный по заказу в 1940-х годах XX века (о.ф. 38573).

Перечисленные предметы переданы мне в разное время, но одним владельцем – Погосяном С. Б., жителем г. Ставрополя с 1998 г. Ранее – житель Нагорного Карабаха. Этими предметами пользовались его предки, родители и он сам до последнего времени.

5–6. Циган – приспособление для вынимания лаваша (армянский хлеб) из тондыра (печь), изготовленный еще в начале XIX века (о.ф. 38439). Сдан в музей Карташяном Г. В., жителем г. Ставрополя с 1978 г. У него же в доме

хранится каменная зернотерка, изготовленная примерно в то же время. Но владелец передал пока только фотоизображение предмета (нвф 9713,9714). По словам владельца, этими предметами пользовались его предки, проживавшие на территории Азербайджана в г. Гянджа (позднее г. Кировобад).

7. Половик – дорожка домотканая (о.ф.37985), была изготовлена уроженкой г. Баку Погосян А. А. в 5-летнем возрасте, переехавшей в г. Ставрополь в 1989 г. Сдала предмет в 2011 г. ее дочь, по словам которой половиком их семья пользовалась до последнего времени.

8–9. Носки вязаные национальным армянским орнаментом (о.ф. 37913/1-2) в 1963 г. жительницей г. Ставрополя Акоповой (Исавердовой) А. М., переселенкой 1930-х гг. из Армении. Передала носки ее невестка.

10–11. Варежки, вязаные национальным армянским орнаментом (37987/1-2), переданы в 2011 г. жительницей г. Ставрополя Неверовой (Полевой-Акоповой) В. И., правнучкой упомянутой выше Акоповой (Исавердовой) А. М., передавшей правнучке свое мастерство. Неверова Виктория до сих пор вяжет вещи своему мужу и детям в армянских традициях, что, на мой взгляд, очень символично. Именно в преемственности поколений выражена этническая ценность этих варежек-новодела.

12. Носочек детский, вязаный армянским орнаментом (о.ф.37961), передала переселенка 1990-х гг. из Армении, а ныне жительница г. Ставрополя Саркисян А. А. Носки она вязала своему внуку-первенцу Микаэлю в 1996 г.

Не менее интересными являются национальные армянские духовые музыкальные инструменты:

1. Зурна (о.ф. 38268), изготовленная традиционным способом из дерева абрикоса (мундштук – из камыша) еще в конце XIX века, сданная жителем г. Ставрополя с 1991 г. Агасяном Ю., привезенная им из Армении. По словам дарителя, на этом инструменте играли его отец и дед.

2. Дудук (о.ф. 38438), по словам дарителя, изготовлен традиционным способом из дерева абрикоса (мундштук из камыша) в начале XX века. Даритель сам прекрасно играет на дудуке и учит детей при воскресной школе АНКА «Наири» г. Ставрополя.

3–4. Доол – армянский «бубен», ударный музыкальный инструмент, изготовленный лет 200 тому назад, хранится в семье жителя г. Ставрополя – Габриеляна Г. Г. 1949 г. р. Владелец хранил его как семейную реликвию и передал в музей пока только фотографии (нвф 9784, 9785). По словам владельца, рабочая поверхность инструмента сделана из рыбьего пузыря, что является большой редкостью, так как традиционно использовалась кожа молодого козленка.

Определенный интерес вызывают и фотографии прежних лет, на которых изображены армяне – жители г. Ставрополя в разные годы, а также фоторепродукции на различные темы.

1. Фотопортрет Исавердовой Бала-Ханум 1900 г. р., армянской переселенки 1923 г. (о.ф. 37912). Она в национальном армянском наряде и традиционном головном уборе с украшениями из серебра.

2. Фотография (1910 г.) семьи тифлисских армян Габриеляна Гапрела, жена – Екатерина, в национальном платье и с головным убором с традиционными украшениями (о.ф. 38458). В 1920-х гг. семья переселилась в г. Ставрополь.

3. Фотопортрет Габриеляна Гапрела (нвф 9765);

4. Фотопортрет Габриелян Екатерины (нвф 9766);

5. Фотопортрет Вартапяна Саркиса (о.ф. 38459);

6. Фотопортрет Вартапян Шушаник (о.ф. 38460);

7. Картина. Портрет Габриеляна Г. Г. (о.ф. 38461).

Перечисленные предметы переданы через меня в музей жителем г. Ставрополя Габриеляном Г. Г. 1949 г. р.

8. Репродукция фотографии «Общий вид Кафедрального Собора Эчмиадзин» (о.ф. 37966), изготовленная в Финляндии 1990-х гг., купленная в Канаде во время деловой поездки жителем г. Ставрополя с 1968 г. Наджаряном А. С. и любезно переданная в музей.

9–23. Акварельные рисунки с изображением женщин в национальных армянских костюмах разных районов и городов Армении (15 шт.) (нвф 9695/1-15), изготовлены неизвестным армянским художником, с надписями названий районов и городов Армении на армянском и английском языках, приобретены на вернисаже в г. Ереване в начале 1990-х гг. в/у Наджаряном А. С.

24. Фотография цветная «Хач-кар (Крест камень) на могиле Хасратьянца Кеворка» (о.ф. 37988), деда по отцовской линии младшего научного сотрудника Ставропольского государственного музея-заповедника Акоповой Н. А., установленный в 1945 г. на кладбище Успенского Храма г. Ставрополя, а затем перенесенного вместе с останками на кладбище на ул. Руставели.

25. Репродукция рисунка «Историческая кастрюля Святого Мира» (нвф 9699). Оригинал самого сосуда, изготовленного в 303 г. н. э. из серебра и золота с драгоценными камнями, хранится в Святом Эчмиадзине и используется для варения Святого Мира во дворе храма 1 раз в 7 лет. Особое масло и 40 специальных трав складывают в сосуд, и 7 дней над ним молятся. Содержимое закипает и варится без огня. Затем Святой Мир раздается всем присутствующим при обряде настоятелями армянских церквей для последующего использования при крещении. Репродукция получена в подарок

от крестного брата Карташяна Г. В. в честь дня его Крещения в 1998 г. и сдана мной – Акоповой Н. А., уроженкой г. Ставрополя.

26. Фоторепродукция «Каталикос Всех Армян Вазген I» (нвф 9698), передана родителями по наследству, сдана Акоповой Н. А.

27. Фотокопия картины ставропольского художника Самодина Алексея «Легенда Масиса» (нвф 9700), написанная им в 2006 г. на заказ Акоповой Н. А.

28–30. Салфетки декоративные из сувенирного набора с изображениями древних армянских храмов – 3 штуки (о.ф. 37909–37911), приобретены в 1970-х гг. в г. Ереване и сданы Акоповой Н. А.

31–33. Банкноты Национального Банка Армении номиналом в 10, 25 и 50 драм 1993 г. выпуска (о.ф. 37923–37925 соответственно), сданы из нумизматической коллекции сына Акоповой Н.А.

34–35. Нашивки на одежду с изображением геральдических льва и орла (о.ф. 37962 и 37963 соответственно), приобретены в 1970-х гг. в г. Ереване и сданы Акоповой Н. А.

36. Четки (о.ф. 37908), изготовленные в 1972 г. в п. Хош Армянской ССР, подарены жителю г. Ставрополя Хасратьянцу А. К., сданы его дочерью Акоповой Н. А. после кончины отца.

37. Открытка – приглашение на свадьбу, с национальным армянским рисунком (о.ф. 37907), приобретена Акоповой Н.А. в процессе подготовительных свадебных мероприятий в 1980 г.

38. Тарель металлическая настенная сувенирная «Давид Сасунский» (о.ф. 37986), изготовлена в Армении в 1970-х гг., подарена Симоняном А. Г., жителем г. Ставрополя с 1986 г.

39–41. Картины акварельные с пейзажами г. Капана (Кафана) и Армении (о.ф. 37958–37960), написанные в 1980-х гг. Овакимян А. Г., жительницей г. Ставрополя с 1987 г., после ее кончины переданы ее мужем Симоняном А. Г.

42–48. Книга молитв на армянском языке (о.ф. 37900), календарь Эчмиадзина на 2007 г. (о.ф. 37901), сувенир – деревянный крест с ангелами, подаренный к 1700-летию принятия христианства Арменией (о.ф. 37902), сувенир – крест с распятием в рамке под стеклом (о.ф. 37903), икона бумажная ламинированная «Святой Геворг» (о.ф. 37904), икона бумажная ламинированная «Христос стоит» (о.ф. 37905) и икона бумажная ламинированная «Христос сидит» (о.ф. 37906), передана для музея настоятелем Армянской Апостольской церкви г. Ставрополя Погосяном Тер-Григорисом в 2011 г.

49–53. Книгу С. Ханян и А. Мхитарян «Дорогой бессмертия» на русском языке (о.ф. 38032), книгу С. Ханян и А. Мхитарян «Дорогой бессмертия» на армянском языке (о.ф. 38033), учебник по географии для 7 класса на армянском

языке (о.ф. 38034), учебник по литературе для 10 класса на армянском языке (38035) и книгу Д. Демирчян «Собрание сочинений (о.ф. 38036) передала Арзумян З. С. от имени АНКА «Наири».

54–60. Фотографии из семейного архива сестер Хасратян (Хасратьянц) потомков армянских переселенцев из Ирана – дальних родственниц (сестер) Акоповой (Хасратьянц) Н. А. по ее отцу Хасратьяцу А. К. уроженцу г. Ставрополя (о.ф. 38644/ 1–7).

61. Ваза латунная, изготовленная армянским мастером в Иране в конце XIX века, принадлежавшая сестрам Хасратян (о.ф. 38633).

62–65. Набор открыток с видами г. Еревана из семьи сестер Хасратян (нв ф 9796/1-4).

66–82. Набор открыток «Памятники Армянской Архитектуры» с акварельных картин художника Р. Р. из семьи сестер Хасратян (нвф 9797/1–17).

83–88. Коллекция печатной продукции (журналы и художественные книги) из семьи сестер Хасратян (нвф 9790–9795).

Также в фондах нашего музея имеются книги Б. Т. Ованесова «Армянская община города Ставрополя» 2001 и 2005 гг. издания, книга – исторический очерк Р. Симоняна «Едесия – Эдиссия» 1998 г. издания, рекламный лист и культурно-просветительская газета армянской общины «Эрибуни» за 1994–1997 гг., различные календари по армянской тематике.

Все собранные предметы, в общей сложности более 80 штук, на сегодняшний день представляют собой определенную историческую, культурную и этническую ценность, в большей или меньшей степени имеют хорошую сохранность и экспозиционный вид. Эти предметы можно использовать и в сменных тематических выставках, и для комплектования будущей постоянной этнографической армянской экспозиции.

Алюшина Е. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

СКАЗОЧНЫЕ ПЕРСОНАЖИ НА НОВОГОДНЕЙ ЕЛКЕ
(ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЕЛОЧНЫХ УКРАШЕНИЙ)

Коллекция елочных украшений Ставропольского краеведческого музея на момент написания статьи насчитывает 641 единицу хранения. В нее входят предметы, датируемые от 1940-х гг. и до сегодняшнего времени (2012 г.). Проводя научную инвентаризацию коллекции, мы увидели связи между елочными украшениями из стекла и произведениями детской литературы. Соотнося историю создания произведений, даты их первой публикации в СССР, иллюстрации к этим произведениям, мультфильмы и фильмы по ним, юбилеи самих писателей, смены идеологического курса КПСС с периодом выпуска самих елочных украшений, у нас появилась возможность лучше узнать историю елочных украшений, созданных по мотивам этих литературных произведений. Это, без сомнения, очень интересная тема.

Со сказками Гауфа и Ш. Перро в России были знакомы очень давно. В СССР эти сказки не подпали под идеологический запрет. В музейной коллекции хранятся две «Красные шапочки». Первая (оф 34441/2), 1950-е гг., с петлей для подвешивания. Обращает на себя внимание проработка мелких деталей, высокая фактурность отливки, но при этом роспись игрушки выполнена неяркими красками и не слишком тщательно. Вторая игрушка (оф 35892/8), 1960-е гг., с петлей для подвешивания, выглядит уже иначе. Здесь видна упрощенность и схематичность фигурки. Она посеребрена, а роспись покрывает игрушку не полностью, только самые основные детали.

Авторы этих игрушек следовали общепринятому представлению о том, как должна выглядеть Красная Шапочка. Образ маленькой девочки в красной шапочке-чепце, одетой в простое платьице с передником, с корзинкой в руках оставался неизменным с XVIII века, если судить по иллюстрациям, сделанным к сказке художниками.

Переходим к игрушке – персонажу сказки В. Гауфа «Маленький Мук». Таких игрушек в фондах четыре, и все они на прищепках. Самая старшая из них (оф 35892/43), 1950-е гг. Две других практически идентичны по росписи (оф 36638/6–7), 1950–1960-е гг., окрашены матовой краской с перламутровым блеском, не посеребрены. Последняя игрушка (оф 35892/26), 1950-е гг., меньше остальных, полностью посеребрена, роспись нанесена лишь на отдельные

детали, чалма у мальчика имеет слегка заостренный выступ, что отличает эту игрушку от остальных.

Если взглянуть на обложку книги «Маленький Мук», выпущенной в 1952 г. (Изд-во Детгиза), или на другие иллюстрации к сказке, то сразу можно выделить общие черты персонажа: мальчик, одетый по-восточному, на голове тюрбан, на поясе кинжал. Эти иллюстрации могли быть опорой при создании этих елочных игрушек.

Переходим к персонажам сказок А. С. Пушкина. Таких игрушек на данный момент в коллекции семь. А. Сальникова в небольшой статье «Блестящий воспитатель» упоминает похожую серию: «Игрушки на сказочные темы были представлены, прежде всего, героями сказок, которые легко вписывались в советский воспитательный контекст (старик с неводом из «Сказки о рыбаке и рыбке», сама золотая рыбка, царь Дадон с золотым петушком, шамаханская царица, звездочет, Черномор и богатыри, царь Салтан, повариха, белочка, грызущая золотые орехи, и др.). Большинство этих игрушек впервые было изготовлено в 1937 и 1949 годах, соответственно к 100-летию со дня смерти и 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина». Следует подчеркнуть, что это, судя по датам, относилось к игрушкам из ваты. Упоминание об этой серии можно найти в Интернете, на сайте <http://www.christmasheaven.ru>. Серия из стекла появилась в 1950–1960-е гг., и в ней присутствуют те же сказочные герои.

Пушкинская «Сказка о рыбаке и золотой рыбке» представлена в музейной коллекции несколькими игрушками: 1) шар голубого цвета (оф 37822), с петлей для подвешивания, на одной стороне изображение старика, тянущего из воды сети с рыбкой, датируется 1950-ми гг. Гид-каталог «Елочные украшения. 1936–1970 гг.» указывает, что шары с сюжетами из сказок выпускались с 1938 г.; 2) елочное украшение (оф 37822), 1950-е гг., с петлей для подвешивания, изображает старика с неводом в руках. Игрушка посеребрена и затем окрашена. Роспись покрывает практически всю поверхность. Рельеф отличается четкостью линий и проработкой, а роспись при этом схематичная и производит впечатление небрежной; 3) елочные украшения (оф 37822/35, 34072/16) – это две золотые рыбки, с петлей для подвешивания, 1950-е гг. Кроме разницы в размерах, они разные и по росписи. У первой роспись условная, а у второй туловище покрыто лаком для придания золотистого цвета и более ярко окрашены хвост и плавники.

Из серии «Сказка о золотом петушке» в музейной коллекции имеются «Звездочет» (оф 35892/6), 1960-е гг., на прищепке, и «Шамаханская царица» (оф 36658/24), 1950–1960-е гг., с петлей для подвешивания. Первая игрушка

посеребрена, и роспись нанесена не полностью, детали показаны схематично. Вторая тоже посеребрена и полностью покрыта росписью.

«Сказка о царе Салтане» пока представлена одним экспонатом «Теремок с белочкой» (оф 35892/8), 1970-е гг., с петлей для подвешивания. В оригинальную серию, упоминающуюся в гиде-каталоге, он не входит. Можно увидеть, что форма и изображение этой игрушки более условны и схематичны, чем у тех, о которых речь шла выше. Эти признаки характерны для периода конца 1960-х – начала 1970-х гг., когда процесс выпуска елочных украшений был предельно автоматизирован и поставлен на поток.

В фондах хранятся две игрушки (оф 35892/27 и оф 35892/7), 1950–1960-е гг., на прищепках, которые одинаковы по размеру, но различаются росписью. Благодаря гиду-каталогу удалось установить, что это персонаж сказки «Морозко» – «Марфушечка». Текст народной сказки был обработан А. Толстым, и в нем нет описаний внешнего вида героев, но если взглянуть на иллюстрации к сказке, сделанные художниками в разное время, то можно выделить общие черты – Марфушенька – пухленькая девочка, одетая в нарядную шубку. Выражение лица злое и недовольное. Возможно, при создании игрушки была учтена эта же трактовка.

Также благодаря гиду-каталогу удалось атрибутировать три елочных украшения в виде зайчиков на прищепках (оф 38089/45–47), 1960-е гг. Это – персонажи сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка «Серая Шейка». Сказка была написана в 1893 г. и вошла в классику литературы для детей. Все три игрушки практически совпадают по размеру и по росписи. Интерпретация художником этого персонажа получилась, на мой взгляд, очень живой. Читаем текст сказки: «Зяц выскочил из своего логова покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, *поколачивая лапку о лапку*. Хотя и холодно, а все-таки весело».

По мотивам сказок П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» тоже была выпущена серия игрушек-персонажей сказки. В основной фонд попали две игрушки (оф 35892/41–42), 1950-е гг., на прищепках, изображающие «Хозяйку Медной горы». Они различаются между собой по росписи – одна золотистого цвета, другая – розового. Если говорить об истории самой сказки, то первое издание ее увидело свет только в 1939 г. Вот небольшой пример из текста: «А одежда и верно такая, что другой на свете не найдешь. Из шелкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шелк, хоть рукой погладить...». Все эти детали, характеризующую Хозяйку Медной горы: черный цвет волос, прямая и длинная коса, платье с узором, строгое выражение лица, были подмечены и переданы художником.

Все помнят строчки Н. А. Некрасова «Однажды в студеную зимнюю пору» из поэмы «Крестьянские дети», и всем запомнился трогательный образ мальчика. Игрушка, запечатлевшая в себе этот живой и немного комичный образ, так и называется, «Мужичок с ноготок» (оф 34441/4), 1950-е гг., на прищепке. Она – из первых поступлений музейной коллекции.

Персонажи «Чиполлино» нашли свое замечательное воплощение в большой серии елочных украшений. До недавнего времени фонды не располагали игрушками из нее, пока в 2012 г. не поступила на постоянное хранение одна из игрушек – «Девочка Редиска» (оф 38562/8), 1950-е гг., на прищепке.

Сама книга была написана в 1951 г. и переведена на русский С. Маршаком в 1953 г. В 1961 г. вышел «Чиполлино» – советский мультипликационный фильм, созданный режиссером-мультипликатором Борисом Дежкиным. Художники-мультипликаторы создали интересные и любимые детьми и взрослыми образы. И, что интересно, имеется определенное сходство елочных украшений с рисованными персонажами из этого мультфильма.

Знаменитая сказка К. И. Чуковского «Доктор Айболит» тоже представлена серией. Сама книга была впервые издана в 1925 г. Из этой серии в коллекции имеются «Доктор Айболит» (оф 38269/1), 1950-е гг., на прищепке, и «Попугай Карудо» (оф 35892/30), 1950-е гг., на прищепке. Рассматривая иллюстрации по книге, мы видим общие черты и в то же время оригинальность авторского видения художника, создавшего эту серию.

Таким образом, можно увидеть, как текст литературных произведений, иллюстрации к ним, а также выходявшие в то же время мультфильмы, оказали влияние на внешний облик елочных украшений, изображающих сказочных персонажей, которые сделали их узнаваемыми и любимыми детьми и взрослыми.

Использованная литература и источники

1. Бажов П.П. Малахитовая шкатулка. Любое издание.
2. Васютинская Е.-Ф. Шкурко А.И. Наше счастливое детство: игрушки, книги, предметы быта, детские рисунки, живопись, графика, плакат 1920-1950-х годов: выставка в Государственном Историческом музее 28 декабря 2001 года – 2 апреля 2002 года. – М., 2001.
3. Гауф В. Маленький Мук. Любое издание.
4. Душечкина Е.В. Русская елка. История, мифология. Литература. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
5. Елка: Сборник статей о проведении елки / Под ред. Е.А. Флериной и С.С. Базыкина. – М., 1937.
6. Елочные украшения. 1936–1970. Гид-каталог / Сост. Е. Балашова, А. Прибыткова, С. Белоглазов. – СПб.: ООО «Арт-Спб», 2010.

7. Иванов Е.В. Новый год и Рождество в открытках. – СПб.: Искусство, 2000.
8. Мамин-Сибиряк Д.Н. Серая шейка. Любое издание.
9. Морозко. Русская народная сказка. Любое издание.
10. Некрасов Н.А. Крестьянские дети. Любое издание.
11. Перро Ш. Красная Шапочка. Любое издание.
12. Петровский М. Книги нашего детства. – СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008.
13. Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая на 22 съезде Коммунистической партии, прошедшем 17–31 окт. 1961 г. в Москве.
14. Пушкин А.С. Сказки. Любое издание.
15. Родари Дж. Чиполлино. Любое издание.
16. Сальникова А. Блестящий воспитатель // Вокруг света. – 2010. – № 10.
17. Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
18. Советская игрушка / Игрушка. – 1936-1939 гг.
19. Чуковский К.И. Доктор Айболит. Любое издание.

Бендюк О. Б.,
г. Ставрополь,
ГУП «Наследие»,
главный хранитель;

Белов А. И.,
г. Ставрополь,
ГУП «Наследие»,
специалист 2-й категории;

Довгалева А. А.,
г. Ставрополь,
ГУП «Наследие»,
главный специалист

**КАТАЛОГИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ И КОЛЛЕКЦИЙ.
ОПЫТ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ И ВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО КАТАЛОГА
НА ПРИМЕРЕ ФОНДА ГУП «НАСЛЕДИЕ»**

Государственное унитарное предприятие «Наследие» МК Ставропольского края существует с 1995 года. Целью предприятия является осуществление мероприятий по охране и использованию памятников истории и культуры, решение практических задач, связанных с обеспечением сохранения историко-культурного наследия Ставропольского края, осуществление научных и научно-практических исследований в области историко-культурного наследия.

В соответствии с направлениями деятельности предприятия – выявление и регистрация археологических памятников, исследование и постановка их на государственный учет, паспортизация, ГУП «Наследие» формирует информационно-аналитическую систему историко-культурного наследия Ставропольского края (ИАС ИКН СК) на базе геоинформационных технологий. Система разрабатывается специалистами предприятия для эффективного управления ресурсами прошлого и формирования единого информационного пространства по данным объектам на территории ответственности предприятия.

Также одним из направлений деятельности ГУП «Наследие» является просветительская работа, предполагающая популяризацию историко-культурного наследия широким слоям населения через экспозиционно-выставочную деятельность, для чего в 2002 году на базе предприятия была создана постоянная экспозиция из предметов археологии, найденных на

территории края, представляющих материальную и духовную культуру региона периода с IV тыс. до н. э. по XIV в. н. э. и находящихся на хранении в ГУП «Наследие». В 2006 году часть археологических коллекций была включена в Государственный музейный фонд (Свидетельство о регистрации № 6 от 30.10.2006 г.).

Назрела необходимость фонд археологических предметов и коллекций привести к существующей музейной системе учета и хранения. Систематическая работа началась вестись с 2009 года. На тот момент специалистами предприятия уже была разработана собственная учетная система: по материалам археологических экспедиций, на основе полевых и экспедиционных отчетов составлены коллекционные описи (КО), куда вошли основные сведения, многие из которых совпадают с требованиями Инструкции по учету и хранению, и изображение предмета. КО совмещала в себе графы собственно коллекционной описи, карточки первичного учета, инвентарной книги. Велась книга поступлений (КП), куда вносились групповые записи поколлеционно.

Была выработана система хранения: смешанное хранение предметов конкретной археологической экспедиции (каждый предмет в индивидуальной упаковке и вся коллекция в едином ящике). Учетная система каждой коллекции состояла из номера коллекции и записи в КП (совпадает с номером КО), названия археологической экспедиции и года проведения; каждый предмет в коллекции хранил сведения о месте обнаружения (№№ кургана, погребения, находки).

Данная система соответствует Положению о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации, утвержденными РАН Института археологии от 30.03.2007 г. Методика археологического учета предполагает сохранение всего комплекса найденных предметов в их единстве, с обязательными сведениями:

- автор экспедиции, место или название памятника, год экспедиции;
- сохранение места обнаружения (курган, погребение, номер находки).

Согласно методике археологических исследований в качестве визуальной фиксации археологического материала, рекомендуется использовать штриховую графику – отрисованный предмет, с желательной параллельной фотофиксацией.

В нашем случае, при составлении авторами экспедиций научных отчетов, наряду с фотоизображением, используется штриховая графика, что наиболее объективно фиксирует предмет. Данный изобразительный материал в

отсканированном виде в полном объеме присутствует в КО, которая создается в электронном варианте с последующим выводом на бумажный носитель.

В итоге, все предметы, зарегистрированные в учетной документации предприятия (КП), имеют сканированное изображение с отрисованного предмета и фотографию, которые размещены в КО.

Принятая археологическая методика учета и хранения позволяет сохранить целостность комплекса памятников, научную ценность, возможность проведения полноценной исследовательской работы не только для автора экспедиции, но и других исследователей.

При музеефикации фонда мы неизбежно столкнулись с проблемой несоответствия музейной и археологической методик учетно-хранительской системы: необходимо было совместить их, не утратив при этом требований археологической методики и музейной Инструкции по учету и хранению.

Было принято решение: регистрацию поколлекционно в КП сохранить, и далее вести инвентаризацию предметов внутри каждой коллекции. Поэтому на каждую коллекцию заводится отдельная инвентарная книга (ИК). Была разработана система шифров коллекций, совмещающая обязательную к сохранению информацию археологической и музейной методик.

В качестве примера для КП это будет выглядеть следующим образом:

ГУПН ОФ 2

К/Я-88/1-20, где:

- ГУПН - аббревиатура предприятия (ГУП «Наследие»);
- ОФ 2 - это принадлежность к основному фонду, номер коллекции и номер регистрации в КП;
- К/Я - аббревиатура памятника (Клин Яр);
- 88 - год проведения экспедиции;
- /1-20 - количество предметов в коллекции.

Соответственно, для конкретного предмета в инвентаре:

ГУПН ОФ 2

К/Я-88/1, где:

- «1» является индивидуальным номером предмета в данной коллекции.

Аббревиатура названия каждого памятника археологической экспедиции утверждается на экспертной фондовой комиссии.

Логическим продолжением работы стало внедрение в учетно-фондовую работу предприятия автоматизированной системы учета.

Существующие музейные автоматизированные системы учета – КОМИС и АС Музей различных версий, разработанные ГИВЦ Министерства культуры России, являются комплексными информационно-справочными системами,

которые предназначены для решения широкого спектра задач, характерных для деятельности большинства музеев Российской Федерации. Это разнообразный состав фондов (одновременное наличие разных собраний и коллекций), разный стандарт описания предметов в соответствии с профилем коллекции, развитая структура отделов в музеях (типа этнографический, исторический, краеведческий). Большинство федеральных музеев, наравне с вышеперечисленными АС, используют свои, оригинальные специализированные системы учета, разработанные сторонними организациями (НИКА, АТЛАНТ и пр.).

Представленные на рынке автоматизированные системы, помимо учетно-хранительской работы, позволяют вести учет деятельности различных структурных подразделений музеев – отделов массовой работы, маркетинговых служб, библиотечных и архивных фондов и пр.; для локального собрания, как в нашем случае, являются излишне многофункциональными и громоздкими и не совсем отвечают требованиям нашего предприятия.

Это подразумевает не только приобретение самой АС, но и дополнительного программного обеспечения (СУБД: MS Access, SQL Server, Oracle), которое порой имеет большую стоимость, чем сама АС, а некоторые и дополнительного оборудования (модернизация или закладка новой сетевой инфраструктуры, сервера «нормальной конфигурации» на базе Win Server, закупка дополнительных высокоскоростных жестких дисков для оперативного резервного копирования и т. д.).

К примеру, АС «Музей-3» представляет собой интерфейсную часть для доступа к различным таблицам, содержащим информацию учетно-каталожного и справочного характера, созданную в среде Microsoft Office Access, что предполагает приобретение сопутствующего программного обеспечения для законного использования программы.

При внедрении в учетно-фондовую работу ГУП «Наследие» автоматизированной системы учета необходимо было учесть специфику предприятия и фонда:

- предприятие не является досугово-массовым, в нем сочетается практическая и научно-исследовательская деятельность;
- собрание музейных предметов локальное, состоит из отдельных археологических коллекций, целостность которых сохраняется исходя из задач и целей предприятия: научно-исследовательское назначение и использование хранящихся археологических коллекций, как специалистами предприятия, так и специалистами со стороны, включая зарубежных коллег. В т. ч. автор экспедиции заинтересован в том, чтобы предметы, полученные в результате его

экспедиции, сохранялись комплексно, невзирая на разнородность найденных находок по материалу, функциональному назначению и пр.;

- на базе предприятия создана постоянная экспозиция с возможностью видоизменять количественный или качественный состав экспонатов, но движение фонда не настолько активное, как в музеях, занимающихся организацией сменных экспозиций и передвижных выставок, соответственно, документооборот не настолько обширный;

- совместимость учетно-хранительской АС с общей информационно-аналитической системой предприятия.

С учетом всего вышесказанного, начиная с 2010 года специалистами ГУП «Наследие», работающими в структурных подразделениях информационных технологий и «Музей», совместно разрабатывается, внедряется и модернизируется АС («УчетХран»).

При создании АС «УчетХран» за основу была выбрана реляционная (от англ. relation – отношение), локальная система управления базами данных (СУБД) MS Access, позволяющая реализовывать целый ряд задач, связанных с проектированием, редактированием и сопровождением баз данных при реализации проекта. Немаловажным фактом применения данного программного обеспечения является его универсальность, возможность применять законченные решения и методы для решения широкого круга практических задач по работе с БД для постепенного дополнения и модернизации создаваемой персональной системы другими возможностями. Главное, стабильность работы данной СУБД, достаточно простое и функциональное взаимодействие с имеющимися на предприятии лицензионными ГИС-программами (ArcView), а также широкие возможности по интеграции СУБД в различные геоинформационные системы.

При необходимости данная СУБД может быть легко подвергнута масштабированию, так как получила широкое развитие в информационных технологиях и является, по своей сути, одним из стандартов формата баз данных для дальнейшего эволюционирования на основе SQL Server'а или иных программных средств, что не будет противоречить принципам универсальности проекта и позволяет привести материалы к единой программно-аппаратной среде формирования и ведения Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации.

Структура электронной базы учитывает требования Инструкции по учету и хранению, Положения о Госкаталоге и других нормативных документов, регулирующих учет Музейного фонда. В то же время сохраняются сведения, требуемые методиками составления археологических отчетов. Некоторые сведения идентичны в обоих случаях, некоторые (узко археологические)

специфичны и отсутствуют в музейном учете. Основные разделы КО и Археологических отчетов, музейные КП и инвентарные книги, книги спецучета (без дублирования данных) вошли в систему сводной таблицы БД. Таким образом, АС «УчетХран» состоит из объединенных параметров перечисленных документов.

При разработке классификаторов БД учитывались принятые в профессиональной среде стандарты и термины (музейные и узкоспециализированные археологические словари, справочники, АС). Например, эпоха/период, материал и техника изготовления, пр. Термины и описания выбраны и применены с некоторыми изменениями и дополнениями, актуальными применительно к нашему региону, с учетом археологических культур, находящихся на территории Ставропольского края, где предприятием ведутся работы. При необходимости БД позволяет расширить и/или корректировать имеющиеся сведения.

Создаваемая нами АС «УчетХран» практически прошла стадию разработки и внедрения и находится на стадии активного использования. В процессе работы имеется возможность оптимизации структуры БД и расширения и/или корректировки классификаторов, отображающих специфику именно нашего фонда. Это позволяет минимизировать неизбежные ошибки в ходе работы с АС.

Работа позволила выявить важные аспекты по проектированию АС:

- определение объектов (источников данных);
- выявление связей между объектами;
- определение отношений между таблицами, на основе связей между объектами;
- возможность хранения необходимых данных;
- исключение избыточности данных;
- сведение к минимуму числа хранимых таблиц;
- нормализации таблиц для упрощения решения проблем, связанных с обновлением и удалением данных для обеспечения целостности данных;
- создание специализированных форм для заполнения информации, что позволит сконцентрировать внимание пользователя с необходимым инструментарием и минимизировать возможные ошибки в ходе работ.

Первоначально независимая работа специалистов над разработкой АС «УчетХран» и затем совместная ее корректировка позволили прийти к наиболее оптимальному варианту, устраивающему структурные подразделения.

В настоящее время АС «УчетХран» содержит все поставленные на учет коллекции и предметы: 46 коллекций, что составляет 7644 единицы хранения.

Закрепилась практика – при проведении инвентаризации очередной коллекции параллельно заполнять БД.

В целом, на сегодняшний день можно констатировать:

АС «УчетХран» на основе универсального инструментария Microsoft Office Access, позволила создать «фундамент» для электронной регистрации музейного фонда.

Хранение данных АС осуществляется на основе файловой системы. В отдельной папке сохраняется специализированный файл Microsoft Office Access, содержащий в себе описательную часть данных о музейных предметах и коллекциях (таблицы, справочники, запросы, формы и т. д.), а также структуры и связи данных. Графические данные (фотографии и изображения предметов, сканированные документы учета: приказы, акты, протоколы и пр.) сохраняются в отдельной папке, независимо от основного файла. Данное разделение информации позволяет:

- хранить сведения независимо друг от друга;
- объем растровых данных не влияет на скорость работы АС;
- сохранять целостность ссылочной информации (относительные пути).

К АС разработана инструкция пользователя и правила пошагового заполнения сведений в существующие таблицы.

Ядром АС является главная таблица-форма, позволяющая заполнять сведения из более чем 30-ти первичных параметров, необходимых для самостоятельной идентификации предмета. Параметры выбраны на основе первичной учетной документации: КО, Инвентарная книга, протоколы ЭФК и акты поступления.

При заполнении таблицы используются три варианта внесения данных:

- а) вносимые сведения являются величинами постоянными (автоматический набор);
- б) выбор одного параметра из нескольких возможных (выбор из множества);
- в) уникальные сведения в каждом случае (набор вручную).

Группа А самая компактная, содержит сведения о предприятии: его полное название и шифр (аббревиатура) предприятия; для некоторых спецколлекций, в частности, драгметаллы – здесь шифры и номера спецучета. Здесь же формируются уникальные идентификаторы записей (коды). Код представляет из себя поле с неповторимым набором цифр и букв, который однозначно определяет объект базы данных. Представлен кодом репликации и имеет следующий вид: {520B0514-AFBA-4BA0-B4CA-58A7C38D11B9}. Данное поле генерируется в автоматическом режиме.

Группа Б содержит неизменные сведения характеристик предметов (материал, техника), об исторической эпохе (бронзовый, железный век, сарматская эпоха и пр.), типе памятника (курган, погребение, находка), о сохранности предмета, его местонахождении (фондохранилище, экспозиция и пр.). Данная группа заполняется на основе постоянно корректирующихся справочников-таблиц, что упрощает и ускоряет работу по внесению информации.

Группа В наиболее трудоемкая, но в ней содержатся именно учетные обозначения (номера и шифры коллекции, предмета), которые зачастую являются уникальными; необходимые по археологической методике сведения (год и автор экспедиции, название памятника), название и индивидуальное описание предмета, физические параметры (размеры) и другая информация.

При работе с АС вносится максимально известная на момент заполнения информация по каждому предмету (корректируется в случае появления новых сведений).

Отдельная структура в составе АС хранит графические данные, где в сканированном виде фиксируется учетная документация, подтверждающая юридический статус и физическое состояние предмета:

- документы поступления: Протокол ЭФК, АКТ ПХ (постоянное хранение), АКТ МОХ (передача на материально-ответственное хранение);
- документы перемещения предметов и коллекций: АКТ ВП (временная выдача), АКТ ВВ (внутримузейная выдача);
- документы предметов из драгметаллов: АКТ пробирной инспекции;
- документы сверки наличия коллекции: АКТ сверки.

Встроенный инструментарий СУБД MS Access позволяет в интерактивном режиме или с помощью конструктора, встроенного в программу, создавать необходимые отчетные формы и документы, редактировать имеющуюся информацию, изменять ее визуальное представление: увеличивать или уменьшать размер поля, шрифта и формата вносимых данных. Информация может быть представлена в виде отдельных таблиц, созданных на основе фильтров или различных запросов, а также в режиме автоформ и отчетов.

Дополнительно для каждого предмета искусственно заполняется уникальный код, шестизначный номер: первые три цифры – номер коллекции по КП, с добавлением впереди одного или двух нулей (напр., 001), вторые три цифры – инвентарный номер предмета, так же с добавлением одного или двух нулей (напр., 022). Полный шестизначный номер (уникальный код записи предмета) выглядит следующим образом: 001022.

Шестизначный номер определен нами как отвечающий количественному показателю нашего фонда на данный момент, справедливым он будет и в обозримом будущем. В случае необходимости данный номер м.б. увеличен за счет ввода дополнительных обозначений. В других случаях, для других собраний этот номер м. б. меньшим или большим (четырёхзначным или многозначным).

С данным значением кода соотносится графическое изображение предмета на основе инструментария гиперссылки.

Двойная работа с уникальным значением находки (код) позволяет минимизировать ошибки и вводит систему самопроверки при редактировании данных.

Графическая информация об изображениях подразделяется по сокращенным названиям коллекций. Изображение предмета комбинируется из рисунка и/или фотографии. Чтобы избежать двойной работы, изображения сразу подгоняются под запрашиваемые Госкаталогом характеристики: формат файла JPEG, размер не менее 2000 пикселей по большей стороне, разрешение не менее 72 dpi. Т. к. изображения привязаны к базе данных гиперссылкой, размер не влияет на работу и скорость самой БД.

Гибкая система поисковых запросов позволяет использовать различные фильтрации и поиск по одному/нескольким ключевым словам или аббревиатурам. Полученный результат представляется в виде таблицы со всеми описательными характеристиками. В дополнение, существует возможность получения локальных данных на основе простых или перекрестных запросов, при которых происходит отбор и вывод на экран требуемой информации. Таблица, форма, запрос может выводиться на печать.

Создаваемая АС «УчетХран» является достаточно простой в заполнении и использовании, мобильной в плане дополнения или исключения информации, конвертации в иные автоматизированные системы учета. Вся работа ведется на основе стандартного инструментария.

Так, при передаче сведений в Государственный каталог (ГК) формируется перекрестный запрос для выборки необходимых значений, запрашиваемых ГК, включая изображение. Это позволяет формировать информацию в ручном режиме на 50–80 предметов в день поколлекционно, независимо от объема описательной составляющей каждого предмета.

АС «УчетХран» должна войти отдельным блоком в информационно-аналитическую систему историко-культурного наследия Ставропольского края (ИАС ИКН СК), что позволит анализировать имеющуюся информацию специалистами ГУП «Наследие» комплексно. Обеспечит весь жизненный цикл

основных видов деятельности предприятия по изучению, сохранению и популяризации объектов культурного наследия региона.

Автоматизированная система «УчетХран» была представлена в мае 2012 года на I-ой Международной конференции «Археология и геоинформатика» при Институте археологии РАН (Москва), где заинтересовала специалистов в области ГИС.

Перспективным направлением работы с АС является создание модуля-конвертора, который позволил бы автоматизировать процесс создания структурированных файлов в формате XML для передачи и внесения данных в Госкаталог.

Планируется провести модернизацию АС «УчетХран» для обеспечения доступа к базе данных на основе Web-интерфейса, через внутреннюю сеть предприятия на основе унифицированного интерфейса, что даст возможность пользователям просматривать и одновременно заполнять сведения о найденных при охранно-спасательных работах находках непосредственно на своих рабочих местах, без привлечения дополнительного программного обеспечения.

Проведенная работа с формированием БД уже сейчас позволяет внедрить в практику хранения использование штрих-кодовой маркировки предметов, индивидуальной и общей упаковок.

Работа с беспроводными устройствами по технологии Wi-Fi даст возможность работникам структурного подразделения «Музей» вносить информацию о музейных предметах и коллекциях непосредственно на местах, с применением планшетных персональных устройств: при приеме коллекций (в помещениях обработки коллекций); при профилактических осмотрах и сверке наличия музейных предметов и коллекций в фондохранилище и экспозиционном зале.

Волошенко Л. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский краевой музей изобразительных искусств,
искусствовед,
старший научный сотрудник

Художники Германии в России и российские немцы из собрания Ставропольского краевого музея изобразительных искусств

Историческая связь Германии и России уходит своими корнями в далекое прошлое. За прошедшие столетия сложился новый этнос – российские немцы. В течение двух с половиной веков российские немцы верой и правдой служили и служат России, осваивая окраинные земли, в том числе на Кавказе, развивая науку и культуру, отстаивая ее территориальную целостность.

Речь пойдет о художниках германского происхождения – немецкого, как говорили на Руси, имея в виду иностранцев.

Со времени Петра I немецкие художники-переселенцы в Россию и их потомки способствовали развитию русского искусства. Десятки художников, архитекторов, наряду с военными, учеными, откликнулись на призыв Петра I переехать в Россию, строить новую столицу Российской державы. История, архитектура и живопись Петербурга тесно связаны с именами многих выходцев из германских земель. Приток их увеличился после указов Екатерины II (1763), позвавших в Россию жителей Германии и других стран Западной Европы.

На протяжении двух столетий только в столице Российской империи работало около трехсот архитекторов германского происхождения.

Изучение коллекции классического наследия в СКМ ИИ выявило целый ряд немецких имен мастеров изобразительного искусства, представленных произведениями живописи, графики, скульптуры. Одни художники были связаны с Россией навсегда, другие временно, но оставили заметный след в культуре.

Важным звеном в цепи немецких культурных связей явилось творчество Герхардта-Вильгельма фон Рейтерна (1794–1865), по рождению балтийского немца (поместье Рестхоф в Лифляндии), по своим убеждениям русского патриота.

Знатное остзейское семейство Рейтернов традиционно служило русской короне, поставляя двору военных и чиновников. Поэтому неудивительно, что, несмотря на проявившиеся способности к рисованию в юности, он был определен в военную службу, в лейб-гвардии гусарский полк. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года. После битвы под Лейпцигом

лишился правой руки и продолжал рисовать левой. Став адъютантом Баркляе-де-Толли, дошел с русскими войсками до Парижа. В 1819 году, выйдя в отставку, Рейтерн целиком посвятил себя искусству и стал известен как живописец, рисовальщик, акварелист, гравер.

По совету Гете, с которым познакомился в 1814 году, будучи в Веймаре, обучался живописи в Берне, Касселе и Дюссельдорфе. За портрет поэта Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) в 1835 году Евграф Романович, как звали Рейтерна в России, получил звание «назначенного» Петербургской Академии художеств; затем удостоен почетного звания академика. С Жуковским Рейтерна связала склонность к романтизму и близкая дружба, не прервавшаяся даже после отъезда в 1837 году за границу.

В тот же год Рейтерн стал придворным художником российского императорского двора, для которого создавал картины на библейские сюжеты в духе назарейцев (религиозно-мистические), по-прежнему делая рисунки, акварели и живописные работы с натуры с точностью и объективностью, в стиле европейского искусства бидермейера. Считая себя русским художником, он никогда не порывал связей с Россией, как и его дети, внучка и ближайшие родственники.

Дочь Елизавета (1821–1856) вышла замуж за В. А. Жуковского. Внучка, Александра Васильевна, станет морганатической женой великого князя Алексея Александровича. Сын, А. Г. Рейтерн, генерал-лейтенант, был Таврическим губернатором. Брат Христофор с отличием участвовал в наполеоновских войнах, затем командовал кавалерийскими дивизиями. Племянник Михаил был министром финансов Российской империи.

Творческое наследие Г. Рейтерна невелико. Живописные произведения находятся в Государственном Русском музее в Петербурге, загородных дворцах-музеях.

Четыре офорта на анималистическую тему 1828 года хранятся в нашем собрании (поступили в 1964 г. из Государственного Эрмитажа). Несмотря на то, что делались левой рукой, они миниатюрно тонки по выполнению, полны любви к природе.

Всего известно одиннадцать офортов Рейтерна, изображающих по большей части зверей.

Самым популярным в России в Николаевскую эпоху был одаренный художник Франц Крюгер (1797–1857), уроженец Гросбадегаста (герцогство Ангальт-Дессау). В 1812–1814 годах он учился в Берлинской Академии, но в основном занимался самообразованием. В центре его внимания были точное и выразительное изображение сцен охоты, лошадей и людей. С 1825 года Крюгер – прусский придворный живописец, получил заказ российского императора

Николая I на создание большого группового портрета высшей элиты Берлина «Парад в Берлине». (Картина находится в кабинете Николая I в Зимнем дворце. В 1913 г. Николай I подарил ее Вильгельму II. С 1922 – в Берлинской Национальной галерее.) Показав «Парад» на академической выставке 1830 года, Крюгер сразу выдвинулся в первые ряды мастеров Бидермейера. Знаменитый русский художник А. Г. Венецианов написал о нем восторженную статью.

В июле 1832 года по рекомендации Фридриха Вильгельма II Крюгер прибыл в Петербург, где задержался до мая 1833 года, так как получил приглашение Петербургской Академии художеств стать почетным членом.

«Появление и пребывание в Санкт-Петербурге Берлинского профессора и придворного Его Величества Короля Прусского живописца Крюгера было для любителей и ценителей изящных искусств в нашей столице событием радостным и приятным», – писала «Художественная газета».

Любимец Николая I, одним из первых привнес немецкое искусство в Россию. Пользуясь покровительством российского императора, Крюгер имел множество заказов. В течение пятнадцати лет выполнял портреты сотен высокопоставленных русских заказчиков (в том числе, вся царская семья), от парадных изображений до небольших карандашных набросков, которые делал за два сеанса.

Около 1850 года им был написан большой парадный портрет старшего сына Николая I и императрицы Александры Федоровны (прусской принцессы), будущего императора Александра II.

Графическое произведение из наших фондов, находившееся ранее в Румянцевском музее, «Цесаревич Александр Николаевич на коне» средствами литографии передает живописные особенности этого портрета. Надпись на немецком языке гласит: «Нарисовано с натуры Ф. Крюгером, литографировано Ф. Иентценом. Отпечатано в Королевском литографическом институте в Берлине».

Художник из Германии Вальдемар Кнолл (1839–1909) десять лет провел на Кавказе. Приехав в 1863 году в Тифлис, работал как сценограф в Императорском театре. Запечатлел горные виды, оставив серию акварельных пейзажей с романтическим видением природы. В нашем собрании один из них: «Река Кура на Кавказе». Десять других принадлежат Пятигорскому краеведческому музею. Несколько живописных полотен Кнолла с впечатляющими видами диких гор Кавказа находятся в частных собраниях.

Выходец из семьи гамбургского ремесленника (столяра), Реймерс Иван Иванович (Иоганн) (1818(20)–1868), живописец, медальер и скульптор, учился в Петербургской Академии художеств, а впоследствии был удостоен звания

профессора-преподавателя медальерного искусства (1864), за медаль к 100-летию Академии художеств – звания профессора живописи (1865). Основал в Петербурге фабрику по изготовлению изделий из терракоты.

В нашем собрании хранится картина Реймерса «Умиравшая», написанная в 1861 году в Риме. По-видимому, художник был свидетелем драматической сцены, так как взволновавшая его тема поднималась им неоднократно (варианты в Государственном Русском музее).

Из семьи петербургских немцев происходил Николай Иванович Либери́х (1828–1883), автор хранящейся в собрании музея скульптуры «Медведь». Кадровый военный, воспитанник Школы гвардейских подпрапорщиков, где в свое время обучался М. Лермонтов, служил в Лейбгвардии драгунском полку, затем в Лейхтенбергском гусарском полку и вышел в отставку в чине полковника. В армейской среде был известен как искусный рисовальщик и скульптор. Профессиональные навыки приобрел посещая занятия рисунка и лепки в Академии художеств у П. К. Клодта (1805–1867), который прошел когда-то подобный путь – от военного до скульптора. Учился в Академии художеств в 1830-е годы, с 1838 года и до конца жизни там же преподавал.

В своем творчестве гармонично сочетал классицистическую и реалистическую традиции. К числу его шедевров относятся четыре группы укротителей коней на Аничковом мосту.

В 1861 году Либери́ху за создание трех анималистических групп было присвоено звание академика. Анималистическая пластика принесла мастеру широкую известность: лошади, охотничьи собаки, медведи (лучшим среди них является изображение так называемого «Лисинского медведя» (охотничьего трофея Александра II)). Самые популярные работы Либери́ха были отлиты из чугуна на Каслинском Уральском заводе.

Немецкая семья по фамилии Клодт фон Юргенсбург дала русскому искусству целую плеяду творческих личностей. Среди них живописцы, гравер, художник театра. Кроме главы семьи, о котором упоминалось выше, Петра Карловича, скульптора и литейного мастера, основоположника монументальной анималистической скульптуры в России, профессора и академика, большой вклад внес его сын Михаил Петрович (1835–1914) – живописец, акварелист, рисовальщик, работавший в бытовом и историческом жанрах. Выпускник Академии, с 1867 года – академик, он вел активную общественную и выставочную деятельность. Был в числе членов-учредителей Товарищества передвижных художественных выставок и «Союза русских художников». Входил в совет Комитета «Союза». Преподавал в школе общества поощрения художеств и Центральном училище технического

рисования Штиглица в Петербурге. Сотрудничал в журналах «Всемирная иллюстрация», «Нива».

В собрании музея находится произведение М. П. Клодта, выполненное в смешанной графической технике, которое отражает процесс работы художника над иллюстрациями к роману А. К. Толстого «Князь Серебряный».

Еще одно графическое произведение в технике офорта выполнено выдающимся гравером и педагогом, профессором-руководителем графической мастерской Петербургской Академии художеств Матэ Василием Васильевичем (Иоганном-Вильгельмом) (1856–1917) родом из Восточной Пруссии. Матэ вел преподавание также в Центральном училище технического рисования барона Штиглица (1884–1909) и Рисовальной школе Общества поощрения художеств (с 1911).

Там же, в Рисовальной школе с 1912 года вела акварельный класс талантливый художник и педагог немецкого происхождения Цейдлер Клара Федоровна (1870–1951), представительница женской линии большого рода выходцев из Саксонии, дочь доктора философии.

В 1897 году Клару Цейдлер приняли учителем рисования в Смольный институт благородных девиц. В 1912 она была награждена Мариинским знаком отличия беспорочной службы. В 1917 году профессор Цейдлер преподавала в училище барона Штиглица. Плодотворно сотрудничала с известной фирмой Фаберже. Как художник прикладного искусства, специализировалась на акварельной миниатюре и цветах. Состояла действительным членом Русского художественно-промышленного общества (с 1904 года).

Высокий уровень ее мастерства демонстрирует акварельный натюрморт нашей коллекции.

Приведенные здесь примеры результата творчества и деятельности художников германского происхождения – лишь небольшая часть тех дел, которые способствовали подъему культурной жизни России, оставили заметный след в истории взаимоотношений и взаимовлияния двух наций.

Гальфингер Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
главный хранитель фондов

**К ВОПРОСУ ОБ ИТОГАХ НАУЧНОЙ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ КОЛЛЕКЦИИ
КАВКАЗСКИХ КИНЖАЛОВ В ФОНДАХ
СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

Кинжал – один из основных мужских атрибутов народов Кавказа. Будучи достаточно однотипным элементом вооружения и этнического костюма, он имеет много вариаций и поэтому является популярным объектом коллекционирования.

Ставропольский государственный музей-заповедник хранит интересное собрание кавказских кинжалов. Это подтвердила научная инвентаризация. Каждый предмет исследован визуально, прочитаны арабографичные даты на клеймах, собраны скудные сведения из книг поступлений первой трети XX века, на основе анализа специфических признаков кинжалов сделаны выводы об их территориальном происхождении. Базовым источником для выбора методики исследования и определителем послужили работы Э. Г. Аствацатурян (1).

Сегодня в составе собрания 21 кавказский кинжал в ножнах, 126 кинжалов без ножен, 7 кинжальных клинков, 1 ножны, 1 наконечник ножен, 1 рукоять.

К сожалению, до нас дошли не все предметы. В 1904 году в ставропольском губернском Музее Северного Кавказа экспонировалось 143 кинжала (3), из которых до сих пор сохранилось 92. По записям в инвентарных книгах 1925 – 1938 гг., из музея 83-го пехотного Самурского полка поступило 55 кинжалов, 36 хранятся и поныне. Проследить источники поступления 11 кинжалов не удалось, но, без сомнения, они также происходят из этих двух музеев. Таким образом, 90 % коллекции собраны Г. Н. Прозрителевым и офицерами-самурцами. В 1936 г. из Северо-Кавказского краевого музея горских народов имени большевика Муссы Кундухова в г. Ростове-на-Дону передано 3 кинжала. Один из них – кинжал-меч оф 11710/1-2 – большой, нетрадиционных размеров, длиной 84 см, сходный с церемониальными шиитскими мечами, находится в составе нынешних фондов.

Музейная коллекция дает представление о многообразии кавказских кинжалов по форме и размеру клинка, форме и способу сборки рукояти, типу ножен, отделке оружия.

Имеется 1 кинжал-бебут в паре с оригинальными ножнами (оф 11657/1-2). Остальные кинжалы относятся к типу «кама». Большинство из них имеют параллельные лезвия, которые к острию клиновидно сходятся. Иногда место схождения имеет треугольную форму, но чаще имеется более или менее выраженное «жало» – вытянутое острие штыкового типа, предназначенное для прокола кольчуги (оф 11677). Реже лезвия к острию сходятся дугами (оф 11693 и оф 12020), что характерно для закавказских кинжалов (1, с.151). Для усиления боевых качеств и облегчения профилю клинков придавалась различная, иногда весьма сложная, форма. Самыми распространенными в коллекции (40 %) являются клинки ромбического сечения. Несколько меньше клинков с одним, смещенным от центра, долом с каждой стороны (35 %). Клинки других профилей разнообразны: один центральный долик, два, три и четыре дола разной ширины и в разных комбинациях. У 19-ти кинжалов лезвия имеют выраженную режущую кромку – косую заточку двойным клином. Известно, что кавказские оружейники изготавливали клинки методом кузнечной сварки. На некоторых образцах коллекции можно увидеть причудливый рисунок сварочной стали (оф 11655). На кинжале оф 11658 заметны продольные полосы – следы свариваемых пластин. Для украшения клинка оф 11672 мастер использовал прием дамаскировки долов в технике травления.

Образцы, у которых рукояти утрачены, дают представление о полосе – конечном результате работы мастера-клиночника. Имеются только полосы под накладную рукоять: в одних случаях хвостовик плоский (оф 11695), в других – имеет рельефное сечение (оф 11681, 11693).

В коллекции 7 кинжалов с роговыми рукоятями всадного типа. Образцом всадной рукояти из кости является отдельная рукоять археологической сохранности нвф 9549. У большинства кинжалов рукояти накладного типа. Щечки из рога либо из кости фиксируются двумя или тремя заклепками. Кость – довольно хрупкий материал, костяных рукоятей в коллекции меньше, и они чаще бывают расколоты, имеют следы ремонта (оф 11620) и утраты фрагментов. У 5-ти кинжалов костяные щечки смонтированы только с правой, лицевой, стороны, слева – накладки из рога. Заклепки справа всегда оформлены декоративными шляпками. В самом простом случае это маленькие полусферические «пуговики». Иногда они имеют шлемообразную (оф 11618) или цилиндрическую (оф 11661) форму. Более крупные заклепки несут обычно декоративную нагрузку: имеют сложную форму, орнаментированы в разных техниках. Многочисленны рукояти со шляпками в форме шести-, семи- и восьмилепестковых конических розеток. На парадных кинжалах серебряные шляпки орнаментированы в технике чернения, гравировки, ложной зернью. Торцы хвостовика рукоятей накладного типа иногда украшены – серебряной

насечкой (оф 11621/1-2), золочением (оф 11693), серебряными накладками с прокатками ложной зерни (оф 11627). В коллекции 6 парадных кинжалов, у которых рукоять одета в сплошной серебряный футляр. Еще один – оф 11649 – с рукоятью «из польского серебра» (3, с. 11), – из недорогого белого сплава. Разнообразна форма головок рукоятей. Обычны кинжалы с овальной головкой. Эта исходная форма варьирует. Есть кинжалы с вытянутой овальной (оф 11618), трапецевидно-овальной (оф 11694), треугольно-овальной (оф 11663), яйцевидной (оф 11705) головкой. В конце XIX века на Кавказе в моду входит головка в виде трехлепестковой пальметты. Лепестки пальметты могут быть выражены, но иногда они лишь намечены поперечными бороздками на боковых торцах головки. В ряде случаев рукояти дополнительно украшены орнаментированными фигурными накладками из железа или серебра. В основание рукоятей некоторых кинжалов вставлены одна или две иглы для фиксации оружия в ножнах.

Ножны в 16-ти случаях изготовлены традиционным способом: пара деревянных дощечек оклеены кожей черного цвета, имеются гнезда для подкинжального ножика (таковые не сохранились). Кожа ножен оф 11645/2 украшена тисненым орнаментом. Прибор включает чаще узкую стальную обоймицу, иногда орнаментированную, и «шарик». В большинстве случаев шарики утрачены, на ножнах оф 11640/2 «шарик» изготовлен из кости. Ножны 2-х кинжалов оправлены в широкий украшенный наконечник, у 2-х кинжалов имеется еще и широкое серебряное устье с впаянной в него обоймицей. 6 кинжалов имеют ножны в сплошном серебряном орнаментированном футляре.

Сходные по форме, кинжалы различаются по своим размерам. Не считая уже упомянутого кинжала-меча и других декоративных образцов, предметы коллекции имеют размеры от 67 см (оф 11637) до 41,6 см (оф 11675 – детский).

Характеристики клинка и рукояти, орнаментика, клейма ряда кинжалов позволяют определить их территориальное и этническое происхождение.

Судя по каталогу коллекции старинного оружия Музея Северного Кавказа (3), в его Военном отделе экспонировалось 37 кинжалов, отнесенных Г. Н. Прозрителевым к той или иной территории: «черкесский», «персидский», «черкесский или кабардинский» кинжалы, 13 кинжалов и кинжальных клинков «дагестанской работы», кинжал «дагестанской работы с красной костяной рукояткой», 9 – «чеченских», «чеченской работы», «работы горцев Нагорной Чечни», 3 – «старой кавказской и турецкой работы». В действующих учетных документах из этого наследия числятся 6 «чеченских» кинжалов, 5 кинжалов «дагестанской работы», «кинжал с оранжевой ручкой» (ранее «красной костяной»), 2 «черкесских» кинжала, кинжалы «старинной турецкой» и «старой персидской» работы. Большинство из них не имеют специфических признаков,

позволяющих отнести их производство к определенному месту. Возможно, указывая этнос, Г. Н. Прозрителев имел в виду бытование оружия. Лишь 4 предмета этой группы мы можем соотнести с конкретным регионом, а именно Закавказьем.

Одним из определяющих признаков кинжалов закавказского производства Э. Г. Аствацатурян считает наличие фигурного выбитого клейма на клинке (1, с. 152 – 153, рис. 246). 13 кинжалов коллекции имеют клейма в форме круга, пятиугольника, розетки, «кувшинчиков»; клейма одинарные или парные, включают арабографичную надпись либо геометрический рисунок. 11 из этих кинжалов имеют также профили клинков закавказского типа. Среди них кинжал оф 11663, экспонировавшийся в Музее Северного Кавказа как «кинжал старой турецкой работы, – типичен для кинжалов черкес, кабардинцев и западных закавказцев» (3, с. 11), ныне он числится под уже сокращенной записью «старинной турецкой работы». «Чеченский» кинжал оф 11689, судя по вытянутой головке рукояти, фигурному клейму и клинку с двумя доликами, которые от пяты начинаются как узкие желобки, так же западно-закавказский (1, с. 154, рис. 251). Типично закавказским является «черкесский» детский кинжал оф 11741 с двумя пологими долами и круглым выбитым клеймом. Наконец, кинжал оф 12021 (по каталогу № 2415 «старой персидской работы») имеет 4 дола, сходящиеся дугами к острию лезвия, что характерно для закавказского оружия первой половины XIX века (1, с. 151).

В каталоге под номером 5891 есть «Кинжал с золотыми насечками и армянской надписью «ачегъ» (кровавый поток), – 1852 года, из Баку» (3, с. 21). Он является украшением коллекции и самым старым из датированных предметов (оф 12020). По Э. Г. Аствацатурян, он из той группы закавказских кинжалов первой половины XIX в., которая «обладает ярким орнаментальным признаком» (1, с. 158): крупный клинок с обеих сторон от дола украшен тонкой золотой насечкой по процарапанному штихелем фону. Рисунок заключен в фигурные картуши, оформленные по краям стилизованными птичьими головками. Фигурные стальные накладки рукояти украшены в той же технике. Слева на клинке в картуш помещены слово «ԱՂԵՂ» – «агег», которое переводится с армянского как «лук, дуга, смычок», и дата «1852». Вопрос о том, почему надпись на клинке Г. Н. Прозрителев перевел как «кровавый поток», открыт. А. Карабахцян, коллекционер и знаток армянского оружия, предполагает, что «агег» – это инициалы Агаси Егизарова – мастера холодного оружия и серебряного дела из города Шуши в Нагорном Карабахе, работавшего около 1850 года (4). Позднейшее гравированное подражание характерному рисунку с птичьими головками видим на клинке оф 11661.

9 кинжалов коллекции, по определению Г. Н. Прозрителева, «с рисунком луны» (3, с. 10), – имеют выбитые клейма в виде полумесяца со звездами или без них. У них клинки ромбические либо с одним смещенным долом. Подобные клейма Э. Г. Аствацатурян относит так же к закавказским (1, с. 152, рис. 246).

Кинжал в ножнах оф 13962/1-2 с клинком закавказского типа оправлен в сплошной серебряный футляр, орнаментированный в традициях северо-западного Кавказа такими элементами, как стилизованная тамга, парные запятаеобразные лепестки, восьмилепестковая розетка (1, с. 23 – 25). Археологическая находка в карачаевском ауле Кумыш – наконечник ножен оф 36923 – соткан из серебряных филигранных кружков, характерных для черкесской орнаментики конца XIX – начала XX вв. Его верхний край оформлен тремя выпуклыми розетками. Ножны с таким окаймлением деталей прибора у вайнахов назывались «ножны с глазками» (2, с. 150). Аналогичные «глазки» имеются и на ножнах кинжала с надписью «хажи Мората Мирта» оф 12509/1-2. Его отличительной особенностью является инкрустация всадной роговой рукояти белой и красноокрашенной костью.

К изделиям чеченских оружейников следует отнести 9 предметов – по характерному контурно выгравированному рисунку, покрывающему пятую клинка. Рисунок включает изображения в овальных картушах и (или) определенного типа гладкий орнамент по заштрихованному фону. Кинжальный клинок оф 11811 1905 года с арабграфичным клеймом «Делал его Закир сын умершего Тых Атагинского» происходит из аула Большие Атаги, одного из оружейных центров Чечни (2, с. 107). Он украшен четырьмя изречениями на арабском языке. На пяте клинка с обеих сторон имеются картуши, завершающиеся своеобразными «пиками» с трилистниками. В один из картушей помещено изображение герба Российской империи. В коллекции имеется еще один похожий кинжал с гербом – оф 11699/1-2, но гравировка выполнена примитивно, текстов нет, а в украшении клинка использован орнамент, образованный парами завитков, размещенных друг над другом. Кинжал оф 12017, судя по записи в инвентарной книге Орджоникидзевского краевого музея краеведения, поступил из музея 83-го пехотного Самурского полка и принадлежал Таумару Аушеву из двора Исмаила в ингушском ауле Экажево. По долам клинка выгравирован орнамент в виде волнистой линии с листиками-завитками в каждом углублении «волны». Завершается рисунок уже известными «пиками». Этот орнамент характерен для атагинских клинков (2, с. 110). Аналогично украшено еще 6 кинжалов, один из них – оф 11748 – датирован 1883 годом.

Если считать специфическим признаком чеченских кинжалов наличие в верхней трети клинка рисунка, выполненного контурной гравировкой, часто

очень неумелого, то к этой территории можно отнести еще 5 оригинальных кинжалов, среди них оф 11756, подписанный именем Салех, 1904 года.

Пять предметов коллекции однозначно относятся к изделиям мастеров из Дагестана. Крупный кинжал, отделанный серебром (оф 27556/1-2), имеет на клинке клеймо мастера «Азир Хаджи» с датой «1310» (1892 г.), а на серебряном устье ножен арабографичную и русскую надписи: «Делал Рамазан Кубачи» с датой «1318» (1900 г.) и «мастирь// рамазанъ и ибрагимъ// Кубачинци». Этот образец декоративного оружия изготовлен мастерами-даргинцами. Значительной величины (длина 69 см) кинжал украшен традиционной кубачинской гравировкой по серебру и чернением. Кинжалы с клеймами лакцев-отходников Османа Омарова и Исмаила (оф 11617, оф 11671) произведены в их мастерских во Владикавказе в начале XX века (1, с. 95). Декоративные кинжалы оф 27559/1-2 и 27560/1-2 – продукция советского Дагестана. Причем последний украшен в нетрадиционной технике – орнамент серебряного футляра выполнен цветными эмалями.

Помимо клинка «Азир Хаджи», еще 79 кинжалов имеют гравированные арабографичные клейма по ребру или вдоль смещенного от центра дола. Такая маркировка была характерна для мастеров из Дагестана (1, с. 94). На 46-ти клинках клейма включают дату с 1870 (оф 11621/1-2) по 1905 (оф 11738) год.

Ряд предметов коллекции, территориальное происхождение которых неизвестно, орнаментированы в дагестанских традициях. Кубачинский орнамент в технике золотой насечки по железу нанесен на шляпки заклепок и обоймицу ножен кинжала оф 11682/1-2. Влияние кубачинцев и лакцев обнаруживается на накладках кинжалов оф 11646/1-2, оф 11653, оф 11803/1-2. Сплошные серебряные футляры кинжалов оф 14337/1-2 и оф 15353/1-2 украшены глубокой гравировкой по серебру, позолотой и черненым орнаментом в традициях кубачинских мастеров начала XX в. Кинжал оф 27558/1-2 орнаментирован в лакских традициях глубокой двухслойной гравировкой и чернением. Два последних предмета являются двухсторонними, их можно носить налицо по-разному. Обе половины серебряного футляра богато орнаментированы, рукоять имеет фигурные шляпки заклепок с обеих сторон, а единственная ассиметричная деталь – обоймица с кольцом – сделана съемной и может быть зафиксирована на устье ножен в двух положениях. При этом орнамент обеих сторон не повторяется: одинаковый по рисунку, по технике исполнения, он выглядит справа и слева как позитив и негатив.

На клинке кинжала оф 11629 выгравирована арабографичная надпись в фигурном картуше, сходная с клеймом «Базалай». По-видимому, это одна из многочисленных подделок под работы известных мастеров Базалаевых из дагестанского селения Верхнее Казанище (1, с. 106-107).

Инвентаризация пока не дала ответов на все вопросы. Новые сведения может дать прочтение арабографических надписей, прежде всего, имен мастеров. Поэтому изучение музейной коллекции еще не окончено.

Использованная литература и источники

1. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – М: Хоббикнига, 1994.
2. Асхабов И. Чеченское оружие. Альбом. – М.: Клуб «Кавказ», 2001.
3. Ставропольский Губернский Музей «Северного Кавказа». Военный отдел (Каталог) // Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 7. Под ред. Прозрителева Г.Н. – Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1915.
4. Интернет-ресурс: сайт А. Карабакцяна «AK Artur Knives» <http://forum.artknife.am/viewtopic.php?f=55&t=20>.

Еремеева Н. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заместитель директора по работе с филиалами;

Макодзеба А. П.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заместитель директора
по экспозиционно-выставочной работе,
заслуженный работник культуры РФ

**«НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ...»
(МАТЕРИАЛЫ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА В СОБРАНИИ
СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

В 2012 году исполняется 200 лет с того времени, когда в 1812 году разгромленная армия «двунадесяти языков» во главе с французским императором Наполеоном была изгнана за пределы России. В юбилейный год авторы статьи объединили усилия для выявления в музейном собрании Ставропольского государственного музея-заповедника изобразительных, вещевых и письменных материалов, отражающих тематику Отечественной войны 1812 года. Артефакты, выявленные в фондах музея по обозначенной тематике, составили два обособленных блока. В первый из них можно включить предметы эпохи Отечественной войны 1812 года, а во второй – памятные материалы о войне 1812 года, появившиеся в последующие исторические периоды. Источники поступления разнообразны, основные из них: Ставропольский губернский музей Северного Кавказа, Ставропольский городской музей учебных наглядных пособий, Музей 83-го Самурского пехотного полка, архив Г. Н. Прозрителева.

К особо ценным подлинным документам относятся хранящиеся в документальном фонде музея Указы, обращения, рескрипты императора Александра I периода 1812–1815 гг. (СГМЗ, ф.8), присланные в находившуюся далеко от театра военных действий Кавказскую область, в границы которой входила территория современного Ставропольского края. Это Указ о создании добровольных дружин для защиты Отечества (6 июля 1812 г.), благодарность российскому народу за борьбу с врагом (4 ноября 1812г.), Указ о победоносном вступлении русских войск в Париж (3 августа 1814 г.), рескрипт об установлении мира и порядка в Европе (29 мая 1815 г.).

В коллекции карт, планов, схем и чертежей (СГМЗ, ф.480) несомненно уникальным является выполненный в 1810 году акварелью и тушью проект, озаглавленный автором как «Планы, фасады и профили, предполагаемые к выстройке в Ставропольской крепости каменным зданиям для жительства лейб-эскадрона Таганрогского драгунского полка» (о.ф. 28469). Казармы были возведены, прослужили более века и были разрушены (как исторический памятник на Крепостной горе сохранена лишь стена с бойницами одной из казарм). Таганрогский драгунский полк в период 1812 года входил в состав 24-й кавалерийской бригады 8-й кавалерийской дивизии, которая в свою очередь вошла в 3-ю Обсервационную армию генерала от кавалерии Торماسова. (Сб. материалов «Эпоха 1812 г.». М., 2002. Труды ГИМ., выпуск 132. С.127). Шефом полка в тот период был генерал-лейтенант П. К. Мусин-Пушкин, командиром – полковник П. В. Куроедов. (Там же, С.129). 17 декабря 1812 г. Таганрогский драгунский полк был переформирован в уланский. (Там же, С.140).

В коллекции оружия музея хранятся некоторые образцы русского и западноевропейского стрелкового и холодного оружия конца XVIII – начала XIX в. Потребности русских войск в оружии в полной мере удовлетворяли Тульский, Сестрорецкий и Ижевский заводы. В музейной коллекции русского огнестрельного оружия представлена военная продукция Сестрорецкого оружейного завода: пехотное гладкоствольное кремневое ружье (калибр 18мм) начала XIX в. (о.ф.12010) и пистолет кавалерийский кремневый образца 1804 г. (о.ф. 12864). Эти коллекционные предметы можно назвать редкими, если учесть, что Сестрорецкий завод производил в год 3 000 ружей, в отличие от Тульского завода, выпускавшего 45 000 ружей. В коллекции музея есть оружие, выпущенное в Западной Европе в конце XVIII в.: пистолет кремневый (о.ф.11855) и ружье типа «тромбон» (о.ф.12079), которое могло быть на вооружении в армии неприятеля.

Холодное оружие в период Отечественной войны 1812 года продолжало быть значимым. Строевым оружием офицеров и генералов русской пехоты была шпага (в коллекции музея – шпага пехотная офицерская образца 1797 г., оставалась на вооружении до 1826 г. – о.ф. 12037/1-2). В русской коннице на вооружении была легкая кавалерийская сабля (в коллекции музея – образца 1798 г. – о.ф. 11787), драгунский солдатский палаш (в коллекции музея – образца 1806 г., на вооружении до 1817 г. – о.ф. 11784/1-2). Саперные части вооружались тесаками с пилой на обухе (в коллекции музея – образца 1797 г., на вооружении до 1827 г. – о.ф.11782).

В число редких экземпляров нумизматической коллекции музея входят денежные знаки, имевшие хождение в России в период Отечественной войны

1812 года: ассигнация достоинством 25 рублей (выпуск 1807 года), два серебряных рубля и девять медных двухкопеечных монет 1812 года выпуска.

В коллекции наград хранятся безымянные медали «В память Отечественной войны 1812 года» (о.ф. 293, 976, 980, 981, 1001, 13712), учрежденные 5 февраля 1813 г. императором Александром I для награждения всех участников боевых действий 1812 года – от фельдмаршала до солдата, ополченцев, священников, медицинских чинов. Манифестом от 30 августа 1814 года были учреждены бронзовые медали в память Отечественной войны 1812 года для дворян в ознаменование их заслуг перед Отечеством. На лицевой стороне медали изображалось всевидящее око, на оборотной стороне надпись «Не нам, не нам, а имени твоему». Эти медали носили на ленте ордена Владимира в петлице, их можно было передать по наследству потомкам. Бронзовые медали, но на ленте ордена Св. Анны, полагались представителям купечества за принесенные пожертвования в 1812 году. Меньшие по размеру бронзовые медали (не 29 мм, а 24 мм) разрешалось носить женщинам, которые были старейшими в дворянском роде. Медали диаметром 14 мм и даже меньше назывались «фрачными» (о.ф. 940, 942, 943). Участникам Заграничного похода, вошедшим в столицу Франции, вручались серебряные медали «За взятие Парижа в 1814 году» (о.ф. 463, 977). Выдача их началась лишь 19 марта 1826 года и затянулась до 1 мая 1832 года. Личную принадлежность наград из коллекции музея установить, к сожалению, не удалось.

Достаточно объемно в музейном собрании представлена тема празднования юбилеев победы Отечественной войны 1812 года. В научной библиотеке музея хранятся печатные издания научных работ одного из основателей музея – Григория Николаевича Прозрителева. Среди них и те, что были написаны им в ходе подготовки к 100-летию победы в Отечественной войне 1812 года. Итогом кропотливых архивных изысканий Г. Н. Прозрителева стала работа «Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий и Астраханский полки в Отечественной войне 1812 года», которая была напечатана в третьем выпуске «Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии» в Ставрополе в 1912 году. Исследование скал близ села Ореховка и изучение местных архивов помогли Г. Н. Прозрителеву приоткрыть тайну наскальных надписей на польском языке в глубинке Ставропольской губернии, в результате его научная работа «О военно-пленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года» была опубликована в Санкт-Петербурге в 1914 г. (*Оригиналы опубликованных в этой брошюре фотографий надписей на скалах хранятся в СГМЗ, ф. 2*).

Одним из самых ранних архитектурных памятников в Ставрополе, возведенных во славу победы в войне против Наполеона, к 30-летнему

юбилею, в 1841 г., стала Триумфальная арка (так называемые Тифлиские ворота). Изображение Триумфальной арки, ставшей символом нашего города, встречается на многих открытках и фотографиях с видами Ставрополя конца XVIII – начала XIX в., хранящихся в фондах музея (ф.39).

В фонде № 51 хранятся два юбилейных альбома «За веру, царя и Отечество», изданные к 100-летию Отечественной войны 1812 года (о.ф. 14421, 25533). Альбом состоит из собрания художественных репродукций картин и портретов. Среди них картины, выполненные в XIX веке русскими художниками В. В. Верещагиным, А. Д. Кившенко, И. М. Прянишниковым, Н. С. Матвеевым, немецким художником П. Гессом. Портреты героев Отечественной войны были написаны для Военной галереи Зимнего дворца в Петербурге английским художником Дж. Доу. Репродукции для этого альбома были выполнены известным художественным изданием И.С. Лапина и К^о в Париже, все тексты и карты подготовлены заслуженным профессором Императорской Николаевской военной академии Ф. А. Макшеевым.

Интересна подборка хранящихся в фондах музея (ф. 51) открыток «Ермоловского юбилейного издания В.Р. Апухтина», изданного к 100-летию юбилею. Исследователь местных архивов, публикатор многочисленных сборников документов по истории ополчения 1812 года, автор работы «Орловское дворянство в Отечественную войну» (1913 г.) Владислав Ростиславович Апухтин был земляком знаменитого генерала и орловского помещика Алексея Петровича Ермолова.

В дни празднования 100-летия победы в Отечественной войне 1812 г. выходили в свет издания, авторы которых пропагандировали военно-исторические знания о войне 1812 года среди населения, для сохранения памяти о войне в народе. К их числу относятся и хранящиеся в музейной библиотеке книги: историческое описание «Война русского народа с Наполеоном»; сборник воспоминаний, рассказов и стихов «1812 год», подготовленный «Обществом ревнителей военных знаний»; научно-популярное издание товарищества И. Д. Сытина «1812 год на Руси» (автор – заслуженный профессор, действительный член Императорского военно-исторического общества Н. П. Михневич).

Краткое описание Отечественной войны 1812 года содержится в рекламной афише ставропольского театра «Модерн» (фонд № 72), где в дни празднования 100-летнего юбилея победы в войне с большим успехом демонстрировался художественный «немой» фильм «1812–1912».

12 августа 1912 года император Николай II учредил юбилейную медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года». Награда вручалась всем военным чинам, находившимся 26 августа 1912 г. на службе в частях, которые

принимали участие в Отечественной войне, участникам парадов на Бородинском поле и под Москвой в 1912 г., а также и прямым потомкам по мужской линии адмиралов, генералов, офицеров и священнослужителей, участвовавших в войне 1812 года. Такой медалью был награжден предводитель Ставропольского дворянства генерал-майор Павел Александрович Мачканин, дед которого, Петр Павлович, принимал участие в Отечественной войне 1812 года. Об этом свидетельствует копия документа с автографом П. А. Мачканина. (*СГМЗ, ф.8, ед.хр.8, л.28*).

В дни всенародного празднования в актовом зале Ставропольской мужской гимназии 26 августа 1912 г. прошло торжественное вечернее собрание, на котором преподавателем В. Н. Росляковым была прочитана речь «В память Отечественной войны». Школьная тетрадь с текстом этой речи хранится в ф. 51.

Тема Отечественной войны 1812 года нашла свое отражение в учебных наглядных пособиях Ставропольского городского музея, основанного Г. К. Праве. Сохранились настенные пособия для занятий на уроках истории: «К 100-летию Отечественной войны 1812–1912 гг.» – портреты русских полководцев (*о.ф. 31514*), «Император Александр I Благословенный» (*о.ф. 31515*), «Бородино» (*о.ф. 31516*), «Атака донцов» (*о.ф. 31517*), «Выступление Наполеона из Москвы» (*о.ф. 31518*), а также тематические пособия – художественные репродукции картин: «Наполеон и его двор», «Сдача Парижа союзникам 31 марта 1814 г.», «Война за освобождение крестьян», «Взятие обоза маршала Даву лейб-гвардии Его величества уланским полком под Красным 5 ноября 1812 г.» и др.

К учебным наглядным пособиям относится и коллекция стеклянных диапозитивов («световых картин для «Волшебного фонаря») по теме «Отечественная война 1812 года» из Ставропольского городского музея Г. К. Праве (*о.ф. 33845-33856, 33859/1-19, 33860/1-10, 33861/1-18, 34103/136, 149-151, 154-156, 159-173, 177-180, 200-204*).

В память о войне 1812 года в России было произведено огромное количество сувениров, причем не только с изображениями русских полководцев, но и с изображением французского императора. Примером этого могут служить бытовые шерстяные ворсовые ковры машинной работы, изготовленные к 100-летию празднования победы России в Отечественной войне. В музее хранятся два ковра из этой серии. Один из них воспроизводит картину художника А. Кившенко «Военный совет в Филях» (*о.ф. 16006*), где изображены 11 российских генералов, решающих с фельдмаршалом М.И. Кутузовым стратегически важный вопрос о сдаче Москвы в пользу сохранения армии. Ковер «Бегство Наполеона из России» (*о.ф. 26307/23*) выполнен с

картины художника Я. Хмельницкого. Картина изображает Наполеона, едущего зимой в санях вместе с французским послом в России Коленкурром, в день пересечения русской границы.

В год столетия Бородинской битвы в России проснулся небывалый интерес к Наполеону. На сувенирном головном платке (*о.ф. 15231*) – сцена выступления французской армии во главе с Наполеоном из горящей Москвы.

Портрет Наполеона (копия с работы французского исторического живописца Поля Делароша), эпизод Бородинского сражения и трагические сюжеты об отступлении французской армии украшают коробку для конфет с надписью «В память 100-летнего юбилея Отечественной войны» (*о.ф. 25658*). Таких коробок для печенья и конфет в 1912 г. было выпущено несколько сотен экземпляров.

Большую коллекционную ценность имеет фарфоровый стакан (стопка) «В память Бородино. 1812–1912» (*о.ф. 23499*), изготовленный на фарфоровом заводе братьев Корниловых в Санкт-Петербурге. На стопке надпись «Измайловцы» и портретные изображения Александра I и Николая II.

В коллекции художественной и памятной медали музея имеются памятные жетоны с изображением геральдического двуглавого орла и барельефом императора Александра I, выпущенные к 100-летию юбилею празднования победы в Отечественной войне 1812 года (*о.ф. 884,1075,13777*). В коллекции художественной медали – ранняя копия памятной настольной медали (автор Ф.Толстой, 1836 г.), с изображением императора-победителя Александра I в шлеме в образе князя Радомысла (*о.ф. 26371*) и памятная медаль с изображением Кремля и собора Василия Блаженного на Красной площади в Москве (*о.ф. 13712*), выпущенная к 100-летию юбилею. В 1962 г. в Советском Союзе в рамках празднования 150-летия Бородинского сражения была выпущена серия памятных настольных медалей. В музейной коллекции хранятся две медали из этой серии автора М. Шмакова (*о.ф. 14146,14230/8*).

В коллекции редкой книги особое место занимают вышедшие из печати в годы Великой Отечественной войны научные труды известного советского историка Е. Тарле «Отечественная война 1812 года» (*о.ф. 36765*) и «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» (*СГМЗ ф.441, ед.хр. 151*). Эти издания несли в себе мощный патриотический заряд, вселяя уверенность в полной победе над врагом. По воспоминаниям ветеранов войны, передавших книги на постоянное хранение в музей, бойцы на фронте буквально зачитывали их «до дыр». В документальном фонде музея хранятся книги с авторскими дарственными надписями ученого-историка Н. А. Троицкого: «1812 великий год России», издание 1988 г. (*о.ф. 29454/107*) и «Отечественная война 1812 года» 1991 г. издания (*о.ф. 29454/115*).

В коллекцию грампластинок вошел набор «К 175-летию Отечественной войны 1812 года» фирмы «Мелодия» с записями военных песен и маршей (о.ф. 35164/152-156).

Подготовка к празднованию нынешнего юбилея началась с 28 декабря 2007 г., когда Президентом Российской Федерации был подписан указ «О праздновании 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года». Ставропольским государственным музеем-заповедником при участии 11 музеев края была подготовлена масштабная выставка «Герои Отечественной войны – герои Кавказа» (21 сентября – 16 ноября 2012 г.), на базе которой с большим успехом проводились экскурсии, лекции, исторические игры, викторины и другие мероприятия патриотической направленности.

Костюков Ю. В.,
г. Краснодар,
Краснодарский краевой художественный музей
имени Ф. А. Коваленко,
научный сотрудник

**ПРЕДМЕТЫ ИЗ ПАРАДНЫХ ДВОРЦОВЫХ СЕРВИЗОВ ИМПЕРАТОРСКОГО
ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА В СОБРАНИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЕВОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Ф. А. КОВАЛЕНКО**

В фондах ККХМ хранится 6 предметов, относящихся к парадным дворцовым сервизам Императорского фарфорового завода. Все поступления приходятся на 1928 г., из Ленинградского Государственного Музейного Фонда. Эта коллекция систематизирована и изучена. Все экспонаты имеют научное описание и атрибуцию. Установлено время их создания, а также выявлена принадлежность разрозненных предметов к тем или иным сервизам. Результаты атрибуционной работы были использованы при составлении соответствующего раздела второго тома Генерального каталога (2).

Парадный дворцовый сервиз – это полный набор посуды разнообразного ассортимента, рассчитанный на определенное количество человек и характеризующийся большим количеством посудных форм, объединенных в единый ансамбль – орнаментикой, пропорциями и абрисом. Парадный фарфоровый сервиз – неперемный атрибут любого царского дворца. Он должен был соответствовать репрезентативности дворцового быта и стилистике парадных интерьеров. Сервиз обычно включал столовую и десертную части и предназначался для парадных банкетов по случаю праздников, свадеб членов царской семьи, приемов дипломатов.

Первый российский фарфоровый сервиз был изготовлен на Невской порцелиновой мануфактуре около 1756 г. (7; с.86). Он использовался для сервировки «собственного стола» императрицы Елизаветы Петровны на парадных обедах в Царскосельском дворце и известен как «Собственный Ея Величества» сервиз (4; с.18). В комплект входили тарелки, блюда, корзины и другие предметы, декорированные низким рельефом нитеобразной золоченой сетки, дополненной в местах пересечений пурпурными розетками – незабудками, уменьшающимися в размерах к центру. Барочные формы предметов этого сервиза отличаются пластичностью и лаконичностью. При этом даже мелкие предметы массивны, с корпусным черепком. Лепной и живописный декор сведен до минимума, и сохраняется белая поверхность фарфора.

В период классицизма предметами «Собственного сервиза» не пользовались, и только в конце 30-х г. XIX в., в связи с интересом со стороны Николая I к историческим стилям, они были извлечены из дворцовых кладовых и стали использоваться в Екатерининском дворце Царского села на банкетах (4; с.23).

В собрании ККХМ «Собственный сервиз» представлен блюдом (Пр-187). Поверхность блюда украшает характерный декор в виде рельефной сетки с незабудками, прописанными золотом и пурпуром по белому фону. Это позволяет идентифицировать его как предмет из «Собственного Ея Величества» сервиза. Однако качество черепка и глазури, наряду с рельефом, полученным способом отливки, указывает на более позднее время изготовления блюда. Это подтверждает и синяя подглазурная марка «Н I» 1840-х гг. на нем (5; с.141). Известно, что в 1838 г. обер – гофмаршал Двора князь Н. В. Долгорукий, проинспектировав в кладовых

Блюдо из «Собственного» сервиза. ИФЗ. 1840-е г.

Царскосельского дворца предметы «Собственного сервиза», распорядился дополнить его. На ИФЗ были изготовлены доделки к основному составу сервиза. В результате комплект был доведен до 60 персон и включал более 400 предметов (4; с.18). Поэтому представляется возможным определить время создания блюда серединой правления Николая I.

В XIX в. на ИФЗ создаются интересные ансамбли, в которых парадный сервиз дополняется декоративными вазами, выполненными в едином с сервизом колористическо-орнаментальном решении. Одним из них является изготовленный в 1824 г. на ИФЗ для Петергофского дворца парадный фарфоровый сервиз. Он имел столовую и десертную части, насчитывал 1500 предметов и был рассчитан на 100 персон (1; с.78). Представление о столовой части этого сервиза дает тарелка глубокая (Пр-189) из собрания ККХМ.

Название «Бабигонский» у сервиза появилось в 1857 – 1858 гг., когда он был передан из сервизной кладовой Петергофского дворца в «Новый Павильон Бабигон» (1; с.78).

Этот ампирный ансамбль отличает сдержанная элегантность форм и декора. Предметы из столовой части сервиза декорированы серовато-сиреневым поясом с золоченым орнаментом из стилизованных листьев и

цветов, обрамленным двумя узкими малиновыми отводками. На предметах из десертной части – малиновые отводки отсутствуют, их заменили золоченые полосы.

Бабигонский сервиз не раз восполнялся. Первые дополнения были исполнены в 1838 г., когда от Придворной конторы последовало распоряжение изготовить «новый фарфоровый сервиз на сто персон по образцу прежнего» (4; с.108). Заказ был выполнен на ИФЗ, и сервиз был увеличен вдвое. Судя по синей подглазурной марке «Н I» 1840-х гг., тарелка из собрания ККХМ относится именно к этой партии предметов (5:140). Поэтому она датируется серединой правления Николая I.

Тарелка глубокая из Бабигонского сервиза. ИФЗ. 1840-е г.

В 1830-х гг. на ИФЗ появляются произведения в русско-византийском стиле по проектам художника Ф. Г. Солнцева. Он занимался изучением памятников древнерусского декоративно-прикладного искусства, делал зарисовки экспонатов Оружейной палаты Московского Кремля. Исполненные художником рисунки использовались для проекта Константиновского сервиза. Сервиз был заказан по случаю бракосочетания великого князя Константина Николаевича и изготовлен в 1848 г. на ИФЗ. Этот ансамбль был рассчитан на 48 персон и включал столовый сервиз с чайными и кофейными приборами, а также десертный сервиз (6; с.102). Сервиз предназначался для приемов в Мраморном дворце в Петербурге, в котором поселилась великокняжеская семья.

Посудные прототипы предметов Константиновского сервиза восходили к характерным формам древнерусских ювелирных изделий – чаш, ковшей, чарок, а их росписи – к мотивам орнаментации древнерусских эмалей. Столовая часть сервиза отличается от предметов десертной части более сложным декором. Роспись также более детализирована и включает плетеные орнаменты и гирлянды, обрамляющие монограмму «ВККН», и изображение двуглавого орла на золотом фоне. С этим комплектом в историю фарфора вошли русско-византийские орнаментальные мотивы.

Одним из ярких образцов парадной дворцовой сервизной посуды, находящихся в собрании ККХМ, является тарелка (Пр-188). По характерному решению борта – тарелка декорирована плетеным орнаментом и гирляндами, обрамляющими монограмму «ВККН» и изображение двуглавого орла на золотом фоне – ее можно однозначно определить как относящуюся к сервизу великого князя Константина Николаевича. Но синяя подглазурная марка «Н II», имеющаяся на ней, свидетельствует об изготовлении ее не во времена Николая I, а значительно позже. Действительно, во времена Николая II «Живописная мастерская» ИФЗ включала две части: отделение «вещей поднесения», где изготавливались оригинальные

Тарелка из сервиза великого князя Константина Николаевича.
ИФЗ. Конец XIX – начало XX в.

произведения для убранства интерьеров дворцов, и сервизное, которое исполняло заказы Гофмаршальской части для пополнения дворцовых сервизных кладовых. Восполнение сервизов конца XVIII – XIX вв., как отечественных, так и европейских заводов, продолжалось многие годы. Практика доделок позволяла использовать в дворцовом обиходе сервизы разных времен и стилей. Этим обстоятельством определяется появление марки «Н II» на предмете из Константиновского сервиза.

Во второй половине XIX в. на ИФЗ создаются несколько оригинальных и восполняемых по старым образцам сервизов. Многолетняя практика копирования произведений из императорских сервизных кладовых послужила основой для исполнения новых изделий в стилях прошедших эпох. В 1857 г. на заводе был изготовлен сервиз по случаю вступления в брак великого князя Михаила Николаевича. Комплект включал столовую и десертную части и находился в Ново-Михайловском дворце в Петербурге, построенном для великого князя Михаила Николаевича (4; с.167).

Ансамбль выполнен в характерном для севрского фарфора стиле рококо с бирюзовым крытьем. Формы его отличаются некоторой новизной и оригинальностью. Живописи присущи сдержанность и размеренность. Тарелки декорированы золотыми рокайльными орнаментами, чередующимися с

изображениями птиц и цветов в резервах, по бирюзовому фону. При этом прозрачная живопись миниатюр исполнена тонко и тщательно, а золоченые узоры сервиза великого князя Михаила Николаевича выделены легким рельефом и проработаны цирвкой.

В настоящее время под этим названием выступает обширная подборка сервизных предметов, хранящихся в различных музеях и отличающихся сходным декоративным решением борта тарелок. Ту их часть, что декорирована полихромными изображениями птиц и цветов в резервах в окружении бирюзового крытья, принято идентифицировать с сервизом великого князя Михаила Николаевича. На основании этих данных можно сделать вывод о принадлежности тарелок (Пр-191, Пр-192) из собрания ККХМ этому сервизу. На этих предметах

Тарелки из сервиза великого князя Михаила Николаевича. ИФЗ. 1857 – 1881 гг.

имеются зеленые подглазурные марки «А II» 1855 – 1881 гг. (5; с.143). Поэтому тарелки датируются временем правления Александра II.

Последним парадным сервизом, изготовленным на ИФЗ, был Пурпуровый, или Царскосельский – по названию дворца, для которого предназначался (3; с.29).

В 1903 г. Комитет Общества взаимного вспомоществования художников по поручению завода объявляет конкурс на проект парадного сервиза в «растреллиевском стиле». Окончательный проект сервиза был составлен в 1904 г. заведующим художественными мастерскими завода Э. Э. Кремером (3; с.29). Тогда же проект был одобрен, и Гофмаршальская часть заказала заводу изготовление сервиза. За исполнением сервиза лично следил министр двора П. К. Бенкендорф. Сервиз включал столовую и десертную части. В заказной ведомости числится 1690 предметов, в том числе тарелки пяти видов и чашки с блюдами (3; с.29). В 1905 г. сервиз был изготовлен.

На форму и декор предметов Пурпурового сервиза повлиял фарфор раннего Мейсена. Обращение к стилистике рококо соответствовало интерьерам Большого Царскосельского дворца, для которого сервиз создавался. Сервиз отличается ограниченный набор предметов, безупречных по белизне и

тонкостенности черепка. Предметы столовой части сервиза – тарелки, салатницы – декорированы монохромными пейзажами, написанными пурпуром и рокайльными золочеными орнаментами, проработанными рельефом, тонкими штрихами цировки и полировкой. На десертных тарелках пейзажи на бортах заменены ажурными прорезными арками, а пурпуровая живопись с изображениями амуров и гербов сосредоточена на среднике тарелок. Благодаря мастерской проработке позолоты, сочетаемой с одноцветной росписью, декор сервиза сохранил легкость.

В делах ИФЗ есть полный реестр Пурпурового сервиза. В него среди прочих предметов входили тарелки мелкие. Тарелки из Пурпурового сервиза известны во многих музейных собраниях. Подобный экспонат – тарелка (Пр-193) – представлен и в фондах ККХМ. Они исполнены из белой фарфоровой массы и имеют сходное декоративное решение – борта покрыты золочеными орнаментами, перемежающимися с пейзажами, написанными пурпурной краской; поверхность позолоты оставлена матовой, орнаменты выделены тончайшим рельефным контуром и блестящими штрихами цировки. По зеленой подглазурной марке «Н II», тарелка датируется 1905 г. (5; с.145). Анализ материала, художественное решение и марка на экспонате из ККХМ позволяют идентифицировать его как тарелку мелкую из Пурпурового сервиза.

Тарелка мелкая из Пурпурового сервиза. ИФЗ. 1905 г.

Таким образом, коллекция предметов из парадных дворцовых сервизов в собрании ККХМ позволяет представить характер деятельности, творческие поиски и технические возможности ИФЗ со второй половины XVIII в. до начала XX в.

Использованная литература и источники

1. Декоративные фарфоровые вазы и дворцовые парадные сервизы первой трети XIX в. из собрания Государственного Русского музея. Каталог выставки. Л., 1989.
2. Искусство России XVI – XIX веков: каталог / Краснодарский краевой художественный музей имени Ф.А. Коваленко. Краснодар, 2008.
3. Сообщения Государственного Эрмитажа. XLVII. Л., 1982.
4. Кудрявцева Т.В. Русский Императорский фарфор. СПб., 2003.
5. Марки российского фарфора и фаянса. 1750 – 1960. М., 2003.
6. Русский фарфор. 250 лет истории. М., 1995.

7. Сиповская Н. Фарфор в России XVIII века. М., 2008.

Лапшова Н. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
завсектором документального фонда

**ПЕРВЫЕ СУББОТНИКИ В Г. ПЯТИГОРСКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

В основном фонде (далее – о.ф.) музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве хранятся уникальные фотографии субботников в г. Пятигорске в 1920, 1922 годах. На фотографиях сзади стоит штамп Пятигорского музея революции. Как эти фотографии попали в наш музей, неизвестно. Авторы фотографий тоже неизвестны. Фотографии черно-белые, пожелтевшие от времени.

В 1919 году был издан декрет об охране природы курортных зон, парков и садов на КВМ. В апреле 1920 года в газетах Ставрополя, на митингах, собраниях агитаторы и пропагандисты призывали людей на борьбу с хозяйственной разрухой. Восстановление курортов стало делом всего населения региона. В 1920 году, в сентябре–ноябре в г. Пятигорске все взрослое население города, близлежащих станиц и сел работало ежедневно бесплатно по 3–4 часа.

1 мая 1920 года было объявлено днем Всероссийского субботника. В г. Пятигорске на первомайский субботник вышло около 10 тысяч жителей города и сел. На четырех фотографиях запечатлен этот день.

Субботник начался ранним ненастным утром. У здания Совпрофа на Советском проспекте собрались жители Пятигорска, все ждут начало митинга, посвященного субботнику. В центре фотографии (о.ф. 38648/3) стоит мальчик, ему холодно – воротник поднят, руки спрятаны в рукава. Следующая фотография (о.ф. 5428) – митинг. Люди выстроены на булыжной мостовой, вдоль трамвайных путей. Над колонной растянуты транспаранты с лозунгами: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!!! Союз лазаретных служащих лечебных заведений», «Да здравствует Всероссийский субботник! Победивши врага на фронте, победим разруху в тылу!» – обязательные атрибуты субботника. Некоторые участники субботника держат в руках саженцы деревьев. Лица у всех сосредоточенные и серьезные, ни одной улыбки. В центре колонны стоит группа женщин в белых халатах. Мужчины в головных уборах – картузах,

папахах, форменных фуражках. Обувь, одежда по своей убогости соответствуют духу времени.

На следующей фотографии (о.ф. 38648/2) служащие лазаретных учреждений с транспарантами и лопатами за городом, на дороге к реке Юца. За ними возвышается гора Машук, с раскинутым у его подножия Пятигорском.

И завершает серию фотографий снимок (о.ф. 38648/1), на котором люди стоят на склоне по дороге к реке Юца. Развернуты те же транспаранты. Не понятно – они уже посадили саженцы или еще не приступали к работе?

В настоящее время, несмотря на протесты жителей г. Пятигорска – «Хватит пилить Машук», гора Машук замусорена, идет выработка камня, вырубаются насаждения и гибнут редкие растения.

В г. Пятигорске несколько парков, которые были заложены в начале 19 века. В годы Гражданской войны и разрухи множество деревьев и кустарников парков были порублены на дрова. На четырех фотографиях запечатлены моменты восстановления парков г. Пятигорска в 1921 году. На одной фотографии группа мужчин топорами вырубает заросли парка (о.ф. 38648/6). На двух других фотографиях (н.в.ф. 1706) мужчины бросают в горящий костер траву, сухие ветки и мусор. В каком парке они работают, неизвестно. На следующем снимке группа мужчин работает в Николаевском цветнике. На левом плане фотографии пальмы, удивительно, как они сохранились?

В субботниках участвовали и дети. В мае 1922 года в г. Пятигорске прошел субботник «День леса». Сохранились фотографии этого субботника.

На митинг, посвященный субботнику, собрались дети 10–13 лет. Развиваются знамена «Дорога юным» и транспаранты. У детей на одежде справа приколоты бантики – частица красного знамени.

Следующие снимки показывают, где трудились дети.

Колонна детей с флагами и рабочим инвентарем, кто с лопатой, кто с лейкой в Емануелевском парке (о.ф. 25080/5), вдалеке, на холме беседка «Эолова арфа». Хорошо видны простодушные и любопытные лица ребят. В левом нижнем углу фотографии стоит группка девочек в одинаковых светлых платьях, панамках и босиком. Наверное, это дети из интерната. Основная масса детей одета кто во что: одежда скромная, без всякого изыска.

На другой фотографии (о.ф. 25080/3) тот же парк: на первом плане лежат саженцы деревьев, вдали видна пожарная башня городской управы. Дети еще не приступили к посадке деревьев. В центре фотографии стоит девочка 6–7 лет, на ней белый фартучек.

На следующей фотографии дети озеленяют сквер напротив аптеки Размалевича на углу Советского проспекта и Нижегородской улицы. На

фотографии (о.ф. 25080/1) дети сажают хвойные растения – туи. Мальчики копают ямки под саженцы, а девочки придерживают саженцы.

Во дворе бывшей мужской гимназии ученики II ступени школы им. Лермонтова, т. е. старшеклассники, сажают деревья (о.ф. 25080/2).

Глядя на эти фотографии, видно, что сознание важности совершаемых дел объединяло народ и было выше лишений. Уровень жизни людей был невелик. Агитация – агитацией, но народ знал, что только совместными усилиями можно построить и добиться улучшения жизни. «Кто, если не мы» – девиз советских людей того времени. Сегодня можно с уверенностью сказать, что ликвидация разрухи, а затем восстановление и развитие экономики и культуры страны стали возможными благодаря самоотверженному труду советского народа.

Прошло 93 года со дня первого субботника. Субботники в СССР проводились регулярно до 1990-х годов. В современной России и других странах СНГ субботником называют любую работу по благоустройству территории, если она проводится не специализированными организациями или волонтерами.

Использованная литература и источники

1. Газета «Ставропольская правда» от 13 апреля 1969 года, статья У. Кузьменко.

Нафталиева О. М.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

НАСЛЕДИЕ Г. П. КУСКОВА

**(ПО МАТЕРИАЛАМ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

Григорий Павлович Кусков родился 10 января 1871 года в станице Новонижнестеблиевской Темрюкского отдела Кубанской области. До 1882 года учился в станичной школе. В 1889 году, окончив 7 классов Кубанского реального училища в городе Екатеринодаре, он поступает в Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров. В 1894 году заканчивает его с дипломом гражданского инженера и золотой медалью имени профессора Беспалова «За приложения строительной механики к строительному искусству» (1, с.197).

Приехав в Ставрополь, Г. П. Кусков уже 10 июня 1894 года поступает на службу в строительное отделение Ставропольского губернского правления на должность младшего архитектора. В 1896 году его назначают на должность губернского архитектора, а в 1904 году – губернского инженера. Он остается на этой должности 16 лет, до прихода в 1920 году новой власти (1, с.197).

В рабочие часы он выполняет служебные обязанности по работе в строительном отделении губернского правления, все остальное время Г. П. Кусков отдает творческой работе по проектированию. О его увлечении работой говорит большое количество самых разнообразных проектов, разработанных им в эти годы. Из автобиографии за 1923 год, копия которой хранится в фондах музея (мемориальное дело №1816): «Состоя на службе и совершая казенные работы, я в то же время занимался и частной практикой и в городе, и в губернии, и по своим проектам и под своим техническим надзором построил»:

В Ставрополе:

- Андреевская церковь (1897 года) – на месте ветхой церкви 1847 года строительства);
- Ташлянская (Евдокиевская) церковь;
- Домовая церковь в Александровской гимназии (ул. Советская, 1);
- Колокольни при Даниловской и Софийской церквях;
- Магометанская мечеть (ул. Морозова, 12);
- 3-этажное каменное здание общежития Духовной семинарии (ул.

Морозова, 17);

- Элеватор 1-й госмельницы (бывшая мельница А. Гулиева);
- Земледельческий приют на Нижнеподгорной улице – трехэтажное здание (ул. Победы № 20);
- несколько частных домов;
- постройка губернаторского дома (участие в качестве члена строительной комиссии);
- постройка психиатрической больницы (участие в качестве члена строительной комиссии);
- работал начальником по строительству Невинномысского шоссе.

В губернии:

- Трухменская ставка (с. Летняя ставка). Полный набор зданий и сооружений: больница, школа, рассадник племенного скота, образцовые конюшни, квартиры, водопровод, телефон, пруд и т. п.;
- Калмыцкая ставка (то же);
- Ачикулакская ставка (с. Ачикулак). То же;
- с. Медвежье. Казенные винные склады, арестный дом;
- с. Терновка (с. Труновское). Арестный дом;
- с. Благодарное (г. Благодарный). Больница с жилыми корпусами;
- с. Прасковья. Больница с жилыми корпусами;
- с. Казинское. Грунтовая дорога;
- восемь деревянных свайных мостов в низовьях р. Кумы;
- с. Петровское (г. Светлоград). Железный мост через р. Калаус;
- с. Винопольное (г. Ипатово). То же;
- пруды и плотины в инородческих местах;
- с. Прасковья. Винопольная и сельскохозяйственная школы;
- 40 каменных и деревянных храмов;
- 5 мечетей;
- 7 буддийских хурулов и т. п. (3).

К этому можно добавить не указанные архитектором работы:

- Генеральный план города Ставрополя – 1900 год; (3)
- Здание кинотеатра «Модерн» и магазин «Пассаж» братьев Меснянкиных по пр. К. Маркса в Ставрополе (надзор за строительством);
- с. Летняя ставка. Здание для сессий окружного суда и заседаний схода уполномоченных трухменского народа с мечетью при здании. Эскиз датирован 15.02.1912 г. (3);
- г. Ставрополь. Склады и другие подсобные помещения

железнодорожного вокзала, ориентировочно 1894 год;

– г. Ставрополь. Образцовая женская школа при Ставропольском епархиальном женском училище, 1901 год. Сейчас ВНИИОК;

– г. Ставрополь. Собственный жилой дом на улице Комсомольской;

– Мемориал погибшим в годы гражданской войны на Крепостной горе в городе Ставрополе. Авторство Г. К. Кускова предположительно, автор скульптурных барельефов Г. И. Лавров;

– с. Михайловское (г. Михайловск). Церковь в честь святителя Николая. Начало строительства в 1900 году (2, с.164);

– с. Александрия. Церковь Святого Дмитрия и Святого Николая чудотворцев (2, с.150–151);

– с. Арзгир. Спасо-Преображенский собор из белого камня ракушечника – 1901 год, собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы из красного камня – 1908 год (2, с.151);

– Селение Башанта. Храм в честь наследника российского престола, 1914–1920-е годы (2, с.152);

– с. Новомарьевское. Храм Великомученика Дмитрия Солунского (2, с.168–169);

– с. Дивное. Троицкая церковь (2, с.185).

С приходом новой власти в 1920 году и до февраля 1923 года Г. П. Кусков побывал на многих должностях в губернских административных органах управления. Опытный архитектор работал заведующим материально-хозяйственным отделом, техноруком на постройке канализации, комендантом муниципализированных зданий, преподавал на курсах десятников. Возможно, причиной такой не востребоваемости Г. П. Кускова как архитектора было его отношение к политике. Архитектор писал так: «Масса непосредственного строительного дела и по службе не оставляли у меня свободного времени для политической работы, и ни в какой партии я членом никогда не состоял, и никакой партии не принадлежу и не принадлежал. По тем же причинам я не мог принимать участия и в общественной жизни и от предложения участия в таковой постоянно отказывался... всю свою жизнь, проработавши в области административно-инспекторской и технической деятельности губернского инженера, имея проектный практический стаж, никогда не забывая технических наук, я и ныне имею настойчивое желание работать в этом же направлении и именно в Ставропольской губернии, мне превосходно знакомой... » (3).

В 1923 году Г. П. Кускова назначают на должность губернского архитектора. В соответствии с положением об управлениях губернских инженеров, принятым Президиумом Всесоюзного Центрального

исполнительного комитета от 15 февраля 1923 года губернский архитектор стал именоваться губернским инженером. С изменением должности основные обязанности Григория Павловича стали больше административными, чем творческими. Г. П. Кускову приходилось осуществлять только общий технический контроль над соблюдением общегосударственных строительных норм и местных постановлений по строительной части. Он готовил заключения по проектам типовых и значительных сооружений общественного назначения, принимал новые и переустраиваемые сооружения общественного назначения. Для рассмотрения вопросов строительства в Ставрополе и губернии в начале 1923 года было создано техническое совещание, председателем которого был избран губернский инженер Г. П. Кусков. На заседания этого органа приглашались работники отделов коммунального хозяйства, здравоохранения, земледелия, труда и отдела профсоюза строительных рабочих, пожарной охраны, бюро охраны памятников искусства и старины и других.

Непосредственно Кусковым за 1927–1930 гг. были рассмотрены и сделаны технические заключения к проектам на строительство: маслодельного завода в селе Медвежье, школ на хуторах Воровском, Нижнем и Верхнем Калаусе, здание клуба в селе Большая Джалга, строительство трассы нефтепровода «Грозный – Туапсе» и многие другие. В фондах Государственного архива Ставропольского края хранится красочный эскиз Успенской церкви с. Тищенского с проектом по переустройству четырехэтажной деревянной колокольни на двухэтажную, выполненным Г. П. Кусковым (4).

В апреле 1930 года, несмотря на более чем 35-летний стаж работы, Г. П. Кусков был переведен на должность заместителя начальника Управления строительного контроля. Одной из причин послужили территориальные изменения того времени – упразднение Ставропольского и Терского округов с переносом центра в Ростов-на-Дону. С этого времени начинается активная переписка Г. П. Кускова с Крайкомхозом. Из документа: «Учитывая, что Ставропольский район и г. Ставрополь не производит крупного строительства вследствие чего инж. Кусков не может быть использован на работе соответствующей его квалификации, – Крайкоммунуправление считает совершенно необходимым дать... указания Ставропольскому РИКу об освобождении инж. Кускова от работы в Ставрополе и переводе его в Ростов-на-Дону в Крайкомхоз, где он будет использован для руководящей работы по строительству... Задержка в переводе инж. Кускова и волокита, проявляемая в этом вопросе местными организациями, вредно отражаются на работах». В ответном письме Крайкомхозу архитектор писал: «Ваше предложение занять должность Инспектора Экспертного Совета в Крайкомхозе... с удовольствием

принимаю» (3). Из личной же переписки Г. П. Кускова с инженером М. Монченко из Крайкомхоза следует: «Вы нам нужны чрезвычайно – я задыхаюсь от работы, так как все лежит на мне. Если бы Вы приехали, мы великолепно наладили бы работу» (3). Сохранилась телеграмма, где архитектора немедленно вызывают в Ростов-на-Дону. Однако все попытки на переезд так и не увенчались успехом. Г. П. Кусков продолжал работать в Ставрополе.

В фондах сохранился акт приема здания в эксплуатацию от 3 июля 1934 года по улице Таманской № 14, соглашение на строительство школы в ауле Кучерли Туркменского района, так же за 1934 год. Все документы за подписью Г. П. Кускова. Рабочий блокнот, начатый архитектором 16 июня 1932 года заканчивается записью от 10 марта 1935 год – заявлением об уходе его на больничный лист по состоянию здоровья (3).

Григорий Павлович Кусков умер 9 июля 1937 года в возрасте 66 лет за рабочим столом. К сожалению, о последнем периоде его жизни сведений крайне мало, эта тема еще ждет своего исследователя. Могила архитектора затерялась на Успенском кладбище. Богомольные старушки, ухаживающие за брошенными захоронениями, забелили на скромном надгробье надпись. Долгие поиски сотрудников музея все же увенчались успехом. Могила была найдена, надпись расчищена, установлена новая надгробная плита. Ставрополь стал судьбой Г. П. Кускова – единственным местом всей его последующей работы и жизни, до последнего часа.

В фонды Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе документы и предметы, принадлежащие при жизни Г. П. Кускову и его семье, поступали в разное время и из разных источников. В частности, бланк общества страхования жизни от 8 марта 1907 года на имя Лидии Алексеевны Кусковой – супруги архитектора (о. ф. 19843) был передан в музей в ходе сборов в 1978 году сотрудником музея – В. Г. Остапенко. Паспорт Лидии Алексеевны от 1898 года, где она записана как жена губернского архитектора города Ставрополя (о. ф. 25650/1), был выявлен в ходе очередной сверки фондов и зарегистрирован сотрудниками музея в 1987 году. Основные же поступления были сделаны только в 2008 году, на чем следует остановиться более подробно.

Дело в том, что дом по ул. Комсомольской 123, в котором проживала семья архитектора, был национализирован советской властью. Супруга и четыре дочери архитектора переехали в две полутемные комнатки во флигеле (деревянное строение по соседству с бывшим родным очагом). Все попытки семьи вернуть домовладение в свою собственность так и не увенчались успехом (3).

В 1981 году музей в официальной справке на имя заместителя председателя Ставропольского горисполкома тов. К. А. Пшеничниковой поднял вопрос о включении дома архитектора и флигеля в состав охраняемых государством зданий. Также предлагалось приобрести для музейных целей старинную обстановку: вещи из бывшего кабинета и других комнат Г. П. Кускова, перечень которых имелся в музее (3). Все предпринимаемые попытки потерпели неудачу.

Только в 2008 году, после того как родственниками архитектора был продан флигель, сотрудники музея получили разрешение от внучки архитектора, Башинджагян Нателлы Захаровны, проживающей на тот момент в Москве, на сбор оставшихся немногочисленных материалов.

Дарительницей были переданы: буфет (о. ф. 36760), ящик навесной с зеркалом (о. ф. 36761), столик туалетный (о. ф. 36762). Со слов Нателлы Захаровны, вся перечисленная мебель была заказана для супруги Г. П. Кускова ее отцом в качестве приданого.

Согласно семейному преданию, в столешнице буфета находились засахаренные фрукты и сладости. Верхняя часть его применялась для хранения посуды, так как вставки в дверцах были стеклянными с пропущенной сквозь них ажурной проволокой. Со временем утраченные стекла заменили фанерными березовыми филенками фабричного производства, после чего буфет целиком стал использоваться в качестве книжного шкафа (находится на реставрации, в разобранном виде). Навесной ящик с зеркалом служил для хранения лекарств и косметики. Столик туалетный с выдвижной секцией использовался для хранения шахматных фигур и домино (3).

В музей также были переданы книги по строительству, с которыми работал Г. П. Кусков. Одна из книг под названием «Мосты» написана самим архитектором, в соавторстве с Г. Соловьевым.

В 2011 году в картинной галерее заслуженного художника России П. М. Гречишкина, построенной по проекту Г. П. Кускова, была развернута небольшая выставка и проведены ряд мероприятий, посвященных 130-летию со дня рождения архитектора.

Использованная литература и источники

1. Энциклопедический словарь Ставропольского края. Под ред. В. А. Шаповалова. – Ставрополь: СГУ, 2006.
2. Беликов Г. А., Синельников М. Б. Соборы златоглавые. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2006.
3. СГМЗ, м. ф. 1816.
4. Кривнева М. Горошинская И. Страницы жизни архитектора. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vechorka>.
5. Громова Е. Застывшая музыка ставропольского зодчего. [Электронный ресурс]. Режим

доступа: <http://www.guberniya.ru>.

Семерчёва В.А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

КОЛЛЕКЦИЯ РУБЕЛЕЙ В СОБРАНИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Материальная культура крестьян-переселенцев на Северном Кавказе мало чем отличалась от материальной культуры крестьян тех губерний, из которых происходило заселение. Крестьяне в силу своих возможностей старались построить такие же дома, сшить такую же одежду, изготовить такие же орудия труда, какие были распространены в местах их прежнего проживания (6, с. 60). Со временем в результате тесных хозяйственных, торговых и культурных связей сложился единый комплекс материальной культуры у крестьянского населения Ставрополя.

Значительную группу материальных памятников крестьянского быта и хозяйства Ставропольской губернии составляет домашняя утварь, которую условно можно разделить на следующие группы: утварь и посуда для воды; предметы, связанные с топкой печи; посуда и утварь для выпечки и хранения хлеба; утварь для стирки белья и т. д.

Все эти необходимые для ведения домашнего хозяйства предметы в большем или меньшем количестве имелись в каждой семье и находились в полном распоряжении женщин. Домашние работы, которые рассматривались как дополнение к основным занятиям – хлебопашеству и скотоводству, полностью ложились на плечи женщин. В их обязанности вверялись уход за скотом, обработка огорода, уборка, готовка пищи, в том числе выполнение всех домашних работ по изготовлению, ремонту и уходу за одеждой, в том числе и стирка.

Стирка белья являлась обязанностью невесток, которые стирали каждая для своего мужа и детей, и по очереди – для родителей мужа.

Стирали ставропольские крестьяне белье, как правило, один раз в неделю, по субботам (6, с.132). В бедных семьях крестьяне имели по две смены одежды, а дети часто и по одной. В таких случаях, когда стирали белье, дети сидели раздетыми на печи и ждали, когда оно высохнет. Стирали белье во дворе в корытах, кадушках, лоханях, реже на речке, если она имелась в селе и была недалеко от двора (6, с. 98–99). Стирка в селах производилась с использованием собственного мыла из старого свиного сала с добавлением мыльной соды или щелока, который приготавливался из печной золы. Высохшее

белье прокатывали специальным орудием – *рубелем* – следующим образом: полотно наматывали на каталку (или каток) и, нажимая на нее рубелем, с силой прокатывали по столу. От этого полотно все туже наматывалось на каталку, в тоже время размягчаясь и проглаживаясь (2, с. 83).

Рубель представляет собой массивный деревянный брусок длиной 60–80 см, с короткой рукоятью на конце. Рабочая сторона рубеля (нижняя) нарезана поперечными параллельно расположенными зубцами. Верхняя сторона и боковые поверхности могли быть орнаментированы росписью или резьбой, можно было встретить изображение дома, змеи, ящерицы, ворона, совы и других птиц и животных, зачастую мастер вырезал год изготовления изделия или свое имя. Во многих хозяйствах имелись простые рубели, без какого-либо орнамента (1, с.103).

В собрании Ставропольского музея-заповедника есть небольшая коллекция рубелей конца XIX – начала XX вв., бытовавших на территории Ставропольской губернии. Большинство из этих предметов были либо собраны в ходе этнографических экспедиций, либо переданы в дар музею. 2 предмета были закуплены, будучи принесенными в музей жителями.

Первоначально небольшая коллекция в 1980-е гг. стала быстро пополняться новыми экспонатами, приобретенными в этнографических экспедициях. Но в 1990-е гг. рост поступлений резко сократился, что было обусловлено экономической ситуацией в стране, лишь в конце 1990-х гг., в 2000-е гг. вновь активизировалась работа по сбору предметов материальной культуры крестьян Ставропольской губернии, что связано прежде всего с возобновлением этнографических экспедиций.

В целом коллекция представлена простыми рубелями, на что указывает отсутствие каких-либо элементов декора самого предмета, предназначались они для повседневного пользования в домашнем быту. В представленной коллекции орнаментированные изделия весьма немногочисленны, можно сделать предположение, что традиция украшения деревянных изделий бытового назначения не получила на территории Ставропольской губернии широкого распространения, точнее, не успела сформироваться.

Однако из общей массы выделяется рубель (оф 21264), датируемый концом XIX века. Известно, что предмет поступил в собрание музея в начале 1980-х гг. из музея с. Пелагиада в ходе этнографической экспедиции. В музей с. Пелагиада предмет попал в результате сборов учащихся школы, проводимых под руководством преподавателя Вячеслава Каргалицкого.

Примечателен рубель следующим: в качестве декора выступает предмет в целом, форма сплавлена с декором, с сохранением функциональной и

эстетической целостности. Лицевая (нерабочая) сторона рубеля украшена геометрическим орнаментом.

Нередко различные бытовые предметы, например, шкафчики, сундуки, ларцы, вальки, рубели, украшались росписью или резьбой. Мастер помещал резьбу на нерабочую часть изделия – на конец ручки или на верхнюю чуть вогнутую поверхность. Орнаментировка выступала как одно из средств художественной обработки предмета, которое получило широкое применение и распространение. На этот факт еще указывал исследователь русского народного творчества В. С. Воронов в своей книге «Крестьянское искусство», вышедшей впервые в 1912 г. Рассматривая культуру деревни, он приводил следующие слова: «Узор играет доминирующую роль в эстетических влечениях и вкусах крестьянских мастеров... почти все бытовые предметы, составляющие реальное содержание крестьянского искусства, преизрядно украшали разного типа и вида узорочьем...» (3, с.150).

Орнамент составлен из трехгранных выемок на поверхности изделия (5, с.28). Техника трехгранно-выемчатой резьбы являлась одной из самых распространенных в прошлом. По всему периметру внешняя сторона рубеля обрамлена узором из квадратов с диагональным крестом внутри, в такую своеобразную рамку заключены круги-розетки в сочетании с ромбами, треугольниками, крестами. Все элементы рисунка расположены плотно. Подобный мотив повторяется в разнообразных композициях, и его можно встретить на рубелях других губерний. Исследователь материальной культуры казачества Н. А. Гангур отмечал, что мотив розетки, так же как и другие элементы деревянного декора (ромбы, треугольники, квадраты) не имеет своим источником какую-то определенную этнокультурную традицию. Геометрическая резьба является одним из самых устойчивых и консервативных направлений крестьянского искусства (4, с.106).

Солярная розетка с радиально расходящимися лучами-лепестками занимает одно из первых мест в геометрической орнаментации, являя собой не что иное, как «графически воплощенный древний символ солнца» (5, с.58) – источник тепла, света и радости на земле, являясь прямым отражением взаимосвязи, слитности жизни народа с жизнью природы. Стоит отметить и тот факт, что стремление украсить быт и труд определяет оптимистический настрой, который отражается в выборе положительных явлений для тем и сюжетов произведений народного искусства.

Еще на двух рубелях (оф 20771, оф 25317) имеются элементы простого, примитивного рисунка в виде прямых пересекающихся линий.

Рубель (оф 20771), датируемый XIX в., был подарен музею в начале 1980-х гг. Галиной Афанасьевой Карпинцовой, уроженкой с. Арзгир. С ее слов,

рубель был изготовлен из акации и принадлежал ее родителям, первым поселенцам с Украины. Родители были середняками, занимались в основном хлебопашеством.

Рубель (оф 25317), датируемый началом XX, был подарен Людмилой Александровной Алимовой-Ивановой, жительницей г. Ставрополя. С ее слов известно, что ее отец, Алимов (имя и отчество не указаны), приехав на Северный Кавказ, получил земельный надел близ г. Ставрополя, позже к нему перебрались и остальные члены семьи.

Что касается конструкции рубелей, которыми представлена коллекция, то форма встречается разнообразная, как правило, это довольно массивные деревянные продолговатые прямоугольные бруски, с расширяющейся к одному торцу, слегка изогнутой вдоль длинной оси формой.

Нередким является наличие на внешней (нерабочей) поверхности специального выступа, за который брались левой рукой во время глаженья белья. Выступ был расположен либо у самого края (оф 15339/3, оф 25420), либо в центре (оф 20771) или вдоль длинной оси, плавно переходя в рукоять рубеля (оф 25317).

Неотъемлемым элементом рубеля был специальный каток (каталка). В собрании музея имеется рубель с каталкой (оф 21559/1-2), датируемый началом XX в., переданный в дар Мушиаловой О. Н., жительницей г. Ставрополя. Каток (оф 21559/2) представляет собой деревянный брусок цилиндрической формы, на одном конце которого – небольшая точеная рукоять.

Несмотря на достаточно полную изученность материальной сферы культуры восточнославянских народов, как с предметной стороны, так и в соотношении с другими сферами традиционной культуры, тема не утрачивает своей актуальности. Сохраняется интерес к изучению вопросов, связанных с трудовой практикой того или иного народа, с материальными условиями жизни. Народное искусство тесно связано как с материальной культурой, с развитием эстетических наклонностей и представлений, так и с трудовой практикой человека.

Использованная литература и источники

1. Бежкович А.С., Жегалова С.К. Хозяйство и быт русских крестьян. М., 1959.
2. Беловинский Л.В. Изба и хоромы: из истории русской повседневности. М., 2002.
3. Воронов В.С. О крестьянском искусстве. Избранные труды. М., 1974.
4. Гангур Н.А. Материальная культура Кубанского казачества. В 2 т. Краснодар, 2009.
5. Народные художественные промыслы/ Под общ. ред. О.С. Поповой. М., 1984 .
6. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Минеральные Воды, 1994.

Хирьянова Н. Г.,
г. Изобильный,
краевед

**ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ И ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА
(НА МАТЕРИАЛАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ИЗОБИЛЬНЕНСКОГО РАЙОНА)**

*С предметов милой старины
Сметая пыль веков,
Мы в дух музейный влюблены,
Знать, жребий наш таков.
Н. Архипова*

Коллекции музея – это та мозаика, из которой складывается общая картина, портрет музея. Изучение музейных предметов стало складываться в отечественном музееведении в шестидесятые годы. Это одно из важнейших направлений научно-исследовательской деятельности музея. Нашему музею тридцать лет и три года. Создавался он на общественных началах и носил название «Музей боевой и трудовой славы». С годами менял свое место, расширялся, богател экспонатами. И теперь он не просто исторический, а по организационной структуре, по составу фондов, скорее комплексный. В музее десять разделов. Стараниями сотрудников сформировано тринадцать коллекций. Иногда даже один предмет дает толчок к дальнейшему собирательству. Приведу пример.

Вера и память.

Представительница Никольского храма в г. Изобильном Калашникова М. Е. принесла в дар музею ценнейшую икону – «Благовещение». На ней четкая надпись: «Киев. 1764». Выполненная на металле методом гальванопластики, икона изображает момент явления Архангела Гавриила деве Марии с благой вестью о том, что она станет матерью Бога. И через столетия сохранился на иконе неизреченный луч, освещающий Богородицу. Изображение обрамлено чеканным орнаментом и прикреплено к доске. Это была первая икона в музее. Друг музея Маслов Н. П. оформил маленькую икону «Умиление», какие во множестве бытовали в местных крестьянских семьях. Узнав о том, что мы стремимся возродить православие, настоятель Изобильненского благочиния протоиерей отец Петр Саенко передал в музей две живописных старинных иконы в киотах, церковные облачения, старинные книги, ряд подлинных предметов церковной службы. Так, путем дарения, начало коллекции было положено. Создалась экспозиция «Вера и память», в которую вошли еще несколько репродукций икон, Книга Памяти Изобильненского района,

подлинники «похоронок» на наших земляков, фото храмов и – целевой заказ – скульптура «Пьета». Изучение предметов богослужения, икон и истории их обретения позволило разработать беседы о православии, о традиционных праздниках, что было 70 лет «за семью печатями». И музей приобрел множество заинтересованных слушателей.

Доватор Л. М.

В начале восьмидесятых прошлого века вдова доваторца полковника Никонова В. С. Нина Павловна передала в наш музей большую содержательную серию фотодокументов о дивизии прославленного Героя Советского Союза генерал-майора Доватора Л. М. Его имя стало легендой, а понятие «доваторец» – символом народной удали и верности родной земле. А ведь из нашего района в 1941 году более двухсот человек ушли добровольцами в эту дивизию. Полный список добровольцев нам еще предстоит создать. Изучая эти материалы, мы узнали, что военным комиссаром рейдовой группы был наш земляк, уроженец села Московского гвардии полковник Туликов Ф. Ф. На основании этих документов создана передвижная экспозиция «Земляки-доваторцы», которая неоднократно экспонировалась как в музее, так и в школах города и района.

Герои Советского Союза.

Самая объемная в музее – документальная коллекция. Но коллекция документов о земляках – Героях Советского Союза была недостаточно информативна. Однажды в музей пришел молодой человек. Представился: Хотягов Олег Аслангериевич, сотрудник Центрального архива Министерства обороны РФ. Он по собственной инициативе привез нам в дар архивную копию личного дела Героя Советского Союза гвардии майора Мещерякова Г. Т. Его поразили мужество и патриотизм нашего земляка, геройски погибшего за четыре дня до Победы. И мы осмелились просить его, чтобы он прислал нам такие же копии на всех остальных наших Героев и на полных Кавалеров Орденов Славы. Вскоре мы получили эти материалы, тогда еще бесплатно. Это были наградные листы с описанием подвигов, анкеты, фотографии и другие документы, что позволило нам наиболее полно представить в экспозиции наших Героев. Но нас ожидал еще один подарок. Военный комиссар района Б. Иванов принес нам книгу В. Жилина «Герои-танкисты 41-го». Из этой книги мы узнаем, что есть еще один герой – наш земляк – Пушкин Ефим Григорьевич – генерал-лейтенант. В 1941 году командовал танковым корпусом в районе Днепра, впервые успешно применил ночную атаку. На наш запрос Днепропетровский Государственный исторический музей прислал ценные фотодокументы, которые значительно расширили нашу экспозицию. А наш музей направил в Днепропетровск копии наших материалов о Пушкине Е. Г.

Детская люлька.

Комплектование коллекций происходит по-разному: и случайно, и целенаправленно, и как открытие – внезапная находка. Благодаря усилиям научных сотрудников музея, их собирательской работе, а также помощи дарителей, коллекции пополняются и расширяются. Так, жительница Изобильного Келина Валентина Матвеевна предложила забрать из села Тищенского, где она раньше жила, детскую напольную люльку. Экспедиция в село дала нам не один предмет крестьянского быта. В фонде музея уже были две люльки. Одна металлическая, в купеческом интерьере, другая подвесная, в крестьянском углу. А история этой самодельной деревянной люльки очень интересна: в ней выросли четыре поколения крестьянских детей.

Самовары.

В музее с самого начала собралась коллекция самоваров. И стали мы изучать их историю. Когда же родилась эта исконно русская «водогрейная машина»? Оказалось, еще в 1613 году. Оформили мы выставку «Самоварчик, самовар, самоварище». Самый маленький – это точная копия яснополянского самовара Льва Толстого в масштабе 1 : 10. НО! В нем можно вскипятить 1 стакан воды. А тульский медный на 8 литров начищен до золотого блеска и награжден двадцатью двумя медалями. Имеющиеся на самоваре клейма позволили нам расширить представление об этом предмете. Посетители выставки узнавали много нового и интересного об уважаемом «генерале стола». А когда случилась делегация из Америки, им было рассказано о русских самоварах на английском языке.

Значки нагрудные.

В музее имеются коллекции живописи, графики, прикладного искусства. Особое же место занимает коллекция нагрудных значков, подаренная музею семьей Каревых. Многие годы увлеченные фалеристы отец и сыновья собирали эту коллекцию. Она содержит полторы тысячи значков, размещенных на шести вымпелах по различным темам. Изучая историю этих значков, видим, что перед нами открывается история страны с ее достижениями, выявляются интересы, которыми жил советский народ. А как загораются глаза мальчишек при виде всех этих сокровищ.

Факультатив.

С целью привлечения молодежи к музейному делу, с 1 октября 1999 года при музее был организован факультатив по подготовке экскурсоводов. Это была инициатива директора музея Богачковой Анны Еремеевны, исходя из опыта работы Кисловодского музея «Белая вилла». Программа занятий была утверждена РОНО и Комитетом по культуре ИРГА. Слушателями стали учащиеся школ города и района. Программа предусматривала ознакомление с

местным музеем, музеями Ставрополя и России, прикосновение к сокровищницам живописи, музыки, литературы.

В ходе занятий были проведены беседы специалистами: художник-график, архитектор, лингвист, вокалист. Ребята просмотрели ряд видеоматериалов по соответствующим темам, посетили мастерские скульптора, художника. Слушатели побывали в музеях СГОКМ, СКММИ, Галерее Гречишкина, осмотрели мемориалы на Комсомольской Горке и другие памятники краевого центра. По окончании занятий слушатели выполнили рефераты по предложенным темам, сопроводив их иллюстративным материалом, и после их защиты получили удостоверения экскурсоводов.

Создание, изучение и пополнение музейных коллекций, изучение истории музейного дела – это основные задачи музейщиков.

*Хранят истории страницы
Дела музейные всегда.
И земляков родные лица
Мы сбережем на все года.*

Использованная литература и источники

1. Богачкова А.Е. История Изобильненского района. Ставрополь, 1994.
2. Войной опаленная память. Сборник под ред. Баранова Д.Н. ООО «Юркит», Ставрополь, 2004.
3. Воспоминания и личный архив Н.Г.Хирьяновой.
4. Жилин В. Герои-танкисты 41-го. М., 1996.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
6. Советский энциклопедический словарь. Под ред. Прохорова А.М., М., 1986.
7. Фонды ГБУК СК МИИР: Фонд 1, ед. хр. 2, Фонд 5, ед. хр.10.
8. Юренева Т.Ю. Музееведение. М., 2004.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Фашмухова Е. Т.,
с. Балахоновское,
Историко-краеведческий музей
им. Я. Ф. Балахонова –
филиал Кочубеевского районного
историко-краеведческого музея,
младший научный сотрудник

ЧТО СКРЫВАЮТ ТАЙНЫ ПРОШЛЫХ ЭПОХ

*Здесь миллионы лет назад
Громадное море
плескалось...*

*Но время прошло, и ныне оно
В застывших породах
осталось.*

Человек, в отличие от других живых существ на Земле, хочет знать, что же было до него, прежде на этой территории? Его пытливым умом постоянно волнуют вопросы прошлого нашей планеты. Как она образовалась, как в дальнейшем формировалась земная кора? Почему эпоха моря со временем сменялась эпохой суши? Точно ответить на эти вопросы, возможно, никогда не удастся, так как мы не были свидетелями этих грандиозных процессов, происходивших в былые времена. По отпечаткам былой жизни в горных породах мы можем, включив свое воображение, воссоздать картину прошлого.

Земная кора напоминает очень толстую книгу, которую природа «пишет» по сей день. Уже в XIX столетии геологи собрали массу окаменелостей из разных слоев планеты на всех материках. Обобщив эти данные, они разделили историю Земли на эры: археозойскую (древнейшей жизни), протерозойскую (первобытной жизни), палеозойскую (древней жизни), мезозойскую (средней жизни) и кайнозойскую (новой жизни). Каждая эра охватывает сотни миллионов и даже миллиарды лет.

Геологическую историю развития Земли образно можно изобразить в виде раскручивающейся раковины аммонита. Несмотря на то, что первые витки длились по времени значительно больше, они все же будут малы, так как в них жизнь была еще скрыта. Но, по мере приближения к настоящему времени, они все увеличивались, а жизненные формы, подобно соцветиям, стали «распускаться» на планете. Последний виток спирали был отмечен тем, что в мир явился человек. Геологи для определения возраста пластов земной коры используют геохронологическую таблицу. Ее изучают в школе на уроках

географии и биологии.

Расшифровка страниц геологической летописи позволяет выделить в истории развития природного комплекса Ставрополя шесть крупных этапов: 1) океана Палеотесис; 2) Герцинских гор; 3) раннемезозойской равнины; 4) шельфовых морей; 5) древнеставропольской суши; 6) современной суши.

Если взять Ставропольский край, то древние горные породы начали формироваться на его территории еще в раннем палеозое, более 600 миллионов лет назад. Их можно увидеть в долине реки Акалиновки, что протекает в окрестностях города Кисловодска. Эти глинистые обнажения повествуют о том, что здесь в древние времена плескался огромный океан Палеотесис. Эпоха моря продолжалась длительный промежуток времени, пока не начался очередной этап горообразования.

В герцинское время на большой территории Кавказа процесс горообразования активно продолжился. Началась эпоха суши. Горы росли все выше и выше, но это не могло происходить бесконечно. Море вновь начало брать реванш. Горные массивы постепенно размывались его волнами, и кавказский остов стал вновь медленно погружаться в морские пучины. В мезозое большую часть нынешнего Ставрополя опять заливают моря. На их дне накапливаются толщи глин, песчаников и известняков. В осадочных горных пластах, как между страничками книги, отпечатались многие раковины моллюсков. По их видовому составу можно сказать, что в конце юрского периода на данной территории плескалось неглубокое и теплое море.

В кайнозойское время, в результате процесса вулканизма, суша завоевывала новые пространства. Предгорья Кавказа постепенно освобождаются из водяного плена, хотя большая часть территории края еще находится во власти морей. Если в окрестностях станицы Беломечетской Кочубеевского района в неогене была уже суша, среди песков найдено много останков древних наземных животных, то в это же самое время в окрестностях города Ставрополя располагались лишь острова Караганского моря.

В конце неогена территория будущего Ставропольского края, за исключением севера и северо-востока, была уже свободна от морского «плена».

Самой последней от древних морей освободилась Кумо-Манычская впадина, несколько тысячелетий служившая проливом между Черным морем и Каспийским озером. Древние моря на территории Ставропольского края в настоящее время отступили, но пройдитесь по их дну и, возможно, вы обнаружите в горных породах древние отпечатки растений или животных.

Так и случилось в далеком ауле Карамурзинском Кочубеевского района. Руслан Алимсакаев – житель аула Карамурзинского, по профессии художник – приоткрыл тайну прошлых лет. Наводнение на Кубани в 2002 году привело к

тому, что послушная когда-то река, обозленная человеческой нерадивостью, сильно размыла и выгрызла берег на излучине. Берег обрушился и сполз в Кубань, украв пол-огорода плодородной земли у семьи Руслана Алимсакаева. Но пытливый взгляд художника, видящий этот мир по-особому, позволил ему рассмотреть среди глинистых глыб серо-голубого цвета скелеты древних рыб, предположительно, сарматского кита, отпечатки рыб. А особый интерес вызвали черные блестящие, будто стеклянные, позвонки, части плавников и удивительные зубы древних акул.

Река слизнула с открывающихся страниц прошлого более десятка различных скелетов. Скорее всего, Кубань откладывает на излучине материал не только Сарматского, но и морей более раннего периода. Поэтому тут можно встретить и сарматского кита, жившего 40 миллионов лет назад, и древних акул.

Сарматское море относится к кайнозойской эре, или эре новой жизни, началась она 70 миллионов лет назад. Сарматское море изобиловало рыбой. Оно представляло замкнутое пресное море-озеро и охватывало площадь Каспийского, Аральского, Азовского и Черного морей. В это время климат, как предполагают ученые, был теплый и влажный. В морских водах обитало много разнообразных моллюсков, кораллов, ежей и всевозможной рыбы, сильно размножились акулы. Самой страшной из них являлась акула кархадон.

Кроме скелетов древних животных, среди глинистых пород Руслан Алимсакаев обнаружил и золотистые кубики размером чуть меньше сантиметра. «Кошкино золото», так говорят в народе. Минерал (марказит) пирит, содержащий один процент золота, встречается в горах Карачаево-Черкесии, например, в ущелье Джегонас. Название этого сульфата железа происходит от греческого слова «пир» – огонь. Поэтому древние греки называли его «пиритуе» – огнеподобный – за огненно-желтый цвет и способность высекать искры при ударе твердыми (стальными) предметами. В этом качестве пирит использовался задолго до возникновения цивилизации. В древней Индии был широко распространен обычай носить при себе в качестве амулета кристаллы пирита, чтобы оградить себя от нападения крокодила. Древние египтяне, заметив, что пирит полируется, использовали его для изготовления украшений и зеркал. Не зря пирит называют спутником золота. Он всегда там, где есть драгоценный металл (но не наоборот).

Однажды река «выдала» черный блестящий кусок обугленного дерева. Исследовательская жилка заставила художника провести с ним ряд химических опытов: нагревание, воздействие реагентов. Ничто не изменило легкие хрупкие прямоугольные кусочки. Отрицательный результат – тоже результат. Изучение продолжалось. Внимание Руслана все время привлекали мелкие коричневые

округлые отпечатки загадочных беспозвоночных животных. Местами сохранился их хитиновый покров. Существа в обилии встречались в голубоватых слоистых глыбах, залегая на каждом изломе. Видимо, это были придонные обитатели древних морей.

Слои глин чередуются сверху вниз: серый (голубой), черный (узкий, от 15 см до 5–10 мм), красная охра (по цвету – ожелезнение), черный, серый.

Ставропольский край без преувеличения можно назвать палеонтологическим музеем. В горных породах этой земли скрывается еще немало отголосков былой жизни. На камне запечатлеваются и драматические события далекого прошлого. В извечной борьбе за жизнь погибшие рыбы, животные и насекомые погружались на дно и быстро покрывались илом. А ил под тяжестью новых отложений за многие миллионы лет уплотнялся и превращался в прочный камень. Захороненные в нем кости и другие останки пропитывались минеральными солями и оставили на каменной плитке редкий по наглядности след событий далекого прошлого.

Останки, найденные на реке Кубань в районе аула Карамурзинского, приоткрывают тайны прошлого и представляют для науки огромный интерес. Что заставило этих древних животных собраться в таком количестве в одном месте? 10–15 скелетов акул (80 сантиметров в диаметре) и рыб меньших размеров, скелет сарматского кита смыло за два года. Возможно, произошло какое-то событие, которое привело к гибели этих животных. Очередной этап горообразования, движение земной коры, в результате которого воды древнего моря высохли, или еще какие-то события и катаклизмы. Нам остается только догадываться.

Сам факт сенсационной находки говорит о необходимости научной экспедиции в Кочубеевский район, аул Карамурзинский, которая даст более детальные сведения о находке.

Использованная литература и источники

1. Гаазов В. Л., Черная Т. К. Ставропольеведение. М., Изд. Надыршин, 2010.
2. Мартынов А. И. Археология. Учебник. М., 2002.
3. Ведомости Ставрополья. Газета, 16 января 2010.

ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

Андрющенко Т. Н.,

с. Татарка,
«Историко-краеведческий музей села Татарка» –
филиал Ставропольского
государственного музея-заповедника,
заведующая;

Драчева О. Н.,

с. Татарка,
«Историко-краеведческий музей села Татарка» –
филиал Ставропольского
государственного музея-заповедника,
младший научный сотрудник филиала

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА РЕКЕ КАРЯГИНОЙ В ТРУДАХ Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА, Т. М. МИНАЕВОЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Свидетелями многоликой истории края и жизни его населения являются памятники археологии. Они представляют собой особое богатство Ставропольского края. В фонде музея бережно хранится наконечник стрелы, найденный местными жителями на реке Карягиной (правый верхний приток р. Егорлык). В процессе исследовательской работы в Государственном архиве были найдены документы, свидетельствующие о том, что в составе Татарских хуторов – первый и второй Карягинские хутора. В первой половине XX в. домовладения села Татарка располагались до самого села Демино. Известные события 30-х годов существенно изменили границы поселения, и до настоящего времени на этой территории нет домов, а земля остается в сельскохозяйственном назначении. Месторасположение Карягинского городища и Карягинских хуторов было неизвестно. Собирались и систематизировались все сведения.

На территории муниципального образования Татарского сельсовета выявлены археологические и природные памятники. Первым исследователем был основатель Ставропольского государственного музея-заповедника – Григорий Николаевич Прозрителев. Им в 1926 году была составлена «Археологическая карта г. Ставрополя и его окрестностей». В пояснительной записке есть сведения о том, что «в древности сильные и воинственные племена... занимали все пространство, ограниченное реками Мутнянкой,

Мамайкой, спуском к селу Надежда, скалистым берегом долины реки Татарки, Грушевки, спуском к озеру Сенгилеевскому, к колонии Молочной, далее глубочайшей балкой Валик, спуском к станице Новомарьевской и затем выступом (мысом), ныне называемым Соборной горой и спуском к селу Надежда.»

Г. Н. Прозрителев заведовал музеем Северного Кавказа с 1920 до 1927 года, в отчете отражены сведения по археологии: «...в нынешнем (1924 г.) необходимо было заняться раскопками, как в городе, так и в уезде. Дело в том, что работы кладоискателей были обнаружены в разных местах губернии, и было необходимо немедленно приступить к обследованию и разработке, чтобы предупредить разграбление. В селе Татарка в 10 верстах, распаханно древнее городище и также обнаружен «городок» (так называют жители) и в них бусы в большом количестве, орнаментированные черепки и прочее».

Из-за отсутствия средств первоначально был произведен внешний осмотр и сбор артефактов. Г. Н. Прозрителев считал, что необходимо продолжить работу по всем направлениям в следующем году.

По словам Г. Н. Прозрителева, особый интерес представляет городище, расположенное на реке Каряжке (согласно географической карте Карягиной). В отчете Г. Н. Прозрителева «Археологические работы в Ставропольском округе за 1924 год» есть интересные сведения: «В 16 верстах от Ставрополя, в районе села Татарка жителями для хозяйственных надобностей сделана была распашка вблизи горы Бударки. При этих работах стали попадаться черепки глиняной посуды...»

Выехав для исследования в июле 1924 года, Г. Н. Прозрителев при осмотре убедился, что среди распаханного поля видны следы древнего городища, о чем свидетельствовали валявшиеся повсюду куски керамики. Он собрал их целый мешок. При этом сделал вывод, что это место уже раскапывали и распахивали раньше и потому уже невозможно установить форму городища. Не сохранилось ни валов, ни стен, окружавших его. Все попадавшиеся камни выбирались крестьянами на собственные постройки. Исследовав площадку, он обнаружил углубления с остатками камней – возможные следы жилища. После разговора с местным жителем появилась версия, что «городище занимало пространство 100 сажень в поперечнике, примыкая к живому рубежу». Именно этот собеседник нашел ступу, накрытую каменной крышкой, которая имела сверху небольшое возвышение в виде ручки. В ожидании богатой находки, в надежде, что там скрыто золото, он от волнения и страха не мог приподнять крышку. Он перекрестился, зажмурил глаза и сдвинул крышку. Когда открыл глаза, то с ужасом увидел, что в его ступе, кроме земли и золы, больше ничего нет. «Клад ушел, и если бы я не перекрестился, то было бы золото», – сожалел

рассказчик. Он разбил найденную вещь на две части, используя верхнюю часть на трубу, а нижнюю – для забора. По найденным кускам Г. Н. Прозрителев установил, что эта находка была не ступой, а погребальной урной. Ее верхняя часть сильно закопчена от дыма. Все находки были отправлены в музей для дальнейшего изучения.

Изучив все найденные куски керамики, Г. Н. Прозрителев отметил разнообразие орнамента, форм и размеров бытовавшей в то время посуды. Были найдены пряслица и бусы. По словам жителя с. Татарки, при возделывании земли селяне находили различные предметы – пряслица, бусы, а также была найдена серебряная вещь, в последствии бесследно исчезнувшая.

«В районе того же села, – писал Г. Н. Прозрителев, – в 2-х верстах от жительства, в глубокой балке, на дне которой протекает небольшая речушка, называемая Каряжка, на спуске с возвышенности на небольшой, по-видимому, насыпи видны следы как бы окопа. Верхушка этого вала сравнена и, видимо, здесь производились усиленные раскопки. Жители это место называют «городок». Несомненно, здесь совершались погребения, и видны разбросанные кости, находятся бусы, пряслица и металлические части. Находимые черепки окрашены орнаментами и принадлежат разного рода сосудам, между которыми имеются грубой отделки и примитивного характера».

Григорий Николаевич отметил, что керамические остатки изготовлены из желтой глины хорошего обжига, орнамент состоит из параллельных линий, сделанных щеточкой. Имеются куски из красной глины хорошей отделки с линейным орнаментом снаружи, а внутри гладкие и полированные, похожие на греческие. Среди других находок – бусы из литого стекла разной окраски и формы, есть интересная бусина четырехгранной формы. Найдены также железные стрелочки и кусочки бронзового колечка.

К сожалению, много найденного было расхищено, что заставило Г. Н. Прозрителева активизировать археологическую деятельность.

Изучая археологические памятники Ставропольской возвышенности на территории Муниципального образования Татарского сельсовета, краеведческий интерес представляют месторасположение и границы каждого объекта. В этом хорошими помощниками являются местные, коренные жители. Много лет в совхозе «Ставрополец» проработал Иван Владимирович Лесюк. На машине, на тракторе он объездил все поля и хорошо знаком со всеми их географическими особенностями. Именно он стал нашим гидом во время поиска Каряжского городища.

Согласно трудам Т. М. Минаевой, Каряжское городище было обследовано ею осенью 1945 года. «Городище находится на речке Каряжке (правый верхний приток реки Егорлык), в 4-х километрах от восточной окраины села Татарка».

Сотрудники музея вместе с И. В. Лесюком отправились по грунтовой дороге в сторону горы Базовой, где на насыпи находится полотно бывшей железной дороги Ставрополь – Армавир (Туапсинская), построенной в 1913 – 1916 годы, но заброшенной в начальный советский период. На открывшейся равнине находится хорошо сохранившиеся из данного комплекса сооружений железнодорожный мост и система, состоящая из 6 дренажных колодцев.

Далее насыпь железной дороги идет по равнине в сторону поселка Демино, огибая гору Базовую. Проселочная дорога находится в юго-западном – южном направлении, пересекает лесополосу и поля сельскохозяйственного назначения. Справа от нее расположена действующая кошара. Это равнина, переходящая в возвышенность, на которой расположена площадка, поросшая травой. Справа от нее распаханное поле, а слева – низина с водоемом, созданная путем перекрытия речки Карягиной дамбой, для сельскохозяйственных нужд кошары. Если посмотреть с самого высокого гребня вниз, то, по словам Ивана Владимировича Лесюка, это и есть Сухой Яр. Именно по нему и идет граница земель Татарского и Деминского сельсоветов.

Читаем у Т. М. Минаевой: «На самом высоком гребне над рекой Каряжкой, в том месте, где гребень этот начинает спускаться к Сухому Яру, и располагается городище. Представляет оно собою площадь в виде удлиненного четырехугольника, обнесенного валом с трех сторон. Сторона, обращенная к яру, открыта». И понимаем, что эта ее запись соответствует тому, что мы увидели перед собой: вдали видна гора Бударка, перед ней не видно ни одного значительно высокого холма. Таким образом, холм, на котором мы находились, является самым высоким. Извилистое русло ручья Березки, о которой упоминает Т. М. Минаева, покрыто камышовыми зарослями. С правой стороны речки Каряжки, в северо-восточном направлении начинается глубокая балка, называемая Сухим Яром. По всему склону хребта явно выражен оползневый процесс. На переднем плане просматриваются сильно расплывшиеся валы, покрытые дерном. Вал с юго-восточной стороны ярко выражен. Рядом с ним глубокий овраг, покрытый кустарником и невысокими деревьями. Здесь был выбран грунт предположительно для дамбы водоема. Имеются площадки антропогенного происхождения: на границе со вспаханым полем имеются два глубоких рва, по словам И. В. Лесюка, не так давно здесь располагались силосные ямы. В северо-восточной части площадки виден сильно задернованный ров около 1,5 метра глубиной, шириной около десяти метров. Из трудов Т. М. Минаевой: «...по линии С–Ю площадь эта имеет 56 м, по линии З–В – 90 м ... на южной стороне в восточном конце – четырехугольная площадка с ясными следами окопа со всех четырех сторон. По линии З–В этот четырехугольник имеет 22 м. По линии С–Ю 12 м. Неподалеку от него, к

западу, в валу – яма диаметром 4 м, а в ней битый камень». Эта яма, по словам Т. М. Минаевой, была раскопана предположительно в 20-е годы XX века. «Западная часть городища, – как пишет Т. М. Минаева, – слегка округла. Как вал, так и площадь внутри его и прилегающая к городищу степь, в настоящее время задернованы, а потому никаких бытовых остатков на ней не замечено. Не видно также ни бугров, ни котловин – вся она ровная. Вне вала, вдоль по гребню, несколько курганных насыпей. Один из них высотой до 1,5 м, другие меньше. Самый западный из них (самый дальний от городища, раскапывался не так давно, через насыпь проведены несколько траншей в различных направлениях, а в центре ямка)».

Участок задернованной степи ныне распахан и составляет часть сельскохозяйственных полей. Оставшийся участок близко примыкает к самому высокому участку площадки, на котором хорошо видны несколько курганных насыпей. Один из них, в северо-восточной части площадки, самый высокий. На самом западном из них сохранились видимые следы раскопа. Ближе к центру небольшой курган оплыл, но еще хорошо просматривается. Следов раскопа не видно. В центре площадки виден холм, и рядом с ним яма диаметром около 5 м. По всей видимости, в этом месте копали. Эти раскопы вызвали интерес Т. М. Минаевой. Она предполагала, что здесь копали местные жители, проживающие недалеко. Многие вещи были собраны у крестьян села Татарка. Изучив архив Г. Н. Прозрителева, она описала находки. Это «золотая вещица, изображающая головку крокодила... золотой кружок, сломанная серебряная пряжка, бусы из янтаря, небольшая золотая серьга, 5 тонких золотых пластинок; ... при вторичном обследовании найдены два бронзовых колечка с серебряными лепестками, зуб эласматериума, тонкая золотая пластинка с орнаментом, глиняные черепки, человеческие кости и зубы лошади».

Результаты нашего исследования, фотоматериалы, собранные на месте камни и предметы керамики были показаны заведующей отделом «Татарское городище» В. Н. Галаевой и кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику Ставропольского государственного музея-заповедника А. К. Швырёвой. Эти находки требуют дальнейшего изучения. Необходимо продолжить исследования археологического памятника, для активного использования его в научной, научно-просветительной деятельности и возможности организации нового туристического маршрута.

Использованная литература и источники

1. Ставропольский Краевой музей и Общество Краеведения. «Материалы по изучению Ставропольского края». Выпуск 1-й. Краевое книжное издательство. Ставрополь, 1949 г.
2. Фонд №2., ед. хр. 43, м. х. Григорий Николаевич Прозрителев. «Археологическая карта г. Ставрополя и его окрестностей, составленная в 1926 году. На 9 листах.

3. Фонд №2., ед. хр. 41 м. х. Григорий Николаевич Прозрителев. Отчет «Археологические работы в Ставропольском округе за 1924 г», Статьи: «Разрушение памятников старины»; «Охраняйте памятники старины». 1924 – 1928 годы. На 73 листах.
4. Музей Северного Кавказа (в Ставрополе Кавказском). Владикавказ. 1924 г. (Фонды СГМЗ).
5. Материалы по изучению Ставропольского края. Выпуск 1. Краевое книжное издательство. Ставрополь, 1949 г.

Барабанова Е. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
главный научный сотрудник

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ XIV в., НАЙДЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА МАДЖАР

Город Маджар – один из крупнейших центров Золотоордынского государства XIV в. на Северном Кавказе. «По преданию здесь был в древности большой город... тянувшийся вдоль реки Кумы, с большими и хорошими строениями, башнями, мечетями, минареты которых далеко были видны с высокого берега Кумы, были и христианские церкви. Город имел виноградники и вел обширную торговлю, народ жил богато, занимался виноделием, сюда стекались торговые люди со всех концов света... Здесь жил народ очень зажиточный, так как и теперь еще, несмотря на 150-летнее разграбление, находят множество монет различных народов...», – писал в 1906 г. Г. Н. Прозрителев, находясь под впечатлением посещения и исследования развалин Маджара (1, с. 3).

Привезенные им археологические находки, в том числе монеты, стали основой уникальной маджарской коллекции музея Северного Кавказа. Со временем коллекция пополнялась: из книг поступлений музея известно, что крестьянин с. Покойного Павел Трофимов сдал в музей 97 монет, «ордынскую шелуху» подарил музею крестьянин Захар Голенко, 42 монеты были закуплены у некоего Арзаманова, передавал монеты Татаринов. Но не все монеты вошли в состав собрания уже советского музея. В 1961 г. были пополнения золотоордынской коллекции – 29 монет передал в музей инженер Н. П. Ивлев, 6 монет поступили от археолога А. Л. Нечитайло.

Вероятно, из-за сложности монеты не были описаны и атрибутированы. Интересно, что в 1947–1948 гг. часть монет определялись известным советским нумизматом А. Е. Пахомовым (2, с. 157–159), а так же известен факт определения 19 серебряных монет нумизматом Государственного Исторического музея С. А. Яниной в 1956 г. – вся информация об этих фактах сохранилась только на конвертах с монетами.

Возможность изучения и атрибуции музейной коллекции ордынских монет с территории городища Маджара появилась в настоящее время, после проведения научной инвентаризации серебряных монет и перевода 135 медных монет на учет основного фонда музея.

На сегодняшний день маджарская коллекция насчитывает 323 монеты: 79 серебряных дирхема и 244 медных пула. Проследим на примере состава нашей коллекции развитие и состояние денежного обращения в Маджаре в течение XIV в. в историческом контексте. Самые ранние монеты относятся к правлению хана Токты, чеканов 1310 – 1313 гг. – это 8 серебряных (монетный двор Сарая) и 1 медная монета (г. Мохшы). Известно, что при нем в 1310–1313 гг. проводится денежная реформа, направленная на унификацию денежного дела (3, с.14), именно с этого времени начинают чеканку медной монеты: в нашей коллекции одна из первых медных монет Токты чекана г. Мокши, на ней тамга – это родовой символ Дома Бату. Мнение исследователей о возвышении и процветании города Маджара в правление ханов Узбека (1313–1339) и Джанибека (1339–1357) наглядно подтверждается нумизматическим материалом, монеты этих правителей составляют большую часть коллекции, почти 50%. Правления Узбек-хана – 40 серебряных и 41 медная монета – чеканы городов Сарая и Азака. Правления Джанибек-хана – 65 медных и 9 серебряных монет – почти все чеканены в Сарай ал-Джедиде, 1 монета чекана Гюлистана, 1 – Барджина. Серебряные дирхемы – однотипного веса и вида, их выпуски сосредотачиваются на монетных дворах столичных поволжских городов Сарая и Сарая ал-Джедиде, что вполне соответствует понятию государственный чекан, который обеспечивал провинции денежной массой. Медные пулы – с разнообразным изобразительным рядом и более свободным весом. В 1350-е годы, при Джанибеке наблюдается приведение медных монет к единообразию: выпускаются так называемые пулы с «цветочной розеткой», в коллекции они преобладают. Следующий за правлением Джанибека период усобиц и бесконечной смены ханов в 1360-е гг. отражен в единичных экземплярах монет, особенно серебряных. В коллекции имеются 4 серебряных монеты монетных дворов Азака и Гюлистана правления Бердибека (1358–1359 гг.); правления Неврузбека (1359 – 1360 гг.) – 1 серебряная монета Гюлистана; правления Хызр-хана (1360 – 1361 гг.) – 2 медные монеты Сарай ал-Джедиде; правления Кильдибека (1361 г.) – 10 медных монет чекана Азака; правления хана Мюрида (1361 – 1363 гг.) – 1 медная монета; правления Пулад хана (1362 г.) – 2 медные монеты чекана Сарай ал-Джедид. Это был период, когда в столичных городах Поволжья наступает период упадка и кризиса монетной чеканки. В это время «усиливается дробление денежного дела Золотой Орды на территориальные «нумизматические провинции» (3, с. 49–50) и отмечается возможность чекана монет в Маджаре. На сегодняшний день известно не так много монет с легендой «чекан Маджара», в то же время есть мнение ряда исследователей (4, с.160; 3, с.49; 5, с.84–86) о том, что в городе в 1360-е гг. осуществлялся выпуск анонимных медных пулов по типу «цветочная

розетка», аналогичных пулам Джанибека, и указанием места чекана «Сарай ал-Джедид»; таких монет на городище найдено немало (около 40 монет в коллекции), и это пока главный аргумент в пользу версии. Кроме того, в коллекции имеются две медные монеты анонимные (по типу – «розетка» 1350-х гг.) с надчеканами в виде буквы, по мнению Э. В. Ртвеладзе, это выпуск Маджара 1363 – 1365 гг. – первых лет феодальной смуты (4, с.159– 160). В 1360 – 1370-е гг. на фоне распрей в столичных городах, в западной части государства упрочилась власть военачальника Мамая и его ставленников – ханов Абдаллаха и Мухаммед-Булака, г. Маджар этого периода относился к его владениям. В коллекции достаточно большое количество монет выпусков именно западных городов: 31 медная и 2 серебряных монеты чекана г. Азака относятся к правлению Абдаллахана (1363–1368 гг.) и 18 медных и 5 серебряных монет чекана г. Орды в правление Мухаммед-Булака (1378–1380 гг.). Самые поздние монеты коллекции 1380–1390-х гг. относятся ко времени правления хана Токтамышша – 16 медных и 8 серебряных монет чекана городов Азака и Орды и 1 монета чекана г. Шаберана. Одна медная монета с надчеканом в виде надписи «законный», который относят к периоду после 1380 г.

Кроме золотоордынских, в Маджаре были находки монет других государств. Мы остановимся на тех, которые попали в нашу коллекцию. В музее хранятся две монеты Боспорского царства V и VI вв., найденные Г. Н. Прозрителевым на территории г. Маджара (1, с. 11–12), по его мнению, западные торговые дороги и связи Маджара с городами Северного Причерноморья имели очень давние традиции, времен Хазарии. На обширный круг международных торговых связей города указывают и другие нумизматические находки, например, золотые дельийские динары XIV в. из Северной Индии – две монеты хранятся в музее (6, с. 109 – 113), серебряная хулагидская монета конца XIII в. чекана Тебриза.

Существенной особенностью монетного дела Золотой Орды было разнообразие оформления внешнего вида медных монет, в отличие от серебряных, мусульманские запреты в чекане медных пулов большой роли не играли.

Рассмотрим ряд монет нашей коллекции. На ранней монете хана Токты изображена тамга рода Бату, которая позже, во второй половине XIV в., трансформировалась в птицу на монетах Абдалла-хана чекана г. Азака, аналогичную птицу мы видим на пулах Мухаммад-Булак-хана чекана г. Орды. Собака(?) на монетах Абдалла-хана чекана Азака напоминает собаку из мифологии Алании. На монетах Джанибека 1340-х гг. изображен двуглавый орел, один из древних символов, известных еще со времен Шумерского государства. На монетах ханов Узбека, Джанибека, Абдаллаха изображение

льва с восходящим над ним солнцем – наследие древней Персии. Пентаграмма, шестиконечная звезда – «печать Соломона», восьмиконечные звезды в виде рамок и плетенок присутствуют на многих ордынских монетах разных чеканов. Большинство изображений – древнейшие символы, уходящие корнями в сакральные знания, циркулирующие на территории Передней Азии – зоне, где берут начало первые цивилизации и три мировые религии. Все это наводит на мысль о далеких идеологических или родовых связях властной верхушки Золотоордынского государства с этой территорией.

Интересны и связи другого направления, которые просматриваются при изучении золотоордынских монет. В 1320 – 1340-е гг. правления ханов Узбека и Джанибека, чеканились пулы с легендой «16 пул / даник». Даник (0,78 г) – мера веса серебра в Золотой Орде (3, с. 33–34). Два даника составляли вес серебряного дирхема (1,56 г), значит 1 дирхем стоил 32 пулы. Слово «даник» часто читают как «данг», отсюда «данга» как собирательное для монет всех номиналов. Интересно, что первые русские монеты тоже назывались «данги», затем появилось обобщающее – «деньги» в русском языке. Более того, прослеживается явная преемственность от денежного дела Ордынского государства XIV в. в денежном деле Руси XIV–XV вв. – в одинаковых названиях монет «пулы», «алтыны»; в одинаковой технологии изготовления монет; ряд ранних монет имел соответствие в весе (рязанские денги весили как дирхемы, а вес московских был близок к весу золотоордынского даника – 0,7 г); некоторые первые русские монеты имели на одной стороне ордынские надписи.

Конечно, музейная коллекция монет, при условии их полного изучения и атрибутирования, может служить хорошим источником для изучения не только денежного дела государства, но и других аспектов его существования, но самым правильным было бы объединение сведений о монетных находках Маджара в общем сводном каталоге.

Использованная литература и источники

1. Прозрителев Г.Н. Маджары. Один из древнейших городов Северного Кавказа.– Ставрополь, 1906.
2. Барабанова Е.Г. Боспорские монеты в нумизматическом собрании СГМЗ. Роль Пахомова Е.А. в изучении данных монет // Материалы VI Прозрителевских чтений.– Ставрополь, 2007.
3. Федоров–Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды.– М., 2003.
4. Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // Советская археология. – 1972. – №3 – С. 149–162.
5. Пачкалов А.В. Монетное дело Маджара (Маджара ал-Джедид) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии / VI Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа.– Ставрополь, 2003.
6. Волков И.В. Нумизматические и эпиграфические находки из Маджара // Материалы

по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа, – М., 2001. Вып. II.

Белоус В. Н.,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский федеральный университет,
доцент кафедры ботаники, зоологии и общей биологии;

Шевченко Н. Е.,

г. Москва,

Московский педагогический государственный университет,

аспирант;

Улановский С. В.,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский федеральный университет,

студент

БИОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕСНЫХ ПАПОРОТНИКОВ СТАВРОПОЛЬСКИХ ВЫСОТ

Лесопокрытая территория в Ставропольском крае не велика и составляет 86,3 тыс. га; степень облесенности не превышает 1,5 – 2 % [3]. В пределах лесостепного ландшафта Ставропольских высот господствуют плакорные леса. Они характеризуются значительным флористическим и ценогическим разнообразием, сложной историей становления. Наиболее крупные массивы плакорных лесов сосредоточены в пределах Ставропольских высот: Русская Лесная Дача, Члинский лес, Круглый лес, Таманская Лесная Дача и Мамайская Лесная Дача.

Плакорные леса вокруг Ставрополя сформированы на относительно плоской дренированной водораздельной возвышенной равнине с достаточным атмосферным увлажнением, относительно неглубоким залеганием грунтовых вод и их выклиниванием по отрицательным формам рельефа. Территория большинства из них характеризуется овражно-ложбинным рельефом, заметным разнообразием эдафических и микроклиматических условий, влияющих в первую очередь на трофность, водный режим и характер растительности тех или иных местообитаний.

Все эти обстоятельства тем или иным образом сказались на современном составе, экологической приуроченности и состоянии популяций представителей Pteridophyta плакорных лесов Ставропольских высот. Одна часть видов папоротников представлена видами, сохранившимися в рефугиумах как реликты, другая часть – видами, которые остались в изоляции в результате разрывов некогда обширных ареалов (палеоэндемики). В большинстве своем это – мезоморфные, мезотрофные, теневыносливые и

тенелюбивые растения с поверхностно расположенными верхушечными почками.

Папоротники имеют немаловажное значение для устойчивого развития коренных климаксовых лесных сообществ, где нередко играют роль ценозообразователей (доминантов, содоминантов) или ассектаторов травяного покрова. Некоторые виды папоротников на Ставрополье имеют реликтовый или сокращающийся ареал. Ряд из них с учетом биологических и экологических особенностей (например, *Polypodium vulgare*, *Asplenium viride*, *Ceterach officinarum*, *Matteuccia struthiopteris*, *Polystichum aculeatum*, *P. braunii*, *P. setiferum*, *Ophioglossum vulgatum* и др.) требуют принятия немедленных мер охраны.

Учитывая, что 57,1 % представителей птеридофлоры Ставропольского края подлежат региональной охране (Красная книга Ставропольского края, 2012; планируемое издание), становится очевидным, что исследование данной группы растительных организмов является одной из актуальных задач фитосоцологии.

В данном сообщении приводятся ботанические, биоморфологические и эколого-ценотические особенности, а также биологические ритмы сезонного развития, длительность жизни вай лесных папоротников Ставропольских высот. Материалом статьи послужили наблюдения авторов в природе или культуре.

В указанном регионе произрастает 14 видов из 6 семейств. Крупными из них являются *Aspleniaceae* (5 видов, или 35,7 %) и *Dryopteridaceae* (4 вида, или 28,6 %).

Сем. 1. *Polypodiaceae* Bercht. et J. Presl

1. *Polypodium vulgare* L.

Корневище ползучее, поверхностное, покрыто кроющими чешуйками. Растения 10-20 см высотой. Вайи простые, однажды перистораздельные, расположенные расставлено в два ряда на верхней стороне корневища. Черешки вай сочленены с корневищем. Пластинка вайи линейно-ланцетная, сегменты ее в основании сливающиеся, на верхушке туповатые, цельнокрайние, реже – мелкопильчатые; жилки дважды, реже – трижды вильчатые. Сорусы округлые.

Растения уходят в зиму с зелеными вайями, которые сохраняются (продолжают функционировать) до начала формирования вай текущего года (примерно до начала июня). Спороношение происходит во второй половине лета.

Эпигейно-эпиксильный мезоэвтрофный мезофит. Лесной вид. Приурочен к замшелым участкам почвы и стволов деревьев. На Ставропольской возвышенности вид очень редок; популяция реликтовая, малочисленная.

Сем. 2. *Aspleniaceae* Newm.

2. *Asplenium viride* Huds.

Корневище компактное, плотное, мелкое, «дерновинного» типа с поверхностными верхушечными почками. Вайи собраны в пучок. Пластинка вайи в очертании линейная, однажды перисторассеченная на супротивные доли (сегменты). Черешок короче пластинки; черешок и стержень вайи зеленый, бескрылый, лишь в нижней части иногда красновато-бурый. Сегменты вайи яйцевидно-ромбические с клиновидным основанием, расположены на выраженных черешочках. Растения (5)10–15 см высотой.

В начале вегетационного периода развиваются зеленые вайи, не несущие сорусы, а ближе к середине вегетационного периода – спороносные фотосинтезирующие вайи. Часть вай к концу вегетационного сезона вайи утрачивают хлорофилл и желтеют. Иногда растения уходят в зиму (под снег) зелеными. Вайи следующей генерации раскрываются весной. Летнезеленые растения с четкой сезонной сменой генераций вай, при отмирании которых особи переходят в фазу зимнего покоя.

Кальцепетрофит. Олигомезотрофный гигромезофит. Встречается в Мамайской лесной даче (урочище «Корыта»); известняковые обнажения, мелкозем, расщелины сырого известняка. Чрезвычайно редок и малочислен.

3. *A. trichomanes* L.

Корневище компактное, плотное, мелкое, «дерновинного» типа с поверхностными верхушечными почками. Вайи собраны в пучок. Пластинка вайи в очертании линейная, однажды перисторассеченная на супротивные доли. Черешок короче пластинки; черешок и стержень вайи на всем протяжении темно-бурого цвета, блестящие, с обеих сторон с узкой каемкой. Доли вайи обратно-яйцевидно-округлые, сидячие либо расположены на невыраженных черешочках. Растения (5)10–15 см высотой.

Растения уходят в зиму с зелеными вайями, которые сохраняются после перезимовки очень продолжительное время. Спороношение происходит во второй половине лета. В неблагоприятный сезон вид демонстрирует достаточную устойчивость к иссушению субстрата, выдерживает непродолжительное увядание.

Кальцепетрофит. Олигомезотрофный мезофит. Рассеянно встречается в тенистых лесных участках. Обитатель обрывистых обнажений известняка, мелкозема, обрастает крупные одиночные фрагменты материнской породы.

4. *A. ruta-muraria* L.

Корневище компактное, плотное, мелкое, «дерновинного» типа с поверхностными верхушечными почками. Вайи собраны в пучок. Пластинка вайи в очертании треугольная. Пластинка вайи дважды-, трижды перисторассеченная. Черешок превышает пластинку вайи или равен ей; зеленый, иногда при основании красно-бурый. Сегменты первого порядка широко яйцевидные. Сегментов 2-ого порядка – два-пять, почти равных между собой, ромбически обратнаяцевидных или клиновидно-ромбических, на черешочках. Индузий с реснитчатым краем.

Летнезеленые растения с четкой сезонной сменой генераций вай, при отмирании которых особи переходят в фазу зимнего покоя. Растения в зиму (под снег) могут уходить с зелеными вайями. Вайи следующей генерации раскрываются весной.

Кальцепетрофит. Олигомезотрофный гигромезофит. Вместе с предыдущим (но реже) вид встречается в тенистых лесных местообитаниях, каменных нишах, на выходах материнской породы; иногда обрастает крупные камни. Спорадически.

5. *Ceterach officinarum* Willd.

Корневище короткое, прямое, с поверхностными верхушечными почками, покрытое ланцетными пленками. Растения 10–20 см высотой. Вайи собраны в пучок. Вайя в очертании удлинено-ланцетная, однажды перистораздельная, лопасти ее тупые, на верхушке закругленные, цельнокрайние, часто с завернутыми книзу краями, жилки вильчатые с анастомозами у края. Пластинка вайи на коротком черешке, сверху голая, снизу, как и черешок, густо покрыта бурыми, черепитчато налегающими друг на друга ланцетными пленчатыми чешуйками, скрывающими сорусы. Сорусы продолговатые; индузий значительно редуцирован, иногда он отсутствует.

Растения уходят в зиму с зелеными вайями, которые сохраняются и продолжают функционировать продолжительное время.

Олиготрофный мезоксерофит. Сведения о современном состоянии ставропольской популяции данного вида отсутствуют. Возможно, исчез. Занесен в Красную книгу Ставропольского края (2002) как третичный реликт с неопределенным статусом.

6. *Phyllitis scolopendrium* (L.) Newm.

Корневище короткое, с поверхностными верхушечными почками, на вершине покрытое чешуйками. Вайи собраны в пучок. Они простые, цельные, до 30–40 см длины, 2,5–5 см ширины, ремневидные, при основании часто с округлыми ушками, цельнокрайние, кожистые, голые, с коротким черешком, покрытым в нижней части пленками. Сорусы линейные, 1–2 см длины, параллельные друг другу, сближенные парами, размещенные косыми рядами по

обе стороны жилки. Индузиев два, линейных, сначала сомкнутых, к моменту созревания спор – отогнутых и открывающих сорусы.

Вечнозеленые растения, уходят в зиму с зелеными вайями, которые на следующий год сохраняют свою деятельность и продолжительное время функционируют вместе с молодыми вайями новой генерации, окончательно погибая к середине лета (т.е. живут более года). У вида отсутствует сезонная смена генераций вай, выраженный период покоя.

Кальцепетрофит. Олигомезотрофный гигромезофит. Обитатель сырых и переувлажненных лесных тенистых экотопов с постоянно высокой относительной влажностью воздуха. Тяготеет к местам выхода известняка, каменистым нагромождениям, русловому аллювию, сочащимся каменистым почвогрунтам под пологом леса. Занесен в Красную книгу Ставропольского края (2002) как третичный реликт, редкий и уязвимый вид.

Сем. 3. Onocleaceae Pichi Sermolli

7. *Matteuccia struthiopteris* (L.) Tod.

Корневище толстое, короткое, с подземными побегами, покрыто пленками и остатками черешков старых вай. Со временем у старовозрастных особей формируется «стволик». Стерильные вайи крупные (до 1–1,5 м), зеленые, дважды перистые, собраны в воронку, из середины которой к концу лета развиваются 2-3 спороносные вайи, более малых размеров (вдвое-втрое короче), вначале зеленых, позже – бурых, разделенных на линейные цельнокрайние, с завернутыми краями доли, покрытые округлыми сорусами, размещенными на утолщенных жилках, и прикрытые завернутым краем вайи. Индузии быстро исчезают.

Вайи к концу вегетационного сезона утрачивают хлорофилл, желтеют и полегают; к началу зимы – окончательно отмирают. Спороношение происходит осенью. Активно размножается при помощи подземных столонов.

Мезоэвтрофный гигромезофит. Обитатель тенистых лесных участков с сырыми и переувлажненными почвогрунтами, иловато-перегнойных субстратов (Мамайский лес, днище долины р. Гремучка).

Занесен в Дополнение к Красной книге Ставропольского края как гляциальный реликт, уязвимый вид (2004).

Сем. 4. Athyriaceae Alst.

8. *Athyrium filix-femina* (L.) Roth

Корневище толстое, плотное, короткое, полупогруженное, слабовосходящее, диффузно-розеточное, покрыто остатками черешков старых вай. Вайи короткочерешковые (черешки в 3–4 раза короче пластин). Пластинка вайи в очертании эллиптически-удлиненная или продолговато-овальная,

заостренная, крупная (до 0,5–1,2 м). Черешок вайи без сочленения, при основании покрыт узколинейными пленками. Сегменты первого порядка с 15–20 сегментами второго порядка с каждой стороны; сегменты второго порядка удлиненные, островатые, перисто-надрезанные. Сорусы продолговато-удлиненные согнутые, около 1 мм длины. Индузий хорошо развит, закрывает весь сорус, повторяя его форму, прикреплен к ножке длинным краем со стороны края сегмента, свободный конец его бахромчатый.

В начале вегетационного периода развиваются зеленые вайи, не несущие сорусы, а ближе к середине вегетационного периода – спороносные фотосинтезирующие вайи. Вайи к концу вегетационного сезона утрачивают хлорофилл, желтеют и полегают. Летнезеленые растения с четкой сезонной сменой покоя, при отмирании которых особи переходят в фазу зимнего покоя.

Мезотрофный мезофит. Обитатель плакорных древесных сообществ. Достаточно требователен к почвенному и атмосферному увлажнению. Нередко произрастает вместе с *Dryopteris filix-mas*.

9. *Cystopteris fragilis* (L.) Bernh.

Корневище относительно короткое, толстоватое, ветвистое, поверхностное. Растения 15–25 см высотой. Черешки короче пластинки вайи; последняя продолговатая. Самые нижние сегменты первого порядка превышают по размерам другие, не удалены от них, обычно очередные. Сегменты второго порядка овальные, с 3–5 парами небольших зубчиков по краю (глубина вырезки не доходит до середины сегмента) и 1–3 мелкими зубчиками на верхушке; реже листья – трижды перистые. Сегменты третьего порядка овальные, мелкозубчатые. Покрывальце в виде остроконечного колпачка, прикрепленного сбоку округлого соруса.

Летнезеленые растения с четкой сезонной сменой покоя, при отмирании которых особи переходят в фазу зимнего покоя. Вайи следующей генерации раскрываются весной. Вид способен к непродолжительной летней стагнации; во время летнего полупокоя вайи текущей генерации отмирают. Свое развитие вайи заканчивают поочередно, а к концу вегетационного сезона все отмирают.

Олигомезотрофный мезофит. Встречается в тенистых лесах. Обитатель обнажений известняка и открытых участков почвы. Спорадически. Сем. 5. Dryopteridaceae R.-C.Ching

10. *Polystichum aculeatum* (L.) Roth [*P. lobatum* (Huds.) Bast.]

Корневище короткое, толстое, приподнимающееся. Вайя дважды перистая, зимующая, кожистая, сизоватая, сверху голая или вдоль жилок с редкими волосками. Черешок не более 20 см длины. Растения 50–80 см высотой.

Сегменты первого порядка в очертании ланцетовидные, серповидно согнутые, постепенно или длинно заостренные. Сегменты второго порядка с ушком при основе, короткочерешчатые (черешок 1 мм), реже – сидячие, низбегающие, перекрывают друг друга, наклоненные вперед в сторону верхушки, заостренные, острозубчатые, на верхушке с довольно жестким тонким острием-щетинкой, самые верхние сливаются у основания. Индузий округлый, прикрепленный к сорусу в центре.

В начале вегетационного периода развиваются зеленые вайи, не несущие сорусы, а ближе к середине вегетационного периода – спороносные фотосинтезирующие вайи. Вайи к концу вегетации полегают зелеными. Растения в зиму уходят с зелеными вайями, которые весной сохраняются некоторое время и отмирают лишь по мере распускания новых; функционируют вместе с ними некоторый период (полувечнозеленые растения).

Встречается в пределах старых лесных ложин, в буковых и грабово-буковых сообществах, на влажных и сыроватых почвах. На Ставрополье редок; численность очень низкая. Достоверно встречается в окрестностях Ставрополя (Мамайский лес, долина р. Гремучки). Занесен в Красную книгу Ставропольского края как гляциальный, третичный реликт, уязвимый вид.

11. *P. braunii* (Spenn.) Fée

Корневище короткое, толстое, приподнимающееся. Вайя дважды перистая, резко суживается книзу, не кожистая, отмирающая на зиму, темно- или ярко-зеленая, опушенная с обеих сторон буроватыми волосками. Черешок не более 20 см длины. Растения 50-80 см высотой. Сегменты первого порядка в очертании удлинено-ланцетные, относительно прямые (не согнутые серповидно), коротко заостренные, сидячие. Сегменты второго порядка с ушком при основе, короткочерешчатые (черешок 1 мм), расположены на оси перпендикулярно (под прямым углом), не перекрывают друг друга, притупленные, по краю пильчатые (каждый зубчик заканчивается мягкой волосовидной ресничкой). Индузий округлый, прикрепленный к сорусу серединой (в центре).

Вайи к началу зимы полегают зелеными и лишь весной отмирают по мере распускания новых (полувечнозеленые растения). Группа вай новой генерации практически одновременно развивается в виде воронки (раструба).

Обитает вместе с предыдущим видом в сходных местообитаниях. Встречается реже предыдущего. Занесен в Дополнение к Красной книге Ставропольского края как гляциальный реликт, сокращающийся вид (2004).

12. *Polystichum setiferum* (Forsk.) T. Moore ex Woynar

Корневище короткое, толстое, приподнимающееся. Вайя дважды перистая, пластинка ее слабо кожистая, матовая, к основанию постепенно суженная. Черешок до 30 см длины. Растения 40-60 см высотой. Стержень густо опушен. Сегменты второго порядка длиной до 10 см, с ушком при основе, расположены под прямым углом к стержню, на коротких тонких черешочках. Сорусы мелкие. Индузий округлый, прикрепленный в центре.

Ритмы сезонного развития не изучен.

Ранее отмечался для плакорных буковых лесов (гора Стрижамент). Предположительно исчез. Занесен в Красную книгу Ставропольского края как гляциальный третичный реликт.

13. *Dryopteris filix-mas* (L.) Schott [incl. *D. caucasica* (A.Br.) Fr.-Jenk. et Corley]

Корневище толстое, плотное, короткое, полупогруженное, слабовосходящее, диффузно-розеточное, покрыто остатками черешков старых вай. Вайи дважды перистые. Пластинка вайи в очертании продолговатая или продолговато-овальная, к основанию суживающаяся, значительно превышает черешок. Последний (реже – и стержень между сегментами) покрыт редкими буроватыми пленками. Сегменты первого порядка в очертании линейно-ланцетные, к верхушке постепенно удлиненные и заостренные, размещены в одной плоскости с черешком. Сегменты второго порядка с почти параллельными краями, к основанию суженные, сидячие, при основании почти всегда сливаются, на верхушке – туповато-мелкозубчатые (реже – слегка цельнокрайние). Сегментов 2-ого порядка 15–25 пар. Сорусы размещены в верхней части вайи, возле основания сегментов 2-ого порядка, по краям средней жилки. Покрывальце пленчатое, плоское, охватывает не весь сорус.

В начале вегетационного периода развиваются зеленые вайи, не несущие сорусы, а ближе к середине вегетационного периода – спороносные фотосинтезирующие вайи. К концу вегетационного сезона вайи утрачивают хлорофилл, желтеют и полегают. Летнезеленые растения с четкой сезонной сменой генераций вай, при отмирании которых особи переходят в фазу зимнего покоя.

Мезотрофный мезофит. Фоновый вид плакорных древесных сообществ. Пластичный вид с достаточно широким диапазоном по отношению к влажности почвы (от ксеромезофита до эумезофита). Выступает в роли ассектатора или доминирующего вида травяного яруса плакорных сообществ.

Сем. 6. Ophioglossaceae (R. Br.) Agardh

14. *Ophioglossum vulgatum* L.

Корневище подземное, вертикальное, одиночное, короткое, неветвящееся, мясистое. Вайя – одна, очень редко – две, высотой 15–20 см. Стерильная часть

вайи цельная, нерасчлененная, яйцевидная или продолговато-ланцетовидная, более-менее низбегающаяголая, спороносная – в виде простого линейного колоска (стробила), около 6 см длины, превышающего в длину стерильную, с 12–40 парами спорангиев, сросшихся своими боковыми стенками в синангии.

Сезонный цикл развития не изучен.

Мезоэвтрофный гигромезофит. Встречается в Мамайском и Круглом лесах под пологом грабово-ясеневоего древостоя [1]. Занесен в Красную книгу Ставропольского края как гляциальный, третичный реликт, исчезающий вид.

Использованная литература и источники

1. Белоус В.Н. Местонахождения *Ophioglossum vulgatum* L. в окрестностях Ставрополя. // Проблемы развития биологии на Северном Кавказе. / Материалы науч. конф. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – С. 20-22.
2. Белоус В.Н., Шевченко Н.Е., Улановский С.В. Папоротники плакорных лесов Ставропольской возвышенности // Актуальные проблемы биологической и химической экологии: Материалы международ. науч.-практ. конф. – М.: МГОУ, 2012. – С. 20-23.
3. Доклад Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Ставропольского края «О состоянии окружающей среды и природопользовании в Ставропольском крае в 2007 году». – Ставрополь, 2008. – С. 49-56.

Березин Я. Б.,
г. Ставрополь,
ГУП «Наследие»,
главный специалист;
Колесниченко К. Б.,
г. Ставрополь,
ГУП «Наследие»,
главный специалист

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИК

В 2001 г. Кавминводский отряд археологической экспедиции ГУП «Наследие» проводил раскопки поселения «Энергетик», находящегося на южной окраине г. Железноводска. Памятник датируется II – IV веками н. э. Наиболее характерной деталью культурного слоя поселения являлись хозяйственные ямы. В общей сложности на поселении было раскопано 44 ямы. Из них две, №№ 2, 3, не входят в нашу выборку, так как выявлены условно, как скопление находок фрагментов керамики в черноземном слое.

Все ямы поселения можно охарактеризовать по трем признакам: 1 – форме, 2 – заполнению, 3 – расположению в раскопе. Подавляющее большинство ям на поселении (36 из 42) имело вертикальные стенки. Две ямы (№15 и №34) имели стенки с подбоем в одной из сторон. Две ямы (№16 и №18) колоколовидные в разрезе. Одна (№13) расширялась вверх. У ямы №9 стенки обрушились и точно не прослежены. Абсолютно преобладают ямы с вертикальными стенками, в то время как для поселений данного времени в Центральном Предкавказье более характерны колоколовидные ямы. Возможно, это объясняется тем, что 36 из 42 ям были вырублены нижней частью (25 ям) или доведены дном (11 ям) до скальной материковой породы. Ямы заглублялись в скалу на разную глубину – от доведения дна до скалы и заглубления придонной части на 5–10 см, до 70-80 см вырубленных в скале и ям (№№37, 38), полностью впущенных в скальный грунт. Сочетание сложности работ в скальном грунте и очень небольшая мощность мягкого, пригодного для сооружения колоколовидных ям грунта (не более 0,6м) привели к преобладанию более простых в рытье ям с вертикальными стенками.

На поселении преобладают ямы круглой и приближающейся к ней формы. Вероятно, это была основная форма для данного сооружения, а отклонения от нее объясняются чисто практическими причинами. Исключения только подтверждают правило. Так, неправильная многоугольная форма ямы № 39 возникла в результате того, что одна из стенок уперлась в скальный выход и попыталась его обойти. Кроме того, строители довели дно до скалы и,

вероятно, пытаясь достичь определенного объема ямы, увеличили ее диаметр. Выявлена интересная тенденция – ямы с меньшим диаметром, в целом имели более правильную круглую форму.

Выделялись ямы с неровным и выровненным дном. Так как большинство ям на поселении придонной частью вырублено в скале, этот признак имеет важное значение из-за труда, потраченного на выравнивания поверхности в камне. Ям с ровным дном больше – 26 (из них 4 в мягком грунте), ям с неровным дном 16 (из них 2 в мягком грунте). Из 11 ям, доведенных до скальной породы, лишь у четырех дно не выравнивалось. Три ямы (№№ 15, 19, 21) имели обмазку жидкой глиной (сохранилась только нижняя часть, но, возможно, они были обмазаны полностью). Все это позволяет сделать промежуточный вывод, что к сооружению каждой ямы подходили дифференцированно, исходя из ее будущего предназначения.

По заполнению все ямы можно разделить на 4 типа: 1. Золистое с турлуком (25 ям), 2. Золистое без турлука (12 ям), 3. Незолистое с турлуком (2 ямы) и 4. Незолистое без турлука (3 ямы). Это позволяет выделить среди них ямы с бытовым, со строительным и комбинированным мусором. В качестве строительного мусора мы рассматриваем фрагменты турлука, как обожженного так и необожженного, отдельные камни, гранулы однородной, одноцветной глины, древесный тлен, угли, щебень, гравий. К бытовому относятся керамика, зола, кости животных, керамический и металлический шлак, индивидуальные находки. К ямам с бытовым мусором можно отнести 2-й тип заполнения – золистое без турлука, и частично 4-й – незолистое без турлука. К ямам со строительным мусором всецело относятся ямы с 3-м типом заполнения – незолистое с турлуком. Комбинированный мусор характеризует 1-й тип. Всего на поселении было 28 ям с бытовым мусором, 12 с комбинированным и 2 со строительным. Наличие ям с комбинированным заполнением лишний раз говорит о вторичности использования большинства ям как мусорных.

Одна из особенностей золистого заполнения ям на поселении (однородного или слоев) заключалась в том, что именно с насыщенным золой грунтом, или просто с золой связано подавляющее количество находок. Зола всегда была мешаной и содержала не так много углей (лишь мелкие и разрозненные). Крупные скопления углей встречались крайне редко. Следовательно, в ямы попадала полностью прогоревшая зола из очагов и костров (бытовой мусор), а не зола от пожара строений (строительный), в этом случае было бы больше углей. Что характерно, именно «комбинированные» ямы со слоями строительного мусора содержали большое количество углей (из

12 ям в 6 были угли), а в «бытовых» ямах они встречаются реже (только в 4 из 28).

О расположении ям. На территории раскопа выявить систему расположения ям не удалось. Возможно, из-за того, что раскопкам подвергся строго ограниченный территорией строительства дороги участок поселения. В целом, в северо-восточной половине раскопа ям было больше, чем в юго-западной. Возможно, это связано с тем, что в северо-западной части раскопа был толще слой мягкого грунта. Не прослеживаются закономерностей в расположении ям и при совмещении всех трех признаков.

Суммируя вышесказанное, можно сказать следующее.

На поселении преимущественно использовался один тип ям, с вертикальными стенками, округлых в плане. В зависимости от конкретного предназначения ямы, условий грунта и т. п., характеристики ямы (диаметр, глубина, отделка) могли изменяться.

Первоначальное заполнение ям (за исключением немногих случаев, когда они явно создавались для захоронения строительного мусора) неясно. Заполнение бытовым мусором явно вторично, что подтверждает наличие у дна прослоек материкового грунта, осыпавшегося со стенок до заполнения мусором.

Вполне вероятно (если судить по количеству находок и мусора), все ямы были построены и использованы в один не очень длинный отрезок времени.

Бурков С. Б.,
г. Владикавказ,
Институт истории и археологии РСО-А
при СОГУ им. К. Л. Хетагурова,
старший научный сотрудник

**ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ПОИСКА, ФИКСАЦИИ И МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ОБЪЕКТОВ И ПРЕДМЕТОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ
ЧЕЧНИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

1. В настоящем докладе представлены и анализируются предметы и памятники середины VIII в. до н. э. – конца IV в. н. э., найденные и находящиеся на территории Чечни в ее современных административных границах. Этапы в формировании и применении методов поиска, изучения, хранения и музеефикации в целом совпадают со временем изучения самих объектов эпохи раннего железного века с территории республики, ранее выделенных автором: I – вторая половина XIX – начало XX в.; II – 30-е гг. – середина 50-х гг., III – вторая половина 50-х гг. – 1976 г.; IV – 1976 г. – 1985 г.; V – 1986 г. – 1991 г., VI – 2009 г. – и по настоящее время.

2. Для начального этапа характерно формирование разрозненных коллекций и собраний древностей, полученных в ходе стационарных полевых работ. В их число часто включались и отдельные предметы, найденные случайно или купленные у местных жителей (П. С. Уварова, А. А. Бобринский, Г. А. Вертепов, Н. С. Семенов и др.). В основном это материалы из погребальных памятников. Внимание к поселенческим артефактам сформировалось значительно позднее. Бытовые памятники интересовали исследователей в связи с военно-фортификационными факторами, описывались, но не исследовались стационарно (Ермоловское – Алхан-Кала, Герменчукское). Зачисток и шурфовок не производилось, исследования ограничились описанием и сбором случайных находок. Методики того времени особое внимание уделяли раскопкам курганов. Инструкции содержали и ряд рекомендаций по фиксации культурных слоев – закладку контрольной траншеи для установления характера напластований и изучения их с горизонтальными зачистками. Это позволяло устанавливать соотношение отдельных находок относительно стратиграфических горизонтов. Исследователям предлагалось отмечать и особые характеристики грунта. На памятниках раннежелезного века Чечни в дореволюционную эпоху эти приемы не применялись. Для каменоящичных погребений преобладал принцип изъятия из них отдельных предметов, без графической, либо – фотофиксации, погребальные конструкции

только бегло описывались. Снимки погребений, культурных слоев, насыпей курганов применялись редко, сами кадры были малоинформативными. Дневниковые описания деталей погребальной обрядности не отмечали. Краткая информация о найденных предметах содержалась только в описях, прикладываемых к коллекциям. При публикациях ограничивались изображениями наиболее интересных находок, рядовой массовый материал внимания почти не привлекал. «На снос» копались лишь невысокие насыпи. Формы погребальных ям, их глубины, выкиды, точки привязки, структура и архитектура самой насыпи фиксировались редко. При раскопках крупных курганов чаще всего изучалось центральное погребение; впускные захоронения, отдельные комплексы, другие детали погребальной обрядности оставались неизученными.

Полученные коллекции передавались, в основном, на хранение в музеи Москвы и Санкт-Петербурга, т. к. региональные хранилища древностей в местах их находок только формировались и не обладали возможностями для их сохранения и представления. Практика изъятия и перераспределения найденных предметов через Императорскую Археологическую Комиссию приводила к дроблению раскопчных материалов и расформированию коллекций. Способы их хранения (по материалу), размещение на отдельных планшетах постоянно приводили к утрате частей или целых предметов из железа и стекла. Ведение описей различалось по степени детализации: сама документация, чаще всего, была подробна, но описание отдельных предметов в музеях велось непрофессионально.

В настоящее время довольно непросто установить тип некоторых предметов. Этой цели помогает просмотр фотоматериалов. Отчеты, предоставляемые в Археологическую комиссию в основном касались административно-финансовых и организационных вопросов и были связаны с перечнем изъятых из раскопок предметов. Это, в том числе, было связано с записью процессов работ в полевых дневниках, частично – в описях, прилагаемых к коллекциям. Подробные отчеты о раскопках печатались в периодической печати (Бойси-Ирзо, Ани-Ирзо и др.).

3. Практика фотофиксации предметов продолжала применяться и в дальнейшем. Так, коллекции ГИМ были отсняты на пленку в последние предвоенные годы, что в настоящее время оказывает серьезную помощь исследователям в поиске необходимых материалов. В послевоенные годы этот метод помог в восстановлении «расшитых» при эвакуации планшетов в ходе нового составления расформированных коллекций.

4. На II этапе возросший уровень полевой фиксации позволил с большей подробностью фиксировать изучаемые памятники, в основном – при раскопках

грунтовых и каменнощичных погребений. Исследования бытовых памятников велись в незначительных объемах. Преобладал их внешний осмотр, коллекции подъемного материала создавались эпизодически. Культурные слои определялись визуально, с помощью анализа отдельных находок. Оценка различий между технологическими традициями позднего этапа раннежелезного века и начальных веков раннего средневековья произведена не была, выделение культурных слоев по их особенностям, на многослойных городищах, вплоть до середины 50-х гг. было проблематичным. Например, для Алхан-Калы она стала возможной лишь недавно, несмотря на значительные объемы полевых работ.

В настоящее время городище определяется как объект финала раннежелезного века. На Сержень-Юртовских поселениях I и II работы велись с постоянным совершенствованием методики раскопок, что позволило получить объективную картину формирования стратиграфических напластований и уловить позднейший этап функционирования, пришедшейся на «сарматское» время. Проще было с исследованием однослойных памятников (Бамутское поселение), однако послойная регистрация находок здесь не применялась, отчетные материалы содержат сведения лишь об их поквартальной фиксации. Эта тенденция была прослежена и для последующих этапов (Ханкала, Герменчук, Ильинская).

В предвоенные годы стала формироваться археологическая коллекция Грозненского областного музея краеведения, куда частично были переданы и предметы из Северо-Кавказского музея краеведения и Ингушского областного музея краеведения г. Владикавказа. Начало ее создания было положено коллекциями Б. Скилиотти, Н. С. Семенова, Ф. С. Панкратова, А. В. Уэльса, А. П. Круглова. Многие предметы, передаваемые в фонды на постоянное хранение, были описаны и зарисованы, что в последующем было частично использовано последующими исследователями (В. Б. Виноградов, В. А. Петренко, Е. И. Нарожный, Д. Ю. Чахкиев, Б. Б-А. Абдулвахабова и др.).

Для 30–40-х гг. XX в. было характерно активное составление рукописных фондов, которые пополняли в том числе и тексты полевых отчетов исследователей. Коллекции предметов из археологических раскопок экспедиций ГИМ, ГАИМК (ИИМК) в предвоенные и первое послевоенное десятилетие продолжали поступать в центральные хранилища.

В работах 60–70-х гг. прошлого столетия (СКАЭ) были задействованы Грозненский НИИ и музей краеведения, поэтому местные научные учреждения стали формировать собственные археологические коллекции. При передаче их на хранение описи предметов, составляемые полевыми сотрудниками экспедиций, отвечали принципам научности. Находки, выявляемые

сотрудниками региональных организаций, при их оформлении сопровождались краткими пояснениями и рисунками. Их научная апробация происходила редко, зачастую без детального научного описания. Это было связано с недостаточной квалификацией научных работников и ограниченностью публицистических усилий музея краеведения.

Традиции по привлечению региональных коллекций при написании обобщающих диссертационных исследований только складывались, однако эти материалы начинают использоваться заметно активнее (Е. И. Крупнов, Е. П. Алексеева, В. Б. Виноградов). Согласно методике полевых исследований, раскопанные бытовые и погребальные сооружения, после завершения их изучения, вновь засыпались и для последующей музеефикации не привлекались. Традиция малоинформативности отчетов, передаваемых в отдел полевых исследований ГАИМК (ИИМК), Института археологии продолжилась и в последующие годы. Найденные предметы и чертежи представлены в них фотографиями, часто – без масштаба, описания вещей поверхностны. Это связано в том числе и с попытками сохранить информацию от несанкционированного использования. Продолжала сохраняться практика внесения подробных записей в раскопные дневники. Детализация в оформлении результатов полевых научных изысканий произошла в конце 70-х гг. XX в., когда ОПИ вводятся новые правила оформления произведенных работ.

5. Для III этапа характерно наличие более полной и детальной информации в материалах научных публикаций, полевые отчеты часто схематичны и содержат только часть информации, особенно в альбомах иллюстраций. В курганах есть привязки, но данные нивелировок отсутствуют, чертежи погребений и бровок, значительная часть вещей представлены фотографиями, рисунки часто даны без масштаба.

6. После завершения деятельности в крае объединенной СКАЭ под руководством Е. И. Крупнова масштабные работы были свернуты, за исключением работ на Сержень-Юртовских поселениях. Исследованиям подвергались отдельные погребения и могильники, в основном в горно-предгорной зоне. Для работ на поселениях и городищах чаще была характерна шурфовка и закладка траншей, зачистка обнажений и сбор подъемного материала. Стационарные работы большими площадями велись редко и недолго. В связи с массовостью находок, после реставрационных работ и написания текстов отчетов они стали передаваться на хранение в местные музеи.

7. Приемы и методы полевой фиксации грунтовых могильников нашли отражение и в характере формирования отчетов, которые на IV этапе стали

более детальными. Они позволяют использовать вновь полученные данные для их более детального анализа. Исследования курганов были связаны, в основном, с исследованием уже разрушенных насыпей. Фиксация отдельных захоронений происходила с использованием методических приемов, применяемых для некрополей грунтового типа, погребальные конструкции фиксировались редко, информативность полевых работ незначительна, материалы опубликованы фрагментарно. При сдаче материала в региональные музейные хранилища авторы работ стали передавать и экземпляры научных отчетов.

8. На V этапе возрос объем выполняемых работ, в основном – на курганных некрополях. Улучшилось качество отчетных материалов, применялись статистические приемы обработки данных. Учет находок при раскопках поселений – поквартный, планиграфические данные фиксируются редко (Ильинское поселение). В отчетах присутствует детальное описание найденных предметов. Для передачи коллекций музеями стали разрабатываться и применяться собственные учетные документы, которые были обязаны заполнять исследователи памятников. По их результатам стороны подписывали акты приемки – передачи, в которых отражались характер материалов, их общее количество, а также сведения о приемщике коллекций.

9. Схематичность отчетных данных не способствует полноценному анализу погребальной обрядности и предметному сопоставлению материалов исследованных некрополей. Материалы случайно найденных и фрагментарно зафиксированных отдельных погребений трудно сопоставимы. Точная стратиграфическая ситуация для большинства бытовых памятников не прослежена, большинство находок не опубликовано. Сборы керамики с поверхностей поселений и городищ представляют собой разрозненные серии и не «привязаны» к конкретному участку культурного слоя. События конца 90-х гг. в Чечне привели к утрате большинства отчетных материалов прошлых лет и уничтожению документации на хранящиеся коллекции, которые депаспортизированы. Часть материалов утрачена полностью, остальная нуждается в обработке и разборе. Актуальна публикация сохранившихся части архивных и отчетных материалов, проведение новых полевых археологических изысканий.

С ростом объемов незаконных раскопок и массового разрушения памятников в ходе освоения территорий происходит создание частных коллекций и музеев (Донди-Юрт). Материалы эпохи раннего железного века составляют в них значимую часть, однако малодоступны для исследователей. Попытки легализовать подобные коллекции, в том числе – путем научных публикаций, могут способствовать разрастанию негативных тенденций с

сохранностью памятников. Нормативная база в области движимого культурного наследия не ограничивает прав граждан на действия с их личной или частной собственностью, если документально не подтверждены факт хищения либо иные противоправные действия при их обретении.

Лицензии на открытие музеев действующим законодательством в РФ не предусмотрены. В этих условиях возникает необходимость установления взаимоотношений между музеями и коллекционерами в рамках совершенствования федерального, регионального и муниципального законодательства в области действий с движимыми предметами культурного наследия РФ.

Гончарова Л. П.,
г. Михайловск,
Муниципальное образовательное учреждение
дополнительного образования детей
«Станция юных туристов»,
педагог

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ПРИРОДНЫЕ ПАМЯТНИКИ Г. МИХАЙЛОВСКА

В сердце каждого человека живет светлое чувство любви к тому уголку земли, где он родился, сделал первые шаги, начал познавать жизнь. И куда бы потом ни забрасывала его судьба, это чувство большой любви к Родине рождает патриотическую гордость за ее героическое прошлое. Поэтому так важно, чтобы каждый человек хорошо знал историю родных мест, гордился ею.

(Краевед с. Шпаковского Н. Г. Завгородний.)

«Памятники истории и культуры – вовсе не застывшая лава имен и дат. Эта осязаемая, видимая через «призму истории» живая жизнь, это свидетельства многовековой истории народов, их ратных дел и мирного труда, высоких духовных устремлений далекого и не совсем далекого прошлого.

Для того чтобы лучше узнать мой город, я хочу для вас провести обзорную экскурсию по Михайловску, пройдясь по его историческим, культурным и природным местам и памятникам. А начну экскурсию у памятника А. С. Пушкину.

Памятник Пушкину А. С.

История памятника такова. Ученики школы № 1 с. Михайловского (сейчас это НОШ № 24, ул. Октябрьская) обратились к директору школы с предложением об установке памятника Александру Сергеевичу Пушкину, аргументировав свое предложение так: «Наше село Михайловское и родное село поэта Александра Сергеевича Пушкина тоже Михайловское. Давайте в нашем селе, у входа в школу поставим памятник Пушкину к 120-летию со дня гибели поэта. Это будет наш подарок школе, селу. Что надо, будем делать сами...».

31 августа 1956 года, к 120-летию со дня трагической гибели, на линейке в честь первого звонка, состоялось открытие памятника великому поэту А. С. Пушкину в селе Михайловском Ставропольского края.

Так памятник поэту А. С. Пушкину, возникший по инициативе молодых и при их активном участии, стал замечательным местом на карте села Михайловского, потом Шпаковского, а ныне города Михайловска».

Памятник В. И. Ленину

Следующим памятником в нашей экскурсии будет памятник В.И. Ленину. Памятник находится на центральной площади города, которая носит имя Ленина.

«В морозный день 27-го января 1924 года жители села Михайловского пришли на площадь у церкви на траурный митинг, посвященный памяти вождя революции В. И. Ленина. На митинге единогласно принимается предложение установить памятник В. И. Ленину на средства граждан. Но подготовлен был только фундамент под памятник. А сам памятник был установлен только 6-го ноября 1984 года. Скульптором памятника был А. А. Тиренков, архитектором – Е. И. Кутырев. В Михайловске сохранили памятник вождю революции, за ним ухаживают и в знаменательные даты возлагают цветы.

Памятник В. П. Куксову

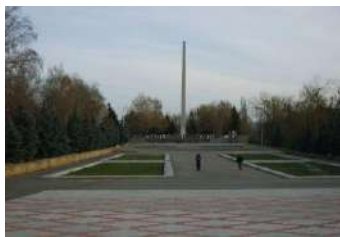

От памятника Ленина путь до памятника Василию Петровичу Куксову совсем близок. «Бюст первому секретарю Шпаковского райкома КПСС Куксову Василию Петровичу установлен в центре города Михайловска в 2001 году. Скульптором памятника стал наш земляк Н. Ф. Санжаров.

За короткий срок Василий Петрович поднял хозяйство района до уровня передовых. Облик села при нем стал одним из красивейших в крае. В. П. Куксов – созидатель, непревзойденный организатор и воспитатель! За весь период своей трудовой деятельности сделал очень много для жителей Шпаковского района: вывел колхоз имени Чапаева в передовые; газифицировал село, опередив этим весь район на 30 лет, при нем была построена дамба и облагорожен казинский водоем, построен пионерский лагерь «Солнечный», лагерь краевого значения. Был произведен план реконструкции села Шпаковского, глубокий яр в центре села превратился в площадь с фонтаном и зоной отдыха, вдоль речки Чла, где были заасфальтированы дорожки, высажены розы. Венцом архитектурного ансамбля стал мемориал Вечной Славы с Постом № 1, реконструирована улица Ленина, ограждены жилые дома из камня и дерева, высажены декоративные деревья. В 1976 году была построена детская автомобильная дорога. На подъездах к Шпаковскому району со стороны Грачевского, Изобильненского, Кочубеевского районов были установлены стелы.

От памятника В. П. Куксову, пройдя площадь, можно подойти к мемориалу «Огонь Вечной Славы». История создания мемориала очень интересна.

Мемориал «Огонь Вечной Славы»

«В 1974 году по проекту архитектора Д. Казачкова на бывшем овраге была построена площадь Победы с тридцатипятиметровой стелой, у подножия которой захоронены останки погибших героев Великой Отечественной войны. Всего здесь захоронено 198 человек: солдат, гражданского населения, убитых и замученных фашистами». «Здесь также перезахоронены Головкин Александр Григорьевич – старший политрук, расстрелянный фашистами; погибшие в неравном воздушном бою майор, батальонный комиссар Шрамко Андрей Иванович, интендант 2-го ранга Карчевский Анатолий Иванович. С хутора Верхнерусский сюда перенесены останки летчика Батурлина Т. Ф. и шести неизвестных солдат, погибших в воздушном бою над хутором Верхнерусским.

Вначале у обелиска «Огонь Вечной Славы» была погребена урна со списками 335 погибших земляков. 3-го ноября 1974 года мемориал «Огонь Вечной Славы» был торжественно открыт. В плиты памятника вмонтирован метроном, символизирующий биение сердец погибших. У подножия – два бассейна с водой, называемые «Слезы матери», символ материнской скорби о павших в годы войны. С Мамаева кургана был доставлен факел, которым торжественно зажгли Вечный Огонь. К 30-летию Великой Победы была заложена аллея из елей. Из села Михайловского ушли на фронт более трех тысяч наших земляков, и не вернулись 1288 человек. Сейчас на мемориале на стене Памяти выбиты имена всех погибших земляков.

Памятник Ф. Г. Шпаку

От мемориала «Огонь Вечной Славы», пойдем вверх по улице Ленина, в сторону парка, здесь и увидим памятник Шпаку Фоме Григорьевичу. В годы революции и гражданской войны Ф.Г. Шпак воевал и погиб за город Ставрополь. Имена героев гражданской войны не забываются. В 1963 году село Михайловское переименовано в село Шпаковское, а район – в Шпаковский, а в 1965 году в селе Ф. Г.Шпаку установлен памятник.

«Фома Григорьевич Шпак родился в селе Новопавловском Медвеженского уезда Ставропольской губернии. В 19 лет уехал на майкопские нефтяные промыслы, откуда его призывают в армию. 1 января 1918 года на Ставрополье устанавливается советская власть. Ф. Г. Шпака избирают военным

комиссаром и направляют в Ставрополь в распоряжение губисполкома. В мае 1918 года съездом Советов губернии принимается решение о мобилизации граждан на борьбу с контрреволюцией. Для выполнения этого решения в село Михайловское прибыл Шпак. Более 100 добровольцев вступило в отряд Ф. Шпака. Генерал Деникин сулил 25 фунтов золота тому, кто доставит ему голову Шпака.

24 июля 1918 года ранним утром двухтысячный отряд Шпака пошел в наступление за освобождение Ставрополя. Началась жестокая рубка, и в этой схватке погибает командир отряда Ф. Г. Шпак.

В боях за Ставрополь погибло и много наших михайловцев. В 1999 году селу Шпаковскому присвоен статус города, и село было переименовано в г. Михайловск.

Захоронение С. С. Николаева

Продолжая нашу экскурсию, мы идем по парку и переходим на улицу К. Маркса, к зданию, где располагается Пост Памяти №1, на территории которого находится могила Степана Степановича Николаева.

В 1832 году жителей Михайловского указом императрицы Екатерины II обратили в казаков. В 1837 году атаманом казачьего полка стал казак из обер-офицерской семьи генерал-лейтенант С. С. Николаев, который перенес Штаб казачьего полка в станицу Михайловскую. Николаев участвовал в Отечественной войне 1812 года. Сражался под Бородино, брал Париж в 1814 году. Был награжден орденами: Анны I степени, св. Георгия IV класса, Св. Владимира и Св. Станислава I степени, за храбрость имел золотую саблю, серебряные медали 1812 г., 1814 г., 1834 г.

Сын С. С. Николаева Петр был крестником царевича Александра Николаевича Романова. Такой чести удостаивались не многие.

С 1847 года Николаев становится начальником станицы Михайловской. Благодаря его заботливости крестьянское хозяйство пошло в гору, в станице появляются лучшие фруктовые сады во всем уезде. Скончался С. С. Николаев 18 февраля 1848 года и был захоронен в ограде деревянной церкви станицы Михайловской. В 1910 году в церкви случился пожар и она сгорела. Могила С. С. Николаева была утеряна.

В тридцатых годах здесь было построено здание, в котором размещалась администрация сельского совета. В 1974 году, при прокладке канализационных труб, землекопы обнаружили гроб с останками военного человека с генеральскими знаками различия. Было установлено, что это останки С. С. Николаева. Знаки различия, к сожалению, исчезли. Кто-то из жителей

впоследствии принес в местный музей эполеты с мундира, которые нашли в могиле. Сейчас за могилой Степана Степановича Николаева ухаживают юные постовцы.

Дендрарий Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства

Экскурсию по историческим и культурным памятникам я заканчиваю и перехожу к памятникам природы. В районе Научно-исследовательского сельскохозяйственного института, в юго-восточной части Михайловска находится дендрарий, который является памятником природы Ставропольского края. Дендрарий СНИИСХ был заложен в 1963 г., его площадь составляет 15,2 га. Здесь было высажено более 600 видов деревьев и кустарников, размещенных в художественных композициях. Функциональную и эстетическую сторону отражают архитектура и пейзажное искусство в их взаимодействии. Цветы и декоративные кустарники были собраны в розарии, иридарии и альпинарии. Для розария были выписаны и посажены десятки роз среди бордюров из самшита и тиса ягодного. В центре дендрария размещались разнообразные фонтаны, вокруг которых для отдыхающих были установлены скамейки. В семидесятые годы жители называли дендрарий райским уголком села Шпаковского.

В дендрарии произрастают такие виды деревьев: хвойные – ель голубая, ель пирамидальная, сосна карпатская, ангарская, карельская, пихта, лиственница; лиственные – каштан, ива плакучая, ива вавилонская, японская катальпа, рябина сибирская, рябина гранатная, береза, тополь, дуб красный, клен-Явор; декоративные – яблони, груши, миндаль.

Из кустарников: форзиция, азалии, можжевельник казацкий, барбарис, катран, спирея, красная, желтая, белая смородина, лианы.

Цветы: ирисы, гладиолусы, астры китайские, разновидность роз, герберы, георгины. В 1984 году дендрарий был реконструирован и коллекции растений пополнились еще на 125 видов, в том числе занесенных в Красную книгу России.

Русский лес

Памятником природы, который находится в Шпаковском районе близ города Михайловска является

Русский лес. Он расположен в юго-западной западной части города. «Русский лес, место расположения – к западу от Ставрополя, площадь 10100 га. Он является одним из самых прекрасных мест в Шпаковском районе. Располагается на высоте 300–600 м над уровнем моря. По климатическим условиям – умеренно-влажная зона. Годовое количество осадков до 550 мм. По тепловой обеспеченности лета территория считается очень теплой. Продолжительность безморозного периода 180–185 дней. Зима умеренно мягкая. Лето довольно жаркое. В марте начинается быстрый рост температур воздуха. К 20-м числам марта снежный покров сходит полностью. В лесу медленно тает снег. Лес начинает оживать и преобразоваться. Пахнет талым снегом. И для всех, кто любит весну, кто ее ждал – это самое лучшее время для походов, прогулок. Заказники в Русском лесу образованы с целью сохранения и воспроизводства на их территории луговой растительности с богатым разнотравьем, где имеются и типичные луговые кустарники. Насчитывается более 160 видов растений. Из них особое место занимают лекарственные растения.

На этом я заканчиваю экскурсию по знаменательным, памятным местам города Михайловска.

Использованная литература и источники

1. Н.Г. Завгородний «Неиссякаемая живучесть», с. Шпаковское, 1994 год.
2. А. Ивановский, «Занимательное краеведение», Москва-Ставрополь, 2003 год.
3. Учебное пособие «Физическая география Ставропольского края», Ставрополь, СКИПКРО, 2000 год.
4. П.В. Боярский, «Введение в памятниковедение», Москва, 1990 год
5. «Памятники истории и культуры Ставрополья», Ставропольский фонд культуры, 1993 год.
6. И. Кузнецов «Тихая линия», Ставрополь, издательство «Сенгилей», 1997 год.
7. Виталий Уренгой, «Восход Меркурия», – воспоминания о Василии Куксове, Ставрополь, 2004 год.
8. «История сел и городов Ставропольского края», Ставрополь, 2004 год.
9. Б.Н. Андросова, В.К. Маляров, «Дорогой вечности».
10. Н.Г. Завгородний, Газета «Коммунистический маяк», 1988 год, статья «Фома Григорьевич Шпак».
11. Беседы с сотрудниками СНИИСХ Ушкаловой Светланой Олеговной, ученым секретарем, Медниковой Ириной Ивановной, руководителем патентного отдела и по совместительству руководителем музея СНИИСХ.
12. Беседа с учителем русского языка и литературы Гуреевой Татьяной Ивановной.

Данилевич В. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом природы

**НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Г. К. ПРАВЕ
(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. К. ПРАВЕ)**

В 2012 году музейное сообщество отметило 150-летие основоположника естественнонаучной коллекции музея-заповедника, нотариуса Георгия Константиновича Пправе, ознаменовав его победой в VIII Грантовом конкурсе «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина, совместно с Министерством культуры Российской Федерации при оперативном содействии Ассоциации менеджеров культуры с проектом «Вода из реки Лимпопо». Название проекта подсказала глава из книги Ирины Селунской «Роман о музее».

Музейный квест «В поисках стрекозы или тайна волшебного фонаря» позволил шире раскрыть возможности музейных коллекций. Использование учебных наглядных пособий из одноименного музея им. М. В. Пправе на выставке в классе-трансформере дает возможность учащимся и посетителям окунуться в мир физики, биологии, географии, стать путешественником, увидеть микромир и жизнь в капле воды. Идеи Георгия Константиновича о возможности познания разнообразнейших материалов не только губернии, но и всего мира, воплощаются на примере эволюции приборов и предметов из его коллекций.

Из письма М. Г. Пправе об отчетном периоде работы музея за 1920 г.: «Зоологический материал состоит из чучел, шкур и спиртовых препаратов, млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий, рыб, всех отделов беспозвоночных животных (между прочим, более 400 ящиков насекомых Ставрополя и др. местностей), всего 29 010 экземпляров. По анатомии, эмбриологии и патологии человека 276 предметов. **По палеонтологии позвоночных – 164 предмета, беспозвоночных – 2 406 предметов и коробок.** По археологии 155 и этнографии 261 предмет (все это было собрано еще до Прозрителева Г. К. Пправе). Всего в научном отделе было более 45272 предметов». (1).

В фондах музея-заповедника сохранилось удостоверение, выданное Ставропольской городской управой, с которым и путешествовал Г. К. Пправе по Европе в 1911 году.

«Bestatigung

Das voliegende Zeugnis versichert dafs Georg Konstantinowitsch Herr Prave, der Director des Stadtmuseums zu Stawropol (Kaukasisch), von der Stadtbehörde nach Ausland beordert worden ist, um sich soworhl mit der Errichtungdes auschaulichen Unterrichts in den Volksschulen und mittleren Lehranstabltten, als auch mit der hauslichen Vorblbildung in Europa genau bekannt zu machen. Yndem die Stadtverwaltung dieses besteitigt, wird e ergebenst gebeten alle Anstaltn und Vorsteher ihm, dem Herr Prave, gunsting und bei der aufgetragenen Angelegenheit behulflich zu sein. Stawropol un Kaukasus. Mai, 1911.

Beisitzer der Stadtbehörde –A. Diegtiarevskii, Secretar –S. Borissoff, Tischvorsteher – S. Morosoff»

«Удостоверение выдано господину Г. К. Праве Ставропольской городской управой в том, что он командирован за границу для ознакомления с постановкой наглядного обучения и беспрепятственно мог приобретать коллекции наглядных пособий для музея в Ставрополе на Кавказе. Это позволит использовать их в учебном процессе в начальной и средней школе, а также при индивидуальном воспитании именно так, как это делается в Европе. Городская управа просит поспособствовать, оказав благосклонное содействие всем лицам и местам в порученном ему, господину Праве, деле. 1911 г. Май 16 дня. Член городской управы – Дегтяревский, столоначальник - Морозов, секретарь - Борисов»

Письмо Георгия Константиновича жене Марии Васильевне из г. Мариенбада, Чехия:

«Мариенбад. 17/30-VII-1911 . Sonbag. 10 Uhr Morejan. В окрест. 10 часов утра. Драгоценная моя девочка, вот жаль, что тебя нет здесь в Мариенбаде. Здешные пихтовые леса прямо очаровательны. И мы с Зинуркой успели уже сделать четыре экскурсии за насекомыми и каждый раз часа по 3, по 4 проводили в лесу. Больше не удастся, т. к. самый большой промежуток у нас свободный от вод, еды и прочих упражнений предписанных врачом, - это от 11/2 до 6 часов пополудни и мы им пользуемся для более продолжительных и отдаленных прогулок. О той (зачеркнуто). Лес начинается от нашей дачи и идет все в гору, во все стороны, но это ничего, м. б. научимся отлично лазить по горам, и мне только приходится часто отдыхать, чтобы не утомлять сильно сердце. Отойдешь от дома шагов 300-400 и чувствуешь себя так, как будто находишься в первобытном лесу. Птицы и звери совершенно и не боятся людей и доверчиво приближаются к нам. Третьего дня, например, сидел я около проезжей дороги, пересеченной пешеходной тропинкой, на пне, почти в виду нашей дачи, а Зиночка ловила недалеко имелей, смотрю – из-под соседнего дерева вылезает премилая мордочка из норки, а затем и вся рыжевато-коричневая лесная мышь. Села на задние лапки и начинает

уплетать стебелек травки, потом другой и третий. Приближается ко мне так близко, что я мог бы достать ее рукой. Я позвал Зиночку посмотреть. Та пришла, полюбовалась на нее, а она не обращает внимания и продолжает свое дело. Где можно увидеть такую прелесть (?). Вообще природа здесь довольно сурова, но очаровательна. Так хорош смолистый воздух. На днях мы забрались с Зиной на самую вершину нашей горы, а там стоит башня в сто ступеней на высоте 718 метров, взобрались на нее и увидели весь Мариенбад с окрестностями верст на 20 во все стороны. Под нами море пихтового леса, переливающегося всеми оттенками зеленого бархата. Пихтовый лес особенно хорош сверху. Дышится так легко и привольно, просто уходить не хочется. Записали свои имена в книгу, что лежит на верхней площадке башни и посмотрели в подзорную трубу, что там же наверху привинчена. Берлин нам очень понравился, как ты можешь судить, потому, что мы пробыли там четыре недели. Были два раза в зоологическом саду, три раза – в зоологическом музее и по одному разу: в минералогическом, геологическом, сельскохозяйственном, колониальном, в Урании (от авт. - учреждение в Берлине, имеющее целью широкое распространение в народной массе научных, главным образом естественно-исторических знаний), на большой картинной выставке (неважная) и музее искусства и промышленности. Были в новом ботаническом саду и его оранжереях (вот где хорошо), в этнографическом музее. Аквариум и ботанический музей переделываются и потому закрыты. Отыскали дом союза Берлинских учителей с библиотекой 263000 томов чудно устроенной коллекцией автографов и вещей знаменитых педагогов, массой зал для заседаний, празднеств и пр. и далее с собственным большим рестораном и справочным бюро для учителей. Немецкий музей учебных пособий, отыскание которого заняло у меня массу времени – ничего мне не дало. Он довольно жалкий. И наш куда лучше и полнее, а это – единственный в Берлине. Накупил массу интересных вещей для музея. Человек будет представлен великолепно. Четыре черепа: один распилен и видны выходы всех важнейших нервов, на другом видны все молочные и под ними постоянные зубы. Третий весь разобран на штативы, и каждая косточка прикреплена отдельно, причем височная распилена и видно внутреннее ухо. И четвертый череп новорожденного с родничками и четырьмя зубами. Туловище такое, как у нас – разборное, но получил и с селезенкой, мускулы ноги, мускулы головы и нервы, разборное сердце, желудок, челюсть с разборными зубами, разборный мозг с указанием, какая часть мозга чьим управляет, глаза с фотографической камерой и глаз разборный. Uterus (от авт. - лат. – матка) (с плодом) разборная и три препарата легких в спирту – одно натуральное здоровое и два туберкулезных – с зернами и кавернами. Зоологическую коллекцию также

пополнил сильно. Купил скелеты обезьяны, кошки, летучей мыши, крота, черепахи и ящерицы и два черепа обезьяны. Чучела: молодого шимпанзе (отличный экземпляр, как пример бесхвостой человекообразной обезьяны), еще двух интересных обезьян, одну полуобезьяну и одного лемура. Из хищных – барсука, носуху и *Procion lutor* (от авт. – лат - енот-полоскун), из насекомоядных – трех землероек, из грызунов – сурка (помнишь, что были у Захарьина), пять пород мышей. Затем ленивца и даже всех птицевзверей – чудные экземпляры: утконоса и ехидну, великолепную сибирскую летягу в зимнем серебристом мехе и из сумчатых – огромную сумчатую крысу из Австралии (от авт. – горный кенгуру валлару?). Теперь у меня не будет хватать только чучела представителей толстокожих и китообразных, хоть череп и ноги есть у нас в музее и их...(неразборчиво). Да, забыл еще сказать, что купил череп слона с клыками и всеми зубами и нос нарвала (чудный экземпляр). Птиц купил немного: *Alca torda* (от авт. – лат. – гагарка) – вид близкий к безкрылым пингвинам, западного соловья, четырех попугаев (чудных) и двух колибри. Из рыб – чучело *Perca fluviatilis* (от авт. – лат. – окунь европейский) и пестрой акулы - и громадные челюсти акулы с такими зубами (рис. Г.К. Праве двух зубов акулы) – *Un desnosleo porusch* (от авт. - перевод не найден). Два примера симбиоза раков-отшельников (тройного), *Actinia sulcata* (от авт. – лат. – актиния) (большой экземпляр), *Salpa maxima* (от авт. – лат – сальпа, оболочник) (колония), *Helix pomatia* – виноградная улитка, голотурию, двух пауков и три вида превосходных губок, морского ежа и штук 75 тропических жуков и бабочек наиболее крупных и красивых тропических видов. Между прочим, зеленый ходячий лист, и прямокрылых, похожих на тонкие веточки. Ботаника будет представлена беднее. Три разборных модели гороха, 100 видов мхов: (*Laubmoose* – от авт. – лат. – мхи), плоды кофе и какао (в спирту), модели банана, огурца, персик, ствол сахарного тростника и 22 вида промышленных растений (**модели** с листьями, цветами и плодами). Купил так мало по ботанике потому, что не мог найти готовых экземпляров, а, не видя за глаза, не хотелось заказывать. Потому купил **несколько вещей по геологии, зоологии и ботанике**. Вот и все. Но все, что было более или менее важно для понимания музея, я купил и все в очень хороших экземплярах. Да, забыл еще, по сравнительной анатомии купил **цилиндров с препаратами**: 1). мозг: обезьяны, кролика, птицы, рептилии, амфибии и рыбы; 2). легкие: млекопитающего, птицы и т.д.; 3). желудок – тоже; 4). сердце с инъекцией артерии - тоже; 5). развитие дождевого червя; 6). эмбриональное развитие крысы; 7). развитие форели. Все отличные препараты и, наконец, прозрачное легкое кошки с инъецированными бронхами их разветвлениями – удивительно наглядный препарат и модель косточек внутреннего уха в натуральную величину. Вот и

все. В Вене, Питере и Москве куплю все, что необходимо для подвижной части музея. Справлялся я все время с собственным знанием языка и ни разу не взял переводчика. Меня понимают хорошо. Я сам их – хуже. Здесь нет Консула, и если непременно понадобится доверенность, то надо ехать далеко в Прагу или Вену. Но я думаю это – чепуха, и твоя доверенность годится. Если будет непременно нужно, то пусть пока все...(не разборчиво)... дадут деньги по этой и снимут запрещение, а по выезде из Мариенбада мы можем из первого же города выслать доверенность. Как ты хорошо хозяйничаешь, только не уставай очень. Целую всех и тебя, моя милая крошка». (1)

Как видим, из Германии, Австрии и Чехии Праве привез большую коллекцию экспонатов для научного отдела музея.

Интерес к зарубежной коллекции Георгия Константиновича возник и в связи с проектом, использующим его наглядные пособия, и в связи с тем, что в коллекции представлены палеонтологические находки из 123 и более местонахождений в Европе, в настоящее время в большинстве своем уже утерянных для научного мира. Определение видов, их местонахождение, свита или ярус по стратиграфическому анализу и геохронологической таблице в первичных книгах поступлений иногда указывается довольно подробно. Эти сведения были получены вместе с приобретением экспонатов.

Из материалов иностранных интернет-сайтов известно, что зольнхофенские (золенгофенские) плиточные известняки считаются одними из самых значительных мест находок ископаемых окаменелостей в мире. Эти ископаемые с часто сохраняющимися окаменевшими деталями, такими, как мягкие части организмов, части растений, крылья стрекоз, перья и т. д., принесли зольнхофенскому региону международную известность. Золенгофенские тонкоплитчатые известняки – тонкозернистые или литографские известняки с мозаичной основной массой. Зерна размером 3–4 микрона конформно соединены между собой. Слои известняков мощностью несколько сантиметров разделены еще более тонкими слоями мергелей. Слоистость почти совершенно ровная и правильная, за исключением отдельных текстур оползней. Сохранение целых ископаемых организмов и отсутствие бентоса или следов сверления указывает на отложение ниже базиса волн, в глубоких водах, более соленых и более анаэробных, чем нормальные неритовые. Эти бассейны лежат сразу за рифами и органогенными постройками, которые обращены к Альпийскому прогибу и протягиваются через всю Европу. (Подобные условия фоссилизации возникли в неогене в балке Вишневой под Ставрополем, давшей миру коллекцию в 32 000 экземпляров насекомых, рыб, растений, известных во всем мире с конца 1930-х гг. прошлого столетия). Наиболее значительны залежи в долине р. Альтмюль у

франконской деревни Золенгофен (Solnhofen), вблизи Эйхштадта из региона Альтмюльталь. Плитчатые известняки прогибов не изобилуют окаменелостями, но та фауна, которая присутствует, отличается поразительной сохранностью многих мягких частей с очень тонкой структурой, например, крылышек насекомых и перьев птиц.

Всего было описано 750 видов животных и растений. Первоначальный список Иоганнеса Вальтера был дополнен и исправлен. В нем содержится 99% организмов жившего в пелагических условиях морского нектона. В порядке уменьшения частоты встречаемости они представлены *Saccosoma* (свободно плавающими морскими лилиями), аммонитами, рыбами, ракообразными, головоногими, белемнитами, рептилиями, медузами. Обширные коллекции собраны в течение 200 лет в результате кропотливой работы исследователей. Разработка же верхнеюрских тонкозернистых кровельных известняков здесь велась еще со времен Римской империи.

Германия богата музеями, где есть почти полные коллекции золенгофенских отпечатков: Берлин – музей университета Гумбольдта, Дармштадт – Государственный музей Гессе, Мюнхен – Баварский государственный институт палеонтологии и исторической географии, Тюбинген – институт и музей геологии и палеонтологии, Франкфурт-на-Майне – Сенкенбергский музей естественной истории, Штутгарт – Государственный музей естественной истории. В замке Виллибальдсбург в Айхштетте расположен Музей юрского периода, в котором хранится одна из самых интересных коллекций ископаемых Баварии. Также наиболее значительные музеи по этой теме находятся в Золенхофене и музее минералогии и геологии в Дрездене.

Музей бургомистра Мюллера (нем. *Bürgermeister-Müller-Museum*) находится в современном здании Ратхауза города Золенхофена у берега реки Альтмюль. Там и хранится уникальное собрание окаменелостей, изъятых из слоистого известняка, обнаруживаемых при его добыче, а также благодаря трудам Алоиза Зонефельдера, который в конце XVIII века изобрел литографию. Начало музею положила коллекция бургомистра Фридриха Мюллера, занимавшегося сбором и препарированием обнаруженных находок (3).

В Государственном геологическом музее им. В. И. Вернадского экспонируются уникальные образцы из юрских отложений. Это часть «Золенгофенской коллекции», насчитывающей более 650 видов животных и растений. В мире всего 5 таких полных собраний по количеству образцов и видовому разнообразию палеонтологических объектов. Коллекция была приобретена в Мюнхене у пастора Руидля в 1876 г. К. О. Милашевичем, учеником Г. Е. Щуровского. Есть отпечатки рыб, ракообразных, стрекозы и

прочее, как отпечаток в сланце Мангейм (Mannheim, Германия) креветки *Decapoda* из коллекции графа Н.П. Румянцева (4). Первые образцы коллекции «литографских сланцев» Дарвиновского музея в Москве были закуплены А. Ф. Котсом за рубежом и зафиксированы в старинной документации с 1876 г. Редчайшие коллекции утраченных местонахождений, сохранившиеся в Томском музее, имеют большую научную и историческую ценность. Золенгофенские отпечатки рыб, водорослей, стрекозы, водяного паука, долгохвостых раков, рака-мечехвоста, моллюсков составляют коллекцию в 3 565 экземпляров. В палеонтолого-стратиграфическом музее кафедры динамической и исторической геологии Санкт-Петербургского государственного университета экспонируются окаменелые остатки рыб из знаменитых местонахождений Баварии и других мест Германии. Палеонтологическая коллекция Государственного биологического музея имеет объем около 4 000 экспонатов. Начало ей положили отдельные экспонаты Кабинета палеонтологии Народного университета имени А. Л. Шанявского, приобретенные в начале XX века у ряда известных западноевропейских фирм, и там есть небольшая коллекция золенгофенских сланцев с отпечатками.

Палеонтологическая коллекция отдела природы Ставропольского музея-заповедника, начало которой положил Георгий Константинович, в основном фонде представлена отпечатками животных и растений из стран Европы в количестве около 200 экземпляров, хотя первые книги поступлений дают большую цифру. Знаменитые сланцы из Баварии экспонируются в зале палеонтологии отдела природы. Среди них есть креветка (*Aeger tipularis*), стрекоза (*Cymatophlebia longiata*), рыбы (*Caturus furcatus* и *Leptolepis knorri*), а также ранее неучтенные иглокожие – плавающие лилии (*Saccosoma pectinata*) в количестве семи штук. Они были отмечены на обратной стороне сланцевой пластины с рыбкой. Размеры их до 10 мм. Боковой игольчатый рисунок «хвоинок ели», отходящий от их щупалец при удачной фоссилизации, на поверхности выражен слабо. И только частые углубления по ходу конечностей позволяют более точно определить данный вид. Отпечатки нескольких мелких и также ранее неучтенных брахиопод можно отыскать рядом. *Saccosoma sp.* встречается и на сланце со стрекозой. *Musca lithophila* также представляет интерес, являясь довольно редким экземпляром в коллекциях. Значимость данной коллекции в то время была не столь очевидна по сравнению с сегодняшним днем.

Вливаясь в общую палеонтологическую коллекцию музея, она выводит его на европейский и мировой уровень, так же, как и находки крупных животных на Ставрополье: два лучших по сохранности скелета южного слона, скелеты сарматского кита и эламотерия сибирского, типовой экземпляр тунца

и другие. Среди 85-ти музеев мира и 18-ти музеев Евразии с естественнонаучными и палеонтологическими коллекциями Ставропольский музей уверенно стоит в пятерке музеев России. Знаменитые ученые, естествоиспытатели и общественные деятели положили начало этим коллекциям, и среди них имя Георгия Константиновича Пправе (2).

С середины XIX века на занятиях начинают применяться сохранившиеся до настоящего времени наглядные пособия, в первую очередь настенные таблицы и модели. Каталог книжного магазина Гросмана и Кнебеля за 1904 год свидетельствует об издании большого количества наборов таблиц в европейских странах, среди которых Германия и Россия. В 1866 году в Германии была основана известнейшая фирма по производству учебных ботанических моделей Р. Бренделя (Robert Brendel). Подобные модели приобрел для музея и Г. К. Пправе, например, модели грибов из Вены или Grunewaid, Berlin.

В Вене и Лейпциге были знаменитые на весь мир книжные магазины и Институт ресурсов «Антон Пихлер @ Вдова и сын» (A. Pichler, s witwe @ sohn, Buchhandlung fur padagogische Literatur und Lehrmittel – Anstalt, Wien, V, Margaretenplatz 9. С 1874 г. Франц Пихлер являлся единственным владельцем компании со своей типографией и издательским делом по производству наглядных пособий в Европе. Пправе приобрел модели, постоянные анатомические микропрепараты, книги, таблицы, ящики под стеклом, представляющие бесполое размножение растений, модель движения питательных веществ по растению и многое другое. Теперь на иностранных форумах коллекционеров его продукция ценится довольно дорого. Таблицы по биологии предлагаются к покупке за 900 евро.

В 1889 году Карлом Адольфом Droop в Дрездене-Plauen была основана компания по торговле полезными ископаемыми. После этого, вероятно, руководство компанией принял его сын Карл Адольф Droop младший. Карл Droop в 1897 году опубликовал книгу «Die Gesteinslehre. Gemeinverständliche und Sammler» по геологии для школы. Несколько лет выходил его журнал «Mineralogische Notizen. Gemeinverständliches mineralogisches Fachblatt». Коллекция по минералогии и геологии, предлагаемая Друпом для продажи в конце XIX – начале XX века теперь высоко оценивается коллекционерами. Существует классификатор этикеток коллекции Друпа, который включает и цены на их различные типы. Этикетки, датируемые с 1904 года до 30-х годов 20-го века, имеют надпись: «Mineralienhaus Droop, Dresden-Plauen» (55 x 39 мм, 51 x 40 мм). Именно в этот период Пправе, будучи в заграничной командировке, приобрел предметы с такими этикетками в количестве более десяти. Это – отпечатки папоротников, листьев двудольных растений, беспозвоночных

животных. Подобные предметы коллекции Друпа хранятся в ведущих естественнонаучных музеях мира.

Праве приобретал экспонаты и у других фирм: в Bibliogr. Institut in Leipzig, Linnea, Berlin – влажные препараты, «Natura dicet», Berlin, №W 21, Turmst. 19, Гросман и Кнебель в Москве – влажные препараты и таблицы. Из зоологического сада он привез фотографии животных разных стран, проживающих в саду до 1911 г. Г. К. Праве приобретал коллекцию за деньги городской казны в количестве 5 050 р. и за свой счет, потратив в 1911 г. 472 р.. «Ведомость расходов по содержанию Ставропольского городского музея им. М. В. Праве за период с 1905 по 1916 гг. включительно» говорит, что из средств заведующего музеем Г. К. Праве было потрачено за 10 лет 11.862 р. (1). Беззаветная преданность музейному делу Георгия Константиновича Праве служит примером современникам, и память о нем сохранится на века.

Использованная литература и источники

1. СГМЗ, о. ф. 1, ед. хр. 6.
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki> – палеонтологические музеи мира.
3. ru.wikipedia.org/wiki/ – Музей бургомистра Мюллера.
4. <http://www.sgm.ru/53/> – Государственный геологический музей.
5. Каталог подвижного отдела учебных пособий Ставропольского городского музея им. М.В. Праве. Вып. 1. Изд. Ставропольского на Кавказе Городского музея. 1914. – 195 с.

Ильичёва Н. В.,
г. Георгиевск,
Георгиевский историко-краеведческий музей,
директор,
кандидат исторических наук

К истории Кавказского ополчения

В начале 1812 года в Георгиевск прибыл из Петербурга видный молодой офицер- конногвардеец, поручик Роман Саковнин, флигель-адъютант министра юстиции. Явившись к начальнику Кавказской линии генералу Портнягину, предъявил ему предписание, из которого явствовало, что он должен сформировать Кавказское ополчение из горцев. Если принять во внимание подъем патриотических чувств, то понятно, какую горячую поддержку это нашло. Засомневались немногие. Полковнику Дебу – командиру расквартированного в Георгиевске Казанского пехотного полка – показалось странным, что такое ответственное и сложное дело поручили столь молодому офицеру. К усомнившимся присоединился и советник Казенной палаты Хондаков, когда узнал, что Саковнину понадобилось 20 000 рублей. С одной стороны, прижимистый финансист воспротивился, почувствовав подвох, но (обычное дело в любые времена!), чтобы не вызвать неудовольствия начальства, все же выдал половину суммы. Между тем, идея создания ополчения нашла поддержку у кавказцев. Дали согласие известнейшие и родовитейшие фамилии Кабарды: князя Бековичи-Черкасские, Аслан-Бек и Араслан Гирей, князя Атажукины, князь Айтек Мисостов, Султан Менгли-Гирей. Ополчение набиралось в 4 000 отборнейших всадников. Историк В. Потто писал: «Красивые, стройные, одетые в железные кольчуги, блестя дорогим вооружением, они представляли собою красивое зрелище и, глядя на них, можно было без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара...». 26 декабря ополчение должно было выступить. 25 декабря вечером в квартире полковника Дебу собрался почти весь цвет города, чтобы устроить великолепные проводы Саковнину. Царила всеобщая эйфория, и только Хондаков не успокаивался. Осторожный финансист снарядил своего курьера в Петербург к министру финансов и стал ждать ответа. Шампанское лилось рекой, пили многократно за здоровье и желали успеха «дорогому и милейшему Роману Михайловичу». Вечер был в разгаре, когда у подъезда остановилась тройка измученных курьерских лошадей. После прочтения депеши события разворачивались, как у известного классика. Из Петербурга уведомяли, что Саковнин – самозванец, более того:

он вовсе не Саковнин, а Медокс, самовольно отлучившийся из действующей армии от атамана Платова, а до того – изгнанный из дома за распутный образ жизни. Кстати, среди историков и литературоведов нет до сих пор единого мнения о том, кто же явился прототипом гоголевского Хлестакова. Среди версий фигурирует и имя Медокса. В ответ на обвинения Медокс произнес речь, несколько странную для авантюриста и даже не лишённую правильных замечаний по сути. Он объяснил, что сделал это на пользу и славу России, устранив для быстроты канцелярский формализм. Речь была достойна благородного мужа: «За себя не стану никого молить... но за мое дело всех вас умоляю: не дайте ему погибнуть... не распускайте кавказцев... Доставьте их на место боевых действий... Первая битва, в коей примет участие мною избранная конница, будет мне лучшим заступничеством и оправданием в глазах царя и России... Совесть моя чиста! Я не имел своекорыстных целей, а если нарушил закон, то лишь затем, чтобы в тяжёлую годину лучше услужить возлюбленному Отечеству...»

При проверке оказалось, что Медокс вел самым строгим образом отчетность казенных денег и ни одной копейки не истратил лично на себя. И совсем бы все было хорошо, и вырисовывался бы уже перед нами образ такого «мученика во имя идеи», если бы не новые архивные находки, позволяющие более четко уяснить себе истинное лицо Медокса. Оказывается, он был не столь прост, как казался. Он предвидел свое разоблачение и подстраховался тем, что, представив почтмейстеру подложное предписание на право ознакомления со всей официальной перепиской, Медокс перехватывал направляемые из Георгиевска в столицу рапорты местного начальства, в которых содержались упоминания о его приезде. Он умел также с неподражаемым сходством воспроизводить почерк как самого императора, так и многих министров. Затем он стал обрушивать на головы слушателей одно «откровение» за другим: то он Всеволожский, то внебрачный сын князя Голицина. Будучи выходцем из английской театральной семьи, он обладал, судя по воспоминаниям современников, уникальным даром перевоплощения, что позволяло ему практически в любом обществе уже через короткое время быть своим.

Так получилось и в 1826 году. Когда Медокс отбывал наказание за свои «кавказские гастроли» в Шлиссельбургской крепости, он, войдя в доверие к декабристам Пущину, Юшковскому, братьям Бестужевым, выведал у них азбуку, с помощью которой они перестукивались, о чем не замедлил сообщить куда следует.

Весной 1827 года, отсидев 15 лет, Медокс, спустя 2 года, объявился в Сибири, прежде устроив уже «южные гастроли»: бежал из-под надзора

полицей в Вятке с чужим паспортом. Когда его задержали в Екатеринодаре и отправили под конвоем в Петербург, он ухитрился бежать по дороге, затем объявился в Одессе. Появившись в Иркутске, где тогда служил городничим А. Муравьев, который тоже был осужден по делу декабристов, Медокс, блестяще вошедший в образ «жениха» свояченицы Муравьева, принялся регулярно строчить доносы на гостеприимного хозяина, его родственников и знакомых, которые общаются со ссыльными декабристами, проявляя тем самым свою «неблагонадежность». Поднаторев в этом деле, Медокс почувствовал в себе силы для более масштабной подлости. В 1832 г. он сообщил шефу жандармского корпуса А. Х. Бенкендорфу о том, что он «открыл» многочисленное тайное общество «Союз великого дела», которое, якобы, унаследовало идеи декабристов. Правительство, еще не забывшее своего испуга в 1825 г., «клянуло на приманку».

Расчет оказался точным. Медокса вызвали в столицу. Пока III отделение буквально «рыло землю» в поисках доказательств, Медокс кутил в Москве, попутно успев выгодно жениться, а затем внезапно исчезнуть, не забыв прихватить с собой приданое «нежно любимой супруги». Но деньги всегда имели обыкновение заканчиваться. Даже большие. Кутежи в провинции лишили его средств, и Медокс вернулся вновь в Москву, за очередной «жертвой». Но полиция не дремала, и в 1835 г. авантюрист, уже надолго, попал снова в Шлиссельбургскую крепость. В 1856 году, выйдя оттуда и отправившись на поселение, он до последнего своего часа находился под наблюдением полиции. Эти события описаны в «Кавказской войне» Потто и в повести писательницы Желиховской.

Теперь о приятных страницах истории нашего города, связанных с Отечественной войной 1812 г. Отрадно, что патриотические чувства у георгиевцев не угасли даже спустя 2 года. 10 мая 1814 года в Георгиевске, во время торжества по случаю занятия союзными войсками столицы Франции, производился сбор пожертвований среди дворянства. Вот как описывал это событие губернский предводитель Ребров: «По совершении в сей день соборного служения божественной литургии, было после оной приносимо... благодарственное с коленопреклонением молебствие. При провозглашении многолетия Его Императорскому Величеству и всей августейшей фамилии с крепости произведена была пушечная стрельба 101-м выстрелом. После чего из церкви как духовные, так и военные и гражданские чиновники отправились по приглашению к губернскому предводителю дворянства, который от лица всего дворянства давал обеденный стол и потом угощение в нарочно приготовленном для того лагере. Число приглашенных к столу особ было более 100. В продолжение стола и всего дня играла инструментальная музыка.

Присутствовавшие в сем собрании внесли в пользу раненых под Парижем воинов 880 рублей...» Особенно интересно то, что на сем торжестве присутствовали многочисленные кабардинские и горские князья.

21 ноября 1815 г. в Никольской церкви протоиереем Малахием Александровским было отслужено благодарственное молебствие с коленопреклонением по случаю прекращения войны с Францией.

У гауптвахты, перед Никольской церковью, была воздвигнута кирпичная колонна, по одной из разнообразных версий, выстроенная в честь победы россиян в Отечественной войне в 1812 году. И, наконец, когда в 1914 г. в Москве решили пышно отметить 100-летие окончания Отечественной войны и разослали по всем городам России приглашения ветеранам этой войны, в Георгиевске, согласно рапорту атамана Пятигорского отдела Терской области, таковых не нашлось. Думается, не потому, что георгиевцев не было на полях сражений. Вероятно, им просто не удалось прожить столь долгий век. Ведь даже самым молодым участникам войны к этому моменту должно было быть более 100 лет.

Проконова Т.В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник,
кандидат биологических наук

**КОЛЛЕКЦИЯ ЖУКОВ-ЖУЖЕЛИЦ (COLEOPTERA, CARABIDAE) В. Н. ЛУЧНИКА
В ФОНДАХ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

В 2012 г. ученые краеведы отметили 120-летие со дня рождения выдающегося энтомолога В. Н. Лучника. Фонды нашего музея бережно хранят 28 тысяч предметов из его коллекции, которая представлена девятью отрядами насекомых (см. таблицу).

Состав энтомологической коллекции В. Н. Лучника

Название отряда	Количество предметов
Тараканообразные (тараканы и богомолы) (<i>Blattodea</i> , <i>Mantodea</i>)	4
Чешуекрылые, или бабочки (<i>Lepidoptera</i>)	32
Двукрылые (<i>Diptera</i>)	40
Кожистокрылые, или ухвертки (<i>Dermaptera</i>)	88
Равнокрылые хоботные (<i>Homoptera</i>)	126
Ложносетчатокрылые, или стрекозы (<i>Odonata</i>)	350
Перепончатокрылые (<i>Hymenoptera</i>)	600
Прямокрылые (<i>Orthoptera</i>)	1000
Жестkokрылые, или жуки (<i>Coleoptera</i>)	25760

Как видно из таблицы, большая часть коллекции представлена жуками, из которых 2870 предметов составляют жужелицы. Действительно, несмотря на разнообразие деятельности – педагогической, музейной (последователь Г.К. Праве, в 1925–30 гг. директор Ставропольского краеведческого музея), общественной, первое место в жизни Лучника занимала научная. Это прежде всего систематическая энтомология, склонность к которой выявилась рано – с первых же лет он ограничился изучением жужелиц. Из 127 энтомологических работ Лучника 118 посвящены жужелицам [1]. Это обширное семейство жуков было выбрано для изучения Лучником не случайно: жужелицы – классический объект для проведения исследований жизненных форм, зоогеографии и зооиндикации.

Коллекция жужелиц представлена 18-ю родами этого семейства, а также жужелицами неопределенных родов, которые автор, по всей вероятности, не

успел или не посчитал нужным идентифицировать. Жуки размещены в 42 энтомологических коробках, снабженных инвентарными номерами и таксономическими этикетками. Большой интерес представляют собой первичные надписи этикеток, указывающие географическую точку сбора, фамилию коллектора, а в некоторых случаях и название вида пойманного жука. Такие образцы несут информацию о морфологической изменчивости вида, а также в связи с изменениями, происходящими в окружающей среде, границах распространения тех или иных видов или даже о полном исчезновении некоторых из них из состава генофонда.

В связи с этим в предлагаемой работе принят следующий порядок изложения материала: название рода и вида (если он определен), географическая точка сбора, дата и фамилия коллектора (если они указаны). В [] заключена расшифровка этикеток. Наиболее полно в видовом отношении представлены три рода семейства жужелиц: *Cicindela*, *Carabus*, *Calosoma*.

Фауна скакунов (*Cicindela*), по наблюдениям Лучника, на Ставрополье представлена 14 видами (по правилам современной зоологической номенклатуры все известные виды этого рода сведены к 10-ти). В коллекции имеются три из них, наиболее распространенных. Скакун германский (*Cicindela germanica*) собран Лучником в низовьях р. Кумы: [*C. Germanica*. Низовье Кумы Ставроп. губ. VI-914. W. Lutshnik det.]. Ученый отмечает, что в окрестностях Ставрополя *C. Germanica* встречается редко: «Я наблюдал ее здесь не более трех раз на лесных дорожках», и выделяет кавказскую форму этого вида в особую расу [2]. Скакун лесной (*Cicindela silvatica*) передан Лучнику из Латвии: [*C. Silvatica*. Рига. 10-VI-09] и с Соловецких о-вов энтомологом Боровиковским: [*C. silvatica*. Соловецк. о-ва VI-98. С. Боровиковский]. Скакун полевой (*Cicindela campestris*) собран в окрестностях города Ставрополя.: [*C. Campestris*. Ставрополь-Кавк.]. К сожалению, коллектором не были указаны его фамилия и дата сбора.

Особый интерес представляют собой виды жужелиц, предоставленные Лучнику его зарубежными коллегами. Владея несколькими иностранными языками, Лучник вел переписку с энтомологами Западной, Восточной Европы и Америки. По возможности, ученые вели обмен коллекционным материалом. Так в составе коллекции Лучника стали появляться зарубежные экземпляры, что немаловажно для науки. К сожалению, зарубежные коллеги не отличались педантичностью: в большинстве случаев они не указывали точное место сбора, дату и даже свою фамилию. Из Франции был передан 1 экземпляр скакуна, идентифицированный Лучником: [***C. flexuosa***. France. W. Lutshnik det.]. Имея зарубежные сборы, Лучник получал возможность проанализировать некоторые особенности морфологии жуков и характер их распространения в биотопах.

Так, Лучник сравнивает количество видов скакунов на Ставрополье, в связи с особенностями их распространения, и в странах Западной и Восточной Европы: «для сравнения можно указать, что в Болгарии найдено 11 видов скакунов, а во Франции вместе с Голландией и Бельгией – 13 видов. Наша фауна не менее богата, чем указанных стран, а в будущем можно ожидать ее дальнейшее увеличение. Причины этого лежат в разнообразии почвенных условий. На Ставрополье имеются и пески, и солончаки, к которым приурочены некоторые виды скакунов» [2].

Род *Carabus*, по наблюдениям Лучника, на Ставрополье представлен 13 видами, 8 из которых входит в состав коллекции. Все экземпляры жужелицы кавказской (*Carabus caucasicus*) были собраны Лучником в лесах окрестностей г. Ставрополя: [*C. caucasicus. Stavropol Caucasicus. V. Lutshnik d.*]. Один экземпляр передан Г. К. Пправе: [*C. caucasicus. Stavropol Caucasus. G. Prave*]. Вопреки всеобщему мнению о чрезвычайной редкости этого вида, Лучник указывает на то, что он обычен для лесов Ставрополья: «здесь жужелица кавказская встречается не редко. Согласно моим наблюдениям, опубликованным еще в 1910–11 г.г., жужелица кавказская днем бОльшей частью скрывается под опавшими листьями и камнями. Главным образом на добычу выходит ночью. Я чаще встречал этих жуков после дождей, когда их активная деятельность может объясняться тем, что в это время ими могут быть пойманы голые слизни, составляющие их главную пищу» [2]. По нашим наблюдениям, этот вид неоднократно встречался в лесах г. Пятигорска – на г. Машук (июль, 1995 г.) и курортного парка г. Железноводска (июль, 2007, 2012 гг.). Один экземпляр этого вида пополнил энтомологическую коллекцию [3]. Жужелица крымская (*Procerus tauricus*) была передана Лучнику из Севастополя: [*P. tauricus. Sevostopol (Krim)*].

Как опытному энтомологу, Лучнику часто передавали свои сборы другие исследователи. В некоторых случаях ученому приходилось сомневаться в точности указаний географических мест сбора того или иного вида. Так, в коллекции имеются экземпляры жужелицы зернистой (***Carabus granulatus***) с указанием на нахождение этого вида в окрестностях города [Ставрополь-Кавк.], в чем Лучнику приходится сомневаться: «Указания на нахождение этого вида непосредственно в окрестностях г. Ставрополя, вероятно, ошибочны. Этот вид был обнаружен мною в низовьях р. Кумы. Видимо, он широко распространен на Северном Кавказе, причем довольно часто поднимается в горы.»[2]. Именно этот вид был отмечен кавказским энтомологом Е. Кенигом для Эльбруса с высотой 4000 м н.у.м.! [4].

География сборов жужелицы красноногой (*Carabus cancellatus*) довольно обширная, но не всегда указывается коллекторами. Большинство экземпляров

представлены сборами из России: [*C. cancellatus* Россія]. Один экземпляр привезен из Приморского края: [*C. Cancellatus* Ussuri. Изъ кол. В. Лучника]. Несколько предметов привезены Г. К. Пправе [*C. Cancellatus*. Гатчина. С-Петерб. Г. К. Пправе], [*C. Cancellatus*. Москва. 11-VI-904 Пправе]. Г. К. Пправе также были переданы из С-Петербурга несколько экземпляров жужелицы лесной (*Carabus nemoralis*): [*C. nemoralis*. С-Петербургъ. 3-V-98].

1914 – 17 годы обучения Лучника в Киевском университете, которые не прошли бесследно для комплектования коллекции. Будучи неутомимым энтузиастом своего дела, Лучник использовал любую возможность пополнять ее и «заражал» этим своих единомышленников. Уже покинув Киев и переехав осенью 1919 г. в Ставрополь, Лучник получает отдельные экземпляры жужелиц из Киева. Хотя это и единичные сборы, тем не менее, весьма важные для науки. Благодаря им, ученым были описаны новые виды. Такова жужелица Жихарева (***Carabus Zhicharevi***), полученная Лучником от его товарища по университету: [P. Zhicharevi Lutsh., Киевская губ. Ильинск П. Жихаревъ].

Как уже отмечалось ранее, Лучник вел обмен с зарубежными коллегами. Так в коллекции появились экземпляры ***Carabus violaceus*** из Германии: [*C. violaceus*. Germania] и ***Carabus hortensis*** из Польши: [*C. hortensis*. Польша], которые, впрочем, характерны и для нашего региона.

Работая в качестве преподавателя в Ставропольском сельскохозяйственном и педагогическом институтах, Лучник проявлял себя как талантливый педагог. Он мог заинтересовать слушателей, умел подать им как будто далекие от практической деятельности сведения так, что они становились нужными. Причем его лекции посещали не только студенты, но и гимназисты. В результате этого коллекция пополнялась экземплярами, собранными преданными ему учениками. Так в коллекции жужелиц появились экземпляры ***Carabus campestris***: [*C. campestris*. Екатеринодаръ сб. уч. гимназии].

Род *Calosoma* в коллекции представлен тремя видами: красотел бронзовый (***Calosoma inquisitor***), красотел пахучий (***C. sycophanta***), красотел золотистоямчатый (***C. auropunctatum***). Все виды были собраны Лучником в окрестностях города Ставрополя: [Ставрополь-Кавказский, Лучн.]. Интересны наблюдения автора над красотелом пахучим: «Обычно *C. sycophanta* встречается у нас довольно редко. Наряду с тем бывают и массовые его появления. В 1923 г. попадающийся в окрестностях г. Ставрополя большей частью лишь одиночными экземплярами непарный шелкопряд (*Lymantria dispar*) стал более многочисленным. Особенно много его было в Мамайском лесу. Летом 1924 г. там появилось много пахучих красотелов, т. к. гусеницы шелкопряда составляют основную пищу для этих жуков» [2].

Другие роды семейства жужелиц представлены единичными видами. В виду ограничения места, отметим лишь, что они собраны Лучником в Ставропольской губернии – главным образом, в окрестностях г. Ставрополя, с. Московского, с. Петровского, с. Благодарного, низовья р. Кумы, г. Кисловодска.

В 1926 г. коллекция жужелиц возросла благодаря Е. Р. Хадарину, талантливому препаратору и таксидермисту, привозившему сборы с Закавказья и с Черноморского побережья Кавказа: «Ваку. 1926. (Transcaucasus) Chadarin!», «Джубга. Хадарин». Эти сборы не были идентифицированы Лучником, как, по всей вероятности, не представляющие научного интереса. В настоящее время они хранятся в энтомологических коробках с надписью «Неопределенные роды и виды семейства жужелиц».

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что благодаря чрезвычайному энтузиазму Лучника, коллекция жужелиц систематически пополнялась не только за счет собственных сборов автора, но и за счет обменов с энтомологами из разных районов нашей страны и Европы. Большой вклад в формирование коллекции жужелиц внес Г. К. Пправе, сыгравший значительную роль в становлении интересов Лучника как энтомолога. Работая над исследованием жужелиц в течение 28 лет, Лучник составил обширную коллекцию, насчитывающую около 100 000 экземпляров этих жуков, содержащую не только известные для науки виды, но и виды, описанные собственно автором [5]. В настоящее время эта ценнейшая коллекция хранится в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника и Зоологического Института Академии наук С-Петербурга.

Использованная литература и источники

1. Виктор Николаевич Лучник (К 100-летию со дня рождения) //Памятные даты Ставропольского края. Ставрополь. 1991. С.35-42.
2. СГМЗ. Ф.9. Ед.хр. 1. В.Н. Лучник. Рукопись книги «Жуки-жужелицы Ставрополя».
3. Доронин И.В. Новые поступления в зоологическую коллекцию Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе //Прозрителевские чтения: Сб. материалов научно-практической конференции. В.4. – Ставрополь: «Вестник Кавказа», 2008. С.174-178.
4. Koenig E.: Museum Caucasus, I, 1899 – 340.
5. Плавильщиков Н. Памяти Виктора Николаевича Лучника //Энтомологическое обозрение, XXVII. – 1938. - № 3-4. – С.267-280.

Прокопенко Ю. А.,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры культурологии и искусств,
доктор исторических наук

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА СКЛЕПОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ КОНЦА IV – I вв. до н. э. ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Керамика наиболее массовый материал в захоронениях склеповых могильников кон. IV – I в. до н. э. Глиняные сосуды (местного и импортного производства) представлены в инвентаре почти всех обнаруженных гробниц. Местная керамика – кухонная, столовая, гончарная и лепная, коричневых, серых, черных тонов, часто лощеная. В числе преобладающих форм местной керамики следует отметить: миски разных типов, горшки, корчаги, кубки, кружки, культовые сосуды. В тесте сосудов, зафиксированных в склепах Ставропольской возвышенности, отмечены примеси в виде толченой ракушки, дресвы, песка и органики. В тесте керамики из гробниц района Кавминвод присутствовали: кальцит, дресва, шамот, песок. В памятниках окрестностей г. Ставрополя (мог. №1 Татарского городища, скл. 2 и др.) обнаружено некоторое количество чернолощеной керамики: кубки, миски, фрагменты корчаг. Выделяется группа культовых сосудов типа курильниц и мелких лепных сосудиков.

Импортная прикубанская керамика – гончарная, столовая, лощенная, охристых и серых тонов. Присутствуют сосуды на поддонах. Тесто тонкоотмученное без видимых примесей. В их числе следует назвать миски, канфаровидные сосуды, кувшины, сосуды со сложнопрофилированным горлом и др. (1, с. 78; 2, с. 257 сл., рис. 151, 157). В частности, в склепе № 2 могильника № 1 Татарского городища обнаружены охристые и темно-серые миски, имеющие невысокий поддон, чернолощенный и охристо-коричневый с ангобированной поверхностью сосуды со сложнопрофилированным горлом, серолощенный канфаровидный сосуд, серо-коричневый узкогорлый сосуд и др. (3, с. 68; 4, рис. 77 – 78). Канфаровидный сосуд открыт в склепе Коба-Баши.

Кроме прикубанской керамики, в гробницах зафиксированы сосуды античного производства: чернолаковая посуда и амфоры (6, с. 225; 7, с. 78). Фрагменты краснофигурного килика выявлены в склепе № 1 могильника № 2 Татарского городища (8, р. 119–121). Орнаментированный пальметтой фрагмент чернолакового сосуда находился в материалах склепа № 1 могильника № 1 Татарского городища (лекиф ?), два фрагмента чернолакового

канфара отмечены в склепе №2 этого могильника. Чернолаковый канфар найден в гробнице № Вербовского могильника. В склепе Каменная могила обнаружена чернолаковая чашка (тарелка) на высокой ножке (поддоне). Чернолаковая керамика отмечена в склепе, открытом на Варваринском кладбище (площадь Маяковского – г. Ставрополь) (9, л. 7).

В камере склепа № 2 могильника № 1 Татарского городища открыты амфорные фрагменты кремово-розового цвета (предположительно родосского производства) (10, с. 69). Ручки амфор родосского производства выявлены при исследовании каменной насыпи склепа № 1 могильника № 2 Татарского городища (11, рис. 84, 3, 4). Здесь же находилась нижняя часть амфоры с пачкающей поверхностью (Гераклея?).

К периоду кон. IV – III вв. до н. э. следует отнести все находки чернолаковых сосудов. Из них выделяются: орнаментированный пальметтой фрагмент лекифа (?) кон. IV в. до н. э. из склепа № 1 могильника № 1 Татарского городища (12, с. 54) и краснофигурный килик с изображением Гермеса (фрагменты) (мог. № 2 Татарского городища, склеп № 1 – южные окрестности г. Ставрополя) (13, с. 100). Судя по материалам Ольвии, античная керамика с изображениями Гермеса характерна для V – III вв. до н. э., но ближайшая аналогия данному изображению датируется III в. до н. э. (14, р. 120).

К этой же группе относится импортный чернолаковый двуручный сосуд – канфар¹ из гробницы № 1 Вербовского могильника (северо-западные окрестности г. Ставрополя) (15, с. 4, рис. 2). Сосуд выполнен из тонко отмученной глины кремового цвета и покрыт черным лаком (лак сохранился частично). Размеры²: В1 – 9 см; Д1 – 7; Д3 – 6,5 см. Тулово состоит из двух частей. Верхняя – подцилиндрической формы со слегка наклонными стенками; нижняя – усеченно-конической формы с выпуклыми стенками. Переход верхней части в нижнюю – через ребро.

Ножка (полая) имеет усеченно-коническую форму. Стенки ножки профилированные – трехступенчатые (В5 – 1,6 см; Д верхнего кольца – 2 см; Д второй ступени – 3; Д основания – 3,8 см).

Ручки вертикальные, петлевидные (в сечении овальные), завершаются в верхней части коническими выступами (у одной ручки край выступа сколот).

¹ Хранится в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Пправе (№ 20866).

² В – высота; В1 – высота сосуда; В2 – высота горловины от низа венчика до перехода горловины в плечико; В3 – высота плечика сосуда до точки наибольшего расширения; В4 – высота придонной части сосуда от точки наибольшего расширения до дна; В5 – высота ножки; Д – диаметр; Д1 – диаметр венчика сосуда; Д2 – диаметр горловины сосуда; Д3 – диаметр тулова в месте наибольшего расширения; Д4 – диаметр дна; Дл – длина; Ш – ширина; Т – толщина.

Их верхняя часть крепится к краю сосуда; нижняя – к выпуклой части тулова. Профильная Дл верхней части канфара (от края одной ручки до края другой – 11,8 см).

Ниже ручек выпуклая часть тулова декорирована двумя горизонтальными параллельными каннелюрами.

Канфар, судя по цвету лака и форме сосуда, был произведен в конце IV – нач. III вв. до н. э. (16, р. 119).

По материалам Афинской агоры, форма канфара (сохранился профиль), сочетающаяся с лаком с металлическим блеском, из склепа № 2 могильника № 1 Татарского городища датируется 2-й четвертью III в. до н. э. (275–250 гг. до н. э.) (17, № 89).¹

Чашка на высокой ножке (поддоне) – тарелка, покрытая лаком буровато-зеленого отлива, происходящая из склепа Каменная могила, датируется рубежом IV – III вв. до н. э. – 1-й пол. III в. до н. э. (18, № 879). Внутренняя поверхность сосуда украшена штампованным орнаментом – четырьмя окружностями, выполненными «насечкой». Аналогично орнаментированные сосуды датируются рубежом IV – III вв. до н. э. (19, № 869). К сожалению, часть сосуда разрушена, поэтому не ясно, были ли вписаны в центр окружности пальметки, или он оставался неорнаментированным. Подобный орнамент (в двойное кольцо из насечки вписаны дуги с пальметками на концах) отмечен на сосудах IV – нач. III вв. до н. э. из Прикубанья – на тарелке из Закубанья (фонды Армавирского краеведческого музея) (20, с. 37, рис. 5). Еще одна тарелка с аналогичным орнаментом происходит из кургана Карагодеуашх (21, табл. XVI, 72).

Мелкие фрагменты чернолаковой посуды отмечены в склепе № 1 могильника № 1 Татарского городища, в склепе Варваринского кладбища, а также в Ново-Куркужинском склепе.²

Кроме чернолаковых сосудов, обнаружены фрагменты амфор. В частности, в насыпи склепа №1 могильника №2 Татарского городища были выявлены две ручки от амфор родосского производства (22, рис. 84, 3, 4). Одно читается плохо и нуждается в дальнейшей проработке. Второе клеймо, прямоугольное, размерами 1,7 x 4 см., имеет в верхних углах две «звездочки», в нем хорошо читается имя «Аристарх». Ю. С. Бадальянц относит деятельность родосского фабриканта Аристарха к III хронологической группе (около 220 – около 180 гг. до н.э.) (23, с. 7–11). Прямоугольные фабрикантские клейма с

¹ Выражаю искреннюю признательность сотруднику Государственного Эрмитажа О. Горской за помощь в датировании чернолаковых изделий.

² Благодарю Б.Х. Атабиева за информацию о находках в Ново-Куркужинском склепе.

двумя звездочками по углам и именем Аристарха найдены при раскопках в Пантикапее в 1903–1905 гг. (24, с. 122–127).

Отдельные фрагменты амфор кремово-розового цвета (Родос ?) происходят из склепа № 2 могильника № 1 Татарского городища (25, с. 69). При исследовании насыпи склепа № 1 могильника № 2 была найдена нижняя часть амфоры с пачкающейся поверхностью на изломе (Гераклея ?) (26, с. 78).

При исследовании южной половины каменной насыпи вокруг склепа № 1 могильника № 2 Татарского городища был открыт сероглиняный кувшин, имеющий овальное тулово, плавно переходящее в горло. Сосуд имеет кольцевой поддон и ручку с выделенными с наружной стороны двумя желобками (27, рис. 84, 13). Аналогичный кувшин отмечен в материалах Псекупского могильника (относится к среднемеотскому I периоду – V–III вв. до н. э.) (28, с. 237, табл. 91, 18).

В склепе Коба-Баши и в гробнице № 2 могильника № 1 Татарского городища были выявлены гончарные серолощенные канфары из тонкоотмученной глины (рис. 1). В первом случае канфар имел высокую конусообразную ножку (край отогнут наружу) (29, табл. 17а, 3). Второй канфар на невысоком поддоне имеет более приземистую форму. В сводке меотской керамики подобные канфары относятся к среднемеотскому II периоду – III – первой пол. I вв. до н. э. (30, табл. 96, 28–33). Судя по хронологии сарматской керамики из правобережья Нижней Кубани, составленной И. И. Марченко, автор близкие по форме сосуды датирует III – нач. II вв. до н. э. (31, вклейка 1).

Следует отметить, что при исследовании ряда гробниц были найдены целые формы и фрагменты керамики, характерные для местных племен кобанской культуры. В частности, в склепе № 2 могильника № 1 Татарского городища были выявлены чернолощенные миски, орнаментированные нарезным геометрическим орнаментом (треугольники и др.), чернолощенные кубки, фрагменты корчаг, чернолощенные и сероглиняные кружки, сероглиняные горшки и др. В большинстве случаев примеси в тесте сосудов включали толченую раковину, песок и органику.

Формы чернолощенных сосудов: мисок, кубков, корчаг и характер орнамента (врезные треугольники, отрезки вертикальных либо наклонных линий) типичны для сосудов скифского времени (32). Аналогичная керамика отмечена в слоях скифского времени Грушевского городища (33, с. 30 сл.).

У населения Ставропольской возвышенности и прилегающих Прикалаусских высот такие сосуды доживают до II в. до н. э. В частности, чернолощенные миски, украшенные резным орнаментом, иногда заполненным белой пастой (прием, типичный для сосудов скифского времени), и

острореберный кубок зафиксированы в материалах IV – II вв. до н. э. грунтового могильника Херсонка (34, с. 41).

В гробнице № 3 Вербовского могильника выявлены миниатюрная (вотивная ?) корчага (р. 7) и донная часть подобного крупного сосуда. Следует отметить, что корчаги характерны для памятников кобанской культуры предскифского и скифского времени (35, табл. XXXII). Однако корчагообразные сосуды в Центральном Предкавказье зафиксированы и в памятниках последних веков до н. э. (36, рис. 11). Известны подобные корчаги в материалах гробниц и других склеповых могильников. В частности, как уже отмечалось, в числе чернолощеной и сероглиняной керамики производства кобанской культуры, обнаруженной в склепе № 2 могильника № 1 Татарского городища (кон. IV – III вв. до н. э.) отмечена фрагментированная крупная корчага (37, рис. 78, 53).

В числе традиционной керамики, выявленной в склеповых захоронениях, характерной для поселений кобанской культуры скифского времени, следует отметить кружки. В частности, они выявлены в памятниках Ставропольской возвышенности (гробница № 3 Вербовского могильника) (38, рис. 1, 2, 4), в районе Кавминвод (склеп у п. Быкогорка, склеп Кабан-гора) (39, рис. 6, 2, 4, 7, 8; 12, 5).

В склепе № 3 Вербовского могильника выявлены 2 кружки и отдельная ручка от третьей. Аналогичные вербовским кружки с округлым и биконическим туловом появляются в предскифское время, но более характерны для памятников кобанской культуры VI – IV вв. до н. э. (40, с. 101, табл. XXXVII). Однако близкие по форме сосуды выявлены и в памятниках последних веков до н. э. (41, рис. 13, 17, 19, 20).

Кроме кружек, в гробнице обнаружена миниатюрная миска с усеченно-коническим туловом, подобная аналогичным плоским кобанской культуры западного и восточного вариантов. Такие сосуды (вариант «в» плоских по В. А. Козенковой) начинают употребляться на рубеже II – I тыс. до н. э., но чаще встречаются в комплексах V – IV вв. до н. э. (Минераловодский мог. и др.). В памятниках III – I вв. до н. э. они также являются обычной находкой (Ханкальский мог., погр. 56; Нижне-Джудатский мог., погр. 13). Видимо, подобные сосуды являлись обычной формой. Об этом свидетельствует находка близкой по форме мисочки в гробнице № 2 могильника № 1 Татарского городища (42, рис. 77, 20).

Также для гробниц склеповых могильников характерны миски с загнутым внутрь краем. Фрагменты таких мисок обнаружены при исследовании указанной гробницы № 3 Вербовского могильника, такие миски, декорированные горизонтальными желобками (найден фрагмент – рис. 9, 5),

характерны для памятников кон. IV – II вв. до н. э. (мог. Волчий Ручей – I, кург. (скл. № 3 ?); мог. Ташлянского I-го городища, погр. 1) (43, рис. 147, 9, 10). Такие миски являются обычной находкой и в гробницах могильников района Кавминвод (склеп у п. Быкогорка, склеп Кабан-гора) (44, рис. 7, 2; 12, 6, 8).

Особо следует отметить ритуальный сосуд с двумя ручками-выступами, с орнаментом по верхней части тулова в виде горизонтальных каннелюр, обнаруженный в гробнице № 3 Вербовского могильника. Он относится к типу 2 ритуальных сосудов III – I вв. до н. э. по М. П. Абрамовой. В частности, подобные экземпляры найдены в ряде погребений III – II вв. до н. э., открытых на Ставропольской возвышенности и в районе Прикалаусских высот (Херсонка; Китаевка, кург. 7, погр. 7; Круглолесское) (45, рис. 20, 28–31).

Также, в склепе № 3 выявлен миниатюрный горшочек и фрагменты нескольких горшков. Такие сосуды характерны для гончарного производства кобанской культуры скифского времени (46, табл. XXXIII). Следует отметить, что горшки являются обычной категорией посуды в керамическом комплексе гробниц склеповых могильников, аналогичных вербовскому. Например, они обнаружены при исследовании склепа на левом берегу р. Подкумок (севернее лесхоза г. Кисловодска) и могильника Гремучка – II (южная окраина г. Ставрополя) (47, рис. 9, 3; 10, 2; 48. с. 284; 49, рис. 162, 10–12).

Следует отметить один из отличительных признаков керамического комплекса склеповых захоронений – включение в погребальные сервизы миниатюрных (вотивных ?) сосудов: корчажек, горшочков, мисочек, ритуальных биконических сосудиков и т. д. (Вербовский мог., склеп № 3; склеп в районе ул. Дзержинского – центральный район г. Ставрополя (раскопки А. П. Глушкова, 1965 г.); мог. № 1 Татарского городища, склеп № 2, склеп у п. Быкогорка). Возможно, данное обстоятельство свидетельствует об их специальном производстве. Кроме погребальной обрядности, их могли использовать в качестве игрушечных сервизов для детских игр. Как правило, они лепные, сделаны без использования гончарного круга (иногда они ассиметричны; видны следы вдавлений от пальцев и т. д.). В отдельных случаях использовалась техника выдавливания (в куске глины рукой выдавливалась стакановидная выемка, вокруг которой формировались стенки будущего сосудика).

В числе керамических материалов склепов выделяется серия стакановидных сосудов (склеп № 2 могильника № 1 Татарского городища; Вербовский мог., склеп № 3; склеп Кабан-гора). Подобные экземпляры выявлены в материалах сарматского времени Пятигорья (пос. Провальская Балка). Традиция изготовления таких сосудов-курильниц восходит к скифскому времени у аборигенов Памиро-Алая и Средней Азии, где они бытуют в IV в. до

н.э. – IV в. н.э. По предположению исследователей А. М. Ильюшина и В. А. Фоменко, в район Пятигорья курильницы могли попасть в результате миграций сарматских племен на территорию Предкавказья (50, с. 43).

В числе курильниц следует отметить сосуд с плоским выступающим дном. В горных районах подобные курильницы встречаются в комплексах III -- II вв. до н.э. (Кобань – Западное кладбище, мог. 9). Однако они характерны и для погребений рубежа эр и первых веков н. э. (Кобань, раскопки Г. Д. Филимонова, погр.1; 2; Кобань – Западное кладбище, мог. 4) (51, рис. I, 25; III, 33; IV, 25–27; IX, 9).

Интересны фрагменты крупного сосуда с двумя ручками (кастрюля ?), декорированного налепным орнаментом из гробницы № 3 Вербовского могильника. Судя по наличию в тесте толченой раковины, кастрюля выполнена в местной мастерской. Однако налепной орнамент с округлыми вдавлениями не встречается на керамике Ставропольской возвышенности, он характерен для керамического производства населения Затеречья скифского времени (Ильиновское пос. и др.) (52, табл. 50). Возможно, к созданию данного сосуда имел отношение выходец (пленник ?) из отмеченных предгорных районов. Либо кастрюля выполнена под влиянием подобно декорированных сосудов, вывезенных отсюда же.

Следует отметить, что кастрюли зафиксированы в слоях поселений как восточного, так и западного вариантов кобанской культуры. В частности, такой сосуд с округлым туловом и двумя вертикальными петлевидными ручками выявлен в слоях X – VII вв. до н. э. Сержень-Юртовского поселения (53, табл. XLIX, 5). Ряд фрагментов кастрюль выявлен при исследовании Грушевского городища (юго-западные окр. г. Ставрополя) в слоях VI – III вв. до н. э. (54, с. 49).

В Затеречье аналогичные сосуды поступали к кочевому населению. Подобная кастрюля с двумя петлевидными ручками (отличается усеченно-конической формой тулова) обнаружена в погребении 7 кургана 1 могильника, Бамутский поворот гр. I (V – IV вв. до н. э.) (55, рис. 5, 2).

Здесь же подобные кастрюли продолжали использоваться в III – II вв. до н. э. Например, аналогичный сосуд выявлен в погребении 73 (21) Ханкальского могильника (56, стр. 47, рис. 10).

Исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть характерные особенности керамического комплекса гробниц склеповых могильников:

- значительный процент импортной керамики боспорского и меотского производства:

- длительное использование керамических форм, технологии производства и орнаментации сосудов, характерных для кобанских племен скифского времени (до рубежа эр);
- включение в погребальные сервизы миниатюрных (вотивных ?) сосудов;
- использование в производстве керамики технологических и орнаментальных элементов, заимствованных у населения юго-восточных районов Предкавказья (военные походы, миграции, торгово-обменные связи?).

Использованная литература и источники

1. Прокопенко Ю.А. Керамика античного и меотского производства в памятниках Ставропольской возвышенности IV-III вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Мат-лы X межд. науч. конф. (29 мая – 3 июня 2001 г.). Ростов-н/Д., 2002.
2. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005.
3. Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Сб. науч. ст. Ставрополь, 1999.
4. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие...
5. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.
6. Прокопенко Ю.А. К вопросу о выделении в материалах IV-I вв. до н.э. памятников Ставрополя узко датирующихся комплексов IV-III вв. до н.э. // Третья Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. межд. конф. Краснодар-Анапа, 2001.
7. Прокопенко Ю.А. Керамика античного и меотского производства в памятниках Ставропольской возвышенности IV-III вв. до н.э. ...
8. Kudryavtsev A.A., Kudryavtsev E.A., Okhonko N.A. The Collection of classical Pottery held in the Stavropol Museum of local History // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 6, no. 1 – 2. Brill. Leiden, Boston, Köln, 1999.
9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 645, оп. 1.
10. Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Сб. науч. ст. Ставрополь, 1999.
11. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие...
12. Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка – Вербовка. М.: Таус, 2012.
13. Кудрявцев А.А., Галаева В.И. Раскопки оборонительного вала Татарского городища // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. науч. ст. Вып. 4. Ставрополь, 1999.
14. Kudryavtsev A.A., Kudryavtsev E.A., Okhonko N.A. Указ. соч.
15. Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А. Вербовский могильник кон. IV – III в. до н.э. (северо-западные окрестности г. Ставрополя). М., 2012.
16. Kudryavtsev A.A., Kudryavtsev E.A., Okhonko N.A. Указ. соч.
17. The Athenian Agora. Princeton. V. XXIX. New Jersey, 1997.
18. Там же.
19. Там же.
20. Лопатин А.П., Малышев А.А. К вопросу об античном керамическом импорте в Закубанье в VI-II вв. до н.э. // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир-Москва, 2002.
21. Архив Института истории материальной культуры (Арх. ИИМК РАН), ф.1, оп.1, д.16, 1886.

22. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие...
23. Бадалянц Ю.С., 1980. Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм // НЭ, 1980, Т. XIII. Бадалянц, 1980,
24. Бадалянц Ю.С., 1992. Дифференцы родосских амфорных клейм // ВДИ, 1992, № 3.
25. Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Указ. соч...
26. Прокопенко Ю.А. Керамика античного и меотского производства в памятниках Ставропольской возвышенности IV-III вв. до н.э. ...
27. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие...
28. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989.
29. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии...
30. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время ...,
31. Марченко И.И. Сираки Кубани. (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
32. Маслов В.Е. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII – V вв. до н.э. Авт. дисс... канд. ист. наук. М., 1997.
33. Найдено А.В., Прокопенко Ю.А., Деопик Д.В. Керамика Грушевского городища (предварительная публикация) // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 2. Ставрополь, 1998.
34. Абрамова М.П., Петренко В.Г. Погребения сарматского времени из Ставрополя // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.
35. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. Б 2-5. М., 1998.
36. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993.
37. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие...
38. Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А. Указ. соч...
39. Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Склеповые сооружения эпохи раннего железного века района Кавминвод // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 3. 2000.
40. Козенкова В.И. Указ. соч...
41. Абрамова М.П. Указ. соч...
42. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие...
43. Там же...
44. Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Указ. соч...
45. Абрамова М.П. Указ. соч...
46. Козенкова В.И. Указ. соч...
47. Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Указ. соч...
48. Прокопенко Ю.А., Разведки в черте г. Ставрополя // Археологические открытия 2003 года. М., 2004; он же. Историко-культурное развитие...
49. Прокопенко Ю.А., Историко-культурное развитие...
50. Ильюшин А.М., Фоменко В.А. Поселение Провальская балка (о влиянии азиатских традиций на культуру населения Пятигорья сарматского времени) // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Кисловодск, 1994.
51. Абрамова М.П., 1974. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Сб. науч. ст. М.
52. Дударев С.Л. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.
53. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. // САИ. В 2-5, т. 2. М., 1982.

54. Найденко А.В., Прокопенко Ю.А., Деопик Д.В. Керамика Грушевского городища (предварительная публикация) // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 2. Ставрополь, 1998.

55. Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А. Подкурганые погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008.

56. Виноградов В. Б., Петренко В. А. Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1999.

Швырёва А.К.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник

О МЯСНОМ ПОТРЕБЛЕНИИ И ПРИЖИЗНЕННОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ТАТАРСКОГО ГОРОДИЩА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

Татарское городище представляет собой сложный многослойный археологический памятник, первым исследователем которого был Г. Н. Прозрителев. Этот памятник функционировал на протяжении почти двух тысячелетий, с VIII в. до н. э. по X – XI в. н. э. и прошел сложный путь исторического развития. К изучению материальной культуры городища постоянно возвращались многие исследователи⁴⁻⁷. Однако на такие стороны его жизнедеятельности поселения, как животноводство, охота, обращалось недостаточное внимание. К сожалению, многие остеологические материалы, на основе которых можно судить о хозяйственной деятельности древних поселенцев, канули в Лету.

По мнению историков, к этому времени на территории Предкавказья, в результате смешения кобанского и скифского населения, сложилась самобытная культура. Материалы, полученные в результате многих археологических экспедиций, показывают, что в этот период в Предкавказье развиваются крупные поселения⁸⁻⁹, к числу которых относится и Татарское городище.

В 1992–1993 годах большой остеологический материал дали экспедиции под руководством В. Н. Каминского и В. Ю. Малашева. Основной раскоп был заложен на территории Центрального городища. Кроме того, большое внимание было уделено расчисткам, сделанным на месте существовавших до 1992 года на территории городища дачных построек. В результате здесь были вскрыты и исследованы три культурных слоя. С точки зрения остеологии наиболее интересен средний культурный слой, относящийся к IV – I вв. до н. э.

Вначале остеологические материалы 1992 – 1993 годов подвергались простому видовому определению. Полученные данные давали представление только о количественном составе животных. При этом не учитывалось происхождение костей. Что имеется в виду? Т. е. в одну кучу сваливались и кухонные отходы, и кости из погребальных ритуалов, и кости со следами обработки человеком, и кости охотничье-промысловых видов. Это приводило к искажению мясного потребления населением и общей модели состава стада

животных. Чтобы получить истинное мясное потребление, необходимо из состава костных остатков исключить все, кроме содержимого кухонных ям. Всего на обработку поступило 1016 костей. Из них в научную обработку было использовано 156 костей. Причем сюда же были включены останки оленя и косули. На этой основе построен остеологический спектр. Как правило, по количеству костных остатков на первом месте оказывается мелкий рогатый скот. Но само собой понятно, ни одна овца не даст столько мяса, как корова или лошадь.

В дальнейших исследованиях использован метод Е. Е. Антипиной¹⁻³. Суть метода заключается в том, что отправной точкой отсчета становится остеологический спектр домашних животных (процентное соотношение), установленный по кухонным остаткам (Таблица 1). Далее вводится переменная, которая позволяет оценить разницу весовых показателей у разных видов. Как правило, за единицу принимается вес одной овцы (40–50 кг). По современным зоотехническим оценкам крупный рогатый скот и лошади тяжелее овцы в 7 раз, свинья 1,5, олень 2, косуля 1. Пересчитав состав мясного потребления в условных единицах, получаем реконструкцию модели стада домашних животных и иерархию видов в нем.

Теперь давайте обратимся к таблице.

***К методике расчета объемов потребления мяса животных
в Татарском городище по остеологическим данным***

Домашние животные				Охотничье-промысловые животные		
Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь	Олень	Косуля	
I. Количество костных остатков мясных животных						
40	61	13	26	9	7	156
II. Остеологические спектры						
25,65	39,11	8,34	16,67	5,77	4,49	100%
III. Кратность веса туш по отношению к весу 1 туши овцы						
7	1	1,5	7	2	1	
Объемы мясных продуктов в условных единицах						
179,55	39,11	12,52	116,69	11,54	4,49	363,90
IV. Соотношение объемов мясной продукции в %						
49,34	10,75	3,44	32,07	3,18	1,24	100%
VI. Иерархия видов по относительной численности в модели общего стада						
1	3	4	2	5	6	

Согласно остеологическому спектру, видно, что в сборах преобладают остатки мелкого рогатого скота, на втором месте по количеству особей крупный рогатый скот, на третьем лошади. Однако это не значит, что крупному рогатому скоту в хозяйстве уделялось меньше внимания. Само собой понятно, что и коровы, и лошади дают мясной продукции в несколько раз больше, чем мелкий рогатый скот.

Из данных таблицы видно, что на первое место по количеству мясной продукции в стаде выдвигается крупный рогатый скот. Это объясняется тем, что эти животные одновременно дают большое количество мяса. Кроме того, коровы дают молоко, к тому же крупный рогатый скот можно использовать как транспортное средство и тягловую силу, а шкуры животных находят применение при строительстве кибиток, жилищ, при пошиве обуви, т. е. здесь необходимо учитывать многофункциональное потребительское значение этих животных.

Второе место занимают лошади. Что касается этого вида домашних животных, то, естественно, их разводили, прежде всего, для использования по прямому назначению. Лошадки, выращиваемые в Татарском городище, были невысоки ростом (высота в холке около 138 см). Это полутонконогие лошади восточного типа, по пропорциям костей конечностей очень близки киргизским лошадям, которые имеют универсальные производственные качества. Они очень выносливы, приспособлены для работы, как в условиях пересеченной местности, так и на открытых пространствах с твердыми грунтами. Они прекрасно работают и под седлом, и под вьюком, в упряжи в легких транспортных средствах и в сельскохозяйственных работах. К тому же, они могут быть хорошим подспорьем в белковом питании населения, потому что одновременно дают большое количество мяса. Кобылы обладают высокой молочной продуктивностью. Молоко идет на приготовление кумыса. Шкуры животных также могут быть использованы в быту. Таким образом, и лошадей разводили для многофункционального потребления в хозяйстве древнего городища.

Третье-четвертое место делят свиньи и мелкий рогатый скот потому, что они скороспелы, не нуждаются в особом уходе и богатой кормовой базе. По пропорциям мелкий рогатый скот близко стоит к овцам Древнего Хорезма, а из современных – к туркменским и каракульским овцам. Эти породы сочетают в себе высокие мясосальные качества с хорошей шерстяной продуктивностью, а кожи используются для изготовления одежды и обуви. Наличие в сборах свиней указывает на оседлый образ жизни поселенцев Татарского городища.

Очевидно, охота при достаточно высоком развитии скотоводства занимала подчиненное положение и служила как бы подспорьем при

возникающем дефиците продуктов питания от скотоводства. Пушной же промысел здесь, видимо, не имел особого значения, потому что в сборах есть всего одна кость лисицы.

Судя по тому, что многие кости несут следы погрызов, которые могли быть оставлены собаками, скотоводство Татарского городища носило пастушеский тип. Высокую же продуктивность стада обеспечивала богатая ресурсная база, поскольку напольная часть памятника расположена на богатой разнотравно-луговой степи.

Использованная литература и источники

1. Антипина Е.Е., 2004. Реконструкция особенностей мясного потребления и других форм использования животных на поселениях Замятино^{5,6,7} в середине I тыс. // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир). Вып. 6. Москва.
2. Антипина Е.Е., 2006. Возможности реконструкции состава домашних животных в археологии // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск.
3. Антипина Е.Е. Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада.
4. Галаева В.Н., Мозгова Т.В., Гудалин В.В. Работы Ставропольского государственного краеведческого музея на могильнике № 3 Третьего Татарского городища в 2005 году.
5. Кудрявцев А. А.Галаева В.Н., 2001. Грунтовое погребение кобанского времени могильника № 2 Татарского городища // V Минаевские чтения. Материалы научной конференции. Ставрополь.
6. Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рунич Р.Р., 1999. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь.
7. Минаева Т.М., 1949. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности // МИСК. Вып.1. Ставрополь.
8. Охонько Н.А.,1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // МИСК. Вып. 15 – 16. Ставрополь.
9. Охонько Н.А., Белинский А.Б., 1989. Археологические памятники Ставропольской возвышенности в системе связей Центрального Предкавказья и Кубани // I кубанская археологическая конференция. Краснодар.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

Брыкалова Дарья,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский федеральный университет,

студентка

ЗАДАЧИ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В РАБОТЕ СО СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИЕЙ

Предпосылкой зарождения музейно-педагогической мысли явилось осознание музея как социального института образования, что особенно заметно проявилось на рубеже XIX и XX веков. Родиной музейной педагогики считается Германия. Ее становление связывается с именами профессора Мюнхенского университета К. Фолля и директора Знаменитой Гамбургской Кунстхале А. Лихтварка [2]. В России необходимость разработки музейной педагогики возникла в 1970-х гг. Это было связано с обеспечением научного подхода к интерпретации музейных собраний на основе использования принципов педагогики и психологии. Спустя 10 лет один из ведущих музееведов России А. М. Разгон заметил, что «создание такой научной дисциплины, находящейся на стыке целого комплекса наук, ныне представляется уже не какой-то отдаленной перспективой, а насущной практической задачей» [3].

Молодая научная сфера «музейная педагогика» востребована в обществе. Музейная педагогика как научная дисциплина находится на стыке музееведения, педагогики и психологии, предметом которой являются культурно-образовательные аспекты музейной коммуникации; научно-практическая деятельность современного музея [4]. Музейная коммуникация определяется современными учеными как трансляция информации, взаимодействие субъектов через музейные предметы, которые являются источниками информации и посредниками межкультурного взаимодействия субъектов.

Современные музейно-педагогические исследования (А. Б. Бакушинский, Н. И. Романов, Ф. И. Шмит, Е. Б. Медведева и др.) направлены на целостное осмысление взаимодействия музея с посетителем с учетом психологических, социологических и культурологических составляющих, на разработку программ и проектов, предусматривающих самостоятельное ознакомление с пространством музея, создание интерактивных экспозиций и разработку музейно-педагогических методик, направленных на преодоление пассивно-созерцательных форм, а их реализация позволяет посетителю выбирать маршруты движения, выстраивать собственные ассоциации.

Работа музейной педагогики со студентами должна отвечать специфике профессионального образования: для студентов гуманитарных специальностей тематику экскурсий желательно соотносить с учебными дисциплинами, а для негуманитарных – ориентировать на расширение эрудиции и развитие эстетического восприятия. При работе со студентами целесообразны музейно-экскурсионные циклы и связь с дисциплинами гуманитарного цикла.

В настоящее время культурно-образовательная деятельность – одно из ведущих направлений музейной работы. Это требует составления определенных программ, в том числе для сферы профессионального образования.

Агишина Т. И. рассматривает основные задачи музейно-педагогической программы:

1. Информирование – это первая ступень освоения музейной информации, т. е. первичное получение сведений о музее, составе и содержании его коллекций или об отдельных музейных предметах, а также по вопросам, связанным с профилем музея, различными направлениями его деятельности. Оно осуществляется с помощью таких традиционных форм, как лекция и консультация.

2. Обучение – вторая ступень освоения музейной информации на качественно новом уровне, включающая в себя передачу и усвоение знаний, а также приобретение знаний и умений в процессе музейной коммуникации. Обучение в музее предполагает получение дополнительных, альтернативных знаний, которые невозможно или не в полной мере можно получить в образовательных учреждениях. Этому способствует и внедрение музейно-педагогических программ, основанных на знакомстве и изучении предметов-подлинников. Обучение может осуществляться в форме экскурсии, музейных уроков для учащихся, занятий для студентов. Музейное занятие используется как форма работы музея.

3. Развитие творческих начал – высшая ступень постижения музейной информации. Развитие творчества предполагает использование потенциала музея, сосредоточенного в памятниках материальной и духовной культуры, для выявления наклонностей и раскрытия творческих способностей личности.

4. Общение – установление взаимных деловых или дружественных контактов на основе общих интересов, связанных с тематикой музея, содержанием его коллекций. Музеи предоставляют широкие возможности как для общения с музейной информацией, так и для содержательного, интересного неформального межличностного общения.

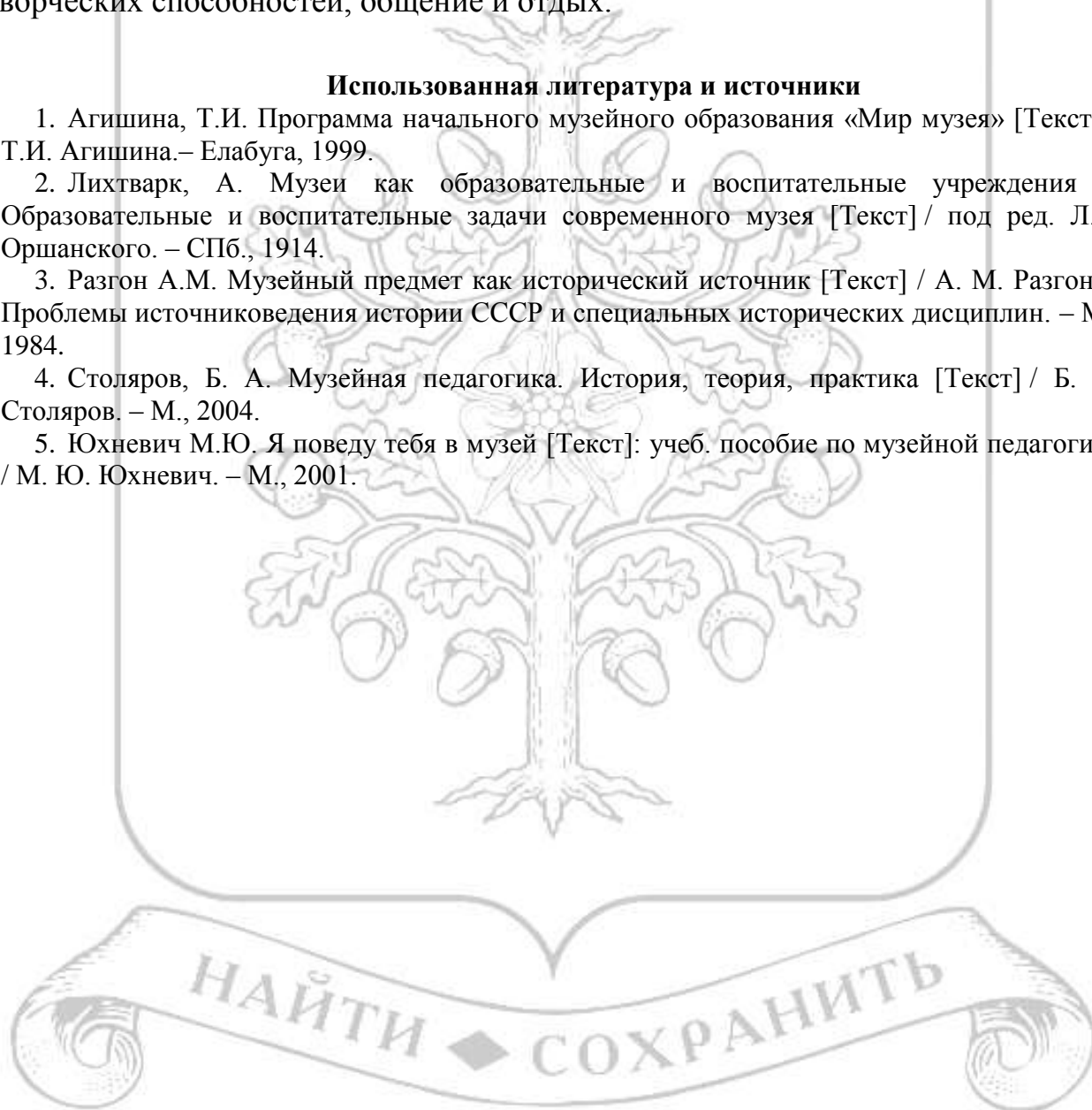
5. Отдых – организация свободного времени в соответствии с желаниями и ожиданиями музейной аудитории, удовлетворение потребности в отдыхе в

музейной среде. Большая часть этих форм досуга рассчитана на разновозрастную аудиторию, но существуют и специально разработанные формы отдыха и развлечения для определенных категорий посетителей [1].

Основными задачами музейной педагогики со студенческой аудиторией являются: ориентация на специфику профессионального гуманитарного и негуманитарного образования; разработка специальных музейно-педагогических программ, нацеленных на информирование, обучение, развитие творческих способностей, общение и отдых.

Использованная литература и источники

1. Агишина, Т.И. Программа начального музейного образования «Мир музея» [Текст] / Т.И. Агишина.– Елабуга, 1999.
2. Лихтварк, А. Музеи как образовательные и воспитательные учреждения // Образовательные и воспитательные задачи современного музея [Текст] / под ред. Л.Г. Оршанского. – СПб., 1914.
3. Разгон А.М. Музейный предмет как исторический источник [Текст] / А. М. Разгон // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. – М., 1984.
4. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика [Текст] / Б. А. Столяров. – М., 2004.
5. Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей [Текст]: учеб. пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич. – М., 2001.

Дверник С. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник

**РЕСУРСЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИКА
В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СТАВРОПОЛЬЯ»
В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)**

Роль музеев в культурной жизни современного общества постоянно растет. Их уникальность состоит, прежде всего, в высоком предназначении: музеи не только способствуют сохранению культурного развития личности. Поэтому важность работы по созданию образовательных и развивающих программ для учащихся и студентов в рамках сотрудничества музеев со школой разных ступеней нельзя переоценивать (1).

Предлагаемая к рассмотрению образовательная программа «Страницы истории Ставрополя» имеет военно-патриотическую направленность, реализуется для обучающихся Ставропольского детского объединения «Юнармеец». Предметом изучения региональной истории в рамках данной программы являются закономерности политического, социально-экономического, культурного развития Ставрополя в конце XVIII – начале XX вв. При этом рассматриваются основные вехи становления российской государственности на территории степного Предкавказья, особенности формирования здесь городов (на примере возникновения Ставрополя), этапы этногенеза народов, проживавших в Ставропольской губернии, быт и образ жизни русских и украинских крестьян-переселенцев, являвшихся наиболее многочисленной частью населения региона.

Целью программы является формирование гражданских качеств юнармейцев через изучение истории Ставрополя. В рамках ее реализации можно выделить следующие задачи:

- образовательные: углубить знания учащихся об этнической и политической истории Ставрополя и Ставропольского края, изучить особенности традиционной культуры проживающих здесь народов;
- воспитательные: сформировать у юнармейцев чувство гордости за свою малую Родину, почтительное отношение к предкам и уважение к культуре разных этносов многонационального Ставрополя;

- развивающие: привить учащимся умение проявлять ответственность за судьбу города и края, обосновывать свою позицию по актуальным вопросам развития региона.

Программа рассчитана на 4 часа для юношей и девушек 14–17 лет (8–11 классы). Это юнармейцы из 38 учебных заведений города Ставрополя, еженедельно (группы переменного состава), посменно несущие службу на Посту № 1 Мемориала «Вечная слава».

При отборе содержания программы основное внимание было уделено работе со следующими документальными фондами Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве:

- Фонд № 39 «История г. Ставрополя»;
- Фонд № 69 «Из истории Ставропольской губернии»;
- Фонд № 48 «Первая Мировая война и участие в ней ставропольцев»;
- Фонд № 78 «Римма Михайловна Иванова (1894–1915) – сестра милосердия 83-го Самурского и 105-го Оренбургского пехотных полков»;
- Фонд № 480 «Коллекция карт, схем, чертежей, планов Ставрополя, Кавказа, России и других регионов (1787–2000 гг.)».

Важно отметить, что, кроме документальных фондов, в процессе реализации программы активно используется такой образовательный ресурс, как музейная экспозиция зала этнографии (применяется метод экскурсионного показа объектов). В соответствии с учебно-тематическим планом программы, предлагаются для изучения 4 темы:

- «На новых рубежах»;
- «Город в степи»;
- «Народы Ставрополья»;
- «Ставропольцы – участники Первой Мировой войны».

Формы проведения занятий: лекции с презентациями, выполненными в программе Microsoft PowerPoint, и экскурсия по залу этнографии Ставропольского государственного музея-заповедника.

Тема № 1 «На новых рубежах» предполагает рассмотрение следующих вопросов:

- русско-турецкая война 1768–1774 гг. и ее итоги;
- строительство Азово-Моздокской оборонительной линии и особенности военного и мирного освоения пограничных территорий;
- основные административные преобразования на территории степного Предкавказья в XVIII – начале XX вв. и их влияние на жизнь региона: Кавказское наместничество, Кавказская губерния, Кавказская область, Ставропольская губерния.

Для наиболее полного раскрытия содержания данной темы активно используются хранящиеся в электронном виде музейные ресурсы:

- ордер господину генерал-майору, Астраханскому губернатору Якоби о наименовании селений, учреждаемых от Моздока к Азову(2);
- копия именного указа, данного Сенату, «О составлении Кавказского наместничества из двух областей: Кавказской и Астраханской»(3);
- карта первых казачьих поселений на Северном Кавказе в XVI–XVII вв.(4);
- карта Моздокской линии с обозначением на ней крепостей, редутов и форпостов до 1917 гг.(5);
- карта Ставрополя с обозначением отдельных селений с 1786 по 1832 г.(6);
- копия статистической карты Ставропольской губернии, составленной И. Бентковским по сведениям 1874 г.(7).

Тема № 2 «Город в степи» знакомит юнармейцев с историей основания Ставрополя солдатами Владимирского драгунского полка и казаками Хоперского полка, рассказывается о месте Ставропольской крепости в системе Азово-Моздокской линии, возникновении новых поселений вокруг крепости, формировании гражданской администрации города в 1786 г., буме каменного строительства в начале XIX в. Также прослеживается развитие Ставрополя как центра культурной, политической, экономической жизни губернии (с 1847 г.) в XIX – начале XX вв.

Для показа в электронном виде по этой теме предлагаются:

- план Ставропольской крепости на 1778–1809 гг.(8);
- подлинники и копии фотографий с видами дореволюционного Ставрополя (Дом губернатора, присутственные помещения, городская управа, Дума, здания интендантства и вещевого магазина, Духовная семинария, Кафедральный и Троицкий соборы, Андреевская, Даниловская церкви, Александровская площадь, мужская классическая гимназия, Александровская женская гимназия, ярмарочная площадь, торговые ряды нижнего базара, Николаевский проспект, Театральная, Воронцовская и Госпитальная улицы) (9).

Содержание темы № 3 «Народы Ставрополя» раскрывается посредством экскурсии по залу этнографии Ставропольского государственного музея-заповедника. Рассказывается о месте кочевых народов Ставропольской губернии (ногайцев, туркмен, калмыков) в этнокультурной палитре региона. Рассматриваются причины переселения, специфика образа жизни и хозяйственные практики армян, греков, немцев, русских, украинцев и других народов, проживающих на территории современного Ставропольского края. В

ходе экскурсии находит свое отражение и вопрос о религиозных традициях на Ставрополье.

Предлагаемые для показа по данной теме объекты:

- реконструкции жилищ (юрта кочевника, горская сакля, крестьянская хата);
- образцы холодного и огнестрельного оружия, распространенные на Кавказе в конце XVI – начале XX вв. (кинжалы, шашки, кремниевые ружья и пистолеты);
- одежда, обувь, ювелирные украшения, музыкальные инструменты, орудия труда, мебель, кухонная утварь кочевников и оседлого населения Ставрополья.

Тема № 4 «Ставропольцы – участники Первой Мировой войны» предполагает рассмотрение следующих вопросов:

- причины Первой Мировой войны и основные противоборствующие стороны (Тройственный союз и Антанта);
- мобилизация населения и основные воинские формирования на Ставрополье;
- ставропольцы – полные Георгиевские кавалеры периода Первой Мировой войны;
- женщины Ставрополья – участницы Первой Мировой войны.

Для показа в электронном виде по этой теме предлагаются:

- телеграммы газеты «Пятигорское эхо» об Австро-Сербской войне (10);
- телеграммы газеты «Кавказский край» об общеевропейской войне (11);
- сатирические открытки периода Первой мировой войны (12);
- фотографии из истории 83-го Самурского пехотного полка (13);
- фотография. Пленные на улицах Ставрополья (14);
- фотография Риммы Михайловны Ивановой – сестры милосердия 83-го Самурского и 105-го Оренбургского пехотных полков (15).

Итак, значимым ресурсом в военно-патриотическом воспитании участников Ставропольского детского объединения «Юнармеец» является развитие знаний подростков по региональной истории, уникальные документальные свидетельства по истории города и Ставропольского края, с которыми знакомятся слушатели, несут в себе огромный воспитательный потенциал.

Музей обладает, с одной стороны, аутентичными материалами, с другой – предлагает методическую разработку – образовательную программу «Страницы истории Ставрополья», использующую экспозиционные и фондовые материалы, научные разработки по краеведению.

Использованная литература и источники

1. Коржавкина Л., Плетнева Л. Как «подружить» музей и школу?// Музей, № 6, 2012. С. 52-55.
2. СГМЗ, д.ф. 39.
3. СГМЗ, д.ф. 39.
4. СГМЗ, д.ф. 480.
5. СГМЗ, д.ф. 480.
6. СГМЗ, д.ф. 480.
7. СГМЗ, д.ф. 69.
8. СГМЗ, д.ф. 480.
9. СГМЗ, д.ф. 39.
10. СГМЗ, д.ф. 48.
11. СГМЗ, д.ф. 48.
12. СГМЗ, д.ф. 48.
13. СГМЗ, д.ф. 48.
14. СГМЗ, д.ф. 48.
15. СГМЗ, д.ф. 78.

Дёшина Анна,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет,
студентка

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ МЕДИА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ

Новые СМИ или новые медиа (англ. New media) – термин, который в конце XX века стали применять для интерактивных электронных изданий и новых форм коммуникации производителей контента с потребителями для обозначения отличий от традиционных медиа, таких, как газеты, то есть этим термином обозначают процесс развития цифровых, сетевых технологий и коммуникаций [6].

В одном из распространенных употреблений media – это совокупность разнообразных носителей информации, посредством которых передается, а также создается разнообразная информация: книга, печатное издание, радиотрансляция, телепередача, компьютерная игра, блог, социальная сеть, Интернет в целом и т. п.

Исходные «media» часто подразумевают широкое дискуссионное пространство: все СМИ, включая блогосферу и социальные сети. Соответственно, «new media» шире понятия «новые СМИ».

Термин «новые медиа» подразумевает нечто цифровое и интерактивное [9].

Стремительное распространение новых медиа и Интернета кардинально изменило многие стороны жизни современного общества.

Усиливающийся тандем культуры и Интернета, появление новых социальных феноменов и социальных акторов заставляет рассматривать новые медиа как важнейший фактор социального развития. Без понимания их функционирования невозможно осмыслить специфические черты и особенности бытия современного человека, социальности как таковой.

Развитие новых коммуникационных технологий, в частности, Интернета, кардинально меняет все традиционные представления об обществе и общественных связях [7].

Появившись как средства для передачи информации, коммуникации, медиа все активнее присваивают себе функцию создания культурной среды человека, «сотворения мира», формируют медиакультуру и медиареальность [2].

Медиакультура – это совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в ходе культурно-исторического

развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности.

Все виды медиа (аудиальные, печатные, визуальные, аудиовизуальные) включают в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия; медиакультура может выступать и системой уровней развития личности, способной «читать», анализировать и оценивать медиатекст, заниматься медиаторчеством, усваивать новые знания посредством медиа и т. д.

Медиареальность представляет собой искусственно созданный культурный мир, результат столкновения реализуемых в СМИ культурных проектов, продукт глобального коллективного творчества [13].

Феномен медиареальности является сегодня предметом изучения культурологии, психологии, педагогики, теории коммуникации, социологии и других наук.

Возможности виртуальной реальности стали способом освоения социокультурного пространства. Сегодня существуют виртуальные картинные галереи, выставки, музеи, библиотеки и т. д. Общение с электронным гидом на виртуальной экскурсии стало вполне обычным занятием. Достоверность объектов виртуальной реальности достигается путем симуляционных возможностей, значительно расширяющихся одновременно с совершенствованием технологии медиа.

Медиареальность, выступающая как продукт и результат функционирования медиакультуры, как новый тип социокультурного пространства, определяется характером взаимодействия медиасреды и человека.

В процессе освоения медийной реальности все более важное значение имеет аудитория – зрители, читатели, пользователи.

Так, большинство музеев используют новые медиа для осуществления наилучшего взаимодействия со своими потенциальными посетителями.

Сайт «Музеи России» [3] не только предоставляет своим пользователям тематическую информацию, но и предлагает им интерактивное взаимодействие в разделах «Форум» (ответы профессионалов, обсуждение событий, пожелания авторам портала, мнения по актуальным темам и др.) и «Беседка/чат» (общение пользователей сайта), дает возможность направить электронное письмо в редакцию, подписаться на электронный журнал.

Сайт музея-заповедника «Кижы» [4] предлагает ознакомиться с электронной библиотекой, а в разделе «Виртуальный музей» презентует услуги музейного магазина, предоставляет возможность совершить виртуальные путешествия с визуальным, текстовым и звуковым сопровождением (интерактивные экскурсии и игры), ознакомиться с галереей фото и видео.

Сайт Мультимедиа Арт Музея, Москва «МАММ» [5] предоставляет пользователям интерактивную опцию «Гид по музею», публикует фотографии выставок и электронные версии изданий по искусству, а также предлагает пользователям присоединиться к своим сообществам в социальных сетях Вконтакте, Facebook, Twitter.

В настоящее время Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (СГМЗ) использует различные медиасредства: собственный сайт [11] и сообщества в социальных сетях Facebook и Вконтакте [8], где размещаются фото-, аудио- и видеоматериалы, а также реализуется возможность комментировать контент. В этом контексте СГМЗ, как и вышеупомянутые музеи, осуществляет одно из направлений социально-культурной деятельности.

С помощью новых медиа можно существенно улучшить качество деятельности музея. В данном случае новые медиа – совокупность новых форматов работы организации по привлечению аудитории с использованием наиболее актуальных и востребованных инструментов визуализации информации, донесения ее до аудитории и вовлечения аудитории в создание контента и в планирование деятельности. С этим связано такое направление, как краудсорсинг.

Краудсорсинг – это целенаправленная проработка поставленных вопросов с широким кругом пользователей. Краудсорсинг может принимать весьма разные формы. Он может включать возможность организации совместной деятельности (например, совместное обсуждение какого-либо вопроса или события), тематические проекты по сбору информации по определенным темам, обмен мнениями, голосование за один из предложенных вариантов и снабжение своего выбора комментарием (отображение результатов голосования в виде инфографики) [9].

В связи с массовым использованием новых медиа широкое распространение получила социальная аналитика новых медиа (аналитика социальных медиа).

Социальная аналитика новых медиа – это аналитика, которая поможет пользователям, в особенности организациям и их проектам, понять, как посетители взаимодействуют с их контентом. Решение по анализу поможет понять, какие публикации успешно распределяются по сети и какие пользователи наиболее влиятельны в сети [10].

Аналитика производится специальными сервисами и специалистами. Этот подход позволит оставаться на связи с целевой аудиторией, быстро организовывать целевое продвижение своих услуг и продуктов деятельности, формировать и поддерживать положительный имидж [1].

Таким образом, социально-культурная деятельность – это управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре. Такое определение подразумевает наличие социальных субъектов (в первую очередь, это социальные институты культуры), специально создаваемых обществом для осуществления именно этой целенаправленной деятельности [12].

Новые медиа могут найти широкое применение в деятельности некоммерческих организаций (в частности, музея), различных общественных проектах за счет активного привлечения широкой аудитории к участию в онлайн-обсуждениях, создания масштабной дискуссионной платформы с использованием форумных форматов и социальных сетей.

Несмотря на то, что Ставропольский государственный музей-заповедник использует современные медиасредства, в том числе – сообщества в социальных сетях, где можно осуществлять обсуждения, размещать фотографии, аудиозаписи, видеозаписи и оставлять комментарии, нельзя с полной уверенностью сказать, что он использует весь потенциал новых медиа. Существенно улучшить качество социально-культурной деятельности музея смогут:

- применение новых технологий мультимедиа и новых медиа (по примеру упомянутых музеев, для повышения интерактивности);
- краудсорсинг (для развития коммуникаций с потенциальными посетителями);
- аналитика социальных медиа (для оценки взаимодействия пользователей с контентом, продвижения услуг).

Использованная литература и источники

1. Аналитика в социальных медиа становится ключевым инструментом маркетологов [Электронный ресурс] // CNews Издание о высоких технологиях: [сайт]. [2011]. URL: <http://www.cnews.ru/reviews/free/BI2010/articles/articles8.shtml> (дата обращения: 18.11.2012).
2. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 31.
3. Музеи России: [сайт]. [2012]. URL: <http://www.museum.ru> (дата обращения: 21.11.2012).
4. Музей-заповедник «Кижы»: [сайт]. [2012]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/> (дата обращения: 21.11.2012).
5. Мультимедиа Арт Музей, Москва «МАММ» : [сайт]. [2012]. URL: <http://www.mamm-mdf.ru> (дата обращения: 21.11.2012).
6. Новые медиа [Электронный ресурс] // Википедия Свободная энциклопедия: [сайт]. [2012]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0 (дата обращения: 13.11.2012).
7. Носков, И. А. Магистерская программа «Социальная аналитика новых медиа». – Самара: «Самарский государственный университет», 2012.

8. Открытая группа *** Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе *** [Электронный ресурс] // Вконтакте : [сайт]. [2012]. URL: <http://vk.com/stavmuseum> (дата обращения: 18.11.2012).
9. Сакоян, А. Новые медиа [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ [сайт]. [2011]. URL: http://polit.ru/article/2011/08/05/new_media/ (дата обращения: 14.11.2012).
10. Социальная аналитика Twitter [Электронный ресурс] // DENIVIP Media: [сайт]. [2011]. URL: <http://blog.denivip.ru/index.php/2010/10/%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-twitter/> (дата обращения: 16.11.2012).
11. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Пправе [сайт]. [2012]. URL: <http://stavmuseum.ru> 2012 (дата обращения: 19.11.2012).
12. Туев, В. В. Социально-культурная деятельность как понятие (включение в дискуссию) // Ученые записки / Под науч. ред. Т.Г. Киселевой, В.И. Андрей Арсентьев Черниченко, Н.Н. Ярошенко. – М.: МГУКИ, 2001. – Вып. 23. – С. 39.
13. Челышева, И. В. Культурологический подход к проблеме медиареальности и медиакультуры. – Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова, 2009-2013. – С. 3-4.

Коновалова С. В.,
с. Арзгир,
МБОУ СОШ № 3,
учитель истории и обществознания

**ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАЩИХСЯ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ И
ПОДДЕРЖКИ ТАЛАНТЛИВЫХ ДЕТЕЙ**

*Из опыта работы учителя истории и обществознания Коноваловой Сарры
Васильевны*

*В каждом человеке – солнце.
Только дай ему светить.
Сократ*

Актуальность проблемы

На сегодняшний день образование рассматривается в стратегической перспективе как важнейший фактор и ресурс развития общества и государства, поэтому работа с одаренными детьми является одним из приоритетных направлений педагогической деятельности.

Задачи работы с одаренными детьми:

- ◎ Обеспечить возможности творческой самореализации личности в различных видах деятельности
- ◎ Создание системы внеурочной работы, дополнительного образования учащихся.
- ◎ Развитие массовых, групповых и индивидуальных форм внеурочной деятельности.
- ◎ Организация системы исследовательской работы учащихся.

Одаренность – это системное, развивающееся в течение жизни качество психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких (необычных, незаурядных) результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми.

Одаренный ребенок – это ребенок, который выделяется яркими и очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки таких достижений) в том или ином виде деятельности.

Принципы работы с одаренными детьми

- Ориентация на соревновательность, актуализация лидерских возможностей учащихся
- Ориентация на потребности ребенка. Максимальное расширение круга интересов

- Доминирование развивающих возможностей над информационной насыщенностью
- Усложнение содержания учебной деятельности

ЭТАПЫ РАБОТЫ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ

Подготовительный этап. 1–4 классы

Учитывая психолого-педагогические особенности данного возраста, я постепенно вовлекаю детей в активные формы исследовательской деятельности. Они посещают на дому ветеранов, составляют вопросы, учатся слушать и записывать.

- ⊙ Формирование навыков эффективной организации труда.
- ⊙ Вовлечение в активные формы познавательной деятельности.
- ⊙ Формирование познавательного интереса.
- ⊙ Выявление способных учащихся.

Творческий этап. 5–7 классы.

На этом этапе усложняю задачи исследовательской деятельности, здесь происходит:

- ⊙ Совершенствование навыков научной организации труда.
- ⊙ Формирование познавательного интереса.
- ⊙ Творческое развитие учащихся.
- ⊙ Индивидуальная работа со способными школьниками.

Развивающий этап. 8–9 классы

В этом возрасте происходит дальнейшее:

- ⊙ Совершенствование навыков научной организации труда.
- ⊙ Развитие и расширение познавательных интересов учащихся.
- ⊙ Формирование исследовательских навыков.
- ⊙ Развитие информационной культуры учащихся.

Исследовательский этап. 10–11 классы

Это завершающий этап работы, который показывает, что на этом этапе происходит дальнейшее:

- ⊙ Совершенствование исследовательских навыков.
- ⊙ Совершенствование информационной культуры учащихся.
- ⊙ Учащиеся научились самостоятельно применять знания, умения и навыки.

Ожидаемые результаты:

- ⊙ Формирование системы работы с одаренными учащимися.
- ⊙ Творческая самореализация выпускника школы.
- ⊙ Обеспечение преемственности в работе начальной, средней и старшей школы.

ФОРМЫ РАБОТЫ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ

✓ Как учитель-предметник:

1. Решение нестандартных задач на уроках и во внеурочное время;
2. Индивидуальная и дифференцированная работа;
3. Деловая игра, «мозговой штурм»;
4. Участие в школьных, окружных, всероссийских олимпиадах.

✓ Как руководитель музея:

- организация посещений на дому ветеранов войны и труда;
- запись воспоминаний;
- проведение внеклассных мероприятий;
- экскурсии;
- написание исследовательских работ.

Моя задача как педагога состоит в том, чтобы создать условия, при которых любой ребенок мог бы продвигаться по пути к собственному совершенству, умел мыслить самостоятельно, нестандартно.

Исследовательская деятельность является одним из способов выявления одаренных, талантливых детей. Исследовательская деятельность – это творческий процесс совместной деятельности субъектов (ученика и учителя) по поиску решения неизвестного, в ходе которого происходит трансляция культурных ценностей и формируется научное мировоззрение. Усилия по организации исследовательской деятельности должны быть направлены не на абстрактную подготовку ученика к взрослой жизни, а на формирование научного мышления, на искреннюю заинтересованность к самостоятельному познанию окружающей действительности.

Модель обучения исследовательской деятельности, которую применяю в своей педагогической практике, включает следующие элементы:

1. постановка проблемы;
2. создание мотива к обучению;
3. определение учебной задачи:
 - анализ имеющихся знаний;
 - совместное планирование;
 - выбор технологии;
 - подготовка раздаточного материала;
4. усвоение знаний;
5. подготовка проектов решения;
6. социализация – предъявление результатов работы коллективу;
7. совместный анализ;
8. рефлексия – эмоциональное осмысление своей деятельности.

В своей педагогической практике использую активные методы обучения. Приоритетное значение для меня имеет применение проблемного подхода в преподавании истории и обществознания. Создание на уроках проблемной ситуации помогает ребятам четко видеть цель своего исследования и осознано воспринимать изучаемый материал.

Проблемные ситуации на уроках способствуют вовлечению личности ребенка в мыслительный процесс, создают положительную мотивацию к изучению истории. Большое значение для меня имеет применение личностно-ориентированного подхода в преподавании истории и обществознания. Особое внимание в своей педагогической деятельности уделяю работе с одаренными детьми. Для этой категории учащихся составляю планы работы, в которые включается подготовка к школьным олимпиадам, работа над рефератами, разработка совместных творческих проектов, обучение навыкам научной работы в фондах краеведческого музея и в архивах местного музея. Есть определенные успехи нашей совместной творческой деятельности. Учащиеся показывают стабильно высокие результаты на школьных и внешкольных мероприятиях.

Перспективной формой внедрения в процесс обучения идей педагогики сотрудничества стала работа нашего школьного музея «Истоки», руководителем которого являюсь с 1995 года. Практическим воплощением этих идей стала для меня реализация творческих проектов учащихся. Большое значение в достижении высоких результатов имеет участие одаренных учащихся в работе школьного музея. Там они приобретают первые навыки научной работы, делового сотрудничества, опыт публичных выступлений.

Программа музея охватывает несколько направлений, одним из которых является организация исследовательской деятельности. В рамках школьного музея используются разнообразные формы работы. В арсенале музея можно выделить до ста различных форм, среди которых отмечают 10 базовых:

- ◎ Лекция, экскурсия;
- ◎ Консультация, научные чтения;
- ◎ Кружки, студии, клубы;
- ◎ Литературные вечера, киносеансы, концерты;
- ◎ встречи с интересными людьми, праздники;
- ◎ исторические игры, конкурсы и викторины.

Я рассматриваю исследовательскую деятельность учащихся как способ выявления и поддержки талантливых детей, а высокие результаты участия детей в слете туристско-краеведческого движения показателем талантливости и одаренности. И здесь тоже есть определенные успехи нашей совместной творческой деятельности. В моей педагогической деятельности организация

исследовательской работы по теме «Великая Отечественная война» стала приоритетной. Были собраны материалы о защитниках Сталинграда, битве за Кавказ, штурме Берлина, которые легли в основу «Летописи Великой Отечественной войны» музея «Истоки» МБОУ СОШ № 3. Постоянно работаю над повышением педагогического и образовательного уровня. В 2008 году прошла курсы повышения квалификации на базе СКИПКРО г. Ставрополя. С обобщением своего опыта работы регулярно выступаю на заседаниях МО учителей истории. Были подготовлены доклады и сообщения по следующим проблемам: «Метод проблемного обучения в преподавании истории и обществознания», «Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках истории», «Музейная педагогика как одна из форм современной образовательной технологии».

Наши планы на будущее. 2012–2013 учебный год будет значимым в истории МБОУ СОШ № 3.

Школе исполнится 85 лет со дня ее основания, а 20-летний юбилей отметит новая красавица школа. Эти даты всколыхнут и «разбудят» новые таланты.

Будем помнить, что мы, взрослые, должны быть для ребенка и плодородной почвой, и живительной влагой, и теплым солнышком, согревающим цветок детской души. Именно тогда раскроются уникальные способности, данные каждому от рождения.

Руднев В. В.,
г. Москва,
Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ЛОКАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ**

Избыточный антропогенный прессинг общества на природу, предопределяемый возросшими потребностями общества и новыми технологическими возможностями, создал угрозу существованию человечества и актуализировал проблему поиска пути устойчивого развития общества. Сегодня отмечается снижение биоразнообразия, нарушение биогеохимических циклов, истощение природных ресурсов во всем мире.

Эти изменения происходят на фоне сохраняющейся глобальной зависимости общества от природы. Несмотря на очевидные успехи в создании техносферы и новых технологий (обеспечивающих удовлетворение многообразных потребностей человека), зависимость общества от природы и природных ресурсов не снижается, а растет и усложняется. Этот факт стимулировал разработку концепции устойчивого развития общества, поддержанной на конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году (Рио-де-Жанейро, Бразилия).

Основная цель инициативы мирового сообщества: добиться успешного функционирования системы «природа – общество» в интересах нынешнего и будущих поколений, т. е. чтобы общество в настоящем удовлетворяло свои потребности, не подрывая возможностей удовлетворения потребностей последующих поколений в будущем. Сложность задачи, ориентированной на решение проблемы, имеющей множество аспектов, определила область поиска решения, которая включает как сферу технологическую, так и гуманитарную.

Высокие технологии обеспечили человечеству значительные успехи в области эксплуатации природы, но они же и привели общество к опасной черте, за которой деградация природы приобретает необратимый характер. Высокие технологии, впрочем, не решили основную проблему: человечество по-прежнему зависит от природы, и не автономно.

Сегодня выбор вариантов решения проблемы (перехода общества на модель устойчивого развития) сводится к созданию технологий, способных нейтрализовать негативное воздействие технологий, эксплуатирующих

природу. Между тем, создание технологий «дружественных природе», «щадящих природу», весьма ограничено, как в силу их малой эффективности, так и неготовности общества принять ограничения, ограничить себя в эксплуатации природы ради будущих поколений.

Интересные тенденции наблюдаются в области эксплуатации возобновляемых ресурсов. Сегодня «зеленые технологии» в области эксплуатации почв (которые находятся в угрожающем состоянии) привели как к появлению технологий новых, так и использованию технологий традиционных (доиндустриального периода, когда щадящий режим эксплуатации был вынужденной мерой), а также привел к пониманию того, что «нужно изменить человека, чтобы изменить мир». Этические аспекты приобретают в этой связи особое звучание. Отсутствие возможности ввести ограничения иным образом делает проблему этического отношения к природе особенно значимой и актуальной.

В традиционной культуре (доиндустриальной) близость земледельцев, охотников, рыбаков к природе обеспечивала не только уникальные знания о мире, но и определяла этику поведения в лесу, в поле (нельзя плевать на землю и т. п.). Не абсолютизируя значение этического компонента в гармонизации отношений в системе «человек – природа – общество», следует отметить, что в новых условиях этот фактор является одним из действенных условий, способных снизить угрозу.

В 2005 г. Российская Федерация присоединилась к Стратегии Европейской Экономической Комиссии ООН для образования в интересах устойчивого развития. Стратегия предусматривает формирование новых стереотипов поведения, основанных на принципах экологической культуры (ориентированных на устойчивое развитие общества), на базе развития экологического образования населения страны. В 2006 г. под руководством академика Н. С. Касимова были разработаны проекты Национальной стратегии образования в интересах устойчивого развития и Плана действий по формированию и развитию образования для устойчивого развития в Российской Федерации. Актуальность этих разработок, предусматривающих включение экологического образования в число обязательных учебных предметов образовательных учреждений Российской Федерации, неоднократно отмечалась обществом. Сегодня формирование экологической компетентности у выпускников учебных заведений Российской Федерации – животрепещущий вопрос.

Реализация экологических проектов на локальном уровне – важный путь достижения поставленной цели. В Ставропольском крае таким примером может служить Павлова дача, расположенная в черте города Ставрополя.

Учащиеся местного лица активно участвуют в работах на территории дачи, что способствует, в частности, формированию экологической культуры в их среде. Другой пример. Ставропольские студенты заботятся об экологическом состоянии урочища Корята (1).

Актуальность такой работы определяется как глобальным значением проблем экологии для общества, так и локальными особенностями. Например, в Ставропольском крае развивается процесс опустынивания. Этот процесс сопровождается эрозией почв, деградацией растительного покрова. Грамотная работа по организации территориальных ландшафтов (включая развитие сети особо охраняемых природных территорий) – локальная задача, успешное решение которой возможно лишь на основе широкой поддержки со стороны экологически компетентного населения.

Сегодня решения, создающие предпосылки для гармонизации отношений в системе «человек – природа – общество», сопряжены с кардинальным изменением представлений общества о приоритетах и связаны, в частности, с разработкой (и широким использованием) технологий, «дружественных» природе. Луцио Сенеки принадлежат слова: «Победить природу можно, только повинувшись ей». Сегодня эти слова актуальны. История последних десятилетий связана с активным стремлением общества трансформировать природу, преобразовать ее в соответствии с представлениями человека индустриального общества о полезности, целесообразности и комфорте, мало заботясь о последствиях этих шагов для природы и общества (в контексте долгосрочной перспективы).

Николай Бердяев одним из первых отметил, что индустриальный мир изменяет человека: «Власть техники несет с собой ослабление душевности в человеческой жизни» (2). Именно в индустриальную эпоху начался активный процесс отстранения человека индустриального общества от мира природы (сопровождающийся снижением внимания к значению единства человека и природы, зависимости человека от природы). В это же время произошел невиданный прежде рост возможностей индустриального общества по изменению окружающего мира. В этот период получила развитие тенденция силового решения вопросов природопользования.

Сегодня, когда экологические вопросы приобрели глобальный характер и угрожают существованию общества, проблема нормализации/гармонизации отношений в системе «человек – общество – природа» архиактуальна. Современное общество имеет мало шансов на благополучное будущее если не решит экологические проблемы. Культурно-этическая составляющая имеет особое значение в этой ситуации.

Ромен Роллан как-то заметил: «Мой дом – это вся вселенная, и я чувствую себя ответственным за нужду и преступления всего мира». В 21-м веке ответственность каждого за происходящее в системе «человек–общество–природа» – требование времени. Культурное достояние народов доиндустриального общества в сфере природопользования имеет в этом контексте определенную ценность.

В культуре народов доиндустриального периода не только представлены оригинальные технологии, эффективно адаптировавшие хозяйственную деятельность к локальным природно-климатическим особенностям, но и закреплены представления о глобальной зависимости человека от природы, о его органичной и сложной включенности в мир природы. Это обеспечивало народам доиндустриального общества возможность вести из поколения в поколение успешную жизнеобеспечивающую деятельность и минимизировать последствия вмешательства в природу.

Технологии индустриального периода активно способствовали снижению непосредственной зависимости человека от природы (на уровне повседневной жизни горожан) и изменению представлений человека о такой зависимости, но не отменили факт зависимости общества от природы. Это нашло проявление в техногенных экологических катастрофах 20 века. Возрождение ощущения причастности человека к природе, чувства зависимости человека от природы – неотложная необходимость общества 21 века. В этом контексте обращение к культурному опыту прошлого (в области этики природопользования), как и использование технологий обеспечивающих щадящий режим природопользования, – перспективный ресурс для решения актуальной проблемы перехода общества на путь устойчивого развития.

Использованная литература и источники

1. Гайдено А.В., Данилевич В.Г. Историческая справка об урочище Корята в эколого-эстетическом аспекте. // Четвертые Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции. Ставрополь 2008. С. 203-207.
2. Бердяев Н. Духовное состояние современного мира: доклад, прочитанный в мае 1931 г. на съезде лидеров Мировой Христианской Федерации// Новый мир., 1990., № 1., С. 219.

Теплякова Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
научный сотрудник

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В КУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ

Культурно-образовательная сфера в музее на протяжении истории развития музейного дела оставалась наиболее подвижной. Именно в русле культурной и образовательной деятельности музей непосредственно взаимодействует с посетителями, реагируя на социальные перемены своего времени. В XXI веке возникли новые веяния, которые потребовали изменения работы с музейной аудиторией на основе комплексного изменения музейно-педагогических методик, музейных ресурсов, форм культурно-образовательной деятельности. Такое положение продиктовано не столько внутримузеейной жизнью, сколько социальной действительностью, а именно: принятием *новой концепции образования* (личностно-ориентированное образование направленно на поиск средств и методик, соответствующих индивидуальным запросам каждого человека, создающих оптимальные условия для его самореализации) и *новой аудиторией* (для современного посетителя важна атмосфера музея: он желает видеть ухоженное пространство, приспособленное для пребывания в нем) (1, С. 417).

Кроме того, с помощью новейших технологий и технических новинок современные люди могут свободно получить доступ к информации, которая раньше была доступна только в учреждениях культуры. Сегодня на экскурсии в музей приходят люди, отличающиеся от тех, кто посещал музей еще 10 – 15 лет назад. Например, современных детей с рождения окружают сверхинтеллектуальные игрушки, компьютерные игры, свободный доступ к всемирной сети Интернет, где без труда можно почерпнуть информацию о любом предмете, на который раньше можно было посмотреть только в музее.

Музей вынужден соперничать с продуктами индустрии развлечений. Он должен предложить уникальный продукт, чтобы составить достойную конкуренцию, сотрудники должны предложить занимательную программу, интересную посетителям. Такими программами и стали интерактивные игры, которые являются важной частью современной музейной культурно-образовательной деятельности.

Интерактивность (от англ. interaction – «взаимодействие») – понятие, раскрывающее характер и степень взаимодействия между объектами. Термин используется в основном в информационной и гуманитарной сферах. Интересно, что в настоящее время среди специалистов перечисленных областей отсутствует конкретное устоявшееся определение значения этого термина. Элементами интерактивности становятся все элементы взаимодействующей системы, при помощи которых происходит взаимодействие с другой системой/человеком (пользователем) (5).

Итак, интерактивность в музее предполагает не одностороннюю передачу знаний от экскурсовода к посетителю, а их активное взаимодействие, в том числе с привлечением музейных средств и музейных предметов. Правильно соотнеся экспонат и выбранный способ интерактива можно широко интерпретировать музейный предмет и реализовывать различные музейные задачи.

В наше время новые данные психологической науки дают веское основание перестраивать музейную работу, так как наглядность не исчерпывает сути музейного воздействия. Появляются формы работы с музейной аудиторией, как правило, детской, требующие проявления самостоятельности, активности и творческого закрепления полученных знаний. К примеру, экскурсию можно завершить в мастерских, можно предложить посетителю листки активности, или творческие тетради, провести игру с переодеванием, основанную на исторических реалиях (1, С. 425). Не следует забывать, что интерактивные методики интересны и взрослому населению.

Естественно, для музейного сообщества процесс смены приоритетов является достаточно болезненным, поскольку раньше в центре внимания находились вопросы сохранения и показа экспонатов, сегодня музеям приходится переориентироваться преимущественно на публику.

С 1990-х гг. интерактивные технологии начинают осваиваться российскими музеями. Появляются путеводители, творческие задания, игры, которые заменяют традиционную форму – экскурсию, либо включаются в ее контекст или готовят к ней посетителей; готовятся специальные программы с заданиями для учащихся, которые необходимо выполнить до экскурсии, во время и после, в некоторых музеях аудиогиды могут заменить экскурсовода. Кроме того, стали применять и способы ознакомления с музейным материалом, основанные на осязательных впечатлениях.

Невозможно избежать и определенных трудностей: зачастую интерактивность нередко понимается узко – как возможность взять экспонат в руки, осуществить какое-либо действие во время экскурсии. Термин «экскурсия» подменяется несколько иным – «музейное занятие», где аудитории

по большому счету предлагают экскурсию, то есть словесную интерпретацию экспозиции при пассивном или минимальном участии в этом действе слушателей (1, С. 426). Например, если посетители сидят на лавках в интерьере крестьянской избы, слушая экскурсию, либо слушают экскурсию, которую проводит экскурсовод, переодетый в специальный костюм, принципиально ничего не меняется.

Интерактивность подразумевает право посетителя на проявление свободы и творчества в музейном пространстве. В музее нужно создать среду, где ключевыми понятиями становятся «я сам» – действую, думаю, принимаю решения. Естественно, проектируя такую среду, музейный специалист обязан тщательно продумать, как можно организовать взаимодействие посетителя с воспринимаемым материалом. Музейный педагог сам должен ответить на вопросы: что будет делать посетитель в данном пространстве? В чем участвовать? Какие действия он будет совершать? Каким образом будет проявлять свою сообразительность и другие качества? При этом сам музейщик как бы «уходит в тень», становясь не руководителем-интерпретатором, а всего лишь помощником посетителей – главных действующих лиц (1, С. 426).

Различные интерактивные мероприятия проводятся и в Ставропольском государственном музее-заповеднике: детские интерактивные экскурсии «Сказки из бабушкиного сундучка», «Хозяйка Медной горы», «Малахитовая шкатулка», разработаны квесты по залам музея, игра «Найди клад».

Например, для детей младшего школьного возраста проводится игровая экскурсия «Сказки из бабушкиного сундучка». Если подбирать однокоренные слова к слову «сказка», то раскрывается ее основной смысл: сказка – сказывать – рассказывать. Сказка – это самая древняя из распространенных форм устного народного творчества, рассказ о чем-то увлекательном, интересном. Сказки повествуют о событиях, которые в обычной жизни кажутся невероятными и фантастичными. Казалось бы, они не могут произойти в настоящей жизни. Как считают исследователи, сказки учат человека быть справедливым, добрым, учат достойно противостоять злу, наказывать хитрецов и льстецов. Фантастичность служит более яркому выражению ситуаций, происходящих в реальной жизни. Поэтому, обращаясь к сказкам, можно легко и быстро донести информацию до ребенка.

При проведении детской экскурсии важно обращаться к фольклору. Ребята внимательно слушают рассказ экскурсовода о том, как жили на Северном Кавказе славяне-переселенцы в конце XIX – начале XX в., рассматривают предметы быта, исчезнувшие из современной городской повседневной жизни и встречающиеся в основном лишь в селах и станицах. Вместе с экскурсоводом ребята вспоминают сказки, в которых упоминаются

предметы, которыми пользовались славяне-переселенцы. Например, когда речь идет о жилище славян – хате-мазанке, все вспоминают, в каких домах жили сказочные герои в сказках «Три поросенка», «Теремок», «Лиса и заяц». При упоминании сундука ребята вспоминают сказку «Василиса Прекрасная» или «Морозко». Если упоминается печка, то первое, что называют ребята, – «Гуси-лебеди» и «По щучьему веленью, по моему хотению».

После прослушивания экскурсии дети осматривают зал в поисках потерявшегося «емелиного» ведра, стоящего в комплексе «Деревянные изделия». Когда его найдут, все подходит к экскурсоводу, в руках которого «волшебный сундучок». Из него дети достают загадки, отгадками к которым являются предметы, упомянутые в ходе экскурсии. Ребята в игровой форме закрепляют новые знания.

Затем начинается игра «испорченный телефон». Обычно родители присоединяются к детям, получается дружная семейная игра. Участники по цепочке «передают» названный экскурсоводом предмет, например, «коромысло», «хата», «ухват». Основная задача – «не потерять» услышанное слово, правильно его назвать на другом конце цепочки. После познавательной экскурсии, загадок, игр, дети получают на память картинки-раскраски с сюжетами из русских народных сказок.

Когда ребята приходят ознакомиться с тайнами «Малахитовой шкатулки», их ждет рассказ о драгоценных и полудрагоценных минералах. Каждый из экскурсантов получает возможность подержать в руках камни из шкатулки, поделиться известными ему историями и легендами, связанными с минералами, услышать, что об этом думают окружающие, в том числе «владелец» малахитовой шкатулки.

Отметим, что игра остается ведущей формой познания в жизни ребенка, поэтому интерактивные экскурсии для детской аудитории по возможности разрабатываются именно по игровому принципу. В музейной экспозиции существует масса вариантов игр. Именно в игре дети способны лучше сосредоточиться, больше запомнить, у них пробуждается творческое начало, развивается воображение (3).

Люди старшего возраста с удовольствием отвечают на вопросы разработанного специально для них квеста: преодолевают препятствия во всех залах музея, решают поставленные задачи, постепенно находят обозначенные музейные предметы, доходят, наконец, до заветного «последнего» экспоната.

Итак, исходя из изменившихся современных условий, необходимы перемены в культурно-образовательной деятельности музеев: новые методики, технологии и т. п. Поэтому в последнее время наблюдается тенденция создания музейными сотрудниками проектов, интерактивных мероприятий,

направленных на активное взаимодействие и созидательное творческое сотрудничество посетителя и музея.

Использованная литература и источники

1. Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э. А. Шулепова. – М., 2010.
2. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Отв. ред. А. Щербакова. Сост. Н. Копелянская. – М., 2012.
3. М. А. Образцова. Игра в музейном пространстве. / Справочник руководителя Учреждения Культуры, № 10, октябрь, 2012 г.
4. Ю. Ю. Юмашева. Проблема формирования устойчивого интереса посетителя. / Справочник руководителя Учреждения Культуры, № 10, октябрь, 2012 г.
5. Интерактивность. / Википедия. Свободная энциклопедия. / <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%ED%F2%E5%F0%E0%EA%F2%E8%E2%ED%EE%F1%F2%FC> от 20.11.2012 г.
6. Интерактивные занятия. / Петергоф. Государственный музей-заповедник. / <http://peterhofmuseum.ru/page.php?id=164> от 20.11.2012 г.
7. Интерактивные музейные занятия для детей младшего, среднего и старшего школьного возраста (на экспозиции «Музыкальные инструменты народов мира»). / Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М.И. Глинки. / http://www.glinka.museum/for_visitor/child_activity/index.php?ELEMENT_ID=2547 от 19.11.2012 г.
8. Детский музей. / КГБНУК "Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова". / <http://hkm.ru/detskijj-muzejj> от 19.11.2012 г.
9. Г. А. Зайцева. Особенности российской методологии перспективного планирования деятельности музеев на примере Концепции развития ГМИИ имени А.С. Пушкина. / Справочник руководителя Учреждения Культуры. / <http://www.cultmanager.ru/magazine/archive/84/2009/> от 20.11.2012 г.
10. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. / <http://www.stavmuseum.ru>

Чесняк М. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом научно-просветительной работы,
кандидат педагогических наук

**ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЛЯ ОБНОВЛЕНИЯ РАБОТЫ МУЗЕЯ
С ПОСЕТИТЕЛЯМИ
(К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА)**

Глубинные причины обновления работы музея с посетителями связаны с переходом от индустриального общества к постиндустриальному. Этот процесс оказал влияние на обновление подходов к образованию. Так как одной из основных функций музея является образовательная, то и в работе музея с публикой переход от репродуктивно-адаптивных образовательных технологий к развивающим носит объективный характер.

Так, И. А. Колесникова выделяет два варианта музейно-педагогической деятельности, которые можно соотнести с репродуктивно-адаптивными образовательными технологиями – это технократический (функционально-информационный) вариант и с современными развивающими технологиями – это гуманитарный (диалоговый) вариант работы музея с посетителем (1998). Технократический подход, по мнению И. А. Колесниковой, предполагает момент информационно-просветительский, нормативно-образовательный, хронологический-количественный, то есть работу, построенную по принципу: что? где? когда? кем? (написано, изобретено, открыто, передано в дар, построено, пережито). Посетитель становится в этом случае бессловесным объектом, на который обрушивается поток нормативного знания. Подобная стратегия была исторически оправдана как предъявление широким массам многообразия форм существования культуры. С развитием теле-, видео-, компьютерных коммуникаций музей практически утратил функции информирования населения о раритетах. Гуманитарный, диалоговый стиль поведения в музее имеет некую «технологическую» основу, обеспечивающую целостность первоначального ощущения того, что музей – это иной мир, способный изменять того, кто с ним соприкасается [4].

М. Ю. Юхневич с целью обновления форм работы музея с посетителем, предложены музейные коммуникативные модели «от принуждения к свободе» и «от научения к развлечению» (2001) [9]. Однако и сегодня большая часть музеев и заповедников ориентирована на «высокий штиль» (М. Хрусталева,

2012), академическую манеру достижения просветительских целей. Это, возможно, связано с устойчивыми представлениями о несовместимости исторического наследия и развлекательных форм его освоения как сфер жизнедеятельности, отвечающих разным потребностям человека [7].

В исследовании противоречия между теоретическими моделями и преобладающей практикой реализации просветительской деятельности музеев обратимся к этимологическому исследованию дефиниций, определяющих современные образовательные технологии – «развивающие» – и предлагаемое направление реализации образовательной функции в музее – «развлечение». Интересно, что слова «развитие» и «развлечение» имеют приставку «раз-», что свидетельствует о некоторой связи их значений. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера отмечает, что добавление приставки «раз-» к разным частям речи образует слова со значением: наивысшей степени проявления качества; распределенности, разъединения, увеличения охвата; при добавлении к глаголам образует глаголы со значением усиления интенсивности [5].

Выделение корней исследуемых слов показывает следующее. «Вить» означает изготавливать, скручивая, т. е. спиралеобразно. Основываясь на приоритетности компетентностного подхода в современном образовании, считаем возможным заключить, что развитие знаний – это увеличение их охвата и вывод на качественно новый уровень.

По аналогии выделим корень слова «развлечение» – «влечь», токование которого: тащить, тянуть (Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова); силою уносить или утаскивать (Толковый словарь живого великорусского языка Даля). Таким образом, развлекать – это с особой силой «тащить», «утаскивать» («наивысшая степень проявления качества», «усиление интенсивности») в различные сферы (свойства «распределенности, разъединения, увеличение охвата»).

Таким образом, можно предположить, что развлечение посетителя в музее связано с широким спектром форм и методов работы музея с ним, которые захватывают его и увлекают его в бескрайний мир символов и смыслов объектов природного и культурного наследия.

В качестве основы для развития форм и методов работы музея с посетителем предлагаем вовлекать посетителя в процесс интерпретации музейного предмета, экспозиции.

Интерпретируя наследие на основе научных методов познания, музей реализует свои социальные функции и миссию. Интерпретация источника культурного и природного наследия понимается как поиск оптимальных путей его использования.

Музейная интерпретация присутствует на всех этапах работы специалиста с музейным предметом, от комплектования музейных фондов до экскурсии и публикации. В процессе интерпретации определяется связь предмета с историческим событием, явлением, фактом и фиксируется при помощи специфических музейных форм: научного описания, системы научного каталога, экспозиции, экскурсии т. д.

В рамках статьи рассмотрим вопросы музейной интерпретации, осуществляемой посетителем. В какой мере, в каких условиях и формах проявляется самостоятельность посетителя в интерпретации музейной информации? Эти вопросы определяют проблему как содержательных, так и методических аспектов работы музея с посетителями.

Изначально обратимся к сущности интерпретации, определяемой современной философией. Интерпретация – одна из фундаментальных операций познавательной деятельности субъекта, общенаучный метод с правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания (Л. А. Микешина), а также процесс передачи смысла любым проявлениям духовной деятельности человека, объективированным в знаковой или чувственно-наглядной форме (Философский словарь под ред. И. Т. Фролова) [6].

В. Дильтерей определил первичное дорефлексивное понимание (предпонимание) как основу для философской интерпретации [2].

Агапов О. Д. дает семантический анализ дефиниции «интерпретация»: приставка «inter» («между») показывает, что есть некое пространство пустоты, «место без смысла», которое необходимо заполнить содержанием; «pretation» («быть первым») предполагает познавательную деятельность, активность, направленную на выяснение сущности явлений и процессов природной и социальной действительности и придание окружающему миру смысла. Автор отмечает, что интерпретация – это одновременно и рефлексия, и действие как один из процессов восхождения человека к самому себе, к своей сущности через придание смысла отчужденным от него результатам материальной и духовной деятельности объективированным в знаковой и или чувственно-воспринимаемой форме. Тогда именно интерпретация является целью музейной коммуникации посетителя, предметом которой выступают музейные экспонаты.

Основную схему процедуры интерпретации, предлагаемую И. И. Евлампиевым, может реализовать как музейный специалист, так и музейный посетитель: первоначальное смысловое определение некоторого объекта обогащается или замещается другим смысловым определением, осуществляемым в рамках более богатой системы представлений [3].

Таким образом, музей должен создавать условия для осмысления посетителем музейной информации, от предпонимания событий и явлений, свидетельствами которых выступают музейные предметы, до интерпретации их в новых обогащенных смыслах. Первый шаг – предпонимание – основывается на восприятии органами чувств, которые побуждают рассматривать предмет с разных сторон, второй шаг – интерпретация – подразумевает рождение ассоциаций, создание образов.

Щепеткова И. А. замечает, что современный музей в своей экспозиционной практике все дальше уходит от «музея-коллекции» и все явственнее приближается к «музею-событию» и «музею-со-бытию» (2006) [8].

На современном этапе все большее внимание уделяется активному участию посетителя в событийности музейной среды (экомuzeи, музейные центры, промышленные музеи и пр.).

Процессы, связанные с новой ролью посетителя музея, связаны не только с непосредственно музейными подходами к работе с посетителем.

И в музейной практике используется термин «культурно-образовательная деятельность» (1997) как образование в сфере культуры, способствующее профессиональному, политическому и социальному самоопределению личности в динамических условиях межкультурного взаимодействия, характерного для информационного постиндустриального общества [9].

Большинство современных исследователей форм работы музея с посетителями признают, что развлечения способствуют привлечению новых аудиторий к историческим объектам и коллекциям и достижению просветительских целей. Так, Щепеткова И. А., ссылаясь на работы Boniface P., Graham C. и др., отмечает, что, если посетители получили увлекательное переживание, они могут одновременно воспринять большое количество информации; если же информация предоставлена им в чисто образовательном жанре, они могут не уделить ей внимания. Тем не менее, исследователи отмечают, что любое развлечение должно быть адекватно объекту интерпретации, акцентируя его значение и достоинства, а не снижая или скрывая их [8].

Опыт показывает, что музеи расширяют музейную интерпретацию с помощью аудио- и видеоматериалов, театрализации, дизайна. Новизна, оригинальность интерпретации музейного собрания, создаваемые экспозиции и выставки, культурно-образовательные проекты и музейно-педагогические программы становятся результатом научного изучения культурного наследия. В практике Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве используются приемы интерпретации

посетителями наследия как на уровне восприятия органами чувств, так и на уровне зарождения ассоциаций, создания образов.

Приемы интерпретации наследия, способствующие восприятию музейного предмета посетителями с помощью их органов чувств и побуждающие рассматривать музейные предметы с разных сторон: палеонтологические раскопки («День земли» в рамках образовательной программы «Экологические праздники»); изготовление бус по типу стеклянных (проект «Десант в прошлое» – «Татарское городище»), мастер-класс работы на гончарном круге (выставка «Не боги горшки обжигают»); тематические вокальные и хореографические зарисовки (образовательная программа «Калейдоскоп культур народов Ставрополья»); письмо перьевой ручкой (Музейный урок «Урок математики в советской школе») и др. Эти приемы преимущественно используются при работе с детьми.

По мере взросления и развития интеллектуальных способностей человека, он способен к ассоциативному мышлению, создавая широкую палитру образов, связанных с музейным предметом. Так, для участников музейной ночи создавались условия для погружения в культуры Древнего Египта (2011 г.), купеческого города рубежа XIX – XX вв. (2012 г.) с помощью костюмированных представлений, мини-экскурсий и др.

Наиболее остро встает вопрос поиска эффективных форм работы с посетителем на выставках. Музейные выставки в своем большинстве кратковременны, и именно для этой формы экспонирования актуально развитие форм работы музея с посетителями на основе расширения музейной интерпретации. Так, культурная программа выставки «Герои Отечественной войны 1812 года – герои Кавказа» была ориентирована прежде всего на подростков и молодежь как основную целевую группу.

Условия для интерпретации как предпонимания были использованы как элемент мероприятия, посвященного открытию выставки (военные марши в исполнении духового оркестра; погружение в историю посредством инсценировки), просмотра киноленты (1912г.), посвященной 100-летию победы в Отечественной войне 1812 г., в ходе церемонии награждения победителей конкурса-выставки кроссвордов «Герои Отечественной войны 1812 года – герои Отечества».

Фестиваль художественного творчества детей и молодежи под названием «Когда гремят пушки, музы не молчат», приуроченный к закрытию выставки, был призван создать условия, при которых придавался смысл предметам, явлениям и событиям, отчужденным от современного подростка, молодого человека. Участники фестиваля интерпретировали результаты материальной и духовной деятельности, связанные с событиями 1812 г. и объективированные в

знаковой (музейные предметы и экспозиция) и чувственно-воспринимаемой форме (декламация фрагментов литературных произведений; вокальные и хореографические зарисовки с использованием мультимедийных продуктов и пр.).

Интерпретация посетителями музейного предмета в связи предмета с историческим событием, явлением, фактами осуществлялась в ходе экскурсии.

Интерпретация как поиск оптимальных путей использования музейного экспоната реализована молодыми посетителями в ходе их подготовки к конкурсу-выставке кроссвордов.

Примером интерпретации как познавательной деятельности, активности, направленной на выяснение сущности явлений и процессов социальной действительности периода и придание окружающему миру смысла является научно-практическая конференция «Религиозная и национальная идентичность российского общества в Отечественной войне 1812 года», прошедшая на базе выставки.

Интересен опыт командной игры «Страшись, о рать иноплеменных!». Сценарий игры предполагал две части: мини-экскурсию по выставке и игру, в ходе которой и осуществлялась интерпретация как рефлексия фоновых знаний, полученных до посещения музея, так и знаний краеведческой направленности, полученных в ходе мини-экскурсии. В игровой форме проходила интерпретация экспонируемого музейного предмета с историческим событием, явлением, фактами.

Таким образом, интерпретация посетителем музейной информации состоит в вовлечении его в разноплановую активную познавательную деятельность, от уровня дорефлексивного понимания – до уровня философской интерпретации.

Значение интерпретации для обновления работы музея с посетителями состоит в переходе:

- от «музея-коллекции» к «музею-событию» («музею-со-бытию»);
- от научения как технократического (функционально-информационного) варианта передачи информации – к развлечению как гуманитарного (диалогового) варианта музейной коммуникации;
- от принуждения посетителя к восприятию информации – к свободе интерпретации.

Использованная литература и источники

1. Агапов, О.Д. Интерпретация как фактор становления личности [Текст] / О.Д. Агапов // Вестник Российского философского общества, №4, 2005. – Москва, 2005
2. Дильтей, В. Введение в науки о духе [Текст] / Собр. соч. в 6 т. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.

3. Евлампиев. И.И. Метафизические исследования. [Текст] Выпуск 1. / Понимание. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при Философском факультете – СПб, СПбГУ, 1997.
4. Колесникова, И.А. О феномене музейной педагогики [Текст] // Художественный музей в образовательном процессе. – СПб. : СпецЛит, 1998.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. В 4-х т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стереотип. – М.: Астрель – АСТ, 2007.
6. Философский словарь [Текст] / Под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001.
7. Хрусталева, М. Интерпретация промышленного наследия в свете индустрии развлечений [Электронный ресурс] / М. Хрусталева / Официальный сайт московского общества охраны архитектурного наследия - http://www.maps-moscow.com/index.php?chapter_id=143&data_id=109&do=view_single – дата обращения 4.11.2012.
8. Щепеткова, И. А. Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.03. [Текст] / И. А. Щепеткова – СПб, 2006.
9. Юхневич, М. Ю. Я поведу тебя в музей [Текст] : учебное пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич / Рос. ин-т культурологии. – М., 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
АНКА	– Армянская национально-культурная автономия
АС	– Автоматизированная система
БД	– База данных
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
ГИВЦ	– Государственный информационно-вычислительный центр
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГУП	– Государственное унитарное предприятие
ВЦИК	– Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИФЗ	– Императорский фарфоровый завод
КГО	– Кавказское Горное общество на Кавказских Минеральных
Водах	
ККХМ	– Краснодарский краевой художественный музей
КМВ	– Кавказские Минеральные Воды
НИИ	– Научно-исследовательский институт
ООН	– Организация объединенных наций
ОФ	– Основной фонд
РАН	– Российская академия наук
РПЦ	– Русская православная церковь
САИ	– Свод археологических источников
СГКУНБ	– Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М. Ю. Лермонтова
СГМЗ	– Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве
СГУ	– Ставропольский государственный университет
СКМИИ	– Ставропольский краевой музей изобразительных искусств
СКФУ	– Северо-Кавказский федеральный университет
СНИИСХ хозяйства	– Ставропольский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
СОГУ	– Северо-Осетинский государственный университет
СУБД	– Система управления базами данных
ЮФО	– Южный федеральный округ